



## "Чужой (v2)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

Андрей Круз, Мария Круз

Чужой

1

Свет фонаря осветил все вокруг, и я понял, что ничего не понимаю. Рядом стоял генератор, но не такой маленький, как был у меня, а куда крупнее и мощнее. И сарай был не металлический, это доски. И пол деревянный. И тулупа нет.

Где я теперь?

Где Настя?

Настя здесь, я это просто знаю, чувствую. Я там, где она.

Шагнув вперед, повернул ручку двери, толкнул — она не открылась. Толкнул сильнее — она еле подалась, а в образовавшуюся щель дунуло ветром, и посыпался снег. Класс, опять снег, а тулуп пропал. И много навалено, но вроде бы не плотно. Толкнул сильнее, плечом, еще раз, еще — дверь подавалась, собирая перед собой небольшой сугроб. Все, можно протиснуться.

Пришлось рюкзак снять, но пролез, оказавшись в снегу выше чем по колено.

Холодный ветер дунул в лицо.

— И где это я?

Моего вопроса никто не слышал. Шумел ветер в ветках деревьев, где-то вдалеке каркала ворона. Опять ворона, пропади она совсем. Сейчас бы из дробана... чтобы не каркала, тварь такая. Тогда камушками кидался, а вот теперь...

Ладно, где я на самом деле?

Горы. Тут довольно пологие, за спиной и вдалеке спереди — вполне крутые и высокие. Дом. Деревянный. Чуть ниже по склону, к нему засыпанная снегом лестница ведет. Большой такой дом, добротный, даже красивый, шале настоящее. И мама дорогая — с гаражными воротами и двумя спутниковыми тарелками!

— Засношало ретро! По самые гланды засношало, — сказал я вслух, совершенно искренне, попутно сняв с плеча дробовик. — Да здравствуют тарелки и дома с гаражами! Хочу мобильные телефоны, телевизоры и всякое все.

А еще отсюда не видно мне было ни единого человеческого следа на слежавшемся рыхлом снегу. Следы тут разве птичьи и какого-то небольшого зверька, бегавшего по этому самому снегу петлями. Отсюда, где я стою, виден весь участок — и ни расчищенных дорожек, ни чего другого. И подъездная дорога к участку засыпана. И хоть плохо мне видно сквозь облетевшие деревья, но дорогу, что протянулась по склону ниже, тоже никто не расчищал. Я даже скорее угадал, что там дорога, так и не понять было. За один день так не завалит, так может быть если ее вообще ни разу не чистили. Хоть раз бы прошелся бульдозер — у обочин валы были бы. А тут как в поле диком, все гладко.

Дальше еще дома видны, тоже деревянные. Но так, не слишком близко, метров двести до ближайшего. А остальные и видно с трудом через лес.

Высоко задирая колени и пробиваясь через плотный наст, дошел до лестницы, тоже деревянной и тоже засыпанной, остановился, присмотрелся к дому повнимательней.

Нет, это не Россия. Не могу объяснить откуда такая уверенность, но не Россия. Хоть сейчас забиться готов.

Дом на склоне. Въезд в гараж сзади, он как раз ко мне повернут, фасад мне не виден. От уровня гаража над склоном идет терраса и с другой стороны, кажется, становится балконом второго этажа. Нет, не второго, второй отдельно, а там, похоже, цоколь высокий. Подвал, наверное. А терраса на втором и с этой стороны тоже на втором получается. На нижней, широкой террасе стоит джакузи, большая, накрытая и засыпанная снегом. А нормально в ней, наверное, летом сидеть, оглядывая окрестности. Видно отсюда далеко, кстати.

Окна большие, с виду вроде как даже с одинарным стеклом. Нет, это точно не Россия. И дверь обычная, деревянная, не стальная, как у нас принято. И решеток нет на окнах.

Перед гаражом машина, красная, если по тому, что видно судить, но больше она на сугроб похожа. И даже под этим сугробом можно разглядеть, что машина современная. Из тех, что с печкой. И даже кондиционером.

Так, если нет ни одного следа... Настя здесь была? Я же чувствовал ее еще минуту назад, но следы... Однако в любом случае радуется то, что здесь нет и тех двух уцелевших сотрудников Управления охраны, жаждущих нас убить. И еще Тьмы, Тьмы я не вижу отсюда нигде. Может она и есть, но не здесь, далеко отсюда.

— Ладно, посмотрим, — сказал я сам себе и сделал первый шаг по лестнице.

Чуть не поскользнулся, но удержался. Второй шаг аккуратней, уже вбивая каблук в снег. Может здесь и ботинки с новыми, правильными подошвами найдутся? Хотелось бы. Участок большой, ничем не огорожен, но границы понятны — до леса. Вдали еще какой-то сарайчик, вроде как для садового инвентаря, но мне туда не надо.

Спустился, снова увяз в снегу выше колена, чувствуя, как промокают брюки и становится холодно ногам. Да и вообще в свитере зябко, хоть температура совсем не сильно ниже нуля должна быть. И пасмурно, серо.

Дверь входная рядом с гаражными воротами, которых, к слову, аж двое, причем одни, те что слева, такой ширины, что в них должен без проблем танк заезжать. Поперек. С пушкой. Это на сколько машин гараж получается?

Машина, что замерла на подъездной дорожке, оказалась как раз на дороге. Спортивное купе какое-то из недорогих, японка, кажется. Ну, если по форме судить. Хотя форма того... я таких не видел, какая-то совсем футуристическая. И фонари задние из светодиодов, что ли? Не видал пока такого, не встречал.

Номер. Табличка с ним, если точнее. Буквы, цифры, а еще написано «Калифорния». Латинскими буквами, разумеется.

Я в Калифорнии?

С сомнением посмотрел на снег, в котором я завяз.

Нет, вряд ли. А вот машина оттуда. Она приехала, наверное.

Взгляд уперся в шильдик и надпись. «Датсун Скайлайн».

— Засношали параллельные реальности, — сказал я вслух и зачем-то прицелился в машину, хоть стрелять и не стал.

В моей реальности последний «датсун» был выпущен... черт его знает когда. В начале восьмидесятых, наверное. Мне так кажется. Но очень давно. Нет их больше, а «скайлайном» назывался ниссан.

Не, я точно в Америке. Глядя на дом в это легко верится. А еще в доме дверка со стеклом. Даже смешно. Мою бы дверь посмотрели, которая там, откуда я только что.

Ближе к дому снег стал не таким глубоким или более плотным, идти стало чуть легче. Заглянул осторожно в окно, что справа от двери, разглядел кухню. Нормальная такая кухня в сельском стиле, а вот людей в ней не видно.

Ладно, попробуем войти. Чтобы не нагнать и заодно не нарваться на неприятности, сначала стучал с минуту, прислушиваясь, но ничего так и не услышал, только ветер в деревьях слегка шумел. Стекло дверное немного дребезжало, когда я колотил по нему костяшками пальцев, да и все. Нет никого, наверное. Или есть, но отзываться не хочет.

Повернул ручку, толкнул дверь, которая легко открылась. Не заперто, типа заходи кто хочет.

— Anybody home? — крикнул я классическую фразу из фильмов ужасов, открывая дверь до конца стволом моссберга «морской» модели. — Anybody here?

Тишина.

Вошел, прикрыл дверь за собой, отсекая лишние шумы и ветер. И оказался в очень просторной, скорее даже огромной, «двусветной» гостиной, с большим камином из дикого камня. А нормально так, хорошо тут живут. Или жили. И телевизор впечатляет, плоский. Это сколько такой стоит? Я пока к подобному разве что приценивался, они ведь только появились.

А дом-то выстыл, тут сейчас не лучше чем на улице. Скорее всего, в нем действительно нет никого. Но это все же проверить надо.

Сделал пару медленных шагов вперед и застыл как вкопанный. А это что еще? В кухонном уголке стол с двумя лавками, а на нем... на нем мой карабин М1 и «лифчик» с магазинами! Забыв про всякую осторожность, бросился к нему, оттолкнув и уронив увесистый стул. Это он, это мой, такого второго нет, мне же его по заказу мастер переделывал!

Схватил в руки, покрутил, глянул на номер. Да, это был мой карабин, я не ошибся. А под ним лист бумаги, и на нем красным широким маркером написано: «Ждала тебя неделю, иду искать людей. Пошла в сторону Денвера. Если будешь меня искать — иди в сторону шоссе 40, я буду оставлять знаки. Люблю, Настя».

Неделю, неделю... и записка выглядит не вчера оставленной. Сколько же здесь времени прошло за те минуты, что я собирался с мыслями там, в Москве, в своем доме?

Так, еще ключ какой-то. Взял со стола, сунул в карман. Могла бы и пояснить, что за ключ оставила.

Настя все же здесь была, я не обманулся. Вдохнул, вытер со лба выступившую испарину. Что-

то я того, разнервничался совсем. И кстати, почему она карабин оставила? Магазин полный и все в разгрузке под завязку набиты. Разжилась чем-то другим?

Денвер, Денвер, дай бог вспомнить американскую карту... Ну да, штат Колорадо. И горы эти, значит, Скалистые, которые Rocky Mountains. В Колорадо, наверное, можно разжиться оружием, как мне кажется. Может даже в этом самом доме. Вон на стенках головы оленьи висят, это ведь что-то значит, правильно? Кто-то этих оленей стрелял и не из рогатки, наверное?

Противоположная от входа стена почти полностью стеклянная. Слева лестница на второй этаж, который галереей идет по периметру гостиной вверх. Снова вскинув моссберг, пошел туда, стараясь не скрипеть ступеньками. Двери, двери. За всеми оказались спальни, одна побольше, с гардеробной, две другие поменьше, но все со своими ванными. Одна спальня в кабинет переделана. На столе фотографии детей, в разном возрасте, вроде как по мере взросления снимали. Дети показались почему-то знакомыми, хотя я их точно нигде и никогда в жизни не встречал, я лица не забываю.

На столе ноутбук. Какой-то крутой ноут, плоский совсем и очень уж широкоэкранный, я таких и не видел никогда. Странно. А так вроде все знакомо, «Тошиба». Попробовал нажать на кнопку питания, не надеясь особо на успех, и вдруг компьютер ожил. Зашипел тихо, раскручиваясь, жесткий диск, засветился экран, появилась заставка «виндоуз», причем непривычная. Пароля не было, меня сразу впустило на «рабочий стол», тоже какой-то нетипичный.

«Таскбара» внизу не было. Я повозил мышкой по столу, подведя курсор вниз и таскбар просто всплыл. Вот как. А затем я усталился на время и дату в правом нижнем углу — 2:43 PM, 12/22/2012.

— Чего? — спросил я неизвестно у кого. — Двенадцатый год?

А почему бы и нет, дошло до меня чуть позже. До этого я в прошлое провалился, почему бы на этот раз в будущем не оказаться? Я же вообще такой, нормально жить не могу, чистый Уэллс с его машиной времени. Ну да. Все нормально, я привычный уже. И сюда лучше чем туда, уверен. Хотя бы потому, что тут... ну вот компьютер есть, например. Или еще что-нибудь, что тут в двенадцатом году может быть. А там, откуда я вырвался, ничего этого нет.

Правда, там люди были. А здесь я их не вижу, равно как и следов их недавнего присутствия. Впрочем, я там тоже далеко от людей вывалился, так что выводы пока делать рано. И вообще мне бы мою женщину найти, а там хоть вообще без людей, обойдемся.

Так, а это что за шкаф у стены с глухими дверцами? Как-то не похож он на обычный, а скорее на замаскированный сейф. Что в нем?

Потянул дверцу — закрыто. Так, а что за ключ я подобрал? Так вроде подходит к скважине, две бородки хитрой формы, длинный. Попробовал всунуть — замок провернулся. Ну да, это только снаружи шпон и рейки, а внутри сталь, сейф самый настоящий. Потянул дверь, распахнул.

Ну да, понятно, почему она оставила карабин. Тут только под винтовки с ружьями дюжина посадочных мест и полка под пистолеты. Другое дело, что никакой дюжины здесь нет. Но и не пусто.

На полке нашел длинный тяжелый револьвер из сверкающей полированной нержавеющей стали. «Смит-Вессон», модель не знаю, но калибр на стволе написан — .357 магнум. Рядом с ним

кожаная кобура с ремнем, в ремне такие петли под патроны, в ковбойском стиле, и еще какой-то подсумок. Открыл — на ладонь выпали два черных скорозарядника на шесть патронов каждый. Покрутил в пальцах, прочитал надпись «Сафарилэнд». Так, а патроны?

Патроны оказались в нижнем отделении «ган-ваулта». Четыре черных коробки с надписью «Винчестер Экстрим Экс». Открыл одну, вытащил пластиковый поддончик, в котором стройными рядами стояли непривычно длинные патроны с серебристыми пулями.

— Ага, «пустоголовые», — прокомментировал я.

Это хорошо, такие убивают лучше всего. Взял один из скорозарядников, заполнил патронами, потом пару минут соображал, как их закрепить, все норовя повернуть головку. Но потом сообразил просто потянуть ее на себя — раздался щелчок, патроны разом выпрямились, прижатые пружиной. Так... теперь барабан револьвера откинуть и ввести патроны так, чтобы... ага...и дальше? Нажать кнопку? Не работает. Попробовал просто прижать скорозарядник к барабану и сразу же услышал щелчок, освободившиеся от зажима патроны скользнули в гнезда. Вскинул револьвер, примерился — должен метко стрелять, наверное, вон ствол какой длинный, сантиметров пятнадцать, наверное. Я бы пистолет предпочел, но за револьвер тоже спасибо. И есть подозрение, что пистолеты здесь были, вон коробки, просто Настя обнаружила их первой.

Застегнул на бедрах ремень с кобурой, натолкал патронов в гнезда, заполнил оба скорозарядника и спрятал в подсумок. Уже лучше.

Так, винтовки... Две. «Болт» с оптическим прицелом и что-то вроде М16, в охотничьем камуфляже и без пламегасителя, тоже с оптикой. Две двустволки. Все.

Потянул на себя камуфлированную винтовку, оглядел. Нет, на М16 это похоже мало, это покрупнее будет, под большой патрон. «Ремингтон Р25»... так, «Ремингтон Армз, Ю-Эс-Эй», «сейф-файр»... калибр какой, блин? Ага, на стволе снизу есть... выштамповано «.243 Винчестер». Так, нормально, патрон хороший, уважаю, шесть миллиметров, пуля быстро летит, траектория настильная. Кстати, по стволу вроде немного ржавчина пошла... Это не очень хорошо, но ладно, совсем немного. Или испачкано чем-то? Да, просто испачкано, показалось.

Под охоту винтовка сделана, не боевая. Ствол с долами и «коронкой», камуфляж тоже охотничий, по нему везде даже марка разбросана — «Мосси Оук». Прицел... прицел «Бушнелл», с высокими «тактическими барабанчиками», сетка «мил дот», увеличение от пяти до пятнадцати. Нормально, выше башки. Ремень есть, сошки есть, что еще надо? Надо патроны вообще-то.

Так, что с патронами? Нашлось чуть больше двух коробок, мало. Очень мало. Это плохо. Магазины есть. Нашел один четырехзарядный, два десятизарядных и два же двадцати. По маркировке, к слову, они под триста восьмой калибр, но это, наверное, все равно. Насколько я помню, двести сорок третий калибр из триста восьмого и сделали.

Набил патронами один двадцатизарядный магазин, попытался втолкнуть в приемник — не лезет. Толкнул раз, другой — ни в какую. Извлек, посмотрел — на верхнем патроне царапины. Уперся? Выбросил его, оставил девятнадцать — вошло без проблем. Попробовал сделать то же самое с десятизарядным магазином — та же история. Влезло девять патронов. Все же линейные размеры гильзы изменились, получается. Ладно, так тоже сойдет, не принципиально. Что тут еще есть?

Шесть коробок триста восьмого. Неплохо, сто двадцать патронов. Вот эта винтовка под него,

небось?

Винтовка оказалась финской, «Тикка Т3 Лайт». Если я что-то понимаю в охотничьих винтовках, то это тип «горной», то есть легкой. И да, под триста восьмой калибр, вот написано, на стволе сбоку. Сделана в Финляндии. Она, кстати, в руках действительно очень легкой кажется. Темная пластиковая ложа, светлый ствол из нержавейки. Ствол вывешен, к слову, вон между ним и ложей картонка просунута. Прицел... да нормальный прицел, наверное, «Уивер Гранд Слам», фирма солидная, старая, от трех с половиной до десяти увеличение, сетка самая простая, крестиком. Сидит низко, кольца добротные, похоже что стальные. Приложился — удобно. Подстроил ремень под себя, всунул в него локоть, опять приложился — еще удобней. Навел прицел на дерево за окном, потом на сломанную ветку, лежащую на снегу — нормально, попаду.

К винтовке два магазина пластиковых, на пять патронов, сошек нет. Они, наверное, одни на все. Или Настя забрала «излишки». Набил магазины, один в винтовку воткнул, пусть будет заряжена.

А вот двенадцатого калибра ещё почти сотня патронов, все больше дробь, но есть штук двадцать с картечью... и десятков с пулей. Двустволки мне не нужны, а для моего моссберга пригодятся. Так, а чистить это все как? Что-то нет ничего...

Проблема решилась почти сразу, едва я начал осматривать шкафы в кабинете. Там и шомпола нашлись, и какие-то веревки с ершиками под названием «Bore Snake», то есть «ствольные змеи», и сольвент, и масло — все в порядке. Молодец мужик, что здесь жил, видать и вправду охотник.

Оставил все как есть, вооружился на этот раз револьвером и пошел шариться по дому дальше, в тишине, прислушиваясь разве что к легкому шуму ветра за окном и собственному дыханию.

Следующей комнатой после кабинета оказалась спальня, похоже, принадлежавшая подростку. Яркая мебель, плакаты, стереосистема, стол с компьютером, еще один плоский телевизор, висящий на стене. Под телевизором еще до черта всего наворочено, приставки какие-то. На полу несколько упаковок от лекарств, понятия не имею от каких болезней. Кровать смята, простыня скомкана. Покрутился в комнате, заглянул в не слишком просторную ванную, вышел.

Вторая спальня выглядела менее обжитой. Гостиная? Хотя... вон вещи набросаны. Женские. Джинсы, топы... кеды у кровати, размер маленький, точно женские. Простыни тоже измяты, в кровати спали и не заправили. Куда все делось? Опять как в Отстойнике, неизвестно куда? А почему бы и нет, не впервой такое видеть.

Тоже сунулся в ванную, зачем-то посмотрелся в зеркало, пошевелил ногой кучку женского белья, брошенную прямо на пол. Удивило количество упаковок от лекарств на столике. Потом пошел дальше. Странное ощущение, беспокоит что-то, а что — не пойму, из-за этого и оружия из рук не выпускаю, хотя уверен, что мне сейчас ничего не угрожает. Не угрожает, но вот как-то... неправильно здесь что-то.

Под ногами пружинящее ковровое покрытие, шаги совсем неслышные. Дверь чуть скрипнула, вышел на галерею, перегнулся через перила, глянул вниз — ничего не изменилось. Вон карабин мой лежит на столе, вон записка. Тихо-тихо.

Следующая спальня была большой, явно хозяйской. Кровать широкая, в деревенском стиле, туалетный столик, на нем, к слову, еще один ноутбук, большой телевизор на стене под

потолком. На стенке возле зеркала несколько фотографий в рамках. Осмотрелся, зачем-то сел на кровать. Пошевелил ногами, каблук уперся во что-то. Нагнулся — а там плоский металлический ящичек, явно к полу привинченный, не сдвинешь. Странный ящичек, ни ручек, ничего такого, только выемки... под пальцы, что ли? На среднем пальце окошечко... отпечатки считывает?

Пожал плечами, перехватив револьвер левой рукой, положил пальцы правой в выемки, провел — что-то пиликнуло, крышка отскочила на пружине, открывая внутренность. Опа, а тут у нас был пистолет... только сейчас нет. Два полных магазина лежат, по пятнадцать патронов в каждом было, девятимиллиметровых. Посмотрел на магазины — снизу клеймо «Глок». А самого пистолета нет.

Так, что-то я упустил. Что? Опять что-то неправильно.

Сел на кровать, положив магазины рядом, задумался.

Что меня напрягло?

Стоп, сейф... сейф на отпечаток пальца реагирует, насколько я понял, тогда почему он открылся? Нет, я понимаю, что всякое бывает, ленивый хозяин мог просто не ввести свои отпечатки в базу, или как там все это работает, вот сейф и открывается чьим угодно пальцем, но... что-то еще, что-то еще здесь есть...

Встал, огляделся, подошел к столику. Уставился опять в зеркало на себя — вид вообще-то того... пришибленный какой-то. Затем взгляд перескочил на фото на стене. На первой же увидел двух детей и двоих взрослых. Стоят все вместе на каком-то причале, улыбаются, глядя в объектив. Двухтысячный год, на фотографии дата пропечатана. И это опять не Россия, уверен. Лица очень зна...

— Твою мать...

Я почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. Закружилась голова, звезды перед глазами поплыли. Чтобы не свалиться, вцепился в край столешницы с такой силой, что пальцы свело. Помотал головой — улыбающиеся лица с фото никуда не делись.

Это были мы с Настей. В двухтысячном. С детьми. А дети были похожи на нас, девочка на меня, а мальчик на мать, как обычно и бывает. Сдернул фото со стены, поднес к глазам — все верно, это я. Только в таком месте, в котором я никогда не был и даже с такой прической, которую никогда не носил. Отбросил фото в сторону, схватил другое — опять мы, вдвоем, только... только тут я лет на десять старше чем сейчас. И Настя старше. Детей на фото нет, но фон не узнать трудно — Елисейские поля.

— Ой мля...

Прибавил я малость с возрастом, хоть и не сильно. Седина, морщины уже появились, морда слегка обвисла. Нет, не кайф стареть... Стоп, это что, я сам себя встретить здесь могу? И опять же дети откуда? Мы с Настей до двухтысячного и знакомы не были... мы даже в разных слоях действительности существовали и чтобы встретиться, нам потребовалось провалиться черт знает куда, в прошлое, причем неизвестно чье... а что сейчас?

Потер лицо руками, опять посмотрел на свое отражение, спросил:

— Скажешь-то чего?

Что же получается? Дети не приемные, это по лицам видно. Родиться после двухтысячного не могли, да и на том фото мальчишке лет пять, а девочке больше десяти. Получается, что в каком-то из бесконечного количества слоев действительности мы встретились раньше и поженились? А потом еще и детей наплодили и в Америку почему-то уехали? Я не собирался туда, вроде. Не было таких планов. И не «туда», а уже «сюда», получается.

А это вообще мы или просто... двойники, например? Двойники до отпечатков пальцев? Как так получается? Профессор Милославский, которого я не далее как час назад отправил к новому воплощению, когда-то сказал, что возможно мы дублируемся каждую ничтожную единицу времени, оставляя в прошлом себя прошедшего, но тот «прошедший» дальше живет своей жизнью, все так же дублируясь, и из всего этого получается бесконечное число вариантов действительности. И если мы, например, попадем в слой, в котором живет наше Я, с которым мы расстались секунду назад, то мы даже не заметим разницы, а вот если попадем туда, где нам было, скажем, два года, то разница может оказаться невероятной. Получается, что покойный профессор не врал?

Может именно поэтому мы здесь? Настя не могла пойти со мной в мой слой, там ее не было, а в ее слое не было меня, может быть, и тогда открылся путь туда, в тот слой, где мы существовали вместе?

Существовали? Или существуем?

Мне почему-то кажется, что... в общем, место освободилось. И мы пришли в образовавшуюся пустоту?

Ох-хо-хо... Здесь что-то плохое случилось? Да уж наверное, иначе дороги бы чистили. Или все же как в Отстойнике, просто мир «расслоился» и люди остались в другом слое? А сюда пришла Тьма, ни дна ей, ни покрывки?

Ладно, что гадать? Проверить все надо.

Кстати, и здесь сплошные лекарства. Как-то странно это все. Тут что, все болели?

Схватил с постели пистолетные магазины, бросился в коридор, оттуда в кабинет. Рванул верхний ящик письменного стола, зашарил в бумагах. Ну да, вот, выписка с банковского счета... «Грэнд Маунтин Бэнк», общий счет, «Vladimir Birukov, Anastasia Birukova». Еще вопросы? Ксерокопия водительского удостоверения штата Колорадо... день и год рождения — мои, морда на фотографии — моя. Так, а вот и само удостоверение. Крутил, крутил в пальцах маленький синеватый прямоугольник с фотографией улыбающегося меня — нет, все верно, разве что адрес явно не тот, к которому я привык. Бигхорн Корт, Грэнби, Колорадо. Как я вообще сюда угодил? И еще живу на пленэре, так сказать? На пенсию вышел?

Компьютер пока не отключился, заряд батареи был слабым, но все еще работало. Залез в меню, нашел «Мои картинки», начал открывать папки, помеченные датами. Все есть, даже свадебные фото, сделанные явно в Москве. Это поженились мы, получается... в девяносто шестом, так? Да, вот дата. Значит, все же встретились.

А вот она на аэродроме, еще в России. А это уже явно в Америке. И я с ней. Стрельбище, она, я, дети с нами, дети без нас. Горные лыжи, много фото с ними, а я ведь их терпеть не могу. А тут любил, получается. Странно. Снегоход, мы на нем вдвоем. Интересно, снегоход свой? Это бы сильно помогло.

Попробовал наудачу открыть браузер, но никакой удачи не случилось, интернет не работал.

Выключил лэптоп, решив сэкономить остаток заряда, вдруг еще что-то понадобится. Заодно подумал, что явный избыток лекарственных упаковок в доме напрягает. Не нравится мне это все, категорически.

— Ну и куда вы, то есть мы, делись? — спросил я, вставая с кресла.

Обшарил весь дом, обнаружив в гардеробной, что была в хозяйской спальне, кучу одежды почти что моего размера. По росту в самый раз, а вот в ширину можно бы и на размер поменьше. Но это ладно. Решив плюнуть на приличия, все равно у себя дома, получается, переоделся во что-то вроде охотничьего камуфляжа утепленного, натянув на ноги совершенно потрясающие зимние ботинки, идеально совпавшие по размеру. Покрутился, попрыгал — нет, это не мэйд ин Отстойник, это как в сказку попал.

Потом пошел в гараж, оказавшийся действительно очень просторным, места хватило не только на три машины, но и на мастерскую, причем с верстаком и станком для перезарядки патронов, и даже на тот самый снегоход «Поларис Уайдтрак», что я видел на фото, стоявший сейчас на автоприцепе. Нормальный такой снегоход, двухместный, с широкой и длинной гусеницей, для глубокого снега — то, что доктор прописал. Узнаю... себя. Да, себя. Случись мне выбирать снегоход — купил бы именно такой, не для дурной радости, а так, чтобы на нем куда угодно и, желательно, не в одиночку. Тем более что хозяин... я... другой я, в общем, еще и охотник. Как я. А на охоту тоже на таком лучше, еще и с грузом можно.

Ключи от снегохода искать не пришлось, висели на руле, две штуки. Я когда-то на снегоходе катался, так что помню что-то, а с мотоциклами я вообще «на ты», так что должен справиться.

Помимо снегохода в гараже стояли большой пикап «форд», который сразу очень понравился, всю жизнь такой хотел, совершенно незнакомого мне вида «Гранд Чероки» и небольшой, странного вида автомобильчик «Тойота Версо» с надписью «гибрид» сзади. Ладно, что бы это ни было, но все машины не актуальны, снега слишком много. Только вот снегоход как раз, если заведется. Сколько он уже так стоит?

Стоп! Нужно электричество. Нужны дрова. Надо попытаться запустить генератор, для начала выяснив, есть ли в нем горючее.

Накинув найденную в хозяйской-моей гардеробной куртку, расцветенную зимним растительным камуфляжем, для охоты самое то, выбрался на улицу, инстинктивно проверив, удобно ли тянуться к револьверу. Скоро темнеть начнет, пожалуй, надо торопиться, если не хочется батарейки в фонаре сажать и шариться в темноте. И это если с темнотой ко мне никто не придет.

По собственному следу погреб к лестнице, поднялся, дотопал до сарайчика, заодно похвалив найденную куртку, в которой и удобно, и тепло как в шубе. Генератор оказался обычным, не из самых новых, все знакомо, хоть и куда мощней моего, а в сарае стоит потому, что подсоединен к дополнительным бакам. Постучав по большим цилиндрическим емкостям, обнаружил, что одна из них точно пустая, а во второй что-то есть.

Сам генератор запустился сразу, зарычал басовито дизелем, загорелись сигнальные лампы. Нашел табличку с расходом топлива, посмотрел на датчик уровня — получается, что часов на тридцать у меня электричества, если в доме все подряд не включать. Не много вообще-то. Кстати, его кто-то вручную выключил, обычно такие электростанции включаются сами тогда, когда в сети исчезает напряжение, и так же сами выключаются, когда электричество есть. А этот выключили рубильником, так, что сам он уже не включится. Экономили топливо? Может

быть.

Так, ток есть, свет есть, теперь дрова. Я видел электрические печки в доме, но не хочу грузить генератор. А так можно камин топить, он с виду толковый, из тех, что и вправду тепло дают, не только «домашний уют». И в камине можно готовить еду. Которой у меня нет. Наверное.

Добрался до гаража, вытащил оттуда сани-прицеп для снегохода. Постараюсь дров по максимуму притащить, без санок никак.

Кое-как дотолкался до сарая, к боку которого прижалась немалых размеров поленница. Бросил несколько дровяшек в сани, затем остановился.

— А что в сарае? — спросил сам себя. — Дай гляну.

Дверь в сарай была завалена снегом чуть не до половины, но я заметил, что метрах в десяти от меня из-под снега торчит нечто до крайности напоминающее черенок лопаты с поперечной ручкой.

— Тебя мне и надо, — пробормотал я, направляясь в ту сторону.

Когда выдернул лопату из снега — обычную, для копания земли, штыковую, обратил внимание на три установленных вертикально доски. Похоже даже, что стенки от какой-то мебели. Странно, кто так будет доски в снег втыкать?

Подошел ближе, присмотрелся, потом как бешенный начал откидывать снег от досок, быстро выяснив, что они вкопаны в землю. А еще на трех из них были вырезаны, кривовато и грубо, имена:

«Дима»

«Света»

«Настя»

Перед четвертой доской снег просел, словно под ним была яма. Чувствуя, как у меня перехватывает дыхание от жуткого предчувствия, я начал выбрасывать снег из ямы.

2

Когда я ввалился в дом, весь мокрый и перепачканный глиной, со стертymi до мозолей руками, было уже темно. Я еще меня трясло так, что зубы стучали. И не от холода, и даже не от страха, а от жути самого момента — я увидел мертвого себя.

Доски с именами стояли у могил, я расчистил это место от снега. Три холмика, заботливо утрамбованных и даже как-то огороженных. Имена детей и... Насти на досках. Четвертая могила была не зарыта. На дне я обнаружил сильно разложившийся и подмерзший труп, в котором все равно узнал себя. Безусловно узнал, сразу. И не только узнал, а даже почувствовал, рванул назад от открытой могилы, потому что мне показалось, что я сейчас свалюсь туда и останусь рядом с ним... или со мной. С тем, кто там, кого я чувствую, *вместо кого* я здесь.

Теперь все стало понятно, куда они-мы делись, что здесь случилось. Уже позже, включив второй лэптоп, тот что в спальне, я прочитал нечто вроде дневника, написанного таким моим

слогом, что я не мог отделаться от впечатления, будто я сам и есть его автор.

Пришла Болезнь. Пришла подло и хитро, с инкубационным периодом в несколько месяцев и со страшной вирулентностью. Когда люди начали болеть и умирать по всему миру, реагировать стало поздно, незараженных почти не осталось. Это была Суперкорь, перед которой померкла страшная Великая Чума прошлого. Суперкорь была страшна не сама по себе, хотя и она не была подарком. Но она приносила с собой энцефалит. Почти всегда. Жар, галлюцинации, страшная головная боль, с которой не справлялись никакие болеутоляющие, и человек сторал за две недели. Неделя просто кори, потом две недели тяжких мучений. Иногда быстрее. Иногда агония длилась дольше.

Сначала умерли дети. Никто уже никого не хоронил, трупы просто забирали, если было кому и у кого забирать, и сжигали в мусорных печах. Поэтому Он-Я сам копал им могилы во дворе. Потом долго умирала Она-Настя, потерявшая всякое желание жить после смерти детей. Сначала умер сын, следом за ним дочь, в последней иррациональной надежде приехавшая из Калифорнии, словно рассчитывавшая на то, что родители смогут защитить ее. Затем он похоронил жену. У самого же Его-Меня оказался иммунитет, он не заразился. Несколько дней он ходил по опустевшему дому, перебирал их вещи, смотрел на фотографии. Потом вышел во двор, выкопал могилу рядом с ней, лег в нее, кое-как прибросав себя землей, и пустил себе пулю в висок, решив уйти следом за ними. Потому что без них жизнь для него потеряла смысл. Маленький пистолет так и остался в руке. К тому времени, как я Его-Себя нашел, лицо уже обклевали птицы, а вот слой глины никто не разрыл. Я похоронил Его-Себя окончательно, не тронув, правда, доски над могилой, потому что просто не знал, что на ней написать. Странно писать на своем могильном памятнике.

И тогда то, что прокладывает Пути между слоями, ощутило эту смерть и эту пустоту, и затянуло сюда Настю. А я уже прошел по ее следам и тоже заполнил опустевшее место в этом мире. Теперь, после всего случившегося со мной ранее, легко это понять.

Свет в доме был, хоть я и старался экономить энергию. Оба найденных ноутбука сейчас заряжались. Горели дрова в камине, к которому я подтащил поближе диван. Еды в доме не было совсем, но я нашел пару пачек чаю и сахар, так что обойдусь сегодня, не проблема.

Снегоход не завелся, сел аккумулятор, но в гараже нашелся зарядник-пускатч от сети, так что к завтрашнему дню с этим все должно быть в порядке.

Самым слабым местом в доме была безопасность. В Отстойнике я уже привык к тому, что на всех окнах есть решетки, а здесь не было ничего. Огромные окна, хлипкая дверь, которую я просто запер на ключ. Пойти на второй этаж? Там будет холодно или придется включать электропечку. Но спать рядом со стеклянной стеной первого этажа было еще страшнее, поэтому я дождался пока прогорят дрова в камине, хоть как-то нагрев большую комнату, а сам ушел наверх, в хозяйскую-свою спальню, перестелив там белье на кровати. После чего включил обогреватель, забаррикадировал дверь комодом, положил рядом моссберг, снаряженный пулевыми патронами, и сунув револьвер под подушку. И попытался уснуть.

Сон пришел только ближе к утру, когда почти что начало светать. Пережитый днем кошмар превратился в табун мыслей, не дававших успокоиться ни на минуту. Я то читал дневник, то пытался копаться в гардеробной, подбирая одежду, то снова ложился, прилежно закрывая глаза и надеясь на то, что сон придет сам — и так до утра.

Проснувшись, глянул на часы и понял, что проспавать получилось не больше пары часов.

— Ну и хрен с ним, — сказал я вслух, поднимаясь с кровати. — Делом тогда надо заниматься, делом.

Это помогло, дурные мысли немного отступили. Отключил генератор прямо из дома, обнаружив тумблер на распределительном щитке, затем напоил себя чаем с сахаром, нагрел чайник в камине, оделся. Эта версия меня пусть и старше, но все же осталась мной. В гардеробе нашлась куча одежды хоть для охоты, хоть для рыбалки, хоть для катания на снегоходе. Даже для горных лыж была прорва всего, но вот как раз лыжи мне и не нужны. К своему удивлению, никакого дискомфорта от того, что шарю в чужих вещах, я не испытал. Просто потому, что не получалось считать эти вещи чужими, они были именно что мои. Разве что брюки приходилось чуть сильнее утягивать ремнем.

Я влез во вчерашний охотничий камуфляж, подпоясался ремнем с кобурой, накинул на плечо патронташ, который тоже нашел в кабинете с оружием, а дробовик закинул на спину. Заодно прихватил из кладовки самые настоящие снегоступы «Таббс», которые нашел рядом с лыжами. Их тут было пар шесть, явно Он-Я любил по снегу погулять, и не только он. Я бы тоже любил, живи в таком месте. Где в России так устроишься? Или дом без присмотра не оставишь, или живи в городе.

Снегоход сегодня завелся сразу, «с полтычка», заурчав мотором. Убедившись, что прицеп установлен прочно, я аккуратно съехал с него, проскрежетал лыжами по гладкой плитке пола, после чего рывком въехал на снег, наметенный к гаражу. Нормально. Оставив снегоход работать на холостых и подцепив к нему сзади грузовые сани, запер ворота гаража изнутри, после чего вышел из дому через дверь, тоже не забыв ее запереть. Людей пусть нет, но кто знает? Я даже найденное оружие спрятал с глаз долой, на случай если кто-то придет в мое отсутствие.

Утилитарник с его широкой двадцатидюймовой гусеницей легко ехал по поверхности снега, почти не проваливаясь в него. Я не торопился, старался не разгоняться вообще — кто знает, что там будет дальше, за первым поворотом, например?

Подъездная дорога вывела меня на дорогу поглавнее, вихлявшую в объезд пологих холмов. Таких домов, *как у меня*, здесь оказалось немало, просто строились они просторно, земли не жалел никто. Хотя, в основном домики выглядели попроще, *мой* был поглавнее, если присмотреться. И никаких признаков жизни, ни дымов из труб, ни следов — ничего вообще. Машины у гаражных ворот, засыпанные снегом, пустые окна домов, серое пасмурное небо над головой. На некоторых домах краской из баллончиков нарисованы косые кресты с цифрами, на некоторых не было ничего. Что означают цифры — понятия не имею, но уверен, что это следы какой-то правительственной активности.

Дорога привела меня к перекрестку с указателем «Форрест драйв», там я задумался. Налево вдалеке видны горы, так что думаю, что там искать людей неразумно. Вправо дорога тоже шла вверх, но уверен, что ненадолго, потому что там явно была долина.

— Города строят в долинах, — почему-то уверенно сказал я самому себе и свернул направо.

Звук мотора был странно громким, потому что мир в этом месте накрыла мертвая тишина. Казалось, что меня было слышно до самого горизонта. С неба понемногу срывался снежок, обещая вскоре превратиться в самый настоящий снегопад. Пока у дороги видны были только дома, все сплошь бревенчатые, явно выстроенные недавно. Похоже, что тут новый девелопмент, новая застройка. И, подозреваю, жили здесь люди все больше сезонно, приезжая кататься на лыжах и встречать Рождество. Легко представить себе рождественскую елку в том

доме, в котором я провел ночь, семью за столом... а не в могилах во дворе.

Проехал указатель с надписью «Хэдуотерс Гольф Клуб», затем увидел пару двухэтажных корпусов, прижавшихся к склону. Решил, что это маленькая гостиница и, похоже, угадал — тут же попала стрелка, указывающая на «ресорт менеджмент». Туда я и свернул, надеясь разжиться картой этих мест. В доме я ничего подобного не нашел, а навигаторы в машинах были не съемными, с собой не возьмешь. Да и летают еще спутники, интересно?

Указатель привел меня к уже привычного вида бревенчатому дому, возле которого стоял заваленный снегом серый пикап. По-прежнему никаких следов, пустота. Я подогнал «поларис» к самому крыльцу, заглушил двигатель, посидел немного, прислушиваясь. Никаких звуков, ничего.

Сняв с плеча ружье, слез со снегохода, неторопливо поднялся на крыльцо, протаптывая дорожку сквозь засыпавший его снег. Постучал в дверь, прекрасно понимая, что никакого смысла в этом нет. Подождав, подергал ручку и убедился, что здесь заперто.

— И хрен с ним, — сказал я, подразумевая не дверь, а тот шум, который сейчас произведу.

Отступив на шаг, выкинул из патронника пулевой патрон и воткнул на его место другой, с дробью. Затем прицелился примерно туда, где, по моим прикидкам, должен был располагаться язычок замка, и выстрелил.

Громыкнуло как-то не впечатляюще, все же на воздухе. В непрочной деревянной двери появилась здоровая дыра, брызнули щепки, я зажмурился за стрелковыми очками, в чистом холодном воздухе запахло порохом, а я подумал, что на такую даже патрон было грех тратить, надо просто ногой вышибать. И пнул ногой возле ручки. Хрустнуло, дверь распахнулась настежь.

Большая комната первого этажа была похожа на холл гостиницы — деревянная стойка, диваны у стены, в углу автомат по продаже всяких «снэкс». Я пару раз саданул прикладом по стеклу, осыпавшемуся звонким водопадом на пол, после чего выгреб с полочек пакетики с какими-то сладостями и подобную ерунду. Разорвав пакетик с орехами в шоколаде, я чуть не половину его содержимого высыпал в рот, начав яростно пережевывать. Остальное свалил в привезенный с собой полиэтиленовый пакет и поставил возле двери — потом прихвачу.

Карты тоже нашлись — возле стойки была этажерка с рекламными буклетами и этими самыми картами, а за стойкой я нашел толстенный том дорожного атласа «Трипл Эй».

— Неплохо! — сказал я самому себе, разворачивая туристическую карту.

Вскоре я убедился, что направление выбрал верно, впереди городок Грэнби, а вот если бы я свернул налево, то просто ехал бы в гору по пустынной дороге. Поводив пальцем по схеме дорог, примерно нашел то место, из которого выехал, и нарисовал там кружок. А то так еще и заблудишься нахрен.

Отодвинул ящик стола и с удивлением обнаружил в нем револьвер — короткий пятизарядный «Таурус Ультра Лайт» под калибр.357 магнум. Барабан был полон, рядом нашлась початая коробка патронов, в которой как раз пяти и не хватало. Ну да, Америка, да еще и Колорадо, чему тут удивляться? Это я с непривычки.

Упрятав трофей в рюкзак, взялся шариться по шкафам, найдя еще здоровенный аккумуляторный фонарь с ручкой и зарядник к нему. Знаю я такие, у меня в Москве подобный

был. Светит как зенитный прожектор, далеко и ярко.

На втором этаже дома оказались жилые комнаты, похоже, что здесь жил менеджмент, а то и владелец, но ничего полезного не нашел. Холодильник в маленькой кухоньке был совершенно пустым, только в двери нашлись две большие неоткрытые бутылки кока-колы, которые я тоже прихватил с собой, одну открыв по дороге — благодать-то какая, я колы с момента своего прошлого провала не пил. Вроде никогда и не любил, а вот на тебе, аж взвизгнуть хочется от удовольствия.

«Поларис» неторопливо развернулся и понес меня обратно к Форрест Драйв, где я снова свернул направо, собравшись проверить город. Если люди и есть, то там, наверное.

Дорога, а точнее та часть снежной целины, которая угадывалась как таковая, перевалила через пологий увал и пошла вниз, открыв вид на долину. Правда, вид был так себе, все затянуто дымкой, скорее даже не слишком плотным туманом.

Не проехав и километра, я увидел по правой стороне длинное, даже очень длинное трехэтажное здания из красноватого кирпича, в котором легко угадывался отель. Свернув к нему, я оказался у подъезда с длинным, заваленным снегом козырьком, на котором прочитал: «Инн эт Силверкрик», «Гостиница на Серебряном ручье». Романтичненько.

Если есть гостиница, то может быть и еда. На ресторанной кухне хотя бы. Спагетти какие-нибудь в пакетиках должны были бы сохраниться, как мне кажется. Или что-то в этом духе. Снегоход с прицепом неторопливо заехал под козырек и остановился. Ружье уже привычно переместилось из-за спины в руки.

Раздвижные двери были открыты, в холл намело немало снега. Огромное двусветное помещение, кремовые стены, пол покрыт серо-голубым ковролином. Два чучела медведей, гризли и почему-то белый. Намек для туристов на то, что тут тоже можно такого встретить? Или оформитель в такие детали не вдавался? Простенькие диваны, обитые грубой тканью, световые люки в крыше. Пустота, слышно как посвистывает ветер, сквозняк здесь сильный.

Надеясь, наверное, найти еще один револьвер, зашел за стойку, открыл все ящики, но ничего полезного не обнаружил. Ладно, пошли в ресторан, вон двери напротив.

Ресторан рестораном не выглядел, скорее тянул на столовку с претензиями. Стулья с виниловой обивкой на металлических каркасах, одноразовые скатерти на столах, в углу банкетный стол унылого вида. Потолок на уровне третьего этажа вовсе не «создает ощущения открытого пространства», скорее вызывает подозрение, что ресторан здесь организовали случайно, по проекту здесь было что-то другое.

Со столов не убрано. Не со всех, а только с некоторых, похоже, что кто-то здесь ел... сам по себе, что ли, официанты не обслуживали. Ни сервировки, и чего другого. Вот остаток бургера, вон пустая бутылка из-под виски, вон вскрытая коробочка какого-то печенья. Кто-то из персонала здесь питался? Может быть.

Где кухня? Вон там, похоже, за той дверью в дальнем углу. Посмотрим.

Дверь отворилась от толчка, пропуская меня в полутемное помещение. Запах тут какой-то есть, несмотря на холод. Ну да, эпидемия началась летом, что-то наверняка успело полежать и на жару до того, как подмерзло. Где искать? Так, это комната-холодильник, похоже, что от нее дерьмом и потягивает. Заглянул в окошко, забранное толстым стеклом, подсветил фонариком — точно, там мясо. Было. То, что есть теперь, мясом точно не назовешь. Это хорошо, что туда

дверь так плотно закрывается, как мне кажется. А вот к лету все заново оттаает и дверь, небось, сорвет воню как крышку с банки.

Шкафы, шкафы... В одном нашел десяток упаковок булочек для гамбургеров. Причем на ощупь они оставались идеально мягкими. Посветил, посмотрел — все верно, никакой плесени, даром что полгода пролежали. Вскрыл один пакет, отщипнул кусочек, попробовал — действительно нормально. Это сколько в них всякой химии, интересно? Ладно, жрать все равно нечего, сойдет. Затолкал в большой плотный мусорный пакет, поставил его на пол.

Спагетти в кладовке тоже нашлись, самые обычные, из тех, что в супермаркетах продают. Не много, шесть упаковок всего, но нашлись. Никакой «домашней пастой» тут посетителей не баловали, похоже. Белого медведя выставили, макаронами из пакета покормили — иди катайся на лыжах своих, иначе зачем сюда приехал?

Потом в мешке исчезли две пластиковых бутылки оливкового масла, упаковка соли, сахар, несколько пачек кофе в зернах. Все остальное было безнадежно испорчено, а консервы в ресторанах не хранят, насколько я понимаю. Потом потоптался в холле, думая, не проверить ли комнаты, но потом решил, что ничего нужного я там точно не найду. Поэтому выволок мешок наружу, закинул в сани и поехал дальше, к городу.

Дорога влилась в шоссе номер 40, если верить указателям, потому что сама дорога, что шоссе, были для меня все теми же условными понятиями, снегоход ехал по целине. Почти сразу после поворота я увидел слева от дороги длинное приземистое здание с красными буквами по фасаду «Городской рынок», и большую стоянку перед ним.

— А стоит поглядеть, — сказал я, поворачивая снегоход с дороги.

Стоянка была почти пустой, лишь несколько засыпанных снегом машин. Почти у подъезда торгового центра стоял военный грузовик, избитый пулями так, что был похож на решето. Кузов под край был завален чем-то, чего я не мог разглядеть под накрытым снегом. Когда подъехал ближе, то увидел в кабине труп водителя, одетого в армейский камуфляж. Труп был в плохом состоянии, его и птицы поклевали, и разложился сильно. Но запаха не было, мороз.

Не сдержав любопытства, я подъехал к борту машины и встав на заднее колесо грузовика, прямо рукой смахнул снег с груза. И чуть не свалился назад, поняв, что лежит в кузове — он был под край заполнен черными пластиковыми мешками с телами. Соскочив с машины, я отбежал назад, испуганно заозиравшись.

Вот так, только сейчас дошло, что здесь действительно было бедствие, пандемия, эпидемия, забыл, как оно правильно называется. Люди здесь *вымерли*, а не уехали в отпуск. И вот здесь, в кузове, те самые люди. Которые умерли. И так везде, по всей земле, не только здесь, в Грэнби, штат Колорадо.

Заходить в открытые двери торгового центра стало как-то жутковато. Хоть там и не было темно, а так, полумрак, включил свой «маглайт», взяв в другую руку револьвер.

Здоровенный такой супермаркет. Ряд касс. Перед кассами на полу гильзы, много гильз, в основном одинаковых. Поднял одну, посмотрел на донышко — пять пятьдесят шесть, военный стандарт, похоже.

Из одного прохода видны чьи-то ноги, неестественно вывернутые. Подошел ближе, почему-то стараясь шагать как можно тише, заглянул — ну да, давно умер. Убит, точнее, вся одежда на груди слиплась от бурой крови. И тоже разлагался, даже натекло с него, но теперь все

замерзло. Спасибо морозу, а то бы здесь такое было...

Через соседний проход вошел в торговый зал, огляделся. Справа какая-то электроника, всякие кофеварки с телевизорами, продукты слева. Мясницкий отдел, в котором мясо превратилось в серые, жуткие даже на вид глыбы, сейчас замерзшие. На них даже черви замерзли, кажется. По магазину сильно прошлись, кажется, но все не вывезли, много просто развалили.

Дальше в зале нашел еще два трупа, один в полувоенной форме, с пустой кобурой на бедре, второй труп женский, без одежды. Оба обгрызены, внутренности выедены, и на конечностях следы зубов явственно видны. Хищники приходили? Одежда женщины нашлась неподалеку, за стеллажами с одноразовой посудой, то ли сорванная с жертвы, то ли срезанная, я не разглядывал специально. Вспомнилась фраза, которую я прочитал в своем дневнике:

*«Паника. Была невероятная паника. Карантины. Войска на улицах — ничего не помогло, потому что было уже поздно, заражены были почти все, включая тех, кто должен был стоять на карантинных заставах. А может быть даже все, я не знаю. Болели везде. Смертность составляла, как теперь сказали, девяносто процентов. Заболевшие, зная, что они обречены, творили безумства. Не все, разумеется, но очень многие. Стреляли везде. Горели дома. Убивали друг друга на каждом шагу. За кривой взгляд. За слово, за бутылку, просто так. Дезертиры, мародеры, бандиты, безумцы — все выплеснулось сразу, как грязная вода из перевернутого ведра, разлилось по всему миру, от одного его края до другого, испачкав все и осквернив.*

*Как ни странно, но власти умудрялись сохранять какую-то структуру, за ними чувствовалась железная рука, но пользы от этого не было никакой — что толку в порядке, если его становится невозможно поддерживать потому, что все умерли? Среди кого его поддерживать? Кордоны стояли посреди пустующих городов, а в них стреляли из окон, грузовые машины вывозили завернутые в полиэтилен трупы на мусоросжигательные заводы, где они обращались в черный дым, но все это было бесполезно».*

В это веришь. Легко. Даже здесь старались больше испортить, чем взять.

Мне удалось наполнить всевозможными консервами целую тележку, которую я покатил по проходам на улицу, не выпуская «смит-вессона» из руки. Ничего не взял с полок, все валялось на полу. И там еще очень много всего на полу, для меня точно хватит.

За две ходки загрузил сани и заднее сиденье снегохода. Можно бы еще взять, да боюсь, что будут проблемы на глубоком снегу. Завтра. И город я разведую завтра, а сейчас отвезу добычу обратно. Теперь уже точно не пропаду.

3

По пути к дому увидел стаю собак, с десятков голов самых разных пород, стоявших в поле и смотревших в мою сторону. Сначала отмахнулся, что мне, вооруженному до зубов, какие-то ледащие дворняги, но потом представил, на чем эти собаки откармливались и сплюнул. Была бы винтовка с собой — попытался бы подстрелить хотя бы пару, но для дробовика они были далековато. И мысленно сделал себе пометочку, что таких стай надо опасаться. Заодно, похоже, появился ответ на вопрос о том, кто обгрыз все трупы в супермаркете.

Не заблудился, естественно, по своим же следам и доехал. Снегопад немного усилился, подумалось, что завтра придется кататься вообще по рыхлому свежаку. Хорошо, что хоть какую-то тропу сегодня накатал.

Никаких новых следов у дома не появилось, снег не обманывает. Завел снегоход с нартами в гараж, неторопливо его там разгрузил, радуясь тому, что появилась еда. И не только, я еще несколько бутылок хорошего коньяку прихватил, выбирая те, где маркировка «ХО». Никаких особых изысков в этом почти что сельском супермаркете не нашлось, но тот же «Хеннесси» и «Мартель» — пожалуйста. А мне сейчас вполне сойдет.

Повозившись недолго в мастерской, соорудил нечто вроде таганка для камина, просто свинтив его из металлических планок. Не до красоты, зато и чайник на него встанет, и кастрюля. Потом разжег огонь и поставил на него кастрюлю, набитую свежим снегом.

Атлас был действительно подробным, пожалуй даже слишком подробным по моим потребностям. Мне нужно было просто определить как ехать на Денвер. Выходило не так много дорог, а если конкретно, то просто одна. Денвер по другую сторону Скалистых гор, туда перевалами. И если честно, сама мысль о путешествии через горы вызывает у меня глубокий пессимизм. Если я здесь, в предгорьях, почти что на равнине, перемещаюсь только на снегоходе, то как будет там? И ведь чем выше, тем больше будет снега, насколько я понимаю. И еще там два туннеля, в Айдахо Спрингс и в Эвергрин. Что сейчас в этих туннелях?

И с туннелями еще моментик: я туда просто не полезу. Вообще. Потому что там темно, а там где темно, может завестись Тьма. И тогда будет как в той шахте, что у городка Красношахтинск из прошлой моей жизни. И даже если Тьмы здесь нет, я все равно не полезу. Потому что она *может быть*. Что делать?

Так, я вчера видел фотографии Насти-бис возле самолета. Небольшого такого симпатичного самолетика, из чего сделал вывод, что она летает на нем для удовольствия, для бизнеса он слишком маленький. Могла она полететь на нем? Вполне. Точнее даже скажу, что будь я ей, так бы и сделал, ей летать, кажется, проще чем ходить. Где мог быть ее самолет?

Карта дала ответ почти сразу — в Грэнби есть аэродром. Уверен, что если я покопаюсь в бумагах, то найду какие-то упоминания о самолете. Но Настя, как мне кажется, была здесь до снегопадов, иначе снегоступы не висели бы так аккуратно в кладовке, и снегоход не выглядел таким нетронутым. А вот как мне? Аэродром сейчас засыпан, не взлетишь, а если и взлетишь, то где сядешь? Лететь до теплых краев? Боюсь, что не получится. Если какой-то совсем маленький найти, вроде того, с фотографии, но опять же... это по теплу можно просто на дорогу сесть, или на любое поле, а сейчас? С лыжами их тут, поди, хрен найдешь.

Но вообще проверить надо, так что я записал себе в блокнот «проверить аэродром» первым пунктом в план на завтра. Чем черт не шутит? Хотя и более чем сомнительно.

Ну ладно, дальше что? А дальше ничего, надо проверять город, а там уж как вывернет. На обратном пути завернуть в супермаркет и еще с пола всякого пособирать, банок было еще много. А то вдруг оттепель и туда, небось, уже не войдешь, прямо на пороге сдохнешь.

Кстати, думаю, что ночевать можно и здесь, у камина. Не видел я никаких признаков Тьмы здесь сегодня, только собаки, но те не прорвутся через стекло. Зато топлив в генераторе экономится будет, а дров много. И если честно, то их даже очень много, тут почти у каждого дома по поленнице, грузы в нарты и привози.

Стоп, топливо тоже привозить можно, наверное. Было бы в чем. А в супермаркете ничего подходящего не было? Должно быть. Хотя бы вода в больших банках, да и просто в хозяйственный отел надо заглянуть. Точно. Мог бы и раньше сообразить.

Потянувшись к блокноту, лежащему на кофейном столике, записал: «Поискать канистры».

Подумав, добавил: «Бутилированная вода, нехрен снег топить».

Вода в кастрюле, к слову, закипела, и я высыпал туда половину пачки спагетти, тщательно умяв их ложкой и перемешав. Глянул на упаковку — восемь минут варить. Значит десять, пусть разварятся немного, получится больше и сытнее. Покопавшись в мешке, нашел банку с консервированными сосисками, открыл, понюхал — вроде нормально, есть можно. Нет, банка не вздутая, просто вопрос съедобности самих сосисок рассматривался. Сойдет, сожру.

Взгляд упал на прислоненную к дивану «тикку». Кстати, эта винтовка на сколько пристреляна? В принципе, на дистанциях до трехсот метров, например, это не шибко важно, но дальше станет критичным. Я бы завтра эту винтовку вместо дробана прихватил бы. Если собаки увяжутся, то дробан станет оружием сугубо оборонительным, а вот хорошая винтовка с хорошим прицелом — уже наступательное. Я их тогда и вовсе извести смогу. Нет, я понимаю, что любовь к животным и все такое, но я обгрызенные трупы уже видел. Это больше не те собачки, которых хочется любить.

Так, что у нас за патроны? «Винчестер», пустоголовые «боуттейлы», сто шестьдесят восемь гран. Надеюсь, что Он-Я подбирал патроны с толком, примерившись к шагу нарезки, потому что я без понятия, какой он у этой «тикки». Кстати, там в столе, в кабинете, вроде бы мануалы лежали, надо будет глянуть.

Винтовка для охоты использовалась, думаю, что пристреляна метров... нет, ярдов на сто, тут все в ярдах. Но не поручусь, надо бы проверить. Сейчас и проверю. Дальномера нет, не нашел, но видел большую рулетку. Отмерю пятьдесят, прямо во дворе, и поправочки сделаю. А мишени у *меня* есть, как раз под пристрелку, с пятью центрами. Если винтовка пристреляна, то справлюсь легко.

Засуетился, побежал наверх, в кабинет, спустившись оттуда с парой мишеней, а заодно найдя блокнот с пометками для разных прицелов, в очередной раз поразившись абсолютной схожести почерков, как будто действительно *именно я* это писал. Полистал — баллистической таблицей это не назовешь, но, в общем, понятно: «100 — (0); 200 — (- 4.2"); 300 — (- 15")». Не снайперский блокнот, но в основном понятно. Порисовал немного, вышло по прикидкам так, что на пятидесяти ярдах должен быть почти ноль, чуть ниже, а на семидесяти пяти чуть выше. И ноль на сотне, как и написано. По-хорошему бы надо еще собаку поймать и рулеткой померить для введения поправок, но это как-нибудь в другой раз.

Потом притащил из гаража рулетку с лентой на двадцать пять ярдов и со всем этим побежал во двор, где уже успел пробить тропинки.

Стрелять пришлось с террасы в сарай для инвентаря, до него пятьдесят шесть ярдов оказалось. Уже несущественная погрешность. Стрельнул три раза, положив винтовку на перила, пригляделся в прицел. Три дырки легли почти в ноль, на пару сантиметров ниже. И чуть правее, но сейчас ветер, так что не надо поправок. И вообще ничего не надо, винтовка пристреляна на сто. Теперь бы еще мануал к прицелу найти, узнать, сколько это в тысячных от крестика до толстой части нити, тогда можно и дистанцию примерно прикидывать.

Кстати, не мешало бы и самозарядный ремингтон проверить, для него вообще никаких пометок нет, но больно уж патронов мало. С другой стороны, случись воевать, больше потеряешь с не пристрелянным оружием. Хотя вряд ли оно не пристреляно, я бы такое в шкафу не держал. А он? А он тут причем, когда это я.

Патроны тоже «Винчестер», модель «баллистик силвертип», очень высокоубийственная,

похоже, пуля в девяносто пять гран. Пристроился на пластиковом стуле у перил, пальнул трижды, с удовлетворением отметив, как мягко действует отдача практически без подброса, потом выкрутил прицел на максимальное увеличение. Ага, пошли выше, по делениям мишени так примерно на два с чем-то дюйма. Это что значит, двести? Нет, траектория настильная... это триста, точно. «Ремингтон» пристрелян на триста. «Тикка» на сто, для охоты, а этот для чего? И прицел на нем тактический, хотя сама винтовка охотничья. Ладно, тоже для охоты, просто другой. Или для стрельбища. Хотя патроны что-то больно дорогими выглядят... Нет, не может такого быть, это уже не я был бы, у меня сто пудов запас должен быть.

Стоп, а в гараже на верстаке стоит такой синенький станок для перезарядки патронов. А я не видел ни гильз, ни пороха, ни пуль. Стоп-стоп-стоп... где я еще не рылся? А вот там, в мастерской, толком и не рылся, только инструмент с крючьев снимал. Кому стою? Вперед!

Металлический шкаф оказался заперт, но тут я беречь его не стал, сорвал навесной замок гвоздодером. Ну вот, так куда лучше! Гильзы, гильзы в больших пакетах, белые, оцинкованные, что ли? «Ремингтон», и под «двести сорок три», и под «триста восемь», и под... под «двести двадцать три» тоже есть, а вот оружия такого нет. Настя забрала? Возможно. Пули... ага, для «тикки» пули только такие, какими я стрелял, а вот для камуфляжного «ремингтона» разные, все сплошь «Сьерра», «Матч Кинги» по семьдесят гран и охотничьи стограновые «Гейм Кинги». Было много пороха и капсюлей, так что... боекомплект будет что надо. Узнаю себя.

Пошарив в коробках, нашел наборы для перезарядки только винтовочных калибров, для пистолетов не было ничего. Еще бы руководство найти, узнать сколько пороха идет в навески, экспериментировать нельзя.

Руководства нашлись, как раз на упомянутые три калибра — голубые книги с изображением донца гильзы, нашлись в кабинете, уже после того, как я, умаявшись переворачивать гараж, сообразил, что книги здесь хранить никто не станет. К тому времени, как я засел за переснарядку патронов, уже почти стемнело, так что я плюнул на экономию и оставил генератор включенным, решив заодно снаряжать и «двести двадцать третий», пусть будет, вдруг найдется что-то под него?

В общем, как и решил, устроился спать у камина. Дробовик под руку, две заряженные крупной дробью двустволки положил в разные углы комнаты, на всякий случай. Ну и револьвер под руку. Спал беспокойно, часто просыпался, но, в общем, выспался и ночью меня никто не беспокоил. Под утро показалось, что кто-то пробежал по двору, но посветив найденным фонарем-прожектором, увидел, что никаких следов на снегу нет. Померещилось.

— Так, сегодня город на очереди, — сказал я своему отражению в зеркало после того, как побрился. Нечего зарастать, а то сперва себе с бородой волю дашь, потом мыться перестанешь, а потом вообще...

Подумав, взял вместо дробовика «тикку». Сначала думал прихватить самозарядный «ремингтон», но потом решил, что вес значение имеет, а «болт» был по субъективным ощущениям полегче, на килограммчик так, наверное. Надел на приклад дополнительный патронташ, взял патронов и револьверы прихватил, оба, а найденный «таурис», к которому не было кобуры, спрятал просто в карман, типа оружие последнего шанса будет. Нормально, готов.

Потом собрал все сумки в доме, которые покрепче, забросил, перевязав, в нарты-прицеп. И туда же моток веревки кинул, которую нашел в инструментах. Все, можно двигать.

Хоть снег сыпал всю ночь, но мои следы не замел, так что сегодня я уже пробивал вполне полноценную тропу. Еще раз проеду — и считай, что дорога получилась. По проторенной дороге и снегоход шел легче, хотя, впрочем, он и вчера не слишком напрягался по ощущениям. Пока ехал мимо соседних домов, подумал, что в них может быть много всего нужного, но когда попытался представить, что именно мне нужно, представить не смог. В принципе, для дороги у меня есть уже все, спасибо тому мне, который жил здесь до меня. И ехать, похоже, придется налегке, на вот этом самом снегоходе, если сумею дорогу мимо туннелей найти. Оружие есть, патроны есть, одежда есть, еда тоже уже есть, надо бы только что-то такое добыть... для выживания в холоде, как мне кажется. Ночевать, как я думаю, получится в домах, но дома выстыли, надо будет как-то греться, да и спальник хороший не помешает, а вот такого ничего у меня дома не нашлось. Не любитель я спать на природе, наверное, вот и не запасался.

Вот поворот к супермаркету, мой вчерашний след закончился, теперь опять по целине. Скорость чуть-чуть упала, но не сильно, снегоход словно плывет по нетронутому снегу. Хорошая машина.

Вскоре с трудом угадывая дорога привела меня сначала к какому-то мотелю затрапезного вида, длинному и двухэтажному, затем показались склады, сплошь увешанные вывесками про запчасти. Похоже, с поправкой на наличие огромной стоянки, на которой замерли несколько заметных снегом грузовиков, мест было популярным среди дальнобойщиков. Один из грузовиков сгорел, у двух других прицепы были открыты, а на снегу лежали горы каких-то коробок, похоже, что груз кто-то потрошил. У ворот одного из складов я разглядел что-то похожее на кучу тел под снегом, но проверять мне совсем не хотелось. Видел уже.

Потом слева от дороги показался очередной торговый пятачок. Не удержавшись, все же свернул туда, в надежде найти спортивный магазин или что-то подобное. Сначала нашел офис «лесной службы», потом психушку с расстрелянными окнами и несколькими промерзшими трупами в холле, которые я разглядел с дороги. А затем нашел магазин «Пауэр Спортс», торговавший снегоходами.

— Надо пошариться, — сказал я, останавливаясь у входа.

Револьвер в руки и вперед. Дверь была просто прикрыта, внутри снега не намело. Здесь не стреляли и никого не убивали, все было так чисто, словно до открытия осталось пять минут. Просторный зал, светлый, торговали здесь не только снегоходами, но и квадроциклами, и какой-то незнакомой их разновидностью с двумя сиденьями, то ли маленькими джипами, то ли багги — черт его знает, в моем двухтысячном такого не было. Сначала ничего полезного не нашел. Было много шлемов, но я шлем не надевал, мешает он. Потом все же прихватил пару зимних костюмов, может и пригодятся, взял ботинки, перчатки, потом теплое белье нашел, взял несколько комплектов, потому как в дороге стираться будет проблематично, я думаю. Затем повезло: наткнулся на специальные канистры для квадроциклов, плоские, которые удобно укладывать на багажник. Сгреб десяток, смотал веревкой через ручки и забросил в нарты. Все.

За магазином оказалась пожарная часть, явно совсем новое здание с красной крышей и фонарями перед подъездом. На обоих фонарях и светильнике над дверью висело по исклеванному птицами трупы. Подъехал ближе, увидел на груди ближнего табличку «Мародер». Вот так тоже бывает, получается. Развернувшись на просторной стоянке, выехал на дорогу.

Первый признак того, что здесь действовала какая-то власть, обнаружился на мосту через реку. Баррикада из мешков с землей, рогатки, угловатый, ящиком, бронетранспортер,

брошенный и присыпанный снегом. Остановился рядом, заглянул в бронемашину, надеясь увидеть там что-то вроде брошенного автомата, но не увидел, разглядел лишь набитую здоровенными патронами ленту к крупнокалиберному пулемету. Нет, не мой масштаб, пожалуй.

Интересно, почему такой большой железный транспорт бросили? Ладно, мне-то какое дело теперь. Поеду дальше.

За мостом оказался на развилке. Можно налево, в город, а можно направо, к аэродрому. Решил все же начать с аэродрома, свернул вправо, поехав мимо какой-то полу импровизированной промзоны. Ангары, кучи досок штабелями, машины, контейнеры. Похоже, что строители расположились, да строить уже нечего и некому. Проехав крайний дом на не слишком длинной улице, оказавшийся мотелем, свернул прямо в поле, все равно никакой разницы. Потом подумал, правда, что так можно и в какой-то занесенный снегом овраг заехать, из какого и на «поларисе» не выберешься, но обошлось, добрался до другой улицы, а потом уже по ней добрался до аэродрома.

Границы самого летного поля определить не удалось, белая равнина — и все тут. Но увидел небольшой ряд небольших самолетов, полускрытых под кучами снега, а дальше ангары и двухэтажный домик, вроде как контора или что-то в таком духе.

— Ну и что дальше? — уже привычно спросил я самого себя, выехав как раз туда, где по моим прикидкам должна была проходить взлетно-посадочная полоса. — Лезть в ангары? А почему бы и нет? С конторы начну.

Контора была заперта, но такую дверь запирают — самого себя обманывать. Пара движений предусмотрительно прихваченным гвоздодером и пинок — и милости просим. Маленький офис, компьютер с плоским монитором, бумаги, шкаф с ключами на стене. Открыл, присмотрелся — на ключах бирки с номерами, похоже, что как раз от ангарных ворот. Уже чуть проще... если докопаюсь до них через снег.

В шкафу на верхней полке обнаружился потертый четырехзарядный дробовик «Ремингтон-870» с деревянным прикладом и коробка патронов. Ты гля, какие здесь правильные люди жили. Прихватил, естественно, оружие с собой.

На втором этаже была, насколько я понял, вышка, или диспетчерская, или как это все правильно назвать. Все заставлено радиоаппаратурой, отчего в голове сразу сформировалась мысль послушать эфир. Потом сообразил, что все давно обесточено и ни хрена из такой затеи не выйдет. Потом вспомнился отдел электронике в супермаркете, и я подумал, что на обратном пути надо будет прихватить там что-нибудь с радио, в доме я ничего такого или не видел, или просто не понял, что это оно и есть. Если где-то есть люди, то они должны быть в эфире. Мне так кажется. А вообще я дебил, даже не попытался до сих пор телевизор включить, вдруг он работает?

Ладно, что делать-то? Попробовать лезть в ангар или забить на это дело? Ну залезу, а дальше? Полосу расчистить? Ну даже если так, найду какой-нибудь бульдозер, то дальше что? На бульдозере лететь? Нет, нафиг, не буду даже время терять, разве что ключи прихвачу с собой, мало ли как дальше все повернется.

Вышел из конторы, постоял на крыльце. Серо, ветрено, мертво. Не пусто, именно что мертво. Это как-то чувствуется, душой, нутром, сознанием. Захотелось плюнуть на все планы, быстро добраться до своего дома и запереться там. Ну его все к черту, что мне здесь еще разведывать?

Потом подумал, что меня такие картины наверняка ждут еще и впереди, так что избежать свежих впечатлений не получится, надо ехать.

Очень медленно поехал в сторону города. Сначала увидел трейлерный парк со старыми и ржавыми машинами, такой же мертвый, как и все остальное. Пара трейлеров сгорела фундамента, равно как и машины перед ними. Потом был квартал новых модульных домов — следующий шаг к процветанию после трейлерного парка по американским меркам. А потом все вперемешку потянулось — приличный щитовой дом, трейлер на участке земли, какая-то развалюха, опять нормальный дом. Обычные деревянные заборы, не лучше чем в какой-нибудь деревне в Нечерноземье, недорогие машины, в основном пикапы. Похоже, что особым богатством городок не блистал. Кстати, *мой дом* выглядит новым, равно как и все соседние, так что, думаю, тут туристический бум начался и Грэнби намеревался процветать — и тут вот так. Ну да, это же практически Аспен, насколько я понял из карты, самый популярный лыжный курорт в Америке.

Здесь кресты с цифрами были уже на каждом доме, что бы они ни означали. Уверен, что ничего хорошего. Но приметы плохого по-настоящему появились тогда, когда я подъехал к Грэнби Элементарной, местной начальной школе. Ее сетчатый забор по верху был обтянут колючей спиралью, на въезде установлен шлагбаум, за ним несколько огневых точек из мешков. На фасаде школы большой плакат с буквами FEMA — американский аналог российского МЧС.

Сейчас шлагбаум был поднят, стоянка пуста, разве что у самого выезда стоял на спущенных покрышках расстрелянный черный «сабёрбен», у дверей виднелся фургон «скорой помощи», а в самом дальнем углу приткнулся военный грузовик вроде того, груженного трупами, что я видел у «Сити Маркета», и «хамвик» пустынной расцветки с распахнутыми дверями. В машинах не было никого.

В здании школы, как оказалось, и как я прочитал на плакате, был развернут временный госпиталь. Сейчас двери этого госпиталя были крест-накрест забиты длинными досками и заклеены лентами со значками биологической опасности. Стоя рядом, я словно кожей ощущал ту ауру смерти, которую он распространял. Заглянул осторожно в «скорую», почему-то ожидая увидеть в ней трупы, но ничего такого там не было. Даже носилок не было, зато на полу лежал огромный пластиковый пакет, из которого вывалились одноразовые медицинские маски.

Ну да, эпидемия. Была. А я тут гуляю как хочу. Блин. Хоть раз бы задумался. Ладно, теперь-то что? Какой там инкубационный период? От четырех месяцев? Вот через четыре и посмотрим. Тем более, что к зиме, насколько я помню из книг, все эпидемии и заканчивались, сами по себе.

Поразмышляв таким образом, я вытащил мешок с масками из фургона и перебрал в нарты. Потом вытащил одну и надел, заправив резинку под вязаную шапку. Авось поможет, если не поздно. Идиот, что еще скажешь. Тьмы боюсь, хотя тут...

Дальше поехал по стрелкам, на каждом повороте стояли указатели с маркировкой все той же FEMA, ведущие к некоему «штабу», который предсказуемо расположился в местном Таунхолле.

Здесь все было организовано куда серьезней. Немалая территория между офисом почты, таунхоллом и городской библиотекой была огорожена, в проволочно-мешочном периметре рядами стояли трейлеры с эмблемами FEMA, военные грузовики, как нельзя больше напоминавшие кашаэмки, были развернуты антенны. И снова пустота, снова все брошено.

Снова трупы — трое, в военном летнем камуфляже, лежащие у стены, руки связаны проволокой за спиной. Похоже на расстрел, только почему военных? От самих трупов осталось немного, явно собаки постарались. Лица изгрызены, видны оскаленные зубы, пустые глазницы, клочья волос. Я уставился на выеденный живот одного из мертвецов, в который намело снега, ощущая какую-то дикую иррациональность всего происходящего, а потом на меня вдруг накатило — и я, едва успев сдернуть маску, разорвав резинку, опираясь руками в колени, долго и мучительно извергал остатки сытного завтрака.

Накатила слабость, закружилась голова. Нагнулся, чтобы зачерпнуть чистого снега, но неожиданно вспомнил о лежащих рядом трупах, отдернул руку. У меня фляжка есть, с кипяченой. Достал из рюкзака, отвинтил крышку, прополоскал рот, попил немного. Отпустило вроде.

Из пакета с масками достал новую, надел. Самоуспокоение, но черт его знает. Снова револьвер в руку и... с чего начать? С таун-холла начну, хотя понятия не имею, что надеюсь там найти.

В общем, не нашел ничего, кроме следов поспешной эвакуации. Несколько окон было разбито и по зданию гулял ветер, намело немало снега. Ни людей, ни трупов, просто бумаги, сдвинутые столы, перевернутые стулья. Какие-то военного вида ящики, оказавшиеся пустыми, никакого забытого оружия и патронов. Ну да и ладно.

На стене в одном кабинете обнаружился странный плакат с фотографиями, датированными 2004 годом: «Повреждения, нанесенные городу Грэнби». Сначала решил, что здесь было землетрясение, но прочитав текст, обнаружил, что какой-то владелец мастерской по ремонту глушителей поссорился с местными властями, забронировал бульдозер и развалил им как раз таун-холл, полицейский участок, раздавил два патрульных крузера, переехал дом мэра и строящийся цементный завод, банк, офис городских коммунальщиков, вследствие чего оставил половину города без работы и местный бюджет с огромной дырой. Потом он застрелился. Молодец, здорово придумал. А городишко и вправду впечатления процветающего никак не производит, помог он соседям сильно, видать.

Ладно, дело прошлое. Соседям уже все равно, похоже. Я вышел на крыльцо и замер, вскинув револьвер — прямо у снегохода выстроилась полукругом собачья стая.

— Откуда это вы? — спросил я у здоровенной темно-серой псины непонятной породы, попутно сдавая задом, обратно в дверь.

Оказавшись за дверью и подперев ее ногой, оставив небольшую щель, достаточную для того, чтобы целиться и недостаточную для собак, я почувствовал себя чуть уверенней. Собак, кажется, мой маневр немного озадачил. Две или три из них дернулись было атаковать, что характерно — без всякого рычания и демонстраций, но остановились. А я решил не останавливаться, а прицелившись в самую ближнюю, большим пальцем взвел револьвер, а потом потянул ставший неожиданно легким и податливым спуск.

Грохнуло, сверкнуло хвостами огня от стыка ствола с барабаном, собака отскочила назад, но тут же свалилась, задержавшись и завертевшись на снегу. Остальные дернули в стороны, сразу же, мгновенно, но я успел достать еще одну, вклеив ей пулю куда-то в задницу. Она перекувырнулась через голову и тоже забилась, окрашивая снег ярко-алой кровью. Остальная стая метнулась дальше по улице, остановившись и снова сбившись в кучу метрах в ста от меня.

— Это вы зря, — сказал я, доставая из барабана две пустых гильзы и вталкивая на их место два новых патрона. — Зря вы это, зуб даю.

Сняв из-за спины «тикку», я на всякий случай обошел подальше умирающую собаку, всунул локоть левой руки враспор под ремень винтовки, оперся на капот стоящего у самого крыльца эвакуатора. Крест десятикратного «уивера» остановился на той самой большой серой собаке, которую я принял за вожака. Прицелился сначала в голову, но потом передумал и перевел перекрестье на плечо, так надежней и... мне кажется, так напугает их больше.

Большой палец толкнул клавишу предохранителя, я задержал дыхание... выстрел эхом отразился от стены здания, большая серая собака дернулась, сделала пару хромых прыжков, а затем свалилась на снег, уже неподвижно. Стая метнулась вдаль по улице, и мне снова удалось выцелить еще одну, подранив, но не убив. После этого собаки резко сменили направление и бросились за угол, пропав из виду.

— Вот так, не ходи за мной, — сказал я, вытаскивая магазин и вталкивая в него два патрона. — Убью ведь.

Обернувшись, я обнаружил, что подранок еще жив и пытается ползти. Нехорошо так оставлять. Вспомнив про короткий револьвер в кармане, я достал его, прицелился раненой собаке в голову и потянул спуск. «Коротыш» грохнул куда звонче и резче чем длинный револьвер, собака замерла. А я заодно убедился, что найденное оружие вполне работоспособно.

Что еще? Трейлеры проверить? Почему бы и нет. Мало ли...

Подумав, натянул на ботинки снегоступы, все же по целине бродить утомительно. Сразу стало легче, почти что перестал проваливаться. По пути добил вторую раненую собаку, затем убрал маленький «таурус» обратно в карман.

Первый трейлер был просто пуст. Использовался он, похоже, как зал совещаний, так что вся его обстановка состояла из одного дивана, длинного стола со стульями и крошечной кухоньки с кофеваркой. Если и было здесь что-то полезное, то все уже вывезли. В радиофургоне я тоже ничего нужного не нашел. Просто потому, что не смог прикинуть, что здесь может быть нужно, все незнакомое, все явно зависит от внешнего питания. Попытался пощелкать тумблерами, но, естественно, бесполезно.

Третий трейлер был лабораторией, похоже. Много стекла, много пробирок, много аппаратуры непонятного предназначения. У стены, откинувшись на стуле, сидел труп. Причина смерти была понятна — на полу возле него лежал небольшой черный пистолет, а мозги была разбрызганы по светло-серой стене. Рядом, на лабораторном столе, я увидел записку, прижатую снаряженным магазином: «We got fucked. We can't help anybody nor can't help ourselves. We're DEAD!» И ниже пририсована круглая улыбающаяся рожица Мистера Хэппи над скрещенными костями.

— Ну да, ты точно умер, — сказал я, вглядываясь в лицо мертвеца, бледное, бескровное, обвисшее, тронутое тлением, а теперь замерзшее до костяного состояния. — Нехорошо получилось тут у вас.

Нагнувшись, поднял пистолет, оказавшийся совершенно незнакомой мне «Береттой» с пластиковой рамкой. Поискал маркировку, нашел клеймо «Px4 Storm» — никогда про такой не слышал. Но в руке удобно лежит. Выкинул магазин в ладонь — двух не хватает, а так семнадцатизарядный. Затем выбросил патрон из патронника, поймав его на лету, заодно удивившись тому, что ствол вращается. Ладно, потом разберусь. Потом взял второй магазин со стола и все убрал в рюкзак. Никаких других магазинов и патронов не нашел. Ладно, у меня

еще два полных магазина к «глоку», там тоже тридцать патронов.

Интересно, кем он был? Одет в гражданское, поверх рубашки разгрузка вроде полицейской. Худой, лысоватый, на столе лежат очки — наверное, снял перед тем, как сунуть ствол в рот. Нет, не похож на «силовика», или чиновник, или доктор... не знаю, мне просто так кажется.

В следующем трейлере наткнулся на местные «желтые страницы», лежавшие на столе. Полистал, наткнулся на рекламу оружейного магазина «Вестерн Ганкрафт», обнаружил, что он всего в квартале отсюда, если возвращаться в сторону аэродрома. Проехать? Сомневаюсь, что там что-то осталось, но... все равно ведь рукой подать.

На улице опять огляделся — собаки появились возле трупа вожака, но жрать его еще не принялись, а так, стояли рядом. Подумав, снова взялся за винтовку, на этот раз прижав ее к боку жилого трейлера для устойчивости. Выцелил крупного серо-бурого пятнистого барбоса, выстрелил, целясь на этот раз в голову. Собака свалилась, остатки стаи сразу же скрылись за углом. Почему-то уверен, что больше они ко мне не сунутся.

Снегоход завелся, и неторопливо выехав через открытые ворота заброшенного периметра, двинул дальше по улице. Свернув направо, а затем налево, я оказался на параллельной улице и сразу же увидел вывеску магазина перед маленьким одноэтажным домиком на два окна. К удивлению моему, магазин оказался заперт, окна не выбиты, в общем, на первый взгляд все в порядке. Ну да, здесь же военных было полно, особенно не помародеришь...

Дверь ничего особого собой не представляла, два выстрела из найденного на аэродроме дробовика, пара движений гвоздодером — и милости просим. А вот оружия в магазине не оказалось вообще, равно как и патронов. Не думаю, что здесь было его много, магазин совсем крошечный, тут больше даже мастерская, но не оставили ничего. Пустые решетки с крючками на стенах,

Ничего? Я замер в дверях, задумавшись, потом вернулся обратно и прошел за прилавок снова. Как это ничего? А вот это что?

Присев на корточки, я начал вытаскивать с полок коробочки с насадками для перезарядного пресса, пакеты с гильзами, коробки пуль, плоские упаковки капсулей, потом вытащил из стального шкафа несколько банок пороха. Думаю, что во время наступившей беды людям было не до этого, они брали только оружие и готовые патроны. А это все осталось. Кобуры, ремни, какие-то прицелы, что-то еще — масса всего. А мне пригодится, я уже сейчас вижу, что могу доснарядить кучу патронов к револьверам и пистолету, к дробовику, еще к винтовкам. У меня время есть, надеюсь.

4

Больше мне в Грэнби не нужно ничего, решил я, сидя у камина и пытаюсь найти что-нибудь по радио, которое прихватил из «Сити-Маркета» на обратном пути. Мне надо только продумать маршрут и подготовиться к дороге. Спальника и печки для кемпинга я так и не нашел, в супермаркете ничего подобного не было и «желтые страницы» не подсказали. Ладно, это пока не критично, можно что-то придумать. Ночевать только в домах и выбирать те, которые с печками или каминами, по трубе это всегда видно. Туннели вот только, туннели... Улетела Настя, рупь за сто, на самолете улетела, не поехала бы она землей. А мне что делать?

Почему-то представился вертолет, взлетающий откуда угодно и куда угодно приземляющийся. Вдохнул, искренне пожалев о том, что вертолетом управлять не умею. А так и классно было бы, особенно если найти такой, что на обычном бензине. Есть такие, я точно знаю. Перемахнул

бы через Скалистые и вот он Денвер.

Опа, а это что?

Автопоиск радио вдруг остановился, поймав какую-то станцию на средних волнах. Слышно было так себе, но... но слышно.

— ... правительство восстанавливает нормальную жизнь южнее северной границы штатов Нью-Мексико, Оклахома, Арканзас, Теннесси, Северная Каролина. Все выжившие приглашаются на проживание на вновь создаваемых территориях. Лицам, страдающим синдромом Дабл-Ар-Эс будет оказана помощь, они смогут вернуться к нормальной жизни...

Вот это да... вот это уже что-то. И от Колорадо до Нью-Мексико рукой подать, даже не обязательно ломиться через Скалистые горы, можно двинуть просто на юг... Стоп, а Настя? Настя двинула на Денвер. Зайти туда снизу карты, через Нью-Мексико? Черт, ну что теперь делать?

— ... отдельные форпосты и укрепленные пункты на территории штатов Канзас и Миссури. Там вы сможете связаться с властями и найти свое место в новом обществе...

То есть, люди все же выжили. И в достаточном количестве для того, чтобы населить несколько штатов. Это немало, наверное.

— ... избегайте приближаться к большим городам. Перечисляем пункты, которые следует избегать: Денвер, Альбукерке, Даллас, Форт-Уорт...

Даже так? А пояснить почему, для тех, кто не сильно в курсе? Диктор, а скорее всего, просто запись, шпарит для тех, кто тут давно. А для тех, кто как я? И что с Денвером не так? Тьма? Почему про Тьму не сказали? И если Настя туда направилась, то... вообще-то она опытная, уже всякого повидала в Отстойнике, она не вляпается. Не Тьма? А что тогда?

У меня ведь логика какая: там, откуда я сюда влетел, Тьма появлялась там, где гибло много людей. Большие города под это подходят здесь как нельзя лучше, уверен, что туда даже заглянуть страшно было бы после повального мора. Тут должно было погибнуть куда больше, чем в любой мировой войне. Как Тьме не быть? Или все не так просто? Нет, не так просто, в Отстойнике не было людей вообще, а здесь... самих людей не видел, а вот тел хватает, даже в этом захолустье. Не так просто, не так... И что делать? Прорываться все же к Денверу и искать знаки, оставленные Настей, или рваться к людям и искать ее там? Наверняка какая-то служба поиска должна быть налажена после такого бедствия.

Кстати, что это за синдром Дабл-Ар-Эс? Последствия болезни для тех, кто не умер? Наверняка.

— ... информация предназначена для Чужих, людей, оказавшихся в этом мире после катастрофы. Вы с высокой вероятностью заражены вирусом Суперкори, но мы способны оказать вам помощь, мы готовы спасти вас от неминуемой гибели. Двигайтесь в направлении территории, контролируемой правительством. Напоминаю, что эта территория расположена южнее границы...

Вот как?

Вот это сюрприз. Нет, действительно сюрприз, даже шок.

Эпидемия с зимой не закончилась? Я заражен? А почему бы и нет? Здесь может быть все

вокруг заразно, наверное. А они это лечат? А что себя не вылечили? Или позже научились? И что мне теперь делать?

Так... дай-ка погляжу на вот что...

Поднялся в кабинет, подсвечивая фонариком, пошарил в столе, выудив свое водительское удостоверение. Посмотрел на фотографию. Вообще-то не такая уж большая разница. Нет, двенадцать лет заметны, но... предположим, я похудел и... отпустил все же бороду? Можно попробовать. Акцент... ну блин, кто знает когда я эмигрировал в Америку? Думаю, что уже никто. Вот и акцент, а так болтаю я на английском свободно, равно как и на испанском.

Так, то есть у меня есть документ, который подтверждает, что я не чужой, так? И даже подозреваю, что отпечатки пальцев совпадают, потому что я — дубль. Или он дубль.

Блин, я что, совсем параноик? Ну почему я никому не верю, а? С другой стороны, верил бы Милославскому, такому честному и доброжелательному — лежал бы сейчас в генераторном сарае с пулей в затылке, пробив тому ворота назад, домой. Только паранойя эта моя меня и спасла вообще-то, так зачем от нее отказываться и с ней бороться? Вы страдаете паранойей? Нет, я ей наслаждаюсь.

В общем, надо идти к людям. Просто аккуратно. И осторожно. Но все же сначала поеду в сторону Денвера, хотя бы пригляжусь к туннелям. Может там не так все и страшно, а может даже удастся их пройти. В крайнем случае вернусь, я же не на своих двоих, верно? Снегоход, нарты — нормально все будет. В Нью-Мексико, небось, снега уже не будет — ну и хрен с ним, найду другой транспорт. Если карте верить, то примерно у Санта-Фе я смогу обогнуть Скалистые уже по равнине.

Стоп, а что я так за хайвэй зацепился? Есть же еще дорога, просто очень извилистая. А если она извилистая, то наверняка старая, и тоннелей на ней не будет. Через Сентрал Сити, Блэк Хоук и на Голден. Они сейчас все одинаково засыпаны, зато будет надежда, что второстепенный путь не забит пробками, например. А ведь очень может быть, очень может быть. И кстати, тут всего сто десять миль, примерно, это же за день доехать при нормальной скорости. Ну, при моей — за два. Черт с ним, за три, с походом считаем.

А вообще похоже на план. Наконец-то. В любом случае пытаюсь пробиться на ту сторону гор.

Ладно, теперь надо правильно распорядиться тем добром, что я привез из оружейного.

Кобуру и под «беретту», и под короткий револьвер я подобрал. Не самые лучшие, наверное, но нормально. Жаль к пистолету всего два магазина, но ничего, зато они по семнадцать патронов. Пистолет я разобрал, почистил, смазал, прикинув, в каких местах выше всего трение. Потом попробовал пострелять, прямо из окна, воткнув доску с мишенью стоймя в снег во дворе. Удобно, а еще отдача на удивление маленькая. И бой вполне даже точный.

Потом притащил, пытая и ругаясь, верстак из гаража в гостиную, пусть все в одном месте будет, где тепло от горящего камина, а потом разложил по нему комплекты насадок и взялся листать руководства по снаряжению патронов, решив снарядить боеприпасы к «беретте» самыми тяжелыми из тех пуль, что я притащил с собой. И самыми убийными.

К прессу я уже привык, так что работа шла быстро. Раз — капсуль встался на место. Был бы там старый — заодно бы выдавило и его. Два — из колбы насыпало порошу. Три — пуля встала на место и обжалась, новенький патрон со стуком скатился в лоток. Прямо медитация, или даже как вязание.

Закончив с патронами, спилил ствол старенького «ремингтона» под самый магазин, надфилем заровнял края. Потом спилил приклад под пистолетную рукоятку, пусть не самую удобную. Прошелся напильником, обмотал лентой для ремонта шлангов, чтобы глаже было и держалось лучше. Получился вполне короткий обрез. Теперь к нему ремень бы приспособить какой-нибудь из тех, что я привез, и можно будет брать вместо отмычки. Мой длинный «моссберг» для этого не очень удобен.

Провозился до ночи, попутно еще много раз прослушав все ту же передачу на средних волнах. Хорошо бы, если бы так все и было, как они там рассказывают. Кроме болезни. Но опять же, если я дубль, то у меня и иммунитет должен быть, нет? Тогда как Настя? Я об эту мысль как с разбегу о стенку. У этой Насти иммунитета не было. А она тоже дубль.

Ладно, моя Настя далеко не дура, поймет, что здесь к чему. Уверен. Не может быть по-другому, потому что... потому что не может. Все, и нечего тут.

5

На сборы в дорогу ушел весь следующий день. Надо и не забыть ничего нужного, и не перегрузить снегоход с нартами. Многое бросать жалко, многое пришлось искать. Аптека в Грэнби была разорена подчистую, мне там вчера только бинты удалось подобрать, да несколько упаковок пластыря. И презервативы, тоже пусть будут. Какие-то болеутоляющие и жаропонижающие нашлись в доме. Были еще лекарства, но я понятия не имею, от чего они, поэтому и брать не стал. Все «лишние» стволы в чехлы, патроны в пакеты, в пакетах уже в сумки. Патронов получилось много, вес солидный, и не бросишь ничего.

Представилось, как я бы вооружался, случись оказаться на территории родной страны. Хреново было бы, наверное, если бы не к себе домой попал. Но это понятно, нам нельзя, у нас «традиций нет», только американцам можно. Мы по жизни тупые, ложку мимо рта проносим.

С одеждой тоже долго возился, все прикидывал, как бы не прогадать. Запасся все больше бельем и носками, которых тоже набрал в супермаркете, упаковок десять, наверное. Лишними не будут. А так выбрал три комплекта охотничьего камуфляжа и те костюмы для катания на снегоходах, что я забрал из магазина. Вроде не промокают и теплые. И менять можно будет, чтобы сохло. К тому же они упаковываются плотно, если скатать и связать.

С чем ехать в качестве основного оружия? У «ремингтона» цевье алюминиевое, будет холодным, но с другой стороны, если все время на холоде, то и пластик «тикки» успеет остыть, так что без разницы. «Рем» потяжелее, зато девятнадцать патронов и самозарядный. Если много собак, или люди, которых теперь все же надо принимать во внимание, то с самозарядкой отбиваться проще. Кстати, уверен, что не все люди ушли жить под сень новой власти, туда, «южнее северной границы Нью-Мексико, Оклахомы» и так далее. А те, кто остался жить сам по себе, может быть не очень хорошим человеком. Так что вероятность появления банд тоже бы надо учитывать.

В общем так: за спину закину «ремингтон», вставлю десяти... то есть девятизарядный магазин с охотничьими патронами с тяжелой пулей. А большие магазины заряджу «боевыми», то есть легкими и быстрыми, с такими проще будет вести бой. Вот так правильно будет. А за дополнительное оружие пусть пока револьвер будет, я про «беретту» такую ничего не знаю, вдруг она проблемная на холоде или от забивания снегом затыкается? Ее в чехол и в мешок, в запас.

Мой «отстойный» карабин тоже в чехол. Пусть он годами и старый, но по боевым качествам

еще хоть куда, пригодится, тем более, что патронов под него тоже прибавилось, пусть всего на сотню, больше в магазине гильз не было.

Еду всю взять не получится, прикидочно повезу десятидневный запас, буду пытаться пополнить по мере движения.

Так сидел перед сумками и что-то вроде пасьянса раскладывал, двигал, убирал, доставал, перекидывал, попутно список имущества составлял. Затем пошел в гараж и слил в канистры бензин из бака пикапа, который оказался заполненным почти под пробку. Слил просто, пробив в баках дыры снизу. Профильтровал бензин, дозаправил снегоход. Все, больше ничего здесь не сделаешь. И так многовато получилось, восемьдесят литров топлива, а это все вес.

Обошел дом, подумав, взял один из ноутбуков с зарядником, а заодно все документы моего дубля, какие нашел. Пусть будут. Все вроде, больше уже ничего не придумаешь. И спать пошел.

С утра же вскочил затемно, по звонку. Из тех продуктов, что здесь остаются, сварганил себе плотный завтрак, затем в термос кофе налил горячего, сварганив его в камине. Перелил в большую флягу полную бутылку «Хеннесси», на всякий случай, для сугреву, например. Еще раз огляделся, убедившись, что ничего не забыл, и пошел в гараж, выгонять снегоход с нартами.

Пока грузился, почти рассвело, и я увидел цепочку следов во дворе. Не человеческих, зверь какой-то, крупный, похоже. Какой — по следам ни черта не понятно, вроде собачьих, но пальцы длиннее и когти впечатляющие. Следы вели со стороны леса. Такое впечатление, что зверь пришел ночью, постоял во дворе, глядя на меня через окно, а потом ушел. Знать бы еще, что это за зверь. Но когда все это представил — мороз по коже прошел. Я тут дрыхну за стеклом, а он оттуда смотрит... как-то не хорошо. И здоровые следы, если это даже собака, то размерами с сенбернара, наверное.

Ладно, кто бы там ни был, а пусть здесь остается. Пойдет следом — достану, у меня винтовка хорошая. Так, еще карту поближе, в пластиковом пакете, убедился только, что развернута на нужной странице. Все, можно ехать. И поехал.

Мелкий снег продолжал падать, но совсем несильно, даже мои вчерашние следы едва присыпал. Скоро совсем рассвело, и я выключил фары «полариса», нечего самому о своем присутствии лишний раз докладывать. Примерно обнаружив дорогу, я повел машину по снежной целине на юг, медленно, аккуратно, не давая себе разогнаться — нет у меня ни запасного снегохода, ни запасного меня, ни сервиса где-то поблизости. Как-то перспектива сдохнуть в канаве со сломанной ногой возле сломанной машины привлекала очень мало. И даже Маресьева не изобразишь, некуда здесь ползти, только пулю себе в купол пустить останется. Поэтому решил, что десять миль в час — самая что ни на есть прекрасная скорость, просто замечательная, можно головой крутить, на достопримечательности смотреть и все равно ничего не пропустишь. Особенно ямы, столбы и низко висящие провода, например.

Мой след привел на перекресток возле «Сити-Маркета», перед которым все так же виднелся грузовик с трупами, на который я даже смотреть избегал. Но сегодня я свернул не направо, к городку, а налево, опять на целину. Дальше дорога определялась в основном по столбикам, торчащим из снега, окрестные поля были огорожены, а дорога поднималась вроде как горбом. Так и ориентировался. Ну и телефонные провода тянулись вдоль дороги на столбах, так что потеряться было трудно.

Снегопады здесь обильными не были, видать, просто снег не таял с самого начала зимы, а так он был достаточно плотным и слежавшимся. Что сам снегоход, что груженные нарты, держались на поверхности легко, совершенно не проваливаясь. Дул довольно резкий и неприятный боковой ветер, гнавший по полям поземку, но, в общем, все было, если можно так выразиться, в штатном режиме. Шлем я не надевал, но защитил лицо лыжной маской и лыжными же очками на резинке, так что ветер беспокоил мало.

Вскоре мне попался указатель «Грэнби Спортз Парк Эрпорт», куда я сразу же свернул, но вскоре убедился, что аэропорт существовал, похоже, только в проекте. Нашел кучи всякого стройматериала, накрытого пластиком, строительные вагончики и желтый бульдозер «Катерпиллер», замерший прямо с кучей глины у отвала. И надо было этот указатель ставить?

В полях, в стороне от дороги, время от времени виднелись фермы, но опять же никаких признаков жизни я там не наблюдал. Главным таким признаком был бы дым из трубы или следы на снегу, но ни того, ни другого так и не обнаруживалось. Виднелись машины, засыпанные снегом, трактора, что-то еще, но никаких признаков жизни. Если люди и уцелели, то, наверное, ушли. Я бы ушел, скорее всего.

Мало-помалу дорога начала приближаться к горам, поля закончились. Обочины начали местами подниматься вверх, превращаясь в каменные осыпи, сжимавшие проезжую часть с обеих сторон. Ну и сама дорога становилась все более и более богатой на спуски и подъемы. Ни заторов, ни пробок, ни препятствий мне пока не встречалось, поэтому подмывало увеличить скорость, но я себя сдерживал. Нельзя. Нет у меня права даже на малейший ненужный риск, некому мне помочь, случись что-то нехорошее.

После часа, наверное, пути, справа попался странный указатель: «Церковь вечных холмов», а метрах в двухстах от дороги виднелось немалых размеров здание, которое этой церковью и было. Привлекло меня название, больно уж причудливое, я даже остановился, разглядывая эту самую церковь. А затем увидел какое-то животное, двигавшееся в лесу, к которому церковь прижималась. Какое-то непривычное животное.

Схватившись за ремень винтовки, вытащил «ремингтон» из-за спины, откинул крышки объектива, выкрутив мощность на максимум. Но опоздал, зверь, или что там еще было, скрылся за зданием. Я подождал пару минут, надеясь, что *это* появится снова, но оно не появилось. А терять время на рассматривание следов не хотелось. Почему-то я подумал, что нечто подобное и рассматривало меня ночью через окно.

В местечке Табернаш, фактически скоплении «бизнесов» у дороги и кучке домов, в которых владельцы этих самых «бизнесов» проживали, я увидел следы снегохода. Они пересекали шоссе и вели куда-то в поле. Остановившись, я несколько минут поразмышлял над тем, не поехать ли следом, но потом передумал. Не хочу терять время, а благодаря радио я уже и так в курсе, что я на этой земле не одинок. В общем, ничего удивительного в наличии следов нет, кто-то предпочел жить здесь, к добру или нет — его личное дело.

Местечко закончилось немалого размера лесопилкой и я подумал, что дровами неизвестный точно надолго обеспечен, равно как и досками — целые штабеля их были выложены во дворе.

Прошло еще с полчаса. Снег неожиданно начал прекращаться, а на горизонте тучи начали расходиться, открывая голубое, словно нарисованное, небо, и яркое солнце. Примерно к этому времени я въехал во Фрэйзер, городишко, представлявший полную противоположность захолустному Грэнби. Горы начинались прямо за Фрэйзером, засыпанные снегом, гладкие, словно даже не настоящие склоны, и городок до эпидемии явно процветал, снимая пенки с

любви публики к горным лыжам. Первое же здание возле дороги оказалось лыжным прокатом, а следующее предлагало напрокат плоты для сплава по горным рекам.

Потом мелькнула вывеска спа-отеля «Медвежий танец», затем немалых размеров двухэтажное здание отеля «Серебряный лист» и прижавшаяся к нему сбоку кофейня «Старбакс», вывеска которой заставила меня с тоской вспомнить капучино с пышной пеной в большой широкой кружке. А неплохо бы сейчас, с холоду-то, хотя я, если честно, еще совсем не замерз. Последним зданием в городке было отделение банка «Заданный», сторевшее дотла. И опять никаких следов человека. Впрочем, сам городок находился слева от дороги, чуть поодаль, и я вполне мог такие следы просто не заметить.

Впрочем, вскоре я обнаружил, что ошибся, пределы Фрэйзера еще не закончились, и он снова приблизился к дороге в виде некоего «Зимнего парка», предлагая рестораны, магазины, прокаты, отели и даже центр йоги «Горная луна». В общем, все как у больших. А еще минут через пятнадцать все такой же неторопливой езды я вкатился в пределы курорта «Винтер парк», который уже никаких сомнений не вызывал — это для туристов, все больше под таймшеры. Блоки таунхаусов и апартаментов, сплошная реклама с предложениями о невозможно выгодных ценах, тут же подъемники, еще недавно поднимавшие лыжников на горы, а теперь замершие, и трассы, трассы, трассы на склонах. Любителям этого дела тут и вправду было неплохо. А вообще от Грэнби недалеко, на том форде, что стоял в гараже, согнать сюда с лыжами и прочим для меня занимало, наверное, полчаса времени. Неплохо тут жилось, по всему судя. И до Денвера, если по основному хайвэю, на машине тоже около часа было, пожалуй, всего ни фига.

Между тем хмарь развеялась окончательно, вышло солнце, заставившее не раз порадоваться тому, что я прихватил с собой еще и поляризованные очки из своих запасов. Снег сверкал так, что без них, наверное, я бы и глаз не смог открыть.

Дальше дорога все время шла вверх, достаточно полого, но вихлясто, проложена она была по распадкам и прилежно повторяла их очертания. Я ехал то на юг, то снова на север, то опять на юг, разглядывая одни и те же вершины с разных точек, но мало сдвигаясь при этом по карте в нужном мне направлении. Исчезло любое жилье, разве что время от времени попадались указатели на «кэмпграунды» — места, где разрешалось разбить палатку, например, или поставить трейлер. Но ни то, ни другое мне не требовалось.

Потом я увидел поворот на Хендерсон Майн Хелипорт — вертолетодром, проще говоря, и не удержался опять, свернул туда, подсознательно ожидая найти там следы Насти. Она ведь не только самолеты водить умеет. Но не нашел ничего, кроме нового белого здания и стоянки с засыпанными снегом машинами. Вертолетов не было ни одного.

Вернулся к дороге и в полукилометре после поворота наткнулся на что-то вроде маленькой деревеньки, всего домов на семь-восемь. Домишки были или модульные, причем не из новых, или бревенчатые, из совсем небольших. Старенькие машины под снегом, заправка — ветхий домик с двумя колонками перед ним.

— Тут привал и устрой, — сказал я себе, глянув на часы.

Больше четырех часов пути позади, причем в основном в положении «сидя неподвижно», что на холоде как бы не слишком хорошо, можно отморозить себе что-то очень важное и даже этого не заметить. Хоть я себе туда, к важному, натолкал смятой бумаги в три слоя, чему в свое время меня научил отец — большой любитель покататься на лыжах по лесу, но все же лучше быть осторожным. Поэтому я свернул с дороги, оглядываясь в поиске каких-нибудь следов, и

подкатил к совсем небольшому, но вполне добротному домику с печной трубой и поленницей дров за ним. Собственно говоря, именно на это я и навелся, как раз требуемое сочетание для привала.

Дальше действовал уже стандартно: заглядывал в окна, стучал в дверь. Никто не отозвался. Дробовиком пользоваться не пришлось, хватило и гвоздодера. Дверь с хрустом поддалась, на меня потянуло слабым запахом тления. Можно было дальше и не заходить, и так все понятно, но не удержался, решил глянуть.

В доме была всего одна спальня, в которой на кровати я увидел два трупа, мужчину и женщину, лежавших обнявшись. Не знаю, от болезни ли они умерли, или как-то по-другому, но умерли давно. Опять же мороз меня спас от куда более ярких впечатлений.

Зачем-то подняв с пола покрывало, я накрыл их обоих с головой, после чего вышел из дома, закрыв, как сумел, за собой дверь.

Во втором доме обошлось без трупов. Судя по открытым дверцам шкафов и вываленным на пол вещам, отсюда уехали, собравшись в спешке. Машины на участке тоже не было. Зато в углу стояла печка, простенькая чугунная буржуйка, возле которой в корзине лежали сухие дрова, которые даже разжигать толком не потребовалось, они от скомканных страниц из старого журнала занялись как порох, распространяя тепло вокруг.

Ну, все, час отдыха и отогрева. Заодно перекусить можно. Поставил снегоход с санями так, чтобы хорошо из окна было видно, «ремингтон» пока отставил к самой двери, где еще не прогрелся воздух, чтобы не отпотевал, а то скоро опять в холод.

Печка, к сожалению, была под готовку не приспособлена, только под обогрев. Но поставленная на нее консервная банка все же стала теплее. Ничего, подожду минут двадцать и уже горячего поем, оно сейчас куда как полезно. Пока же позволил себе глоток коньяку, приятным теплом разбежавшийся по телу. Ну, нормально, жить можно. И надо отдать должное этому охотничьему камуфляжу, тепло держит очень хорошо и при этом не вспотел под ним. Технологии, что тут еще скажешь.

Сел на кухне, разложил карту. А ничего так, примерно шестьдесят километров позади. Третью пути. Можно, наверное, будет напрячься и даже весь путь за сегодня проделать, но не хочу по темноте ехать. Даже в сумерки не хочу — и привычка бояться Тьмы осталась, и просто опасаясь не увидеть препятствие или другую опасность. Так что к сумеркам надо будет найти убежище и тоже, желательно, с печкой. Но пока двигался хорошо, по графику.

Кстати, что за звук?

Прислушался — с улицы вроде как скрип снега под ногами слышен. Метнулся к винтовке, схватил, сняв с предохранителя, осторожно выглянул в окно.

Медведь. Небольшой, почти черный, тощий, крутится возле нарт, что-то вынюхивая. Тьфу, блин, а я напугался. С другой стороны, сейчас распотрошит мои тюки и... возись потом.

Намеренно громко распахнул дверь, высунувшись с «ремом» у плеча, рывкнул на зверя ругательно. Тот вроде бы дернулся бежать, но остановился, глядя на меня.

— Страх потерял? — спросил я грозно, попутно соображая, что дальше делать. Стрелять зверя не хотелось, он мне не угрожал и на меня не охотился, но и давать ему тот хозяйничать тоже не в кайф совершенно, мало ли что он тут сдуру натворит.

Медведь засопел, замотав башкой из сторону в сторону, и я решил перейти к мерам принуждения, дважды выстрелив в снег у него перед мордой. Сработало, он отскочил назад, развернулся и довольно резво понесся в сторону леса. А вот пришел он, подозреваю, на запах мертвечины. Я его не чувю, но у него нос куда поглавней будет. А ведь тоже, наверное, трупоед, как и те собаки. Надо было пристрелить, в общем-то.

6

Проехав еще с десятков километров, я увидел возле дороги небольшой трейлерный парк. И над одним из трейлеров вился дымок, а за воротами на снегу была вытоптана тропинка. Не просто вытоптана, а протоптана частыми хождениями. Но едва я остановился у ворот, из-за дальнего прицепа выбежал растрепанный мужик с дробовиком, что-то заорал истерично и неразборчиво, после чего направил ружье на меня. В переговоры я решил не вступать, поэтому просто махнул ему рукой и дал по газам, исчезнув из проема ворот.

Он все же выстрелил, дробь взбила облако снега на дороге. Я прибавил газу, постоянно глядя в зеркало, чтобы не упустить момента, когда тот выскочит из ворот, но мужик выскакивать не стал.

— Псих, — заключил я, обдумав происшествие.

В общем, не мудрено было свихнуться. Я вон себе пулю в голову пустил, кто знает, что у этого мужика случилось? Но люди здесь все же есть, то следы увидел, теперь вот он. Потом снова увидел следы, опять снегохода, сначала на самой дороге, а потом они свернули на боковую дорогу, поднимающуюся к большому деревянному зданию, похожему на гостиничку. Проверять не поехал, и так все ясно. Тут, по большому счету, всего одна дорога, и если кто живой остался, он будет жить возле нее, как мне кажется.

Потом был пустынный городок Эмпайр, по которому, впрочем, тоже кто-то катался на снегоходе. Городок выглядел так, словно здесь время остановилось во времена «Золотой лихорадки». Впрочем, если я что-то еще помню из книг, в Колорадо она была, вроде, больше «серебряная». На главной улице поразила вывеска «Хард рок кафе» — простенький местный бар никак не походил на одну из бесчисленных, разбросанных по всему миру, точек музыкального фастфуда. Разъяснение пришло из таблички на дверях, которую я не поленился прочитать, остановившись — в данном случае слова «hard rock» подразумевали скалу, а не музыкальный стиль, а первыми посетителями этого кафе, открытого аж в 1936 году, были шахтеры, эти самые скалы и долбившие.

Потом следы снегохода свернули в сторону, затерявших в местных улочках, а я поехал дальше. В городке Дюмон, который был еще меньше чем Эмпайр, моя дорога прижалась к приблизившемуся хайвэю, а затем у почтового офиса свернула резко направо, в лес, став уже и хуже. Я даже сперва усомнился насчет того, туда ли я свернул, но потом сверился с картой и убедился, что по-другому тут никак не выйдет. Может это даже и грунтовка, под снегом не разглядишь. И если бы не лес с двух сторон, саму дорогу потерять было бы проще простого, никаких дополнительных примет. Проехав по ней не больше пары километров, я решил все же не извращаться и вернулся обратно, выехав на хайвэй. Проскочу по нему до Айдахо Спрингс, а вот уже потом сверну в сторону, потому как как раз за этим городком и будет первый туннель. А он мне не нужен.

Снег с шоссе местами сдуло, приходилось объезжать серые пятна асфальта, прижимаясь к ограждению. Если это, так сказать, тенденция, то скоро надо будет задуматься о поиске нового транспорта. А пока я озаботился поисками месте для с главной дороги на параллельную,

снежную, которая шла метрах в пятидесяти справа. Но съездов не было.

В конце концов помог случай — когда то давно, до всяких снегопадов, огромный груженный восемнадцатиколесник проломил ограждение дороги и скатился в кювет, перевернувшись вверх колесами, и теперь так и лежал, напоминая некое убитое чудовище. И через этот пролом мне удалось свернуть на пологий спуск, а потом оказаться на нижней дороге, по-прежнему засыпанной снегом, так что стало полегче.

Так я приблизился к Айдахо Спрингз. Хайвэй слева от меня вдруг резко заполнился машинами, почти что упиравшимися бамперами друг в друга.

— Туннель, — сказал я, глядя на вытянувшуюся пробку. — Или в нем что-то случилось, или его перекрыли. Или... ладно, Тьму пока оставим в покое.

Пробка была не только на хайвэе. Люди, застрявшие там, снимали ограждения, пытались съезжать на другие дороги, пробка расползлась, похоже, на весь городок. Было много сгоревших машин и сгоревших домов. Мне пришлось пробираться на «поларисе» сначала по обочине, а потом местами по целине и вроде как пешеходной тропе.

А еще было много трупов. Трупов в машинах, трупов возле машин. Людям было некуда деваться, наверняка было множество тяжелых больных, уже умирающих. И здесь они умирали где попало.

Почти все трупы были изгрызены хищниками и истреблены птицами. В одном месте увидел свору из пары десятков собак, пытающихся грызть замерзшую человечину на шоссе. Дорога вела меня неумолимо в ту сторону, так что пришлось стрелять, уложив трех собак до того, как вся свора бросилась наутек.

Потом случилось странное — из лесу выскочила огромная собака и крупной рысью понеслась по следам снегохода. Я заметил ее в зеркале и сразу дал по тормозам — уйти здесь он нее, объезжая препятствия, было бы невозможно, я еле полз, а подпускать близко тоже не хотелось. Поэтому я просто соскочил со снегохода, обежал его, на ходу снимая винтовку, уложил ее на руль как на опору, поймал приближающуюся собаку в прицел.

Тварь рывком приблизилась, и я вспомнил о гончих Тьмы, тех самых, от которых пришлось и убегать, и отбиваться, там, в Отстойнике. Но это не было сгустком той самой Тьмы, как там, это было... животное, наверное. Или монстр, что вероятней, потому что таких животных я не знаю. Я открыл огонь когда до твари оставалось метров сто, наверное. Я не промахнулся ни разу, винтовка часто и точно выплевывала пули и каждая из них попадала в цель, выбивая... нет, не красные, а все же черные облака. Только после пятого попадания тварь словно провалилась на переднюю ногу, покатила по снегу и забила в судорогах, а я, не сдержавшись, выстрелил еще дважды, норовя попасть в голову, и после этого она замерла окончательно.

С лязгом встал в приемник полный магазин, а я огляделся по сторонам в поисках другой опасности, но все было тихо.

— Посмотреть надо, — сказал я, стараясь скорее убедить самого себя, потому что внутренний голос активно предлагал плюнуть на все, дать по газам и смыться отсюда как можно быстрее.

Сначала хотел пойти пешком, но потом побоялся далеко отходить от снегохода. Развернулся кое-как и проехал те самые полсотни метров, которых отделяли меня от лежащей на снегу черной туши.

— Ну ты гля...

Если это представитель фауны штата Колорадо, то я — внебрачный сын принца Уэльского и еще какого-нибудь принца. Тварь была лишена шерсти и покрыта, как мне кажется, мелкой чешуей. Что изначально неправильно, потому что такое животное здесь бы замерзло к чёртовой матери, а не гонялось за мной. Еще у твари были совершенно черные глаза, такие, какие я видел у одержимых все той же Тьмой, без зрачков, радужки и белков, как полированные камни. Тварь довольно отдаленно напоминала собаку, но именно что отдаленно. Длинная, какая-то квадратная морда с жуткой пастью и невероятным набором зубов, странно длинные толстые пальцы на конечностях, глядя на которые я сразу вспомнил следы на снегу, что я обнаружил сегодня с утра. Это вот такое меня ночью разглядывало? Ой-ё...

Все же Тьма? Нет, как-то пока не похоже. Хотя бы потому, что здесь слышно радио, а в Отстойнике это было почти невозможно. И то, что передо мной, все же телесно, а убитые твари Тьмы сразу же начинали испаряться и вскоре просто исчезали. А здесь только кровь на снегу. Но вот кровь черная, как... как жидкий гудрон, наверное.

Ладно, я знаю уже достаточно для того, чтобы сочинять теории. То, что этот мир сдвинулся или начал расслаиваться — понятно. Думаю, что расслаивается любой мир, в котором случилась такая большая Беда. И он соприкоснулся с каким-то другим слоем, например. Откуда сюда попадают такие твари. Годится? Как теория — вполне.

Ладно, посмотрелся, надо валить отсюда.

Проехать дальше не удалось. Я рассчитывал уйти на север, в сторону Сентрал Сити и Блэк Хоук, но я даже приблизиться не смог к развилке, на которой это можно было сделать. Пришлось развернуться, вновь проехать мимо убитой черной твари, и свернуть на Чикаго Крик Роуд, оказавшуюся вполне свободной. Похоже, что здесь стояли военные, никуда не выпускавшие людей от шоссе, а потом они место покинули, оставив только рогатки и неизменные мешки с землей. В общем-то, только из-за них дорога свободна и осталась. И по ней я смогу, если все будет нормально, добраться до озера и городка Эвергрин, а уже оттуда такими же боковыми дорогами выехать на Денвер.

Эта дорога отсутствием снега не страдала, здесь его было много, а иногда так много, что я боялся соскользнуть с надутых сугробов вбок, просто слетев с дороги в пропасть. Но «поларис» держал путь твердо, следуя всем поворотам этого по-настоящему горного серпантина, зажатого поросшими лесом склонами. Исчезли все признаки человеческого жилья, один раз попала машина с двумя трупами внутри, расстрелянная как минимум из пулемета, столько в ней было дыр. Затем мне показалось, что двигатель снегохода тянет все слабее и слабее. Сперва испугался было, но потом сообразил, что это все из-за высоты, воздух становится разреженным. А дорога все карабкалась и карабкалась вверх, пока не добралась до какого-то плато, после чего потянулась ровно, как по равнине. Там я нашел подтверждение своим мыслям: большой черный указатель, сообщавший, что я еду по самой высокогорной дороге в США и сейчас нахожусь на высоте 4.346,5 метра, или 14.260 футов. Теперь точно понятно, что с двигателем не так.

Затем я увидел указатель «Эхо Лейк Парк», затем само «лейк», то есть озеро, а уже проехав его, увидел еще один указатель — «Эхо Лейк Ланж», то есть гостиница. А это как минимум крыша над головой, а я уже созрел для следующего привала. Да и над картой надо бы посидеть.

Гостиница оказалась довольно старым деревянным зданием, крашенным в «суриковый» цвет.

Окна нижнего этажа были закрыты ставнями. Подозреваю, что работала она сезонно, и так ее «консервировали» на зиму. Или на время, например, пандемии. Озеро, лес, стоянка, но самое главное не это — у самого подъезда стоял снегоход, накрытый сейчас брезентов. И вокруг крыльца были натоптаны тропки. А из трубы, прижавшейся к дальней стене гостиницы, понемногу валил дымок.

— Тук-тук, кто в теремочке живет? — спросил я, подъезжая к крыльцу и положив ладонь на рукоятку револьвера.

Дверь передо мной распахнулась, в проеме показалась женщина с дробовиком наперевес.

— Ты кто? — спросила она, не утруждая себя приветствиями.

— Еду из Айдахо Спрингс в Эвергрин, хотел снять комнату на ночь. Это же отель, я не ошибся?

— Отель открыт с апреля по октябрь, а сегодня Рождество, — усмехнулась она.

Лет тридцать, не красавица, крепкая, скуластое лицо, тонкие губы, маленькие глаза, волосы убраны в хвост. На скулах и лбу мелкие красноватые пятна, почти незаметные. Суперкорь? Но больной она не выглядит, совсем, держится уверенно.

— Я не знал, — широко улыбнулся я в ответ. — И насчет Рождества... это серьезно?

Здрав рукав куртки, я глянул на часы. Ну да, двадцать пятое декабря, тут день рождественского обеда должен быть.

— Не следил за календарем? — опять усмехнулась она. — Если обещаешь не напиваться и вести себя хорошо — заходи. Зато праздник получится, — и с этими словами она скрылась за дверью.

— Праздник так праздник, — пробормотал я по-русски на чал собирать вещи.

Не похоже, что отель переполнен, найдется место для ночлега, я думаю.

Ввалившись со всеми сумками и чехлами в холл, даже немного удивился — а симпатично здесь было. Бревенчатые стены, высокий купол потолка, огромный камин, пустой бар с десятком столиков. Немаленький сувенирный магазин, торгующий всем, от брелоков до свитеров с эмблемами. Елка искусственная, наряжена по-праздничному, разве что лампочек нет. Поискал глазами женщину и увидел ее в дальнем углу бара, у камина. Понятно, что за труба дымилась.

Одно окно в баре, кстати, свет пропускало, щит с него был снят, иначе бы я ничего и не разглядел здесь, пришлось бы с фонариком гулять.

— Можешь бросить все там, где стоишь, в отеле все равно никого нет, — сказала она, обернувшись. — Или занеси сюда. Или поднимись на второй этаж и забрось в любой номер кроме первого, в первом живу я. Только ключи сначала возьми.

— Пока здесь брошу, — сказал я, затаскивая сумки в бар. — Вот здесь, у стенки полежат.

— Садись, — поднялась она от камина и показала на стулья, выстроившиеся вдоль стойки. — Чего тебе налить? — спросила она затем, зайдя с противоположной стороны.

— Отель закрыт, но бар работает? — уточнил я, стягивая куртку.

— Бар тоже закрыт, так что все за счет заведения, — усмехнулась она и повторила вопрос: — Что-то выпьешь?

— М-м..., - задумался я, прикидывая, чего бы лучше с холоду принять, потом спросил: — Водка есть?

— Есть. Но за льдом тебе придется идти на улицу.

— Я русский, для нас водка со льдом — оскорбление, — засмеялся я.

— Мне лед все равно нужен, так что иди, — сказала она. — Там, на перилах стоят лотки, прихвати один.

Я высунулся из гостиницы — и правда, прямо на перилах крыльца стояли пластиковые лотки со льдом, из тех, что обычно в морозилках лежат. Взяв один, вернулся с ним в бар.

— Спасибо, — кивнула женщина. — Так тебе водку без льда?

— Давай лучше виски со льдом, — поменял я предпочтения.

Вообще-то виски не очень люблю, как и водку, но сейчас согреться хочется. А тут, как посмотрю, полный набор всего, что было в баре, имеется. Она не удивилась, опять кивнула, выбила лед из лотка на полотенце, потом, бросив несколько кубиков в стакан, налила туда «Дикой индейки». Потом взяла бутылку красного калифорнийского вина и налила себе бокал.

— Счастливого Рождества, — сказала она. — Я Лора Джин. Предпочитаю, чтобы меня так и звали, не Лорой и не Лори. Работала здесь раньше менеджером, теперь просто живу.

— Влад, — на англоязычный манер сократил я свое имя. — Жил возле Грэнби, теперь еду в сторону Денвера.

Ожидал, что она спросит про акцент, но Лора Джин не спросила. Хотя, для американцев любые акценты — вариант нормы, наверное, нет никакого смысла внимание обращать. Спросила она о другом:

— Почему в Денвер?

— В ту сторону поехала моя жена, мы... разминулись.

— И она проехала? — в вопросе явно послышалось удивление. — Давно это было?

— Примерно после того, как все это, — я не стал уточнять, но она меня поняла, — в основном закончилось. И да, она полетела, на самолете.

— На самолете? — еще больше удивилась она. — Ну да, на самолете можно было прорваться, пожалуй. Ну а дальше что, где ты собираешься искать ее в Денвере?

— Там попробую сориентироваться. Думаю, что потом она полетела южнее.

Я не стал уточнять, куда именно южнее, но Лора Джин сама развила мысль:

— К этим, в Анклав? Ну, да, наверное, можно и туда. У нее иммунитет?

— Да, как и у меня, — не стал я, естественно, вдаваться в подробности.

— Ну ты, парень..., - она аж задохнулась, — тебе, мать твою здорово повезло, а? Давай, за иммунитет, — подняла она бокал, чокнувшись с моим стаканом. — У обоих иммунитет, ты, мать твою, гребаный избранный. Ладно, отдыхай, я накрываю стол.

— Стол? — поразился я.

— Если я живу здесь одна, то это не значит, что Рождество не будет отмечаться. Я подстрелила вчера большерогого, — она кивнула на стоявшую углу винтовку с оптическим прицелом, — как раз порезала на стейки. Два хороших, больших стейка осилишь?

— С гарантией. Спасибо.

— Без проблем, парень, — сказала она. — Можешь пока заселяться, ключи на стене за стойкой ресепшена.

— Спасибо, — повторил я. — Допью и сразу займусь.

Допил быстро, с морозу вискарь лился как под гору. Собрал все имущество, выбрал ключ с тройкой на брелоке, и потащился наверх. Комната номер три оказалась прямо напротив первой. В комнате, естественно, оказалось не жарко, но все же температура не минусовая. Похоже, что гостиница как-то отапливалась от каминов. А вот воды в кранах не было. Странно, здесь водопровода быть не может, откуда ему тут взяться, так что скважина, наверное? Или из озера? Да, наверное, насос из озера качает и где-то фильтрует.

Переделался в свое, прихваченное из дому — брюки из плотной ткани со множеством карманов производства некоей компании «Блэкхоук!» — даже вот так, с восклицательным знаком, свитер, на диво удобные ботинки вроде кроссовок, похоже что для туризма, в мое время таких еще не было. Потом, подумав, надел кобуру, которая прям под пояс, в штаны, сунул в нее маленький «таурус». Посмотрелся в зеркало — так и не видно, что вооружен.

Когда спустился вниз, из кухни тянуло жарящимся мясом, а Лора Джин где-то там громыкала сковородками. Судя по всему, она услышала, что я вернулся потому что крикнула:

— Десять минут!

Зайдя за стойку, я нашел бутылку из которой она мне наливала, и плеснул еще немного виски в стакан, на так до конца и не растаявший лед — жарко здесь не было.

Десяти минут хозяйке не понадобилось, она появилась примерно через пять, сноровисто застелила один из столов, тот, что у не закрытого щитом окна, расставила приборы, потом снова исчезла в кухне и появилась с двумя огромными тарелками.

— Садись. Картошка последняя, наверное, все, что удастся найти, уже или испорчено, или проросло, — пояснила она, подразумевая горки золотистых «френч фрайз». — Овощей нет вообще, так что лей больше кетчупа.

Сначала я не понял, что она имела ввиду, но потом увидел, что она разместила свой стейк между половинками круглой булки, вбросила туда два ломтика сыру, полила все кетчупом и превратила прекрасное мясо в банальный чизбургер. К счастью, столовые приборы она не проигнорировала, так что мне никто не мешал резать мясо по кусочку и есть как человек.

Горная баранина, или как ее правильно назвать, оказалась слегка жестковатой, но вкусной, и прожарена была хорошо. Лора Джин немного удивленно посмотрела на то, как я ем, потом

спросила:

— Ты в стране недавно?

— А что, так заметно? — усмехнулся я.

— Ну... да, наверное. Плюс акцент. Откуда ты?

— Украина, — сказал я, решив на всякий случай не произносить слова «Россия», вдруг тут пандемия какие-нибудь неправильные рефлексy всколыхнула.

— Это в Европе? — уточнила она на всякий случай.

— Ну, вроде как, — ответил я, ожидая продолжения расспросов, но она начисто потеряла интерес к географической теме. — Как ты здесь одна очутилась?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Сначала собиралась умереть, потом вдруг выжила, на заработала Дабл-Ар-Эс, — она зачем-то повернулась ко мне в профиль, но потом снова взялась за еду, — Решила, что пока лучше жить здесь. Тихо, ты первый человек, который заглянул сюда с самого начала. Есть «след», — она ткнула пальцем в сторону укрытого брезентом снегохода на улице, — на нем езжу... по делам, не знаю как правильно сказать. — Ищу еду и всякое.

— И как с едой?

— Мне здесь одной года на три, наверное, хватит. Пока проживу, дальше будет видно.

— А к людям идти не хочешь?

— С Дабл-Ар-Эс? — вроде как немного удивилась она.

— Они говорят, что это лечится, — вспомнил я передачу.

— Да всякое слышала я про этот Анклав, — сказала Лора Джин с заметным сомнением. — Налей мне вина, пожалуйста. И себе что хочешь.

Ее бокал стоял пустой, и я мысленно укорил себя за отсутствие манер. Подумав, я решил с виски завязать и прихватил винный бокал еще и для себя. Вино оказалось довольно молодым и вполне вкусным. Предварительно выпитый алкоголь уже подействовал, в баре вроде как было совсем не холодно. Да и от камина заметно тянуло теплом. Может тут спать пристроиться?

— Хорошее вино, — похвалил я, покрутив его в бокале.

— Да, мне нравится. Вина много везде, хватит надолго. Здесь на весь округ и десятка человек не найдется, так что нет конкуренции среди лутеров [1].

— То есть люди вокруг еще есть? Я пару раз видел следы, да какой-то псих ни с того, ни с сего стрелял в меня из дробовика, хорошо, что не попал.

— Есть, — кивнула она, прожевав очередной кусок своего чизбургера. — Живут в основном как я, где-нибудь на отшибе. Такие же, — она постучала пальцем себе по лбу.

Я не совсем понял, что она имеет ввиду, но уточнять не стал, не хотелось показаться совсем

марсианином. Похоже, что говорила она о чем-то для всех очевидном. Для всех кроме меня.

— Как тебе большерогий? — спросила она.

— Волшебно, — не покривил я душой. — Здесь охотилась?

— На другой стороне озера. Людей не осталось, с охотой все лучше и лучше. Можно прожить.

— Одной?

— Лучше одной, чем вцепиться друг другу в глотки в один день, — пожала она плечами. — Сейчас для меня это не самое важное. Я серьезно говорю, — добавила она, с чего-то решив, что я ей не поверил.

— Я верю. Но одному жить все же опасно, я вот о чем. Упасть и что-то сломать, свалиться с приступом аппендицита...

— Аппендикс мне уже удалили, так что боюсь только зубной боли, — перебила она.

— От зубной боли тоже можно рехнуться подчас.

— У меня и без нее достаточно поводов, — как-то не слишком понятно ответила она. — В любом случае можно доехать до Централ Сити, там вроде бы есть доктор.

— В Централ Сити живут? — удивился я.

— Ты не знал?

— Откуда? Я в эту сторону вообще не заезжал, — выдвинул я причину своего незнания реалий.

— А... понятно. Там почти человек сто, все с Дабл-Ар-Эс, вроде как банда. Своих они не трогают, если... ну сам понимаешь, — сделала она небольшую паузу, глядя мне в глаза, из-за чего я вынужден был скроить гримасу некоего понимания, — а вот тебе бы туда лучше не попадать. А таких как я даже зовут.

— Почему не едешь?

— Ну а самому подумать? — иронично посмотрела она на меня. — Представь сотню таких как я, что у них за жизнь там?

Я попытался представить сотню «таких» и не смог, потому как до сих пор не понял, о чем идет речь. Появилась идея даже признаться начистоту, сказать, что я один из Чужих, или как нас там по радио называли, но потом решил не гнать коней. Может быть тут Чужих только правительство Анклава и любит? Может мы тут за разносчиков заразы или что-то еще? А почему бы и нет, к слову? Кто-то провалился с обычно корью из своего слоя, а для этого слоя она обернулась Суперкорью. Как вариант.

Хотя нет, не складывается так, для того, чтобы начали проваливаться из других слоев, надо сперва чтобы здесь какая-то катастрофа случилась... наверное.

Разговор клеился, появилось и вправду ощущение какого-то праздника, того самого Рождества. Я даже елку со всеми игрушками перетащил в бар. Допив бутылку вина, открыли еще одну. Я даже подумал, что есть риск завтра с утра не выехать, похмелье и долгий утренний сон становится вполне вероятным, но смирился — как-то за болтовней с Лорой Джин, к тому же

явно не претендовавшей на меня, вроде как душа понемногу расслаблялась. Все же первый живой контакт с человеком в этом мире. С живым человеком.

— Меня папаша один растил, — рассказывала она. — Мать свалила с каким-то идиотом из Форт-Коллинза, мне тогда года три было. В общем, уже в четыре он таскал меня на охоту, сперва на сурков, потом уже и на антилоп. В семнадцать выскочила замуж за точную копию папаша. Тэд торговал запчастями для грузовиков, а все остальное время пропадал на охоте или рыбалке. Если мне надо было переспать с мужем, то лучше было делать это в палатке, дома он бывал реже. Ребенка мы заделали в этой самой палатке, даже помню, что в этот день муж наловил форели. В общем, когда я поняла, что осталась совсем одна, то осознала две вещи: я не смогу и часу больше провести в своем доме. Просто не могу, понимаешь?

— Понимаю.

— Нет, если ты не наврал про то, что у твоей жены иммунитет, то ты не понимаешь, — вздохнула она. — Дети были?

— Нет.

— Нет, ты точно не понимаешь. Не сможешь понять, — она придвинула ко мне свой бокал, сказав: — Налей еще. Нет, не сможешь. И да... к чему это я...

— О двух вещах, которые ты осознала, — напомнил я.

— Да... не смогу ни часу быть в своем доме. И смогу прожить одна. Хочу жить одна. Надолго, не надолго — я не знаю, но я не хочу видеть людей вокруг. Сейчас не хочу.

— А я?

— Ты? Ты все равно уедешь. И сегодня действительно Рождество, нельзя быть сукой, выставляя незнакомого человека из места, которое мне все равно не принадлежит. Как-то так. Кстати, ты бы уехал?

— Не знаю, — немного озадачился я. — Уехал бы, скорее всего. У тебя ружье было, что мне, стрелять? Не вижу повода. А как еще попасть внутрь, если бы не пустила?

— Да, наверное, — кивнула она, отпив вина. — Черт, я напилась совсем, в первый раз с тех пор, как..., - Лора Джейн не закончила. — Но мне нравится. Ладно, десерт! Я сейчас.

— Тебе помочь?

— Не надо, ты в гостях. Пусть отель не мой, но уже мой, я здесь главная. Сиди, в общем.

Она поднялась и пошла на кухню, прихватив керосиновую лампу, стоящую на полу возле стола. А я почувствовал, что засиделся, и пока она готовит десерт, каким бы он ни был, решил немного размяться, походив по залу. Зажег еще одну лампу, поставив ее на полку ближе к выходу, потом пару раз прогнулся назад и наклонился, стараясь достать пальцами носки ботинок — даже спина немного затекла от долгого сидения. Сколько мы уже за столом? Я глянул на часы — а нормально, немало так, вот разговорились!

— Ты это окно постоянно держишь открытым? — крикнул я.

— Нет! — послышалось с кухни. — Сейчас вернусь с десертом и закрою. Мне страшно, когда я

ничего не могу разглядеть с той стороны.

— А здесь причины для страха бывали?

— Нет, пока нет. Сюда даже собаки не забегут, трупов нет, а трупоеды тем более. Ты же через Айдахо Спрингс ехал сюда?

вернуться

1

Лутер (looter) — мародер

— Да, — подтвердил я, подойдя к двери кухни и опершись на косяк. — Оттуда.

— Без приключений? — обернулась она.

Я разглядел, что у нее, похоже, там яблочный пирог на столе. Ну ты скажи. А сейчас она примеривалась открыть какую-то консервную банку.

— Что случилось?

— В собак пришлось пострелять, потом..., - я немного растерялся, не зная как поименовать напавшую на меня и убитую тварь, но Лора Джин подсказала:

— Трупоед? Какой, вроде собаки который?

— Он самый.

— Грязные твари, ненавижу, — выругалась она. — Убил?

— Убил.

— Это хорошо. Но сюда они не добирались и думаю, что не доберутся. Им пробки на хайвэе надолго хватит.

Отставив в сторону открытую банку, Лора Джин протянула руку к бокалу. Что произошло дальше, я только не разглядел. Похоже, что бокал ударился от угол стойки с ножами, треснул, посыпалось стекло, вино вылилось на стол.

— Проклятье! — дернулась Лора Джин, поднеся ко рту окровавленный палец, видать, напоролась на торчавший вверх клыком кусок стекла. Затем она как-то странно посмотрела на меня, затем сказала напряженным голосом: — Слушай, иди пока отсюда, хорошо?

— Может тебе помочь? — предложил я. — Перевязать? Я вообще-то умею.

— Просто иди, хорошо? Иди к черту, я сказала!

В голосе почувствовалась настоящая злость. Керосиновая лампа освещала кухню довольно скудно, но мне показалось, что пятна у Лоры Джин на лице стали ярче, словно краснотой налились.

— О-кей, все нормально, я ухожу! — поднял я руки в примирительном жесте. — Считаю, что

уже ушел.

Она так не посчитала. В какой-то момент я просто увидел, как ее глаза налились кровью, губы разъехались в злобной гримасе, обнажая зубы, испачканные кровью из пораненного пальца, а затем она дико закричала, схватила из стойки здоровенный кухонный нож, и бросилась на меня.

— С ума сошла? — крикнул я, отскакивая в сторону от двери и хватая со стойки металлический поднос.

Женщина проскочила мимо, махнула ножом перед собой, рывком развернулась, глядя на меня. Я вспомнил про револьвер на поясе, но... мы же только что сидели вместе, говорили и я точно знаю, что говорил я с человеком, даже с хорошим человеком. Какой тут револьвер?

— Лора Джин, просто успокойся! — сказал я, выставив поднос перед собой как щит. — Не делай глупостей, я тебя очень прошу!

Диалог не состоялся. Она как-то по звериному присела, глядя на меня совершенно обезумевшими глазами, затем рванулась вперед, нелепо, но опасно размахивая ножом. Я принял удар ножа на поднос, который оказался пробит всю глубину лезвия, затем одновременно дернул, поворачивая, поднос в сторону, силясь обезоружить сумасшедшую, а заодно оттолкнул ее ногой, отчего она отлетела назад, запуталась в ногах и свалилась на пол.

— Угомонись! — заорал я на нее, но в ту же секунду понял, что она не уgomонится. Она завалилась набок, сунула руку в карман, и я, предчувствуя нехорошее, рванулся назад вдоль стойки.

Грохнул один выстрел, где-то у меня над головой брызнула осколками бутылка, затем хлопнул второй, выбив щепки из стены. Затем послышался отчаянный визг, Лора Джин вскочила, держа в руках маленький двухствольный пистолет «дерринджер», огляделась по сторонам, явно в поисках другого оружия, и мой взгляд упал на винтовку, стоявшую почти что рядом со мной.

Не хватало еще, чтобы она до нее добралась! Схватив оружие, я перевалился через торцевой поворот стойки, свалился на пол, затем рванул в сторону входной двери, к холлу. У дверей резко свернул направо, прижался к стене, схватив винтовку как дубину.

Точно, где-то там был еще и дробовик, тот самый, с пистолетной рукояткой, с которым она встретила меня на крыльце. И эта моя догадка сразу же подтвердилась: в баре грохнул выстрел, дробовая осыпь ударила по сувенирам на полках в холле. Затем снова крик, звук передернутого затвора, затем шаги, размеренные, тяжелые, какие-то не женские. И тяжелое, злобное дыхание.

Схватив винтовку за ствол и цевье, я поднял ее как дубину, стараясь при этом даже не дышать, чтобы не выдать своей позиции. Шаги приблизились, послышалось какое-то скуление, затем сменившееся бормотанием. Я не смог разобрать ни единого слова, а затем снова грохнул выстрел. Сверкнула вспышка, осветившая темный холл, резко запахло стгоревшим порохом. Я вообще обратился в статую, в манекен, зачем-то при этом еще и считая про себя.

Снова шаркающие шаги, ствол дробовика показался в двери и я изо всех сил опустил на него приклад винтовки. Загремел металл о каменный пол, послышался крик то ли разочарования, то ли ярости, а я, отбросив винтовку, выскочил из-за угла и с ходу пробил качественную боксерскую двойку в голову стоящей передо мной женщине. Ее закрутило на подгибающихся ногах, после чего она завалилась в сторону, перевернув стул и сдвинув стол.

Лора Джин пришла в себя, лежа на диванчике из холла, который я притащил в бар и придвинул поближе к камину — единственному теплomu месту в гостинице. Руки у нее были связаны за спиной клейкой лентой, равно как и ноги в щиколотках. На левой скуле у нее наливался здоровенный синяк. Сейчас глаза у нее были совершенно нормальными, красные пятна с лица почти полностью исчезли. И еще было видно, что она вымотана до предела.

Я приподнял ее, устроив сидя, затем спросил:

— Пить хочешь? — показав бутылку минеральной воды.

— Хочу, — сказала она. — Можешь развязать меня, уже все нормально.

— У кого нормально? — удивился я. — У меня пока нет. Ты меня только что пыталась зарезать и застрелить, а никаких объяснений этому я еще не получил. Так что не будет торопиться со словом «нормально».

Она посмотрела на меня озадаченно. Я решил, что она ничего не помнит из того, что было сейчас, но ошибся, похоже, что ее заинтересовало что-то другое. Она спросила:

— Ты Чужой?

— Послушайте, леди, — я поставил себе стул неподалеку от дивана и уселся на него задом наперед. — Если вы не станете отвечать на мои вопросы и начнете задавать свои, то я просто перегну вас через спинку вот этого самого дивана, возьму палку и стану бить ей по вашей не столь уж маленькой заднице до тех пор, пока вы не дадите мне всех объяснений. Я понятно выразился?

Она вздохнула тяжело, посмотрела на меня так, словно разговаривала с неразумным ребенком, затем спросила:

— Скажи, мистер, сколько раз во время разговора я сказала тебе, что у меня Дабл-Ар-Эс? Раз десять? Двадцать? И ты не сделал никаких выводов? Так не бывает. Ты Чужой?

Похоже, что за мной и вправду какой-то косяк. Или я не знаю чего-то такого, из-за чего выгляжу полным идиотом.

— Я Чужой. Почти... но это неважно. Чужой. Теперь говори, что с тобой не так.

— Я выжила после энцефалита, но с синдромом возвратного бешенства [2], Дабл-Ар-Эс, — сказала она медленно, глядя мне в глаза. — Если бы ты не был Чужим, провалившимся к нам совсем недавно, ты бы знал, что это такое. Затем я порезалась на кухне, и если бы ты хоть что-то соображал, то ушел бы сразу, но ты этого не сделал. Ты пока еще не понимаешь?

— Пока нет, — ответил я честно.

— Кровь, моя кровь, она спровоцировала приступ, — терпеливо продолжила она объяснять. — Все знают, что у людей с синдромом при виде своей крови... не только своей, но со своей это хуже всего, начинаются припадки. Вот как у меня. Тебе надо было просто сразу уйти и побыть где-то там, где я тебя не вижу. А ты полез со своими перевязками, то есть вел себя как последний идиот.

— У тебя и сейчас палец в крови. Если я тебя развяжу, и ты его увидишь — тебя снова понесет? — поинтересовался я.

— Нет, уже не понесет, мистер, — сказала она чуть не по слогам. — Меня теперь долго не «понесет», потому что припадок закончился. Так что, мистер супермен, можете развязывать и ничего больше не бояться. А если боитесь, то держите оружие к себе поближе.

— Мда? — задумался я.

Нет, сейчас она выглядела более чем нормальной. Я просто физически чувствовал, что никакой опасности она не представляет. То существо, что гонялось за мной минут десять назад, было не ей.

вернуться

2

Синдром возвратного бешенства — Relapsing Rabies Syndrome, RRS.

— Ладно, пусть будет так, — кивнул я, вытаскивая из кармана брюк небольшой, но отчаянно острый складной нож, найденный тоже у себя.

Лора Джин ножа не испугалась, просто вытянула ноги перед собой. Одним движением я рассек ленту у нее на щиколотках, потом зашел сзади и освободил руки. Она начала растирать запястья, сказав при этом:

— Дай попить.

Я протянул ей пластиковую бутылку с водой. Пила она жадно и много, почти опустошив ее. Затем ощупала лицо, спросила у меня, обернувшись:

— Выглядит ужасно?

— Ну..., - замялся я, — на конкурс красоты пока рановато. С недельку лучше подождать.

— Хорошо, что не застрелил меня, — вздохнула она. — Ладно, у нас яблочный пирог по плану. И банка заварного крема к нему. Десерт никто не отменял.

— Точно, — кивнул я. — Счастливого Рождества.

— Тебе тоже.

Как ни странно, но мы вернулись за стол, который в недавних событиях совсем не пострадал. Пострадали только поднос и винтовочный прицел, пришедший в негодность.

— У меня таких еще с десятков, — мотнула головой Лора Джин, выкладывая мне на тарелку большой кусок пирога и поливая его кремом из банки. — Я много оружия собрала по окрестностям. Так что забудь.

— Вина тебе налить? — спросил я, снимая из подвески над стойкой еще один бокал.

— Нет, мне уже не надо, — ответила она и перехватив мой взгляд, пояснила: — Могу просто

свалиться после вот... ну ты понял. Мне лучше воды... нет, достань колу оттуда... снизу.

Вместо бокала вина я поставил перед ней высокий стакан кока-колы.

— Яблоки были консервированными, — пояснила она, показав на пирог. — Но вроде бы нормально получился.

— Просто отлично, — сказал я вполне искренне. — Но ты мне расскажи все же, что на самом деле случилось.

— Ты все видел, — пожала она плечами. — Чуть не у половины выживших обнаружился Дабл-Ар-Эс. Все признаки бешенства как у собак, или там лисиц, даже водобоязнь, просто никто не умирает... из носителей. Даже когда я вот этого большерога разделявала, — она показала на опустевшую тарелку из-под стейка, — тебе лучше было бы держаться подальше, хоть из-за животных такого не случается обычно. Ну и еще... это накапливается.

— В смысле?

— В том, что если я сейчас порежусь, то ничего не случится. Через неделю могу сильно разозлиться. Через месяц будет как сейчас.

— А если никого рядом не будет? — уточнил я.

— Если никого не будет, то... не знаю, буду кричать, злиться, могу как-то себе навредить. Но просто так ничего не случается, всегда нужен триггер, вот как это, — она показала заклеенный пластырем палец.

— А что не так с людьми из Централ Сити? — вспомнил я недавний разговор.

— Есть еще способ избегать припадков, — сказала она, подумав. — Например, можно кого-то убить. Чем больше крови, тем лучше. Ты... ты фокусируешь свое бешенство на жертве, ты не опасен больше никому, в том числе и себе. Но если ты уже пошел по этому пути, то... сам понимаешь. Ты меняешься. Совсем меняешься.

— И там именно такие?

— Именно такие, да, — кивнула она. — Хотя между собой они тоже плохо уживаются, всякое случается.

— Ты там была?

— Нет, я не была, но Уилл Мастерс, который сейчас живет возле Эвергрин, пожил у них с месяц. Он и рассказал. Ну и слухи даже у нас расходятся.

Я кивнул, примерно представив, как это может все выглядеть. И что из такого может получиться.

— А вот эти, — я провел себе пальцем по скуле и лбу, — пятна, они только у людей с синдромом?

— Не только, у некоторых выживших они тоже есть. Обычно с утра, если ты выспался, их вообще не видно, к вечеру проявляются. Нет у совсем иммунных, и у Чужих, таких как ты, — усмехнулась она. — Слушай, для тебя ведь это все должно выглядеть как плохое кино. Почему ты такой спокойный?

— Потому что уже не в первый мир провалился. Всякое бывает. Бывают вещи более странные чем здесь, и даже твари мерзее этих ваших трупоедов.

Она посмотрела на меня странно, но как-то не удивилась. Хотя, чем ее еще удивить можно? Лора Джин лишь схватила с вилки еще кусок пирога, запила его кока-колой, после чего спросила:

— Расскажешь?

— Да без проблем, в общем-то, — пожал я плечами. — Только сразу договоримся, что ты мне веришь. По рукам?

— Ага.

8

С утра пораньше я так никуда и не уехал. Сначала проговорили, сидя за столом, почти до четырех, потом проспал до полудня, к тому же без похмелья не обошлось. Холодина в гостиничном номере была изрядная, никакого отопления в нем не было, но под тремя одеялами выспался даже очень хорошо, разве что вылезать с утра на холод было проблематично.

— Блинчики, — сообщила Лора Джин, когда я спустился в бар. — С кленовым сиропом, или ты их как-то по-другому ешь?

Я кленовый сироп в жизни не пробовал, — сознался я, явно повергнув ее в шок. — Но думаю, что все будет хорошо.

— Есть джем там в шкафу, разный, — показала она лопаткой, которой переворачивала блинчики на сковороде. — Я его отовсюду тащу. Выбери какой нравится. Кстати, как я выгляжу? — повернулась она ко мне.

Лучше она не выглядела, точно, синяк налился еще гуще и заметно потемнел.

— Ну... недельку я бы в свет не выходил, — прокомментировал я зрелище. — Могу даже повторно извиниться.

— Это поможет, разумеется, — усмехнулась она. — Ты не передумал насчет Денвера?

— Я осторожно, посмотрю с окраин и попытаюсь свалить.

Такая моя осторожность стала следствием ночного разговора, из которого я о многом узнал. В частности о том, что некоторые из больших городов превратились или не в рассадники Тьмы, чего ожидал я, то как минимум в рассадники вот такой мерзкой твари, как та, что я вчера подстрелил. «Там воздух как над костром колеблется» — объясняла мне Лора Джин: «Если видишь такое место, даже близко старайся не подходить. А люди говорят, что Денвер весь такой».

Странно... хотя что тут странного-то, в том, что как раз это мой мозг усвоил легко. В «концепцию Тьмы» это все вполне укладывалось. Даже какая-то закономерность уже наблюдается: вместо адаптантов люди с синдромом, вместо Тьмы — воздух колеблется, понимаешь, вместо тварей Тьмы — эти самые трупоеды. В общем, у меня перед местными и пришлыми одно большое преимущество — я это все уже видел и меня ничем таким не

удивишь.

А в остальном... она много рассказывала. Как началось, как появились карантинные, как солдаты в защитном снаряжении организовывали кордоны, а потом оказывалось, что вся их защита уже ни на что не годна. Тогда началась насильственная мобилизация всех иммунных, на них надевали форму, наскоро учили и ставили на посты. В общем, за счет этой мобилизации подобие государства и сохранилось, произошло что-то вроде насильственного отбора выживших. А потом, после того, как стало ясно, что все, кто должен был умереть, умер, оставшиеся двинулись к югу, где образовывалось новое государство. Сохранить за собой всю территорию они уже не могли.

— А всякие атомные станции и прочее?

— Не знаю, не думала об этом. А что?

— Ну, их так просто не выключишь, насколько я знаю, надо их и дальше контролировать.

— Значит, как-то контролируют, — пожала она плечами. — В Колорадо раньше была одна станция, в Плэттвилле, но ее закрыли лет пятнадцать назад из-за каких-то проблем.

— Понятно. А снег где закончится?

— После Эвергринского будет все меньше, к Айдахо закончится совсем. Ищи машину, там их будет много.

Тоже ведь проблема. Может оказаться так, что снег начнет заканчиваться там, где на машине еще не проедешь. Квадроцикл бы какой-нибудь найти, из тяжелых.

— Квад где можно найти?

— Если только в гаражах искать, — удивилась Лора Джин вопросу. — Их прокат в Айдахо Спрингс, но ты оттуда не проедешь, сам видишь. Не знаю, здесь ничем помочь не смогу. Садись, — указала она на стул возле стойки. — Дальше есть гора с трассами, очень людное было место, самые дешевые билеты, тридцать девять долларов за день в разгар сезона, называется «Эхо Маунтин», там никого, но у них летом я точно видела квады... нет, ты все равно не проедешь, до самого Эвергринского дорога завалена.

Блинчики, больше напоминавшие оладьи, лежали стопкой на большой тарелке. Лора Джин выставила еще две тарелки и дымящийся кофейник с двумя кружками. Подцепив вилкой верхний блинчик, я перекинул его к себе, бросив сверху ложку джема.

— Как?

— Великолепно. Если поест больше одного раза, можно получить зависимость, — похвалил я стряпню.

— Едешь сегодня или подождешь до завтра?

— Сегодня, — ответил я, не раздумывая. — До Эвергринского я точно доберусь, как минимум, до сумерек, а это все же шаг вперед.

— Твое дело, — не стала она разубеждать меня. — Рада была знакомству.

— Взаимно.

Разговор как-то угас, вроде как все темы исчерпались. Мысленно я уже уехал, она же осталась в своем желанном одиночестве. Еще вместе, но уже разошлись. Но попрощались тепло. Уже усевшись на снегоход, я вспомнил о том, что так и не надел, общаясь с ней, маску. Зря, наверное, но... все равно какая-то уверенность есть в том, что не заражусь. *Он* не заразился, ну и я не должен. Наверное.

Дорога после гостиницы карабкалась вверх, затем после того, как я отставил за спиной указатель на «Эхо Маунтин» — со слов Лоры Джин самой популярной в окрестностях лыжной горы — понемногу начала идти под уклон. Видны были частично занесенные следы снегохода — думаю, что этот как раз моя недавняя собеседница оставила. С ее слов она чуть не каждый день в ту сторону ездила.

В одном месте, где дорога шла по склону распадка, на противоположном склоне заметил какого-то рогато-копытного зверя, в положении «мечта охотника», метров двести до него и стоит в профиль. Даже рука потянулась за «ремом», но потом я такое движение пресек очень решительно — на кой черт мне это надо? Что мне потом с ним делать?

Когда впереди на холмике показались дома вроде *моего*, я остановился и сверился с картой. Да, это Эвергрин, доехал. Похоже, что местечко вроде Грэнби, только помоднее будет. И вот эти дома... уверен, что в гаражах там не один десяток квадроциклов есть. Просто не может не быть, потому что в таких местах селятся какие люди? А вот вроде *меня*, то есть любители всякого активного отдыха.

Нет, вру, не совсем как у меня. Мой — он вроде шале в горах, а эти уже пригородного типа, «сабурбия» некая здесь. Но это без разницы, как я думаю. И что мне сейчас делать? Хм... все же покататься по городу для начала, глядишь, там и найду то, что мне нужно.

Города как такового я не нашел. В отличие от того же Грэнби Эвергрин был именно что пригородом, без явно выраженного центра и без плотной застройки. Здесь куча магазинов, фитнес-центр и пара ресторанов, затем ничего, потом опять какое-то торговое место. И везде дома, дома, дома, не тесно, просторно, широко. Я даже озадачился, почему *мы* поселились возле Грэнби, а не здесь, откуда рукой подать до Денвера, где есть все и где явно неплохо жилось.

Над парой домов заметил дымы, причем дома отстояли друг от друга далеко, километра на три. Специально не стал подъезжать ближе, решил что ну его, мне ни от кого ничего не надо, так зачем искать контакты? Сам разберусь.

Сначала мое внимание привлекло здание с вывеской «Адаптивные приключения», куда я свернул в надежде на то, что поездки на квадроциклах тоже к таким относятся, к «адаптивным». Но вынужден был разочароваться, ничего подобного там не было.

— Ладно, по улицам покрутимся, — объявил я неизвестно кому свою программу и немедленно приступил к ее выполнению, то есть свернул на показавшуюся подходящей улицу.

Снег, кстати, здесь был уже не так глубоок, как у гостиницы, влажен, да и воздух казался теплее. Похоже, что горный хребет как раз и был некоей границей между «страной снегов» и в основном бесснежным Денвером, до которого отсюда было рукой подать.

Если со сторону главной дороги Эвергрин выглядел нормальным, просто странно опустевшим, то при детальном рассмотрении так уже не казалось. Попалось несколько сгоревших домов с обгоревшими же деревьями вокруг них. Некоторые дома были разорены, стены расписаны краской из баллончиков. В одном месте наткнулся на три обьеденных трупа, причем было

видно, что их кто-то расстрелял, руки и ноги связаны, у всех пробиты затылки. Еще тогда, во время пандемии, или уже после те самые, из Сентрал Сити сюда наведывались?

У некоторых домов ворота гаражей открыты, машин не видно. Похоже, что люди просто бросали дома и бежали. Кстати, а на дорогах заторов нет. Даже вообще машин стоящих нет. Смогли прорваться куда-то? Сомневаюсь. Скорее всего, где-то еще наткнулся на большой затор, как мне кажется. Где-нибудь у Денвера. А это значит, что надо искать такой транспорт, на котором я смогу затор объехать.

То, что мне нужно, я увидел прямо на улице, вихлястой и редко застроенной Аспен-лэйн, возле большого деревянного дома со вставками из вроде как дикого камня. Машина, присыпанная уже не таким уж и большим сугробом, стояла прямо перед гаражными воротами — джип «Рэнглер», новый, я таких в свое время не видел, белый, широкий, трехдверный, с брезентовым верхом, а главное — высоко поднятый над дорогой, и на огромных внедорожных зубастых покрышках, натянутых на черные диски. И на капоте сбоку надпись «Рубикон».

— Ага, — сказал я, притормаживая перед ним и слезая с «полариса». — А вот поглядим...

Точно, «подрос» джип по сравнению с тем, какой раньше был. В ширину — так точно. Ты гля, он ведь точно под внедорожные покатушки подготовлен, лебедки и спереди, и сзади, по бокам от запаски еще две больших канистры, правда пустые, если постучать. А на дороге снег не такой уж и глубокий, такой «большеног» по нему должен запросто пойти.

Подергал дверь водительскую — заперто, понятное дело. Придется... придется лезть в дом.

Уже привычно глянул на трубу — нет, дым не виден. И запаха дыма нет опять же. Вытащил из сумки «отмычку», снял с предохранителя, потом прихватил гвоздодер.

— Придется посмотреть, — сказал я, вроде как обосновывая тот факт, что сейчас я вломлюсь в чужой дом, пусть и опустевший.

Если он действительно опустевший.

Опять, естественно, долго стучал, опять, естественно же, никто мне не ответил и дверь не открыл. Прикинул куда стрелять, прицелился, выстрелил, передернул затвор, выстрелил снова и снова. Дверь возле замка разлохматило, петли вышибло из креплений. Дальше понадобилось три удара ногой, чтобы войти внутрь.

Запах. Похоже, что хозяева не эвакуировались. Даже несмотря на холод пахнет сильно, даже тошнота подкатывает. Выскочил на улицу, вспомнив про маску, натянул. Запах меньше не стал, но вот как-то страх заразиться немного отступил. Понимаю, что маразм, но вот так голова странно работает. По идее, если могу заразиться, то заразился я уже давно.

Обстановка с претензией на эдакую загородную роскошь. На одной стене в гостиной висят скрещенные клюшки для гольфа, над ними полочка с какими-то кубками. Картины не из тех, что продаются вместе с интерьером, а вроде как даже неплохие. Огромный камин.

А вонь не только от мертвечины, тут еще собачьего дерьма полный дом. Где-то собака?

Дотолкал в дробовик три патрона. Собак я уже не люблю.

Дверь в гараж из дома не была заперта. Вошел, светя фонарем, огляделся. У дальней стены стоял блестящий черный седан «Лексус», а ближе ко мне — длинный, сверкающий хромом

мотоцикл из тех, на каких принято путешествовать далеко-далеко. Ключей от джипа и всего остального я там не нашел. Равно как и собаки.

Так, где еще бывают ключи? Там, где человек собирается, когда выходит на работу, и где-то возле выхода.

Возле выхода было зеркало, широкая низкая тумба под ним, но никаких ключей я не нашел. Ладно, поищем дальше, я не тороплюсь.

Прошелся по просторной, как у меня, гостиной, везде заглядывая, но опять безрезультатно. Пошел на второй этаж.

Запах стал сильнее. Толкнул дверь — спальня, на кровати мертвец, точнее — то, что от него осталось. С останков натекло, но сейчас все же подмерзло. На тумбочке и рядом на полу огромное количество упаковок от лекарств. Похоже, что просто от болезни скончался, в одиночку. Да, даже по дому заметно, что несмотря на его размер, тут жил всего один человек. И кстати, собака нашлась: отступив в сторону, увидел на полу ее труп — тощая, рыжая, что за порода — понятия не имею. Похоже, что собака, запертая в доме, питалась сначала хозяином, а потом все же сдохла. От болезни? Или просто с голоду? С голоду, наверное, иначе столько бездомных собак здесь бы не бегало.

Ключи нашлись в следующей комнате, оказавшейся кабинетом. На тумбе у самых дверей нашлась широкая низкая ваза, в ней лежало все, даже запасные. Вот «лексус», вот мотоцикл, вот «джип». Он мне и нужен.

Сбежал вниз, топая по деревянным ступенькам, сначала сунулся в гараж, оттуда вручную открыл ворота, подняв створку. Выскочил наружу, на снег, жадно вдыхая свежий холодный воздух. Черт, а что дальше будет, когда я совсем с гор спущусь, в тепло?

Джип предсказуемо не завелся, только втяжное реле пощелкало немного — аккумулятор сдох. Небось, с включенной сигнализацией машину бросили. Но ничего, для нескольких попыток хватит и тока со снегохода, а провода у меня есть, в своем доме нашел.

Отстегнул резиновые крючки капота, поднял его, разобрался с клеммами аккумулятора. Всех правил соблюдать не буду, хрен с ней, с «землей», замкну клемма к клемме и глушить снегоход не стану.

Откинув пластиковые колпачки, присоединил «крокодилы» к клеммам, забрался в машину, оказавшуюся действительно очень высокой. Повернул ключ, посмотрел на лампочки, услышал, как заблмыкал сигнал не пристегнутого ремня. Стартер вполне бодро завертелся, джип фыркнул и завелся, сразу ровно и мягко. Ну да, это не древние трофеи в Порфирьевске заводить, тут уже все совсем-совсем другое.

Нормально, живем. Теперь только аккумулятору зарядиться дать. Отключил все лишнее вплоть до вентиляции, нефиг потреблять. Так, что там с бензином? Треть бака, примерно. Для «зарядки» вполне хватит, только имущество перегрузу, пусть все свое будет с собой.

Багажник в трехдверном «рэнглере» маленький, но с откинутыми задними сиденьями картина изменилась, все разместилось легко. Снегоход загнал в гараж, закрыв дверь. Пусть будет, мало ли? Затем, забравшись в джип, включил почти на минимум печку. Ну-ка, вспомню, как это вообще, в тепле рулить.

Сиденье... черт, отвык от нормальных сидений нормальных машин. С поддержкой с боков,

плотное, из какой-то явно очень прочной плетеной ткани. Подрегулировал, потом руль под себя подстроил. Обалдеть. Пошарил в «бардачке», потом еще в одном, который под подлокотником. Нашел хороший с виду фонарик, обрезиненный, даже батарейки не сели. Включил — очень даже ярко, аж смотреть невозможно. Пригодится.

Ладно, чего сидеть? Поехали, что ли.

Джип уверенно перевалился через сугроб, который намело за зиму перед ним, выбрался на дорогу, которую такой полагать можно было условно. Снег под ним просел, но ничего страшного не случилось, машина хоть и с усилием и даже ощутимой пробуксовкой, но поехала. Еще бы цепи на эти колеса, но цепей не нашел. Проехав пару сотен метров, остановился, осененный некоей идеей. Выбрался из кабины, обошел джип по кругу, выпуская из колес воздух, на глазок, так, чтобы опорная поверхность заметно расплылась.

Сработало, машина пошла заметно легче, куда меньше проваливаясь. Теперь, главное, аккуратно газом, коробка здесь автомат, для американцев, газу передавишь — сорвет в пробуксовку, крутящий момент здесь ого-го, а там они сами зашлифуют мокрый снег так, что без лопаты не выедешь, будешь как в ледяных колодках колеса вхолостую крутить. В общем, главное не торопимся.

Выбрался к основной дороге, широкой и не слишком-то уже и засыпанной, похоже, что с нее снег сдувало. Даже не удержался, выбрался из кабины и попробовал лопатой покопать — всего-то сантиметров двадцать до асфальта, не застряну.

Километра в пяти за Эвергрином увидел людей, мужчину и женщину, стоявших возле одного из четырех небольших домиков, прижавшихся к шоссе. Над крайним видна была вывеска «Бер Крик Кэбинс». Увидев машину, они просто уставились на нее и смотрели, пока джип не скрылся за поворотом. Еще я увидел свежие следы, ведущие как раз от этих домиков на дорогу, причем не снегохода, а чего-то колесного.

Потом был еще один городок, совсем маленький, Киттридж, который я просто проехал насквозь, заодно отметив, что снега стало совсем мало, а дорога вела уже откровенно вниз, к теплу. А примерно возле указателя «Медвежий ручей» снег сменился асфальтом. Пришлось снова останавливаться и подкачивать колеса компрессором, что заняло немало времени, потому что объем был как у тракторных, наверное. Зато с подкачанными машина пошла куда веселей, и я увеличил скорость примерно до тридцати миль в час, решив все же не горячиться.

До Айдалдейла доехал быстро, заранее решив устроиться там на ночлег, а все приключения у Денвера оставить на завтра. Мне почему-то кажется, что так просто проехать там не получится, так что лучше максимально использовать световой день.

Найти пустой дом проблемой не оказалось, разумеется. Проблемой было найти такой дом, в котором не было трупов. В конце концов, устроился в небольшом двухэтажном доме на северной окраине городка, с камином и поленницей во дворе. Гараж был пуст, но загнать машину внутрь не получилось, высоковата оказалась. Спускать колеса, естественно, не стал, просто объехал дом с обратной стороны и там ее оставил, вроде как спрятал на тот случай, если кто-то проедет по дороге. Разве что глушить долго боялся, вдруг не заведу? Но ничего, завелась, подзарядилась батарея.

Отсутствие снега придало некоей неуверенности, исчезла возможность видеть следы, к чему я успел привыкнуть. Поэтому «моссберг» держал все время под рукой, равно как и кобуру с револьвером не снимал. Тихо, слышно только как дрова потрескивают в камине, и все время

прислушиваешься, опасаясь услышать сквозь эту тишину что-то нехорошее. Поэтому к ночи, когда дрова в камине прогорели, поднялся на второй этаж, там хоть через окно меня так просто спящего не увидишь и через то же окно внутрь дома не сиганешь. Устроился в пустой спальне, задвинув дверь комодом и пообещав самому себе ходить ночью в туалет в окно, если вдруг приспичит.

Дом, естественно, прогреться не успел, так что спать завалился под всеми одеялами, которые удалось найти. Пусть температура и плюсовая, но от нуля далеко не ушла. Обнаружил градусник за окном, глянул — тридцать семь градусов. По Фаренгейту, разумеется. Офигеть как информативно. Думаю, что градуса два-три выше нуля, по ощущениям.

Раздевшись до лыжного белья, забрался под одеяла, и тут же вскочил, услышав звук двигателей. Где-то неподалеку неторопливо ехала машина, судя по звуку — серьезный грузовик. Подскочил к окну, разглядел лишь свет фар неподалеку. Свет не двигался, грузовик остановился. Потом двигатель заглох и фары погасли, зато я услышал голоса, хоть и не смог разобрать ни слова. Где-то они совсем близко от меня, но разглядеть не могу, деревья мешают и все улочки тут на разной высоте, насквозь ничего не просматривается.

Потом и голоса затихли. Мне подумалось, что те, кто приехал на грузовике, тоже устроились на ночлег. А что, так теперь проще всего, наверное.

Ладно, поставил «ремингтон» прямо у окна, прислонив к подоконнику, и снова лег спать. Уснул не сразу — все прислушивался, потом просто мысли одолели. Вот даже насчет тех же знаков, какие обещала оставить Настя: где их искать? Денвер большой, тем более она летела... вот как можно было дать о себе знать? Ни малейшего представления. Скорее всего, это она просто с излишком оптимизма смотрела в будущее. А лично у меня ни малейшей уверенности нет в том, что мне вообще удастся приблизиться к городу. Почему? Потому что дороги здесь совсем пустые. А так быть не должно, была паника, горожане должны были пытаться вырваться оттуда. Значит что? Скорее всего кордоны, карантин, никого не выпускали в этом направлении. И как следствие там должна быть огромная пробка, уверен в этом.

Поискать самолет?

А почему бы и нет, к слову? Чем-то серьезным управлять не смогу, а вот нечто вроде того, что я на семейном фото видел — наверняка справлюсь, не может он быть сложнее ветерана По-2. Садиться на шоссе, заправляться из брошенных машин... А что, очень даже удачная мысль. Меня ведь снег сдерживал, а теперь его нет.

Тогда вопрос: где искать? Подробный атлас дорог у меня есть, но его проблема в том, что он слишком подробный, это придется страницу за страницей разглядывать. Не, а я что, очень занят чем-то? Некогда мне? Вот с утра и займусь, с первым светом. Опять же план новый появился, а то я что-то растерялся совсем. И с воздуха буду эти самые Настины знаки искать. Вот так.

Поворочавшись, все же уснул. А потом вскочил в полной темноте, скатившись с кровати на пол в обнимку с дробовиком — где-то совсем рядом стреляли. Не по мне, к счастью, это я довольно быстро сообразил. Стекла не сыпались, стенки не дырявились, никто в атаку не шел. После этого уже решил приподняться.

Прислушавшись, решил, что на бой это тоже не похоже. Стреляли с одного направления и так: сначала много автоматического огня, потом уже одиночные выстрелы пачками, словно... вот как будто что-то напало, нападение отбили, а потом уже прицельно вели огонь по какой-то

малозаметной цели. Несколько человек. Да, как-то так. Как, например, по тварям Тьмы стреляли.

Постепенно стрельба стихла, опять послышались голоса. Потом и голоса стихли, а на безлюдный городок, в половине домов которого лежали мертвецы, снова опустилась тишина, как периной накрыло. А я еще с полчаса сидел у окна, пытаюсь что-нибудь высмотреть в темноте и искренне сожалея об отсутствии ночного прицела или чего-нибудь другого ночного. Потом все же спать пошел.

Проснулся с рассветом и почти сразу услышал, как неподалеку завелся грузовик. Потом я его даже разглядел — здоровый, военный, чем-то похожий на наш «урал», камуфлированный, он проехал по соседней улице, не торопясь, и исчез за поворотом. А вскоре и звука его дизеля не стало слышно.

9

Я действительно почти два часа просидел, разглядывая карты Денвера и окрестностей, в результате чего обнаружил до черта аэродромов, хотя при этом заподозрил, что большинство аэродромов являются скорее посадочными полосами и самолеты на них постоянно не стоят. Так что надо выбирать те аэропорты, что покрупнее, а таких оказалось пять. Из них один был базой ВВС, а четыре из пяти находились с обратной стороны Денвера, что логично — куда лучше заходить на посадку над чистым полем, а не со стороны гор и не над городом. А вот один аэродром казался совсем привлекательным — муниципальный аэропорт городка Боулдер. Он и ближе к горам, и не маленький, и весь Денвер огигать не потребуется. А если присмотреться внимательней, то к нему можно будет прорваться не доезжая до главных дорог, где я ожидал кордоны и навсегда замершие пробки из тысяч машин. И где можно нарваться на всякую нехорошую тварь.

Кстати, а по кому все же ночью стреляли, а? Ладно, потом об этом... так, совсем в обход Денвера не получится, иначе придется возвращаться к Айдахо Спрингс — привет, снег! — а потом еще ехать через Сентрал Сити и Блэкхоук, где, со слов Лоры Джин, засела целая банда натуральных психов и маньяков. Нет, не пойдет такой маршрут. Придется все же в сторону столицы штата и там самым краешком — и на север, к Боулдеру. И, обогнув его с востока, получится попасть в аэропорт, даже не затронув самого города.

Вот так.

Опять же у меня снова есть план.

Собрался по-быстрому, загрузился в машину. Ключ поворачивал с затаенным страхом, но проблем не возникло, мотор запустился сразу, за ночь ничего страшного не произошло. Вырулил из-за дома на дорогу, тут же вспомнил про ночную стрельбу. К утру я уже примерно разобрался, где ночевали люди, приехавшие сюда на военном грузовике, поэтому место нашел почти сразу — большой одноэтажный дом со следами больших колес на жухлой траве перед ним.

Под окнами было насыпано немало автоматных гильз, а чуть поодаль, у самой обочины, я разглядел большую черную лужу, как машинным маслом набрызгано. От лужи в сторону деревьев тянулись такие же «масляные» следы.

— Я бы глянул, все же, — сказал я сам себе, подхватывая с правого сиденья «моссберг». — А то ведь потом измучаюсь.

Нет, понятно, что идея не слишком хорошая, но просто наплевать и уехать я не смог, вот хочу видеть — и все тут. Хочу узнать, была ли тут точно такая же тварь как та, что я убил в Айдахо Спрингс, или они разные? Нет, Лора Джин говорила, что разные, но «говорила» — это одно, а «я сам видел» — уже чуть-чуть другое. И вот сам и хочу поглядеть.

Странно ощущать под ногами уже землю, а не снег. Влажная земля пружинит, идешь по ней совсем не слышно, в удобных высоких ботинках из желтого нубука, которые я тоже у себя дома нашел. Зимний охотничий камуфляж, к слову, я сегодня с утра уже на обычный сменил, тот самый «Мосси Оук», вроде как к изменившимся условиям приспособился.

А много этой... крови. Да, крови, а что же это еще? Вон кучка кустов, к ней след и тянется. В кусты лезть побоялся, начал обходить их против часовой стрелки, по большому кругу, ни на секунду не опуская ствола ружья. Но никто на меня не напал. Зато я увидел, что след ведет за угол соседнего дома.

Постоял, прислушался, принюхался — где-то вдалеке вороны каркают, да и все. Аккуратно, опять же с большого круга, заглянул за угол. Вот... оно.

Медленно-медленно подошел ближе, готовый открыть ураганный огонь по лежащему на грязной земле телу и стрелять до тех пор, пока магазин не опустеет. Но не потребовалось, тварь не шевелилась.

— Гуманоид, блин..., - сказал я, разглядев труп. — Демон какой-то.

И ведь по-другому и не скажешь. Опять чешуя, местами неряшливо взломанная ударами пуль — изрешетило «демона» не слабо. С меня, наверное, ростом был, только пропорции того... другие. Руки длинные, с большими ладонями, толстые пальцы с крючковатыми когтями. А вот ноги наоборот короткие, кривоваты, толстые, хотя когти тоже имеются. Половые признаки отсутствуют вообще, к слову. Ну, те, в смысле, которые мы за такие почитать привыкли. А вот харя...

— Ну и рожа у тебя, Шарапов, — сказал я, присев на корточки перед убитой тварью.

Голова была все же не слишком гуманоидной формы, вытянутая и к затылку немного, и к челюстям. В результате чего эти самые челюсти, начисто лишённые губ, открывали серьезный набор зубов. А глаза как у той твари, что я позавчера убил, ни зрачков, ни белков — одна чернота. Запах... запах... я такой, кажется, в свое время в террариуме ощутил, где змей держали. Что-то похожее, мускусный какой-то.

Поднялся, задумчиво потыкал ботинком в оскаленные зубы, потом сказал:

— Не, те, что из Тьмы, все же гигиеничнее были, сами растворялись. Но что-то общее между вами все же есть. Ладно, поехал я.

Все верно. Надо просто определить для себя, что ничего по сравнению с Отстойником не изменилось. И чего я тогда такого не видел? Хотя ладно, что душой кривить — я мертвого мира не видел, потому что Отстойник был не мертвым, а пустым. А это все же совсем разные материи.

До Денвера и вправду было рукой подать отсюда, доехал минут за пятнадцать до крошечного городка Моррисон, откуда можно было свернуть на неширокое шоссе, идущее параллельно дороге 470, которая для Денвера была чем-то вроде окружной. Хотел сначала сразу свернуть, но потом снова заявило о себе любопытство — захотелось глянуть с близости на «плохое место».

Поэтому поехал прямо.

В общем, за первым же поворотом все стало ясно, в смысле, как тут развивались события. Слева от дороги разместилась бензоколонка, а рядом с ней небольшое одноэтажное здание со стоянкой, и вот тут, судя по всему, основные силы державших карантин военных и тогда разместились. Рогатки, колючку и мешки так никто и не убирал. Кроме того, здесь была выстроена настоящая стена из грузовых контейнеров, а вторая такая вытянулась под мостом, проходившим над шоссе сверху. Вот так они перекрыли выезд из города, получается. Перила моста тоже были оплетены колючкой, и отсюда было хорошо видно, что точно такие же стены контейнеров перегородивали четыреста семидесятое шоссе. Мертвый блок.

Когда подъехал ближе, то увидел, что стена устроена еще хитрее. Внутри контейнеров, у длинной стены, лежали мешки с цементом, а выше них в железобетоне были прорезаны бойницы. Поверху огромных железных ящиков была натянута спираль — не пройти никому, тут только с танками, которых у жителей Денвера не было.

За контейнерами были машины, великое их множество, заполнившие дорогу так тесно, что люди из них, наверное, не могли выбраться. Все машины в первых рядах повреждены пулями, между ними множество трупов. Думаю, что отчаявшиеся люди все же как-то пытались штурмовать укрепление и по ним стреляли. Не знаю, правильно или неправильно поступала на тот момент власть, но знаю то, что она не останавливалась ни перед чем для того, чтобы остановить то, что остановить невозможно.

Города отсюда видно не было, скрывал поворот дороги, зажатый невысокими холмами, а соваться дальше в сторону города не хотелось. Все же оттуда чем-то нехорошо потягивало, не запахом... а вот как «чувством Тьмы», тем самым звоном в ушах и словно холодом в позвоночнике, страхом. Нет, недалеко я от нее ушел, от Тьмы, в смысле, недалеко.

Сел в машину, развернулся и поехал обратно, куда и собирался с самого начала.

Опять дорога была почти полностью свободна — все машины застряли за кордоном. Проехал окраину городка Моррисон, потом какой-то «Северный парк динозавров», причем никаких динозавров с дороги не увидел, потом проехал мимо остатков еще одного кордона, устроенного на хайвее 26. Та же самая картина: контейнеры, колючая проволока, вдоль дороги лежит с полсотни трупов в рваных пластиковых мешках, в рядок. Мешки уже хищники изорвали, похоже. Бр-р, жуть какая, все не привыкну к такому.

Потом слева я увидел огромную стоянку посреди ничего, я так и не понял, к чему она была здесь, но на ней увидел полностью развернутый и теперь заброшенный госпиталь FEMA, если верить надписи у ворот. Помимо разборных зданий-блоков на площадке было немало военных машин, даже вполне целый с виду «хамви» почти у самого забора стоял, не бронированный, но я решил, что по проходимости с этим переделанным джипом все равно мало что сравнится, так что никуда сворачивать не стал.

Потом слева был Луна-парк, выглядящий дико на этой мертвой земле. Я разглядел замершие «русские горки», какие-то огромные качели — в общем все, что в таком парке и должно быть. И никого живого. Как кошмарный сон.

Затем был городок Голден Ридж — аккуратные домики за аккуратными заборами, все чистенько и симпатично. Потянуло дымом, но где топили камин с дороги не разглядеть. Где-то дальше. Я даже скорости прибавил для того, чтобы проскочить это место.

Затем дорога втянулась в центр городка, справа ее поджал склон, а выше, над ним, потянулись

двухэтажные блоки апартаментов, со стенами, отделанными серым сайдингом. И на этом сером фоне я увидел странную скрюченную человеческую фигуру, которая дернулась при виде машины и странно согнувшись, забежала за угол дома. И только проехав, я сообразил, что видел такого же «демона», какого разглядывал с утра, убитого неизвестными людьми, приехавшими на военном грузовике. Появилась даже мысль насчет поохотиться на него, просто для того, чтобы убедиться в том что я это могу. Но я от этой мысли отмахнулся как от дебильной.

Потом увидел нечто очень знакомое — фабрику «Спайдерко», делавшую хорошие ножи. У меня таких в Москве было три штуки разных. Можно было бы сунуться и... что? Хорошие ножи, аж два, у меня и сейчас есть, из *своего* дома.

Это от путешествия в теплой и удобной машине у меня подобная расслабленность мыслей появилась явно. Сажу вразвалочку, застегнув ремень за спинкой сиденья, чтобы не блынкало и лампочка не мигала, кручу баранку вальяжно, еду не торопясь. Машина трясучая, правда, подвеску в ней действительно под «офф-роуд» настраивали, но все равно это не по морозу верхом на снегоходе.

Кстати, так между делом уже половину пути проскочил и со всеми моими остановками двух часов не прошло. Все же скорость выросла, так бы и дальше ехать. А потом лететь. Ладно, насчет лететь еще бабушка надвое гадала, сперва надо самолет найти такой, чтобы я его не испугался. Пилот из меня тот еще.

После Голдена дорога пошла полями, пусть и не совсем ровными, потом дорога раздвоилась, прямо — в Боулдер, направо — в Маршалл. В город лезть не хотелось, хотя над Боулдером воздух не колебался, так что взял правее и почти сразу свернул налево, пошел в объезд города.

Боулдер прижимался к горам, и мне вспомнилась виденная по каналу «Дискавери» передача о том, что этот город существует под постоянной угрозой быть смытым селевыми потоками. Надо чтобы в двух местах где-то там в горах прошли ливни одновременно, и город смоем как в унитаза. И таких проблемных городов в Америке не так уж мало, оказывается. Люди строили их с нуля, не зная ничего толком о месте, а потом оказывается, что где-то землетрясения регулярны, где-то еще что-то, а вот здесь так, вода с гор. Хотя... Боулдеру уже все равно, похоже, можно смываться.

После озера, сверившись с картой, я свернул на совсем узкую дорогу, ведущую мимо симпатичных небольших домов с палисадниками. Затем снова выбрался на главную дорогу и там, сверившись с картой, свернул направо. Заодно убедился, что объехал дорожный блок, выстроенный из автоприцепов и грузовиком, так что все равно пришлось бы возвращаться и объезжать.

К слову, навигационная система в машине работала, я с ней легко разобрался, но она норовила вести или по кратчайшему пути, или по главным дорогам, или просто их избегать. А вот как научить ее сперва объехать город, а потом заехать в него по самому нелепому маршруту — этого я не одолел, так что пользовался атласом.

Потом, проезжая через очередную промзону, я было вдохновился вывеской «Ремингтон Вест», но оказалось, что это просто торговля подержанными машинами. А я разгубастился.

Потом дорога повела просто в поля, я забирал в сторону от окраин с большим запасом — вид брошенных домов напрягал, все время казалось, что из-за пустых окон за мной следят... а может так и было, черт его знает. А вообще, если честно, вид брошенных городов меня уже

совсем достал, еще с Отстойника, и то, что здешние города были яркими и не такими нищими, как советские послевоенные, ничего по сути не менял. К тому же здесь прошла своей косо́й смерть, так что все было еще хуже.

Так, петляя, я все же добрался до аэродрома. Для того, чтобы к нему попасть, надо было объехать его по периметру, но я, вооружившись кусачками, вырезал целое звено из сетчатого забора, отгораживавшего летное поле от дороги, и просто свернул туда, перевалившись джипом через дренажную канаву. Зашуршала прошлогодняя трава под днищем, затем машина выехала на взлетно-посадочную полосу с большими белыми цифрами «26».

— Есть контакт, — сказал я, вроде как отметив, что очередной этап пути закончился успешно. Доехал, так что теперь бы в самом аэропорту не нарваться на проблемы.

Аэропорт меня вдохновил с первого взгляда. Вдоль ограды вытянулась стоянка планеров, а дальше, за двумя взлетно-посадочными полосами, тянулись ряды ангаров и просто стоящих на открытых площадках легких самолетов. Даже реактивных почти что не было, всего несколько штук, а в основном были винтовые, одномоторные, вроде «сессны». Но только «сессна» для меня тоже была великовата. И сложновата, наверное. И для того метода, каким я собирался лететь, подходила слабо.

Джип доехал до самого конца полосы, где я с удивлением понял, что совсем небольшое полутораэтажное зданье и есть основной терминал аэропорта. Я ожидал, что главное здание дальше, такое современное и большое, но подъехав ближе, увидел надпись, извещающую, что то, что я принял за пассажирский терминал, было окружной тюрьмой. И лишь потом сообразил, что если на аэродроме сплошь частные легкие самолеты, то откуда вообще браться пассажирам? А для владельцев и такой халабуды хватит.

Возле здания виднелась сооруженная наспех стойка с плакатом, который извещал, что на время объявленного карантина все полеты запрещены, а нарушители будут prosecuted или против них будет использована deadly force. То есть просто грохнут нарушителей. Ну что могу сказать, спасибо тем, кто этот карантин придумал — благодаря ему тут столько самолетов и скопилось, наверное. А так бы люди от наступающей заразы куда угодно разлетелись бы.

Так, а где тут главный офис или как это все называется? Мне бы ключи от ангаров поискать и хорошо бы список того, где что стоит... А вот здесь, в главном здании он и есть, наверное, на котором написано «Боулдер, Экзекьютив терминал». Ладно, проверим. Похоже, что мне все равно тут лагерем становиться, потому что так, чтобы «нашел и сразу полетел» не получится, это все же самолет, а не велосипед. Тем более, что я его пока и не нашел.

Джип, качнувшись на высокой подвеске, остановился у входа в терминал. Выбравшись из машины, я прихватил с собой дробовик, снял с предохранителя, потом прислушался, заодно вглядываясь в окна здания. Нет, там никакого движения и звук только от ветра, разве что, сухая трава шуршит.

Дверь в здание оказалась не заперта. И мертвецами внутри не пахло. Офис, кафетерий, еще какие-то двери. Шагнул дальше, и в этот момент прямо над головой послышался шум, заставивший меня присесть и скакнуть назад, в дверь. Оказалось, что птица, спугнул я ее, сидевшую где-то под потолком, она заметалась по залу, несколько раз несильно стукнулась в стекла, затем вылетела в открытую дверь.

— Лети, птица, — сказал я вслед.

Прошелся по всем закоулкам здания, спустился на пол этажа вниз, к выходу на летное поле,

никого не нашел. Видно было, что здесь базировались военные. От них остались какие-то ящики, упаковки от пайков, всякое ненужное ни им, ни мне барахло, за исключением упаковки из пяти спальных мешков, новеньких и чистых, с непривычным мне рисунком камуфляжа, словно нарисованном на старом компьютере. Такую же форму, к слову, я видел на трупах. В мое время такого камуфляжа не было, был обычный натовский «woodland» и российское невероятное разнообразие всяких рисунков.

— Разбиваем лагерь, — скомандовал я самому себе, после чего взялся таскать вещи из машины.

«Разбивка» много времени не заняла, нищему собраться — понятное дело, в общем. Обыск в офисе не дал никаких списков, но наделил меня огромной звенящей связкой ключей от множества замков. Придется обшаривать все ангары подряд. И, кстати, понадобятся еще и ключи от самих самолетов, они ведь тоже как машины заводятся, мне Настя в свое время объясняла, а вот где их искать — черт его знает. Но будем решать проблемы по мере их поступления. И вообще для начала надо повнимательней открытые площадки посмотреть.

Все свое имущество затащил за стойку в кафетерии — если кто и войдет, сразу не увидит, искать придется. Прихватил с собой еще и «ремингтон» и пошел к машине.

Сделав пару кругов вокруг стоянки самолетов, обнаружил на некоторых из них наклейки «продается». На многих, если быть до конца точным. Стоп, а если кто-то продает, то у него есть ключи. Где здесь скрываются самолетные торговцы? Вернулся в терминал, пробежался по комнатам, но никаких намеков на торговлю не обнаружил, обычный офис и все тут. Где-то среди ангаров? Или вообще в городе контора, а товар здесь стоит? Нет, так не может быть, это неудобно, люди хотят сразу видеть товар и руками щупать... хотели, в смысле, когда были живы. Надо искать здесь, причем в таком месте, куда доступ свободный. Где-то рядом, получается.

Снова выбежал к машине, огляделся — а вон там что за отдельно стоящий то ли ангар, то ли сарай, к котором сбоку старый белый пикап прижался?

Джип, стоявший с вывернутыми колесами, тронулся с усилием и пробуксовкой, напомнив про то, что полный привод здесь жестко подключаемый и на асфальте с ним плохо. На одном заднем машина побежала чуть резвее и чуть вихлястей, но это уже пофигу, я медленно еду.

Мой дедуктивный метод принес плоды: действительно, на большом сером ангаре из алюминиевых панелей имелаась большая надпись «Business Aircraft Sales Corp.», то есть «Торговля самолетами...», в общем, грамотно на русский и не переведешь. «Коммерческими самолетами», наверное, но я на этих стоянках ни одного «коммерческого» и не увидел, на мой взгляд. Может совсем немного, но как раз они на продажу и не предлагаются.

Сама контора оказалась не в ангаре, как я сперва понял, я в небольшом одноэтажном домике рядом. Дверь туда вскрылась просто гвоздодером, запустив меня в полумрак и спертый воздух с примесью запаха какой-то плесени, который начал быстро уходить, когда через открытую дверь потянуло свежим воздухом. А так офис как офис, столы, диванчики... даже кухня маленькая есть. Еще плакаты с самолетами на всех стенах, и модели на полках. Антуражненько, так сказать.

— Со шкафов или со столов? — спросил я неизвестно кого, задумавшись на предмет «откуда начать обыск». — Со столов, — пришел почему-то к такому выводу. — По порядку.

Первый стол был заперт, пришлось опять применять гвоздодер, которому слабенькие

мебельные замки сопротивляться не могли. Что-то хрустнуло, звякнуло металлически, открылись сразу все ящики тумбы. Папки, бумаги, какие-то оптические диски. Плохо, если все списки у них в компьютере, электричества ведь нет, и генераторы тоже неизвестно где. Может и нет никаких генераторов. Ладно, продолжаем шариться.

Второй стол, а точнее — нижний его ящик, дал большую пластиковую коробку с ключами. Навалены кучей, но на каждом пластиковая бирка со вставленной бумажкой. А на бумажке... ну да, хвостовой номер. Ну, хорошо, так можно будет и без списка искать. Хоть будет это все муторно и долго, потому как понятно, что продают они самолеты не со стоянки, а оттуда, где хранят их владельцы, в большинстве случаев. А где те их хранили... это вопрос.

Чуть не час перетряхивал офис, но ничего больше не нашел. Нет, списки у них точно в электронном виде были, так что для меня, тем более с моим уровнем компьютерной грамотности, они недоступны точно так же, как если бы хранились на Луне.

Ладно, тогда будем искать путем прочесывания местности, других методов не вижу. Поехали к стоянке для начала.

На стоянке перед терминалом я нашел шесть самолетов, к которым были ключи. Из них мне не подошел ни один, все великовато и сложновато, а мне именно что «летучий мопед» нужен, что-то в таком духе. На второй стоянке, что расположилась подальше, пара самолетов с ключами меня вдохновила. Один назывался «Куиксильвер Джи-Ти 500» и для меня больше напоминал планер с толкающим винтом, хоть был при этом двухместный. Обшарив салон, я не нашел никакого руководства, но потом вспомнил, что видел целый шкаф с ними в офисе продавца. Они эти руководства туда, наверное, специально собрали.

Вторым был самолет маленький, но с виду похожий на большой и старый, времен знакомого мне По-2, мини-реплика какая-то, наверное. Назывался он «Хорайзон 1». Он вдохновил меня меньше, как раз за счет странного вида, хотя выглядел добротным и крепким. Руководства внутри тоже не было, естественно.

Скатался на другой конец поля, к маленькому зданию с вывеской «Специальный летный тренинг», но там ничего подходящего не нашел. Зато обнаружил, что прямо к самому аэродрому прижались жилые дома. Может быть лучше здесь базу себе организовать? Такая мысль созрела сходу, и я с помощью кусачек ликвидировал еще одну секцию сетчатого забора, открыв себе проезд. И проехал, остановившись между двумя крайними домами.

Никаких косых крестов с цифрами и прочими атрибутами проверок на домах не было, ни на дверях, ни на стенах. Хотя по мне, так лучше кто-нибудь написал бы, найду я внутри сильно разложившихся мертвецов, или нет. Придется проверять.

В первом доме мертвых не было, но зато были все признаки того, что кто-то сильно болел. Испачканная постель, явные следы рвоты на ковровом покрытии, завонявшийся мусор в не завязанных пластиковых мешках. В общем, из этого дома я сбежал быстро. Второй же оказался пустым и, кажется, даже не был заселен перед эпидемией. Внутри было чисто, убрано, почти что стерильно, никаких вещей в шкафах, а перед фасадом стояла табличка «Продается». Вот так, повезло. Купить не куплю, но в аренду возьму.

Ладно, пора обратно, надо начинать ангары вскрывать, то есть самая работа начинается. А я что-то устал уже, если честно. Подозреваю, что какой-то нервный отходняк накатил, с них, отходняков, такое бывает.

За остаток светлого времени сумел открыть все ворота в двух блоках ангаров. В одном

наткнулся на труп в кабине «бичкрафта», похоже, что кто-то решил умереть в своем любимом самолете. Или надеялся улететь? Ворота были прикрыты, но не заперты. В общем, не знаю, особо приглядываться не стал, закрыл эти самые ворота и дальше пошел.

Потом что-то совсем умаялся, решил отдохнуть до завтра. Заехал в здание терминала за своими вещами и покатил к обретенному вроде как дому. Машина, естественно, опять в гараж не влезла, снова пришлось прятать с обратной стороны. Заперся, сел поужинать — даже кусок в горло не лезет. И состояние такое, что хочется сесть и вообще не шевелиться. Никогда.

С трудом составил список номеров с ключей, чтобы каждый раз, открыв бокс, не перебирать все бирки «подходит/не подходит», а так, пальцем по бумаге водить. Но к концу этого процесса у меня чуть не в глазах двоиться начало.

— Хорош фигней страдать, надо спать ложиться, — пришел я к выводу.

Идея спать в гостиной не вдохновляла, хоть она здесь и маленькая. Но окон в ней некоторый избыток. Выбрал детскую — меньшую из двух спален, задвинул мебелью окно в несколько слоев, чтобы ни внутрь не заглянуть было, ни вломиться без шума, а потом и дверь завалил. И только потом улегся на коротковатую и узкую детскую кровать, забравшись в новый спальный мешок. И дробовик под руку положил.

10

С утра было как-то совсем паршиво, словно палками ночью били. Поднял сам себя с постели за шиворот, заставил выпить горячего кофе и сесть в «джип». Сил хватило найти в связке ключи и ими открыть еще два ряда боксов. И в самом последнем во втором ряду, когда я уже решил махнуть рукой на еще один пропавший день и ехать в дом, отлеживаться, удача улыбнулась. В боксе нашелся маленький самолет с забавной «головастой» кабиной, прозрачной с боков.

— «Эрпракт Эй двадцать два Эл Эс Фоксбэт» — прочитал я вслух надпись на носу желтого самолетика. — А ничего так.

Реально самолет небольшой, такой, о каком мне и мечталось. Два кресла в кабине, сдвинутых тесно боками. Приборная панель ничуть не сложнее чем у По-2, разве что экранчик навигационной системы добавлен. Штурвал с рогульками. Покрышки на удивление большие, прямо автомобильные, можно, наверное, на любой грунт садиться. И кататься по нему как на машине, до кучи. Прямые, недлинные, но широкие крылья, тонкая балка хвоста, довольно высокий киль. В отличие от того «куиксилверера», что видел вчера — металлический. Да, самый настоящий люминь кругом. Все. Ключ от него у меня есть. Документы... документы надо у продавца искать, получается.

— Вот и пошли искать, — погнал я сам себя.

Какой-то тормозной и задумчивый стал, проскочил мимо офиса продавца, доехал почти до дома и лишь там вспомнил, куда мне надо. Вернулся. Минут двадцать копался в шкафу, перебирая пластиковые папки, пока не нашел ту, что нужна. Пролистал, сравнил номера, тупо глядя в список, потом выматерился и вышел к машине, с наслаждением вдохнув пронесшийся над полем прохладный ветер. Все, домой, домой, что-то я совсем расклеился.

Дома попытался поесть, но не получилось, кусок в горло не лез. Напился чаю, пошел умыться и... увидел себя в зеркало.

— Приплыли, что ли? — спросил я, разглядывая сыпь красных мелких пятен на лице. — Четыре

месяца же инкубационный, куда так скоро? И где мой иммунитет?

Вот так. Сколько там смертность? Девяносто процентов? А потом еще половинка на половинку что психом стану?

Странно. Не страшно. Просто тоскливо как-то. А может это из-за температуры у меня такая моральная тупость? А температура есть, это точно. Поискать градусник? В доме напротив наверняка найдется. А толку? Я все равно фаренгейты в цельсии переводить не умею, что мне с него толку? Я и сейчас чувствую, что руки холодные, а голова такая, что хоть сковородку на нее ставь.

Что-то от температуры у меня есть? Вроде был тайленол какой-то, я его по рекламе помню. Принять? А толку?

Толку, толку, а помирать зачем с дополнительными неудобствами?

Порывшись в сумке, нашел полиэтиленовый пакет с прихваченными из дому лекарствами. Жаропонижающие, болеутоляющие. И все. От насморка капли еще, но насморка нет. Закинулся тайленолом, запив водой из пластиковой бутылки, затем собрал все барахло и пошел в детскую спальню, затащив, несмотря на то, что сил вообще почти не осталось, туда еще и тумбу из хозяйской спальни. К двери привалю, надежней будет.

Завалившись на кровать, попытался уснуть, но вместо сна получалась какая-то ерунда, даже не пойму, то ли снится что-то, то ли брежу, то ли просто навязчиво о чем-то думаю, а о чем — сам не пойму. На месте не лежится, барахтаюсь с боку на бок, голова словно сама по себе, отдельной жизнью живет, без тела.

Взял с прикроватной тумбочки револьвер, прикинул в руке. Ну что, рассчитывать на десять процентов или все это прямо сейчас прекратить? Похоже, что инкубационный период не для пришельцев, нас вот так, сразу разбирает, так? Хотя, что там болтали по радио? Шансы есть, но... какие? А может все же...?

Стоп.

Я здесь что, один?

Мне еще свою женщину искать.

Она заразилась?

А хоть бы и так. Искать все равно надо. А для этого и десять процентов вполне хороший шанс. Любой шанс — он уже есть, за ним надо тянуться.

Блин, как мне хреново... что-то плывет все. И башка трещит. Надо еще и «от башки» таблеток. Кашель еще... при кори есть кашель или я какое-нибудь воспаление легких подхватил? Ну да, ну да, с красной сыпью.

Чего там еще? Больше пить? Или это при гриппе и всяком таком? А похрен, все равно больше. Схватил бутылку с пола, выпил чуть не половину, залпом. Так, а как в уборную потом? Разбирать баррикаду у двери? А придется. По малой нужде в окно можно, но опять баррикада. Да плевать.

Отвалился на кровать, тяжело дыша. Что-то вообще силы ушли, даже вот подняться и попить —

уже тяжкий труд. Не годится так совсем. И вообще дышать тяжело, получается как у рыбы на песке. И свое дыхание слышу, оно в голове эхом словно.

Мать его, как же мне хреново.

И вот так вот весь мир? Неделя такого, потом... потом у нас что на очереди? Энцефалит? Две недели дикой головной боли, жара — и смерть? Ладно, мне бы эту неделю протянуть.

Холодно, знобит, ноги такие холодные, что ими даже друг друга касаться тяжело. Согреться не могу. Рук не чувствую, словно онемели. Что-то ими делаю, но как будто кем-то другим управляю. Заставил все же выбраться себя из спальника, развязал еще два спальника, расстегнул, накинул на себя сверху как одеяла, может согреюсь.

11

Спал или не спал — я сам не понял. Вроде помню сны, но могу помнить и бред. Лучше не стало, но как-то привык. Глаза слиплись так, словно клеим веки кто-то намазал. С трудом разлепил, промыл водой. Подошел к зеркалу — а они как у кролика, красные и мутные. Сыпь по всему лицу, заметней всего на скулах и лбу. Провел пальцем — странная какая-то, вроде даже не сыпь, а как сосуды полопались под кожей. Бывает так, например, если долго тяжелую сумку на ремне нести, а потом на плечо глянуть.

Попытался есть, но сумел откусить половину консервированной сосиски — и все. Вода скоро кончится, надо будет искать. А как искать? В кафетерии терминала вроде бы была, я помню бутылки. Надо будет как-нибудь доехать. Но на сегодня хватит, сегодня никуда не пойду. Не могу потому что. Мне бы до уборной сейчас добрести — и то уже подвиг будет.

Добрел, стуча зубами от озноба и завернувшись в спальник. Потом добрел обратно и просто свалился, чувствуя, что комната кружится, и я не могу в ней сориентироваться. Температура, похоже, вообще зашкаливает. Принял таблеток, понимая, что толку от них, что мертвому припарка. Но я пока живой вообще-то, так что пусть толк будет.

Стуча зубами, натянул на себя все три спальника, накрылся с головой, стараясь надышать под них тепла, может, хоть так согреюсь. Немного помогло, но именно что немного. Все равно холодно, но хоть озноб прекратился. Надо будет поесть. Как угодно, хоть самого себя застрелить угрожая, но что-то съесть. Я чувствую, как болезнь вытягивает из меня все силы, во мне нет никакого запаса энергии, мне надо горючее.

Чуть согревшись, схватил банку с сосисками и так, холодные, начал запихивать в рот одну за другой, кое-как их жуя и глотая. Не лезет, но сожрал почти всю банку, правда потом еще и тошнота накатила. Но прошла, и еда осталась в желудке. Хоть за это спасибо не знаю кому.

Больше пить, больше пить. И завтра привезти воды. С утра. Как угодно, хоть мертвому встать — и привезти, это совсем недалеко. И чаю бы сейчас, вот чаю бы я... но кипятить воду сил нет, не могу. Я сейчас, наверное, под пистолетом бы с кровати не встал.

Где она? Неужели у нее все так же было? Куда мне потом, где ее искать? Хоть... нет, она живая, не может быть по-другому. И я выживу, я здоровый, я сильный, я просто не могу помереть. И иммунитет опять же.

Ага, иммунитет. Вон он как меня сейчас одолел, кругом сплошной иммунитет. И в голове звон, круги в глазах.

Опять то ли сон, то ли бред, то ли не сон, а вовсе явь, просто бредовая... То трясет, то вроде чуть отпускает, рукой прикасаюсь к лицу, а ощущение что вроде как к маске, почти ничего не чувствую. И еще кажется, что выдох губы обжигает, настолько он горячий.

К вечеру, когда начало темнеть, стало еще хуже, мир вообще перестал делиться на бред и реальность. Ночью думал что все, уже и энцефалита дожидаться не придется, прямо сейчас и отойду. Но вместо того, чтобы помереть, провалился в глухой и черный, без всяких видений сон. Похоже, что просто все силы у организма иссякли, вот он, как компьютер, в «стенд бай» и перешел сам по себе. Что, как мне кажется, меня в тот вечер и спасло. А может и преувеличиваю, но очень было плохо.

С утра стало не то чтобы лучше, но все же как-то отдохнул. Голова кружилась, трясло, воздух в комнате был такой, что хоть топор вешай, но встал, заставил себя выбраться из-под одеял, даже приоткрыл окно, дотянувшись до задвижки через придвинутую мебель. Не подуло, а буквально ударило волной свежего воздуха, даже голова сильнее закружилась.

— Надо за водой, — просипел я, глотнув из пластиковой бутылки. — Пропаду так.

Прежде чем начать одеваться, долго обтирался влажными детскими салфетками, ванну принять в брошенном доме с отключенным электричеством никак бы не получилось. Потом пытался есть, без особого успеха, но хоть как-то. Оставив две трети банки консервированных сосисок на потом, запил остатками воды. Оделся, встал и покачнулся, не упал лишь потому, что успел схватиться за стенку. Слабость-то какая... нехорошо. Револьвер, сунутый в кобуру, весил по меньшей мере пуд по ощущениям. А дробовик, который я прихватил с собой после минуты раздумья, тянул на все три. А потом я еще и «тикку» взял, больно уж здесь пространства открытые.

В куртке стало душно, но стоило ее распахнуть, как на улице сразу зазнобило под резким прохладным ветром. Дошел до джипа, встал, ухватившись за рукоятку двери, отдышался — даже такая короткая прогулка силы вытянула, опять лоб в испарине и перед глазами круги. Черт, какая у меня температура хоть сейчас, узнать бы. По ощущения я как дракон огнедышащий, пропади он пропадом.

Закинул дробовик и винтовку на заднее сидение, уселся за руль, стало чуть легче, сидя — оно не стоя. Джип послушно завелся, рыкнул двигателем и покатил вперед. Вот ряд планеров вдоль полосы, вон контора торговцев, а вот и главный терминал — действительно рукой подать. Тут и километра нет на самом деле. Подъехал к главному крыльцу, выбрался из машины, вытащив и закинув дробовик за спину, и взяв пару больших сумок — бутылки грузить. Дробан вроде не нужен, но оставаться с одним револьвером почему-то страшно, пустота вокруг давит на нервы не хуже Тьмы.

В терминал без меня никто не заходил, похоже. Нетвердым шагом дошел до кафетерия, бросил одну из сумок на стойку, начал грузить в нее бутылки «Натуральной весенней воды Эльдорадо» — никогда таких не встречал. Да и откуда? До нас марки все больше местные или европейские доходили, вроде «Эвиана». Воды в кафетерии было много, и на полках, и под полками, и в подсобке, смерть от жажды мне точно не грозила. Заполнив одну сумку, взялся за вторую, затем попытался поднять — и чуть сознания не лишился.

— Не, так не пойдет, — прокомментировал я свою неудавшуюся попытку.

Пол в терминале гладкий, попробую волоком. Отстегнув лямку с одной из сумок, сделал что-то вроде поводка, накинув его на ручки. Потянул — сдвинулось. Нормально, хоть до крыльца

дотащу, а там... а там видно будет, может вообще по одной перегружу в машину.

Обходя стойку, дошел до окна, точнее даже стеклянной стены и остановился, заметив какое-то движение на противоположной стороне аэродрома. Это что? Там у самого забора какие-то длинные белые ящики лежат, подозреваю даже что в них планеры в разобранном виде, и вот за ними что-то...

Две крупных твари, как две капли воды похожих на убитую мной «собаку» выскочили из укрытия на взлетную полосу, остановились синхронно, словно бы нюхая воздух. За мной? Ох, как не вовремя.

Сдернув с плеча дробовик, присел за стойкой, попутно подумав о том, что отдача «моссберга» меня, наверное, с ног сшибет сейчас, настолько я дохлый. Хоть бы это не за мной, хоть бы это не за мной...

Одна их тварей просто уселась на асфальт, не обращая внимания на то, что ветер как раз на полосе был самым резким и холодным, вторая отбежала чуть в сторону, снова остановилась, на этот раз повернувшись ко мне задом. Нет, это не по мою душу. Можно бы тащить сумки дальше, но когда начну грузить их в машину, не смогу наблюдать за монстрами, здание терминала все закроет. И тогда они смогут подойти совсем близко, так, что я просто не успею ничего сделать. Повадки ведь у них как у «гончих» Тьмы, пожалуй — и сразу не убьешь, живучие, и двигаются быстро, так что я уже опытный.

Встав на четвереньки, доволоч свой груз до дверей, замер, оглядываясь и прислушиваясь. Вроде даже малость себя в руки взял, не такой размазней ощущаю, как, скажем, минут пять назад. Все так же на карачках дополз до места, откуда можно было выглянуть в окно — твари все там же, похоже, что никуда не собираются. Рискнуть смыться или...? Нет, услышат возню. Наверняка. Это здесь меня стены с окнами прикрывают, а там не получится. Надо... надо решать проблему, короче.

А как решать будем? У меня «тичка» на заднем сидении, с пятнадцатикратником, на три сотни пристреляна. Если аккуратно добраться, аккуратно выбрать позицию, аккуратно прицелиться... а хрен там, «прицелиться», у меня круги перед глазами плывут. Не попаду, точно не попаду. Нет, надо сидеть тихо и ждать. Если сунутся сюда, то картечью встречу, а если не сунутся, то как бы и не очень надо.

Минут, наверное, двадцать, я наблюдал за «собаками», прячась за буфетной стойкой. Время от времени твари двигались, но место не покидали, так и крутились зачем-то посреди полосы. Потом вдруг насторожились так, словно им кто-то свистнул, а затем сорвались с места и мощными длинными прыжками помчались куда-то в сторону озера, в которое упиралась полоса, и исчезли в кустах.

Все, что ли? Можно двигаться или лучше подождать? Подожду. Десять минут. По часам засеку. А потом мне надо домой и ложиться, что-то мне опять совсем хреново становится. Как бы мне здесь не сломаться.

Твари не появились, хотя прождал я не десять, а все же двадцать минут. Не забывая о целостности сумок, стащил их волоком по ступенькам, закинул в багажник по одной, чуть не потеряв сознание от внезапно накотившей слабости, затем все же вскарабкался за руль и дал по газам.

В доме меня совсем растащило, сил хватило только войти и рухнуть на диван в гостиной, пытаюсь отдышаться, кашляя и вытирая постоянно выступающую на лбу холодную испарину. Все, весь запас сил на этот рывок израсходовал. Долго сидел, откинувшись, набираясь сил для

последнего рывка, затем все же выгрузил воду и запер дверь, придвинув к ней диван. Вид резвящихся неподалеку монстров совсем испортил настроение. Добравшись до спальни, выпил из горлышка почти целую полуторалитровую бутылку и свалился в кровать без сил, натянув все спальники, чтобы спастись от неумолимо накатывающего озноба. Но молодец, справился.

Когда проснулся, было уже темно. Постель промокла насквозь, равно как и лыжное белье, что я натянул на себя. Снова пришлось браться за салфетки, устраивая себе помывку таким способом. Заодно похвалил себя за предусмотрительность — свежая смена белья у меня еще была.

Вроде лучше немного? Черт его знает, когда проснешься — действительно немножко легче бывает. Но недолго. Потрогал лоб — сухой и горячий. Или кажется? А чему тут казаться, я и по самочувствию все могу понять. До ветру надо. Подперло.

Взял с тумбочки рулон мусорных мешков и упаковку влажных салфеток. Водопровод ведь тоже не работает, так что приходится с унитазом проявлять изобретательность. Посидел, собираясь с силами, потом встал все же, постоял на месте, ожидая того, что закружится голова, но не закружилась. Со спинки кровати снял ремень с револьвером и патронташем, накинул на себя на манер португали или бандольеро, через плечо.

Вот что действительно тяжело, так это каждый раз отодвигать баррикаду от двери. Но без нее никак, это моя единственная защита пока я здесь почти без сознания валяюсь. Может она монстра какого-то и не остановит даже, но время на то, чтобы ее преодолеть, потребуется. А у меня весь арсенал под рукой.

Освободив дверь ровно чтобы можно было протиснуться, вышел в короткий коридорчик. Был бы дом приличней, была бы ванная «ин сюит», но здесь все простенько, так что надо вот так выбирать и идти. По стеночке добрался. Забросил толстый мусорный пакет в унитаз, растянув края, заодно подумал о том, что надо будет выбросить еще один пакет, с такими вот пакетами внутри, лежащий в уголке. Так, вроде, герметично, но вдруг...

Стекло со звоном посыпалось тогда, когда я почти что вышел в коридор. Я дернулся назад, сильно ударившись затылком о косяк двери и прикусив язык, выдернул из кобуры длинный «смит-вессон», сжав резиновую рукоятку двумя руками и взведя курок. И выключил фонарик, которым до этого себе подсвечивал.

Снова звон, словно кто-то очищает раму от торчащих осколков, потом громкий треск, словно эту раму просто выломали. Сопение и вроде как негромкое рычание, что-то влезло через окно в гостиную.

Запах... запах тот самый, что я тогда почувствовал, «как змеями». Какая-то тварь, не животное и не человек. Я ее просто нутром ощущаю... а ведь точно чувствую, как... да как радаром внутренним. Я на нее могу сейчас сквозь стенку показать и даже... и даже могу сказать, как далеко она от меня. Не до сантиметра, естественно, но вот «близко» или «совсем близко» — это я чувствую. Как так?

Да неважно как, важно что это так. Оно стоит, принимает. У самого окна сейчас, если прикинуть направление. И чего жду?

Босиком по мягкому ковровому покрытию совсем неслышно получается, но тварь что-то услышала, насторожилась. Перехватив револьвер в правую руку, в левую я взял фонарик, и включая его, одновременно высунулся из-за угла, направив оружие и луч света на окно.

Темная сутулая и неуклюжая фигура с длинными как у обезьяны ручищами замерла у окна, дернувшись и закрыв глаза — свет этого фонарика был на удивление ярким. Отблески луча пробежали по черной чешуе, отразились от мокрых длинных желтых зубов. Грохнул выстрел, подкинув ствол и дернув руку, пуля ударила монстра куда-то в верхнюю часть груди, туда, куда человеку бы сразу хватило, но «демон» только дернулся и рыкнул хрипло, отступив на шаг назад.

Уложив запястье правой руки на руку с фонарем, я еще дважды потянул спуск. Револьвер отзывался гулко как пушка, выбрасывая снопы огня и почти совсем меня оглушив. На втором выстреле тварь завалилась назад, на подоконник, третьим я просто промахнулся. Но успел добежать до спальни и выстрелив еще раз, угодив куда-то в плечо, начал протискиваться в комнату.

Монстр был, похоже, озадачен или что-то в этом духе, сразу на меня он не кинулся, но в то время, как я протискивался, откуда-то из глубины подсознания возникла мысль о том, что еще одна тварь могла сидеть прямо в спальне, а я даже не заглянул туда. Мысль вызвала дикий приступ паники, в результате которого я снова ударился головой, ободрал бок, но все же вломился в комнату, захлопнув за собой дверь и нервно оглядевшись. Но никаких тварей здесь не оказалось.

Зато я вспомнил про то, что могу чувствовать «демона» в гостинной. Чуть сосредоточился — точно, вот он как на ладони, переместился куда-то вправо, но рядом с дверью его нет. Перехватив револьвер левой рукой, откинул барабан, выронив пустые гильзы и два не стреляных патрона, выдернул из подсумка скорозарядник, ткнул в торец барабана. Патроны вошли в каморы, щелкнул стопор, круглая пластмасса покатила по полу. Полный, все шесть.

Сердце колотилось как припадочное, перед глазами поплыли круги. Почему-то появилась твердая уверенность в том, что тварь *пришла на болезнь*, она меня как-то почуяла. Вот как я ее. Повернулся к двери, снова взведя курок, взялся за ручку. А «демон» сюда крадется, совершенно бесшумно... и он не знает, что я его... нет, не знает. Откуда это у меня? Или у всех? Нет, не у всех, я бы от Лоры Джин об этом услышал, уверен.

Вот он, рядом совсем, ему до двери совсем недалеко...

Рванул ручку на себя, сместился так, чтобы навестись на невидимую пока глазами мишень — и вот он, черный силуэт! Бам! Бам! Бам! Вспышки, вонь пороха, визг. Тварь метнулась назад, споткнулась, с грохотом свалившись на пол, прямо в пятно света от фонаря. Взведя курок, чуть сдвинул оружие в сторону, поймал прицел, переместил на темную тушу, снова потянул короткий и легкий спуск. Затем еще раз, точно так же, не торопясь, и еще.

А потом я просто понял, что тварь убита. Понял — и все тут. И сил почти начисто лишился, непонятно только, откуда они до этого взялись. Дотолкал свою баррикаду на место и упал в кровать, уже там заново перезарядив револьвер.

12

Утром, кажется, стало немного лучше. Немного. Может и не стало. Смешно, но ночью спал, после всего, что случилось в доме. Опять бензин закончился, похоже, ушел в режим «стэнд бай». Сперва лежал в кровати, сжимая «сорок четвертый» в руке и ожидая появления еще одной твари, а потом как-то уснул, незаметно для себя. Проснулся все так же с оружием внутри и мокрый как мыш. Пришлось опять переодеваться и браться за салфетки.

Потом удалось что-то съесть и не так, чтобы совсем без аппетита. Но температура по ощущениям никуда пока не ушла, а это значит... что значит? Ну то, например, что у многих смертельных болезней был такой признак, насколько довелось читать: когда дело к смерти, больному становилось лучше. Не хотелось бы, чтобы у меня как раз такое было.

Потом все же не удержался, вооружился дробовиком и пошел смотреть на то, во что стрелял. Больше никаких тварей в доме не было и... и поблизости тоже не было. Вот теперь я это *знал*. Откуда такие знания, вот что узнать бы...

«Демон» лежал на полу в гостиной, распространяя «змеиный» запах. Черная кровь, уже густая и липкая, обтекла его со всех сторон большой лужей. Черные мутные глаза, крокодильи зубы в зверском оскале. Все как у того, что довелось увидеть убитым. А вообще очень крепкая тварь, говоря откровенно. Сколько я в него всадил? Два сразу, потом еще три и еще тремя добивал... всего семь. Сорок четвертого, а это не шутки.

Странное существо, вообще-то... Я присел рядом на корточки, опираясь прикладом ружья в пол, чтобы не свалиться. То, что оно может жрать — не сомневаюсь, жральный аппарат у него что надо, хлебозка хоть куда... а вот насчет каких других естественных действий — тут вопрос. Не видно на твари приспособлений для этого. Вообще.

По тварям Тьмы выходило так, что они только рвать и жрать могли, ничего другого они и не делали. Не жили в прямом смысле этого слова, а существовали для того, чтобы нападать, убивать и пожирать, попутно питаясь энергией жертвы. То есть были именно что искусственными порождениями Тьмы, созданными лишь с одной определенной целью. Но здесь Тьмы нет. Или пока нет? Или она просто проявляет себя в другой форме? Или... ну если Тьма все же то, что между слоями, это, по сути, другая форма времени, то может она не обязательно должна проявлять себя именно Тьмой? Тьма — это всего лишь одна из форм... чего? А вот того самого, что прорывается в «прохудившиеся» слои действительности.

«Собаку» убитую надо было бы рассмотреть получше. Ладно, если не помру, то точно рассмотрю. Со временем.

Поднявшись на ноги, поежился от холода — через выбитое окно с выломанной рамой здорово задувало. Подумал, что неплохо бы вытащить тушу убитого «демона» из дома, но вот как это сделать? Сам я на такие физические упражнения не способен сейчас, мне дай бог разве что свою тушу таскать. Но и бросать ее здесь тоже нет желания, мало ли что она привлечет? И если завоняет? Тогда придется другой дом искать, а это еще хуже.

Веревка, у меня есть моток веревки. И джип. А еще нужно одеться.

Процесс одевания получился немного затяжным, приходилось прерываться, чтобы переждать головокружение. Затем обмотал веревкой запястья ручищ «демона», связав их вместе, осторожно сходил за машиной и подогнал ее к самому крыльцу. Сложенной вдвое веревки вполне хватило, чтобы дотянуться до фаркопа. Подцепил, привязал, поехал сначала прямо, чтобы тушу, не зацепив, вытянуло из дома, а затем свернул налево, решив оттащить ее как можно дальше.

Дальше — это примерно с километр, ровно столько я проехал по дороге до того, как увидел стаю бродячих псов. Почему-то подумал, что здесь самое лучшее место сбросить свой груз.

Собаки были не агрессивны, рассматривали меня с расстояния в сотню метров, а я все время был настороже, насколько получалось. Отрезал веревку у самых запястий «демона», скатал ее и закинул в багажник. Посмотрел еще раз на собак, наблюдающих за мной, сделал вид, что

целью в них из винтовки, а потом поехал обратно и завалился спать в своей укрепленной комнате, приняв жаропонижающее, почему-то уверенный в том, что если какая-то тварь подберется близко, то я ее почую даже во сне. А сон — лучшее лекарство.

13

На следующее утро мне стало заметно лучше, а по прошествии недели я явно начал быстро выздоравливать. Восстановился аппетит, появилось желание что-то делать. Хотя до полного восстановления сил было далеко. Посмотрев на себя в зеркало, я обнаружил, что отчаянно похудел, ребра лезли из-под кожи. Не знаю, весов здесь нет, но килограмм десять как минимум я потерял. Любая тяжелая работа сразу приводила к приступам слабости, головокружению. В общем, я понемногу занялся гимнастикой, удивляясь тому, насколько же я ослабел. Ослабел, но болезнь ушла. Исчезла даже красная сыпь с лица, не появляясь ни к вечеру, ни после упражнений. Я много ел, много спал, изучал руководство по эксплуатации найденного самолета, стараясь заучить его наизусть, разглядывал карты. Самолет, к слову, оказался украинской разработкой, что очень порадовало, а теперь выпускался в Австралии и в Канаде [3]. В доме нашелся генератор, который я заправил, слив солярку с брошенного грузовика, в результате чего у меня заработал лэптоп с *моими* записями.

А еще я постоянно думал о том, что если я переболел так нетипично для людей из этого мира и выздоровел, то мне, наверное, надо меньше беспокоиться о Насте и больше рассчитывать на хорошее.

Так прошла еще неделя. Я совсем зарос бородой, как бы это ни было противно, желание побриться было почти что постоянным. Но сильно похудевший и бородатый я, как ни странно, оказался больше похож на себя на водительском удостоверении и документе, извещавшем, что Vladimir Virukov, сексом «М», ростом «6'2"» что бы это ни значило, весом «222» с «BRO» волосами и «NAZ» глазами, согласился со всеми условиями, предоставленными ему офисом шерифа округа Грэнд и теперь авторизован для ношения скрытого «хэндгана», то есть пистолета или револьвера. Документ был подписан шерифом этого самого округа Грэнд, штат Колорадо. Документ оказался в одной сумке с водительским удостоверением. В общем, я теперь не просто так. Проверку серьезную не пройду, разумеется, а вот просто «предъявите документы» — это уже не страшно.

Когда я почувствовал, что пусть не окончательно окреп, но уже вполне способен заниматься делом, я выбрался на аэродром, где на взлетке отмерил себе дистанцию в двести, триста и пятьсот метров, на которых тщательно пристрелял винтовки. Неторопливо, аккуратно, с блокнотиком под рукой, после чего решил, что уже теперь на точность своего оружия могу положиться окончательно. А после этого впервые не просто поел, а приготовил себе обед. В общем, вкус к жизни вернулся.

Следующим утром поехал в ангар с «фоксбэтом», решив, что теперь можно начинать готовиться к полету. Для начала хотя бы освоиться с органами управления, почитать руководство, сидя в кабине. Так что, напившись с утра кофе, я собрался и поехал к ангарам.

Утро было пасмурным, хотя при этом тихим и безветренным. За забором увидел давешнюю, наверное, стаю собак, которая трусила куда-то в сторону города, не обращая на меня никакого внимания. Но я на всякий случай глянул на лежащие рядом дробовик и «тикку», вроде как убедился, что ничего нужного не забыл.

Остановившись у нужных мне ворот, выбрался из джипа, сунув руку в карман в поисках ключа от замка — и замер. Где-то совсем близко послышался стрекот вертолета, а затем над летным

полем появился оливкового цвета двухвинтовой грузовой «чинук» с надписью «Армия Соединенных Штатов» на борту. Неторопливо двигаясь над самой землей, вертолет гнал вихри мусора и сухой травы, которую намело сюда за время безлюдья. Грохот винтов усилился, заметался между рядами ангаров.

Я заскочил за джип, укрывшись, и увидел, как большая и неуклюжая с виду машина вполне элегантно развернулась почти над самой землей и плавно опустилась на площадку перед терминалом. Винты немного покрутились и замерли, открылась боковая дверь, уронив нижнюю свою часть в виде лесенки, затем наружу выбрались трое, в уже знакомой мне серо-белой «компьютерной» униформе, в ботинках пустынного цвета и с автоматами. Они разошлись в стороны, образов некое маловнятное подобие оборонительного периметра, а затем «чинук» откинул заднюю аппарель и из его чрева начали выходить люди в разномастной, и одновременно с тем схожей одежде, явно собравшиеся на работу.

Меня, похоже, пока не заметили. И что делать? Смыться? Ну, можно заскочить в джип и дать по газам, но... зачем? Люди как люди, сюда явно по делу. Вообще-то по-хорошему надо бы проявиться и пообщаться. Что и сделаем. А «фоксбэт» пусть пока в ангаре постоит.

Решительно и чуть демонстративно вышел из-за машины, все же опасаясь неожиданной паники и стрельбы, вскарабкался за руль и поехал в сторону вертолета, стараясь придать себе вид максимально невозмутимый и попутно повторяя свой домашний адрес, тот, что в документах записан. Все остальное я и так знаю, оно мое, а вот адрес все же из другой жизни. Не моей, пожалуй.

Трое в военной форме повернулись ко мне, взяв автоматы наизготовку, но никакой лишней суеты не наблюдалось. Гражданские, тоже вооруженные, к слову, остановились и смотрели на приближающуюся машину. Ехал я намеренно медленно, километров в десять час, чтобы никто не подумал, что я какой-то камикадзе с Синдромом, решивший протаранить их вертолет.

Когда до вертолета осталось метров тридцать, один из военных, немолодой, усатый, в черном подшлемнике, натянутом на уши и массивной разгрузке, сплошь увешанной подсумками, поднял левую руку в понятном жесте «стой». Что я без всяких сомнений и сделал. Задумался, стоит ли выходить или лучше подождать, но потом решил, что раз так далеко остановили, то лучше все же пройти. Оставил дробовик с винтовкой в машине, а сам спрыгнул на асфальт, помахав людям рукой и даже услышав, как несколько человек сказали «Hi». Никакой недоброй реакции я не вызвал, похоже, что все в пределах нормы.

— Привет, — сказал я, подходя ближе.

— Добрый день, — кивнул усатый, внимательно меня разглядывая. — Живете здесь?

— Нет, приехал.

Он слегка кивнул, словно демонстрируя, что кусочек информации усвоен, затем задал следующий вопрос:

— Откуда приехал? И где жил до эпидемии?

— Возле Грэнби, округ Грэнд, — ответил я, показав рукой в сторону гор и подразумевая, что они и скрывают от наших взглядов тот самый Грэнби.

— До сих пор? — уточнил он.

— Да, до сих пор. Несколько дней назад оттуда уехал.

— А там есть люди?

Один из гражданских, одетый в синюю парку и бейсбольную кепку с эмблемой «Канзас Сити Ройалз», что бы это ни значило, подошел ближе, прислушиваясь к разговору. На плече у него висел совсем короткий, как обрубок, автомат М4, а на боку сумка с магазинами.

— Нет, людей там почти нет, — ответил я, покосившись на гражданского. — Людей видел только по дороге сюда. Очень мало.

вернуться

3

В нашей действительности «Фоксбэт» выпускается только в Австралии, а в Америку и Канаду его импортируют.

— Давно живете в Колорадо? — спросил гражданский, явно прислушавшись к акценту.

— Нет, не очень. Я русский, — добавил к сказанному, опережая следующий вопрос. — Переехал в Америку.

— Давно?

Его голос звучал нейтрально, ни дружелюбия, ни недоверия, как автомат разговаривает.

— Почти шесть лет.

Так в «карточке постоянного резидента» написано. Может, я эту карту не сразу получил, но там сказано, что «резидент с...» и дальше год с датой. Так что из этого и будем исходить.

— Есть какие-нибудь ай-ди? — все так же нейтрально поинтересовался гражданский.

У них с акцентом моим проблема, никак не пойму, или это просто дежурный опрос? Мне все же кажется, что за акцент зацепились. Я достал из кармана куртки непромокаемый бумажник, еще и пристегнутый к карману нейлоновым шнуром, вытащил из него водительское удостоверение. Гражданский посмотрел на фотографию, потом на меня. Затем задал еще вопрос:

— Похудел?

— Болел. И бороду отпустил.

— Дабл-Ар синдром?

— Нет, — покачал я головой.

— Не понял, — покрутил он в руках мои права. — Ты болел суперкорью?

Какой-то косяк в этом, наверняка. Что-то не так. Ну да, я и болел не так, как у них тут описано. Нет, у меня был иммунитет и пусть дальше будет.

— Нет, чем-то другим. Может быть пневмонией, провалился в воду, под лед. Чуть не сдох, — добавил я жалостности.

— Точно пневмонией? — уточнил он с явным подозрением.

— Нет, не точно, я же не доктор, — пожал я плечами. — Много кашлял, болело в груди, неделю температура была... высокая, — споткнулся я на градусах. — Потом поднялся понемногу. Как поднялся, так и поехал искать людей.

— А почему не искал раньше?

— Не хотел. У меня там... дети остались, — сказал я, почувствовав себя при этом немного подлецом. Вот дети были не мои, а его, и как бы скорбеть за его счет для того, чтобы проскочить проверку... а с другой стороны, что еще остается?

— Понятно, — кивнул он, причем он явно все понял.

Ну да, странно было бы не понять. Сколько от бывшего населения осталось? Не много, похоже, судя по населенности штата Колорадо.

— Надо будет пройти проверку, — сказал он. — Так положено. Потом решай сам, куда дальше. Но пока надо сдать оружие и..., — он повернулся и переглянулся с усатым военным. Тот показал два пальца. — И через два часа улетишь на базу. Нашу базу, в смысле. Если все нормально и ты тот, за кого себя выдаешь, то даже сюда можешь вернуться. Мы здесь будем долго. Кстати, что ты делал на аэродроме?

— Искал себе самолет по способностям, — решил я не врать.

При проверках вообще врать надо как можно меньше. А еще лучше совсем не врать, разве недоговаривать, потому что на вранье и ловятся.

— Ты пилот? — чуть оживился он.

— Любитель, из начинающих.

— Есть ФАА? — сразу уточнил он.

Я вытащил из бумажника карточку с портретами братьев Райт и без всякой фотографии, протянул ему. Он приложил ее к правам, сравнил адреса, затем кивнул, явно не торопясь мне все это возвращать.

— Нам очень нужны пилоты, — сказал он неожиданно. — Даже такие, на одномоторниках. Очень много работы для них и мало кто может ее делать. После проверки предложу тебе работу. У тебя все здесь, в машине? — сменил он тему неожиданно.

Нет, у меня не все здесь, у меня куча всего в доме, причем оружие и патроны запрятаны на чердак, побоялся так оставлять, но мне почему-то не хочется об этом докладывать. А вот одежду надо бы забрать.

— Я вон там обосновался, — показал я рукой в конец полосы. — Надо бы забрать сумки.

— Давай съездим, — сказал мой собеседник, протягивая руку за револьвером. — И лучше сам все отдай, не надо ничего утаивать. После проверки все вернем.

В машину ко мне сел он сам и еще один военный, молодой, конопатый, невысокий, но очень плечистый. Он устроился на заднем сидении, громко жуя резинку и распространяя запах ментола, а заодно и оружейной смазки. Оружия меня вежливо, но твердо лишили. Я даже отдал маленький револьвер, решив не искушать судьбу, потому что надо было или не выходить к ним, или уж играть по их правилам.

Сборы много времени не заняли, причем гражданский помог мне дотащить сумки до джипа. Когда мы вернулись к вертолету, я увидел, как люди таскают из него какие-то ящики, сумки, мешки. Перехватив мой взгляд, гражданский пояснил:

— Мы здесь базу передовых операций организуем. И будем понемногу забирать отсюда самолеты, перегонять дальше. Самолеты очень нужны.

— А проверка много времени занимает? — уточнил я, прикидывая, через сколько времени припрятанный «фоксбэт» улетит неизвестно куда.

— День. Неделю. Когда как, — пожал он плечами. — Стараемся побыстрее. Кстати, зовут Юджин, я работал в Пи-Ди Канзас-Сити, — с этими словами он протянул мне руку. — Юджин Пикетт.

— Влад, — сократил я свое имя на иностранный манер, хотя от такого сокращения меня корбило, отдавало каким-то дешевым Голливудом про русских шпионов. — Влад Бирюков.

Отлета ждать пришлось около трех часов. Все это время я просидел в кафетерии, наблюдая за тем, как люди обустраиваются в здании терминала. Всерьез устраивались, с раскладными койками, печками, генератором, то есть надолго. Ну да и понятно, если у них такой дефицит пилотов, а они хотят угнать все самолеты, что годны к полетам, то это займет времени немало. Внимания на меня никто не обращал, никакой враждебности заметно не было, разве что рыжий солдат все время был неподалеку. А еще появилась тихая надежда найти Настю, раз здесь пилоты так востребованы.

Примерно через час на аэродром сел самолет, небольшой грузовой «каргомастер», с которым прилетело еще четыре человека. Из разговоров я понял, что этот самолет будет работать «челноком» между этим аэродромом и тем, откуда все прилетели. Отсюда будут угонять готовые к полету самолеты, а «каргомастер» привезет пилотов обратно.

— Готов лететь? — наконец спросил подошедший Юджин.

— В любой момент, — поднялся я со стула. — А как насчет моего оружия? Здесь остается, что ли?

— Нет, все возьмем, не беспокойся. Пошли.

Пошли так пошли. На выходе из терминала тормознул, посмотрев на свой джип. Мой провожатый перехватил взгляд, сказал:

— Машин много, найдешь другой. Или потом придется ехать самому.

— А дороги как?

— Так и эдак, — пожал он плечами. — Заходи в вертолет.

«Чинук» изнутри оказался похож на автобус. В свое время довелось много летать на Ми-8 и

там как-то было ощущение того, что ты именно в вертолете, а здесь все по-другому: вытянутый «салон», невысокий потолок, обтянутый шумоизоляцией, место пилота отгорожено точь в точь как в городском автобусе.

Летело четверо: мы с Юджином и двое средних лет мужиков, наверняка технарей. Мужики что-то негромко обсуждали, перелистывая бумаги в толстой синей папке. Зажужжал стартер, лопасти медленно завращались, потом включилось зажигание. По корпусу пробежала мелкая дрожь, которая исчезла как только винты раскрутились. Вертолет быстро оторвался от земли, наклонился глубоко на нос и понесся над полем, одновременно быстро набирая высоту.

— Куда летим? — спросил я.

— В Гарден-Сити, Канзас, у нас там база, — ответил Юджин. — С дозаправкой летим, так что рассчитывай на несколько часов, расслабься.

Расслабился, то есть просто уснул. Очнулся раз, когда машина приземлилась возле каких-то строений явно в богом забытой дыре — вокруг вымерзшее поле с сухой травой, какие-то два ангара и фермерский с виду дом, возле которого стоит большой пикап и рядом с ним военный «хамви». К вертолету подкатил заправщик, я услышал, как подсоединил шланг — и опять уснул, даже взлета не почувствовал. Потом один раз почему-то проснулся в полете, посмотрел на открывшего на коленях лэптоп Пикетта, поуженного, похоже, в работу, и снова уснул — у меня работы нет, да и будущее пока туманно.

Перед посадкой Пикетт меня разбудил, просто пнув по подошве ботинка.

— Приехали, собирайся, — сказал он.

— А я и не разбирался, — зевнул я, проверяя, на месте ли сумки.

Сумки, естественно, никуда не делись. Вертолет завис, насколько я увидел из иллюминатора, над аэродромом, не слишком большим, но и не совсем крошечным, на котором в рядок выстроилось десятка полтора легких самолетов. Потом «чинук» неприлично резко провалился вниз, так что в животе все сжалось, замедлился и сел на асфальт мягко, как на перину. Аппарель откидывать никто не стал — груза не было, а четверо пассажиров могли спуститься по лесенке. Что мы и сделали. Пикетт подхватил одну из моих сумок и, ежась от холодного ветра, пронзительного на открытом пространстве, решительно зашагал к большому белому пикапу с «экипажной» кабиной. Ну и я следом за ним потопал.

Сумки полетели в кузов, туда же легли чехлы с оружием. Пока особой бдительности Пикетт вроде бы не изображал, так что, похоже, шансы на то, что все будет нормально, достаточно высоки.

Усевшись за руль, он взял с панели пачку «мальборо», протянул мне:

— Куришь?

— Нет.

— А я закурил. Раньше даже не пробовал, — вздохнул он и щелкнул бензиновой «зиппо».

Выпустив клуб дыма, он быстро опустил боковое окно, после чего передвинул рычаг коробки передач. Пикап солидно тронулся с места. Почему-то вспомнился Отстойник и мне подумалось, что по комфорту все же тутошняя помойка от тамошней отличается сильно, в

лучшую сторону, разумеется.

Аэродром был от города далековато и представлял собой отдельный укрепленный анклав. Ну, «укрепленный» сказано сильно, но место охранялось. До города было шесть миль по пустынному шоссе, если верить указателю.

— Пикетт, а здесь ты кем работаешь?

— Сам не знаю, — криво усмехнулся он. — Кем-то, кто решает проблемы. Самые разные.

— А в Боулдер зачем прилетал?

— А это вроде как мой проект, вот и смотрел как там все начинается.

— А что за работа для пилотов?

— Отсюда до самого Амарильо, Техас, людей нет. Почти. И дальше не густо. Надо что-то возить, например, — он покосился на меня, добавив: — Грузы бывают и маленькими, для «сессны» как раз. Разведка. Бандиты часто крутятся вокруг населенных мест.

— А чего им не хватает? — удивился я. — Земля пустая, бери что хочешь.

— Ты что, действительно из своего дома никуда не выбирался? — повернулся он ко мне, удивленно посмотрев.

— Нет, не выбирался. Только до «Маркет-Сити», набрать продуктов.

— Понятно, — кивнул он, вновь посмотрев на дорогу. — Им нужны женщины. Рабы. Кто-то, кто будет их кормить и обслуживать. Бороться с ними трудно, мы обычно даже не знаем, откуда они приходят. А с воздуха удастся замечать, так что человек с легким одномоторником может сильно укрепить какой-то анклав.

— В Сентрал-Сити вроде бы целая банда с Дабл-Ар-Эс поселилась, — вспомнил я о том, что рассказала Лора Джин. — Это все тоже с Синдромом?

— Не обязательно. Разные есть. Люди ведь тоже были разные. Некоторые очень плохие, а некоторые просто слабые и глупые, которые пошли за плохими и теперь почувствовали себя сильными, понимаешь? Но обычно они не смешиваются и даже воют между собой. Отсюда и до..., — тут он запнулся как-то странно, — до почти Канады и даже дальше территория полной анархии. Даже вокруг Гарден-Сити нет никакой власти. Ты идешь туда — и ты сам по себе, понял? За твою жизнь никто и гроша не даст.

— Слушай, а база данных по выжившим у вас есть?

— Есть, — кивнул он, после чего спросил: — Надеешься кого-то отыскать?

— Скорее просто спросил. Но да, есть надежда.

— Кого?

— Неважно, — отмахнулся я, понимая, что сделал ошибку. — Это слишком личное. Неважно.

— О-кей, — ответил Пикетт, отвернувшись к рулю.

Статистика. Пикетт полицейский и наверняка умеет складывать два и два, или даже большие числа. Если скажу, что ищу жену, это вызовет подозрения. Потому что согласно той самой статистике выжить в семье двоим нереально. А если у двух родителей иммунитет, то почему его нет у детей? Я сам себя загоню в тупик, придется что-то объяснять, а объяснить я смогу очень мало. Даже если начать меня расспрашивать просто о реалиях американской жизни до всякой эпидемии, я обязательно налажаю. И тогда что? Вскроется, что я «чужой».

Кстати... как-то забылось за прочими заботами то, что всех чужих объявили носителями вируса. Может это и так. Я выздоровел сам, но вирус никуда не делся. У нас с ним теперь, например, симбиоз. Или чего там с ним еще может быть, я не очень в курсе, не моя область знаний. Но это вовсе не означает, что я готов все о себе выложить. И вовсе не значит, что я им верю.

С обеих сторон тянулись поля, место было, похоже, на сто процентов фермерским. И более того, в этих самых полях я видел какое-то движение, то грузовик проедет, то трактор куда-то пылит по проселку. Дело понятное, за такие места как раз держаться и надо, здесь выращивается еда. Вообще, если подумать, уцелевшее правительство правильно выбрало место для миграции. Самые сельскохозяйственные штаты, плюс нефть в Техасе, плюс, насколько я помню, в том же Техасе и промышленности было немало, ну и Мексиканский Залив. Можно прожить и как-то начать возрождать общество.

Машина въехала в городские пределы, которые поначалу себя никак не проявили. Неподалеку от дороги появились склады, магазины запчастей к тракторам, что-то еще, в общем, уже привычная картина окраины маленького города. Затем я увидел большую площадку, как-то беспорядочно заставленную мобильными домами, и лишь потом сообразил, что это не застройка, а место их сборки. Отсюда такие дома грузили на платформы и малым ходом отправляли к покупателю.

— Очень удобно, — сказал вдруг Пикетт, кивнув в ту сторону. — Можно быстро организовать жилой район там, где удобно и нужно. Наладил газовое отопление и можно жить. Я в таком и живу, — добавил он после недолгой паузы.

Навстречу попался патруль на бронированном «хамви», Пикетта узнали, он помахал им рукой.

— Постоянно патрулируем окрестности, сюда банды уже приходили.

— И как?

— Пока слабые, но кто знает, — сказал он задумчиво. — Могут и объединиться. Осторожность нужна.

— Куда мы сейчас? — сменил я тему разговора.

— В госпиталь Святой Кaterины, — ответил он, и поняв, что нужны подробности, добавил: — Он большой, там теперь все, не только медицина. Ну и госпиталь тоже.

Город был построен очень широко, места не жалели. Я еще подумал, что оборонять такое место при недостатке сил может быть трудно. Местный «стрип», то есть главная торговая улица, производила впечатление слегка заполненного строениями чистого поля. Но при этом люди там были. Не праздные, все чем-то заняты, но появилось, наконец, ощущение того, что я попал в населенное место, не мертвое.

— Трупов много было?

— Ну а как ты думаешь? — задал встречный вопрос Пикетт. — Как и везде. Вывезли уже, некоторое дома очистили и отмыли. Некоторые просто запечатали... ты увидишь, в общем. Многие не хотят жить в тех домах, ну и просто удобней сейчас построить поселок из мобильных и жить всем рядом.

— Люди местные?

— Местных мало, в городе выжило человек двести, наверное.

Сколько сейчас всего, Пикетт не сказал, а я и спрашивать не стал, такие сведения в такие времена относятся к стратегически важным, а я все же никаких проверок пока не проходил.

— Госпиталь чистить трудно было, — заговорил он вдруг. — Медицина в городе была за главного работодателя, здесь и госпиталь, и центр кардиологии и много что еще. Поэтому, собственно, мы здесь базу и начали организовывать. Да... а чистить было тяжело, сюда людей со всего штата везли.

Пикап свернул направо и поехал по широкой улице, засаженной деревьями и застроенной небольшими, но чистыми деревянными домами. У всех домов стояли машины, причем многие из них были чистыми, а запыленных стекол не было вообще, то есть понятно, что на них ездят.

— Здесь заселено все, в основном, люди из госпиталя живут, — пояснил он. — Почти приехали.

Госпиталь я увидел издалека и сразу был впечатлен контрастом с маленькими домами, его окружавшими. Огромное, длинное трехэтажное здание со стенами песочного цвета, занимавшее, насколько я понял, целый квартал. Да, это точно не на один городишко рассчитано.

Пикетт миновал подъезд, возле которого стояли три «скорых» и припарковал пикап у какого-то другого входа, больше напоминающего административный.

— Пошли, — сказал, глуша мотор и вылезая из кабины.

Место, куда мы зашли, мне как-то не очень понравилось. У входа появилась явно новодельная решетчатая дверь, за которой, разглядывая комиксы, сидел крупный парень в военной форме. Еще одна дверь, ведущая в какой-то коридор, тоже была закрыта дополнительной решеткой мощным замком. Парень принял мои сумки и, не говоря ни слова, закинул их в какую-то комнатку, в которой я разглядел разве что диван у стены. Пикетт все это время стоял молча, после чего тронул меня за локоть и показал на дверь в дальнем углу холла.

— Туда.

Туда так туда, попал так попал. Если все же попал.

За дверью оказался обычный офис, в котором заняты были всего два письменных стола. За одним сидела невысокая худощавая женщина лет сорока, с резкими чертами лица и очень короткой стрижкой, одетая в свитер и наброшенную на плечи песочного цвета парку, а за вторым устроился коренастый азиат в военной форме с двумя шпалами на петлицах. Черт его знает, что это за звание такое, я в американских ни бум-бум. Но думаю, что это простительно, большинство американцев тоже, как и я, не отличит майора от капрала, как мне кажется. Но может и ошибаюсь.

— Садись, — сказал Пикетт, показав на стул перед столом азиата, а сам уселся рядом. —

Предварительно, — повернулся он к тому, — такая информация: иммунный, выживший, постоянный резидент Колорадо. Документами подтверждается, — он выложил пилотскую лицензию и права на стол. — Произношение не местное, из-за чего и потребовалась проверка.

Вот как... все же быть не американцем теперь грех? Или что?

Азиат взял пластиковые прямоугольнички, повертел их в руках, сравнил фотографию со мной, но вопросов насчет похудения задавать не стал. Спросил о другом:

— Еще какие-нибудь документы есть? Желательно с фотографиями.

— Вот это еще..., - полез я за бумажником. — Разрешение на скрытное ношение.

— О, это отлично! — вдруг оживился он. — Тогда мы имеем отпечатки пальцев, — добавил он, обернувшись к женщине за соседним столом. — Сделаешь?

— Без проблем, — ответила та, поднимаясь.

Пока она копалась в сером офисном шкафу, азиат открыл какое-то окошко в своем лэптопе, после чего начал задавать явно дежурные вопросы вроде года рождения, адреса и прочего. Поинтересовался и местом, откуда переехал в Америку. Пришлось понадеяться на то, что это Москва и мой дубль не переехал в России куда-нибудь еще. Впрочем, не уверен, что у них вообще есть настолько подробная информация.

Женщина положила передо мной нечто похожее на открытый мобильный телефон, только экран был матовым и кнопки совсем другие.

— Давайте с правой руки начнем, — сказала она. — Большой палец, пожалуйста.

Машинка негромко попискивала, женщина нажимала кнопку «сохранить», после чего вежливо поблагодарила меня и вернулась за свой стол, подсоединив прибор к своему компьютеру.

— У нас есть все базы с отпечатками, — сказал азиат каким-то успокаивающим тоном. — Это очень хорошо, что ты получал разрешение, все очень сильно упрощается.

Я мысленно начал молиться о том, чтобы мои отпечатки и вправду совпали с дублем. А еще хорошо было бы, чтобы он не порезал как-нибудь палец, так, чтобы потом остался шрам. А то возникнут вопросы про то, куда он делся и вряд ли я смогу на них ответить.

— Долго проверять будете? — спросил я, кивнув на женщину.

— Нет, сегодня закончим, — ответил тот. — Потом еще медицина на очереди, пока там все сделают, у нас тоже все будет готово.

Только сейчас я обратил внимание, что у него на груди нашивка с именем и фамилией: «Хэдли Вок».

14

«Медицина» размещалась в соседнем кабинете, причем ходить из него не надо было никуда, все требуемое было на месте. Там развернуться можно было с трудом, настолько все забито оборудованием. Заправлял там всем молодой индус в зеленом хирургическом халате, помогала ему рослая женщина с лошадиным лицом и жидкими светлыми волосами, выбивавшимися из-под шапочки.

У меня взяли кровь, причем из пальца и из вены, мазок из горла, осмотрели глазное дно, потом опросили про всякие давние болезни, не суперкорь. После чего прием закончился. Похоже, что именно кровь их и интересовала.

— Это на что анализ? — решил я не мучать себя догадками.

— На синдром, на иммунитет, на «свой-чужой», если без терминов, — равнодушно поджав плечами, ответил индеец.

— Скоро закончите?

— Синдром через двадцать минут, на иммунитет чуть дольше, на «свой-чужой» пару недель займет, мы в Техас, в Форт-Сэм отправляем. Ты пилот, насколько я слышал?

— Не знаю, можно ли меня пилотом называть, — немного удивился я такому вопросу. — Любительская лицензия на одномоторники.

— Не важно, — махнул он рукой. — Я к тому, что самолетом отправляем, может ты сам и повезешь.

— Нет, для моего умения далековато. А «свой-чужой» — это принципиально? — и наткнувшись на его непонимающий взгляд, добавил: — Я до сих пор в глуши просидел, ничего не знаю и плохо ориентируюсь в новой жизни.

— Естественно, — чуть нахмурившись, сказал он. — А у тебя проблемы с этим, что ли?

— В смысле? — включил я режим непонимания.

— Не уверен, свой ты или нет? — уточнил индеец.

Возившаяся с пробирками медсестра даже замерла на секунду.

— А-а! — засмеялся я. — Я не понял сразу. Я не о том, мне просто интересно в чем с чужими вообще проблема? Я радио только слушал пока у себя в горах сидел, но ничего толком не понял.

— У них возможна другая форма суперкори, — сказал врач, потеряв ко мне интерес. — От которой у тебя, например, может не быть иммунитета. И у меня. Или у нее, — он кивнул в сторону медсестры. — Так что их в карантин и в изоляцию.

— А, теперь понятно, — кивнул я, почувствовав, как волосы на голове зашевелились, а вдоль позвоночника пробежала волна озноба.

То есть, даже если отпечатки совпадут, через пару недель запросто вскроется то, что я пришлый, так? И меня в карантин и ту самую изоляцию. А я не хочу в изоляцию, она меня совсем не вдохновляет.

— По радио слышал, что людей с Дабл-Ар-Эс лечат?

— Нет, не лечат, просто давят симптомы, — покачал головой врач. — Как диабет: пока есть инсулин, ничего не случится. Закончился инсулин — беда. Ты не слышал про сыворотку?

— Так, краем уха. Я и радио не очень слушал, если честно.

— Та сыворотка, что лечит сейчас суперкорь, в модифицированном виде держит на плаву людей с синдромом. Пока они ее получают, у них нет никаких проблем. Так что если у тебя синдром и ты скрываешь, то... в общем, мы все равно сейчас увидим, а тебе бояться нечего.

— Нет у меня никакого синдрома.

— Вот и посмотрим, — ответила вместо врача медсестра с лошадиной физиономией.

Посмотрели. Действительно никаких синдромов. Меня отпустили из кабинета, пообещав чуть позже сообщить о результатах анализа «на иммунитет». Интересно, что покажет этот самый анализ, учитывая то, что я этой самой суперкорью только что переболел?

Из смотровой вернулся в кабинет, где меня допрашивали, причем у двери столкнулся с курившим Пикеттом.

— Выгнали, — усмехнулся он, показав на дверь. — Кстати, тебя уже проверили по базе. Заходи, — открыл он передо мной дверь.

Вок показал на стул у стола и не стал долго резину тянуть с результатами:

— Проверили тебя. Ты еще и на оружие третьего класса подавал?

— Точно, — кивнул я, хоть понятия не имел, что это за «третий класс» такой.

— Глушитель хотел, что ли? — уточнил тот. — Или пулемет мечтал купить?

— Да так, то и это, — вроде как уклончиво ответил я.

— В общем, тебе повезло, личность подтверждена, — сказал он. — Сейчас тебе новый ай-ди сделаем. Смотри туда, — показал он на женщину.

Я обернулся и увидел, что она держит в руках маленькую цифровую камеру. Вспомнил, что американцы на документах улыбаются и оскалили зубы. Вспышка, тихий щелчок, потом она защелкала мышкой, сосредоточенно глядя в экран, а я рассматривал его обратную сторону с логотипом «Тошиба». Зажужжал принтер, она встала, вытащила листок плотной бумаги, сложила его как-то хитро, сунула в ламинатор и затем отдала мне еще теплую жесткую карточку. Мой портрет, напечатанный, а не наклеенный, имя с фамилией, опять рост-вес-волосы-цвет глаз, но никакого адреса, только длинный номер.

— Это твой новый номер соцстрахования, считай, — ткнула она в карточку тонким пальцем с коротко обрезанным ногтем. — Он уже в правительственной базе данных с твоим портретом и прочим. Так что можешь показывать карточку если спрашивают.

— Видал? — спросил Пикетт, хлопнув меня по плечу. — А не было бы «пальчиков», сидел бы ты недели две в карантине. Пошли.

Я попрощался с женщиной и Вокком и вышел из кабинета. Дежурный боец отдал мне сумки, Пикетт опять подхватил одну из них и мы вышли на улицу.

— Все? — спросил я.

— Все, — подтвердил он. — Можешь вооружаться, если хочешь. И что ты решил насчет работы пилотом?

— А какой у меня вообще выбор?

Он явно немного озадачился моим вопросом, затем сказал:

— Ну... как у всех. Можно вообще не работать, если можешь прожить без денег. Но нам пилоты нужны, я же сказал.

Я вытащил из сумки ремень с кобурой и револьвером в ней, начал продевать ремень в штаны, расстегнув парку.

— Не знаю, я просто немного ошарашен. Где здесь ночевать можно?

— В «Родуэй Инн», это мотель, мы его проезжали. Хочешь прямо туда? Я отвезу.

— А поесть там можно?

Я уже несколько часов чувствовал себя голодным.

— Можно, — усмехнулся он. — А деньги у тебя есть?

— Кредитки, — чуть растерялся я, но вспомнил, что прихватил все свои карточки.

— Можешь их выбросить, деньги теперь другие, — он полез в карман и достал пачку обычных, вроде бы, с виду долларов, сложенную пополам и прихваченную зажимом. Выдернув одну купюру, десятку, из пачки, он протянул ее мне: — Смотри.

Действительно доллар как доллар, только вместо портрета президента в овале статуя Свободы.

— Новые, президентов больше нет, — пояснил он. — Говорят, что обеспечен золотом из Форт-Нокса. И печатают в Форт-Худе, Техас... Там теперь правительство, если ты не знаешь.

— Откуда мне знать? — озадаченно сказал я.

— Если нанимаешься работать пилотом, то могу выдать аванс, — Пикетт покрутил пачкой долларов у меня перед носом. — Что решаешь?

— Договорились, — протянул я руку, вспомнив про две недели до окончания проверки.

— Отлично, — протянул он руку навстречу. — Держи, здесь..., - он быстро пересчитал купюры, причем я заметил, что больше десятки там не было ни одной, — двести долларов. И не делай такие глаза, это большие деньги теперь. За три доллара номер в мотеле снимешь. Машина в прокат доллар в день. Ну, или ищи брошенную в другом городе, — добавил он, усмехнувшись.

Ну да, золото из Форт-Нокса.

Я взял купюры, сложил, убрал во внутренний карман парки. Затем сказал:

— Ладно, поехали в мотель.

Загрузились в пикап, да и поехали. Пикетт развернулся «буквой К», пропустил какой-то серый джип, подъехавший к медцентру, и выехал на ту самую улицу, по которой меня привез.

— Много здесь людей? — спросил я, решив, что уже можно интересоваться подробностями.

— Чуть больше тысячи, — и не дожидаясь следующего вопроса, добавил: — До эпидемии жило в двадцать пять раз больше.

— А там, в заселенных территориях, так же?

— Где как, — он полез в карман за очередной сигаретой. — Где-то вообще не живут, в каких-то городах людей много. Со всей территории съезжаются, плюс Канада.

— И Канада? — удивился я.

— Ну да, их же и так не много было. В общем, после того, как эпидемия затихла, начали их специально звать и вывозить. Людей мало, так зачем им в своей Канаде задницы морозить?

— А сколько всего людей осталось?

— На контролируемых территориях около двух миллионов, насколько я знаю. А сколько на землях отсюда и до чужих — не скажу. Меньше. Но тоже много, тех же банд хватает.

— До чужих? — переспросил я. — Это о чем?

— А, ну да, ты главного местного секрета еще не слышал, — засмеялся он и прикурил сигарету. — У чужих где-то в Канаде есть свой анклав. Где — не скажу, не в курсе.

— Их так много?

— Не знаю. Не очень, наверное. Но много, они постоянно попадают.

— Как они сюда вообще попадают?

— Ты вообще ничего не слыхал? — удивился он.

— Только радио, говорю же.

— Ну да, — кивнул он, приоткрыв боковое окно. — Ну да. Через темные места они сюда попадают. Зайдет у себя дома в подвал, например, свет погасит — а выходит уже здесь, из другого подвала. Как эпидемия на убыль пошла, так и началось. Сначала их чуть не расстреливали, потом привыкли. Мысль о том, что миров множество, стала привычной. Ни за что бы не поверил, — добавил он, негромко засмеявшись.

15

Мотель был скромным. Холл со стойкой, бар, откуда пахло сейчас чем-то жареным, дальше Т-образный двухэтажный блок с номерами. За стойкой распоряжалась невысокая женщина, одетая в толстый свитер, заправленный в охотничьи штаны с помочами, точнее даже в комбинезон.

— Привет, Энджи, — поприветствовал ее Пикетт. — Привел постояльца, парень будет работать со мной, зовут Влад. Это Энджи Бэйкер, она здесь за главную, — представил он ее мне в свою очередь.

К сорока, белое лицо с редкими веснушками, светлые волосы, хотя блондинкой не назовешь, убранные в хвост, черты лица приятные, но незаметные.

— Надолго? — спросила она, придвигая ко мне регистрационную книгу с вложенной в нее

ручкой.

— Не знаю, — пожал я плечами, после чего переадресовал вопрос Пикетту: — Надолго?

— Это уже тебе решать, — пожал он плечами. — Бери сразу на неделю, дальше будет видно.

— О-кей, — кивнул я, записываясь как Vlad Birukov и отодвигая книгу. — Три в сутки?

— За просто номер — три, — ответила Энджи, открывая кассу. — Могу сдать сюит за шесть, здесь есть парочка.

— Мне не надо, — отказался я и передал ей три десятки, получив девять долларов сдачи. — Бар открыт, насколько я понимаю? — уточнил я сразу. — Поесть получится?

— Получится.

— Располагайся, я тебе в баре подожду, — сказал мой спутник.

Номер был простеньким, но просторным. Большая кровать, кресло, туалетный столик, телевизор. Чисто. Ванная с душем. Что-то не так... потом сообразил — здесь свет есть. Из любопытства включил телевизор и с удивлением обнаружил, что идет какое-то старое комедийное шоу. Потом понял, что это по кабелю, не телевидение. Ну и ладно. Зато должна быть горячая вода в таком случае.

Пошел мыть руки — есть горячая, точно. Сегодня хоть помоюсь как человек. Это радует.

Вещи позже разберу, пока так сумки бросил. Оружие... да не ворует здесь никто, наверное. Людей мало, все на виду. Поставил «длинноствол» в шкаф, сверху на полку положил большой револьвер и «беретту», маленький «таурус» сунул в потайную кобуру, что за поясом штанов. Пусть будет. Ладно, надо поесть что-нибудь.

Пикетт был не в баре, а болтал с Энджи, облокотившись на стойку. Заметив меня, спросил:

— Тебе машина в прокат нужна?

— Пригодилась бы, я думаю. Мой джип там остался, — кивнул я куда-то в сторону окна, подразумевая аэродром Боулдера.

— Стэн подгонит минут через пятнадцать, я думаю, — ответила вместо него Энджи. — Тоже на неделю?

— Ну... давайте на неделю пока, — согласился я.

— Оставь мне двенадцать долларов, как раз будет аренда и доставка плюс налог, — сказала она. — Я ему передам.

Бар был обычным, другими словами и не опишешь. Кабинки с виниловыми сиденьями вдоль окна, длинная стойка с высокими табуретами. За стойкой высокий худой мужик с седоватой бородой, одетый в длинный белый фартук и белую же футболку. За спиной у него длинная плита под длинным же перевернутым корытом вытяжки.

— Два пива, два твоих чизбургера и две порции картошки, — не спрашивая меня ни о чем, заказал Пикетт.

— Пиво сразу, а с чизбургерами чуть подожди, я для чужих сейчас делаю, Джо заедет через пять минут.

— Доживешь? — спросил меня Пикетт.

— Как-нибудь.

Бармен выставил на стойку две бутылки, зачем-то воткнув в горлышко маленькие бумажные салфетки, затем отвернулся к плите, а мы направились в кабинку.

— Как комната?

— В пределах нормы, обычная, — более чем точно описал я свои впечатления. — Жить вполне можно. Кстати, приятный сюрприз — здесь есть электричество.

— В Анклавах оно везде есть, — Пикетт отпил пива, облизнув пену с губ. — Твое здоровье.

— Взаимно.

— В Анклавах есть электричество, врачи, горячая вода, лекарства и еда. То есть почти нормальная жизнь. Здесь ты не умрешь от столбняка, как я недавно видел.

— Что видел?

Я отпил пива из горлышка. Пресноватое какое-то, но нормально, пить можно. После первого же глотка чуть зашумело в голове, на пустой-то желудок.

— Когда в Гудлэнде оборудовали промежуточный аэродром, нашли одного парня, он уже умирал. Нормальный, даже без Синдрома, решил жить один... вот как ты в своем доме, — посмотрел он мне в глаза. — Напоролся на ржавый гвоздь, получил столбняк. Мы спасти его уже не успели, умер. Причем умер очень плохо, тяжело. Никогда не видел смерть от столбняка?

— Откуда мне?

— Вот и я так думаю. А мне казалось, что у него от судорог сейчас мышцы разорвутся. Зубы крошились, так он их сжимал. Нельзя жить там, где нет врачей, Влад.

Дверь распахнулась, в бар забежал молодой, лет семнадцати, мелкий и тощий парень с длинными волосами, одетый в парку размера на три больше чем ему нужно. Бармен, кивнув, выставил на стойку большую коробку, быстро перечислив содержимое:

— Шесть чизбургеров, шесть порций картошки, кетчуп, шесть бутылок апельсинового сока, яблоки. Шесть долларов с тебя.

Парнишка рассчитался и побежал с коробкой на выход. Затем я увидел, как он закинул ее кабину небольшого серого пикапа и уехал. Бармен сказал:

— Парни, делаю для вас, потерпите.

Пикетт помахал рукой, изобразив тем самым понимание и согласие. Зашипело на плите брошенное мясо, слышно было, как повар орудует лопаткой, переворачивая его.

— Что за самолет ты себе присмотрел в Боулдере? — перевел разговор Пикетт.

— «Фоксбэт». Знаешь такой?

— Канадский? — уточнил он.

— Скорее украинский. Но собирают в Канаде, кажется.

— Головастик со стеклянной кабиной, два места рядышком, так? — уточнил он.

— Точно.

— Знаю такой, нормальный самолет. Хочешь завтра за ним вылететь вместе со мной?

Как он сразу быка за рога. Мне бы, по-хорошему, еще решиться надо. Хотя, с другой стороны, на По-2 я уже летал запросто, без всяких проблем.

— Не против. Но только если мне его чуть-чуть облетать дадут, а не сразу куда-то погонят. Я же предупредил, что опыта у меня мало.

— Облтай, без проблем, — развел руками Пикетт. — Послезавтра сюда перелетим, пригоним несколько машин. А дальше уже определим, куда тебя для начала. Думаю, что начнешь с патрулирования над дорогами, для практики лучше всего. И начнешь осваивать что-то побольше, но тоже пока из легких.

— А зачем здесь столько самолетов?

— Почему обязательно здесь? — удивился он вопросу. — Большая часть из них летит дальше, в Анклавы. Мы же форпост, перевалочная база фактически. Поэтому и делаем вот такие «прыжки» на аэродромы, где есть машины, забираем оттуда все, что может летать, ну и все для ремонта. Потом уже на том аэродроме делаем пункт дозаправки и «прыгаем» на следующий, куда до этого не дотягивались. Сегодня, видишь, «допрыгнули» до Боулдера. На твое счастье, к слову, — ткнул он в меня пальцем и опять приложился к бутылке.

Ну, насчет «счастья» я бы мог поспорить, про две недели до результата анализа на «свой-чужой» я не забыл, то есть это примерно столько времени, сколько я могу себя чувствовать в безопасности здесь. И примерно столько, за сколько я должен буду найти следы Насти, если она полетела в эту сторону.

— Это парень сказал, что делает чизбургеры для чужих, — я глазами указал на бармена. — Здесь есть и чужие?

— Да, шестеро. Хочешь посмотреть, что ли? — спросил Пикетт и засмеялся: — Это не их фильма «Чужие», это просто люди, от нас не отличишь. Правда, половина из них иностранцы, в основном из Европы, поэтому твой акцент вызвал подозрения.

— Они в госпитале? — догадался я.

— Конечно. В карантине. У нас все в госпитале, даже наш таунхолл, или как хочешь это назови.

— А вы как называете?

— Мэр и его люди, — усмехнулся Пикетт. — Таунхолл все же, наверное. Госпиталь очень большой и в нем отличное аварийное питание, только топливо не забывай привозить.

— А откуда топливо?

— Из Нью-Мексико, естественно.

Подошел бармен, поставил перед нами по тарелке с гигантским чизбургером и горой жареной картошки. Ладно, хоть я и не поклонник американской манеры набивать брюхо бутербродами, но этот чизбургер выглядит вроде прилично. Разве что котлету бы в нем надо было получше зажарить.

К гостинице подъехал зеленый пикап, выглядящий вполне новым, из-за руля выбрался толстый парень в красной шерстяной куртке в крупную клетку, с кобурой, висящей на жирном бедре, и вперевалку побежал в мотель. Вышел оттуда почти сразу, достал из кузова пикапа горный велосипед, взгромоздился на него и уехал, неторопливо вращая педали. Пикетт привстал из-за стола, выглянул в окно, сказал:

— Это Стэн, машину пригнал. Вот на ней завтра и приезжай на аэродром к девяти.

— О-кей. А что вообще есть в городе? Куда можно сходить?

— Что может быть в городе, где живет тысяча человек? — засмеялся он. — Этот бар и еще стейкхаус. Есть «ко-оп», в котором продается все, от еды до оружия. Есть просто пара небольших магазинов. Аптека. Да, еще оружейный, угол Ист-Шулман и Мак-Кой Драйв. Хозяин иммунный, почти всю эпидемию там просидел, запершись. И больше ничего. Кстати, я там рядом живу, там место под застройку предполагалось, а теперь ставим мобильные дома и трейлеры. А вообще неизвестно, будет ли вообще этот город городом в будущем, так что никто ничего не планирует особо.

— А что с ним не так? — спросил я, прожевав кусок чизбургера и запив пивом.

— Чем мы здесь занимаемся? Собираем ресурсы, те, что остались без хозяев. Приводим все в порядок, грузим на восемнадцатиколесники и отправляем южнее, там, где люди еще что-то строят. Вот и все.

— А фермеры?

— Фермеры есть, верно, но их здесь маловато, большинство уцелевших перебралось южнее, туда, где безопасней. Здесь только самые ближние к городу поля обрабатываются, те, куда можно выехать утром и вечером спокойно вернуться обратно. И куда из города может успеть патруль. Гарден-Сити как раньше был глухоманью, так и теперь ей остался.

— А дальше к югу спокойней?

— Намного. Там почти нормальная жизнь, если подальше от больших городов. Там даже есть полиция, — добавил он, подумав. — Да и хрен с ней.

Поели и разошлись. Я забрал ключи у Энджи, прихватив заодно и карту городка, вышел к машине.

Пикап оказался фордовским, под названием «Рэйнджер», в простенькой рабочей комплектации, с двухместной кабиной, даже коробка передач механическая, что для Америки вообще никуда. А мне больше и не надо.

На ходу хоть? Влез за руль, порегулировал кресло, завел. Не, тут все нормально, движок

журчит как шепчет, вполне годный пикап. И заправлен под пробку. Решил проехаться, проверить как оно и вообще оглядеться. Хоть на людей на улицах посмотрю, в конце концов.

Особо не посмотрел, людей все же было мало. Тысяча на весь город, да еще и на работе сейчас. Самым оживленным местом оказался какой-то складской двор, в котором одновременно загружали ящики сразу в несколько фур. Похоже, что именно здесь и бьется сильнее всего пульс экономической жизни Гарден-сити, города за пределами тех самых Анклавов.

Нашел ту самую Ист-Шулман, увидел нечто вроде нового трейлерного парка, где, с его слов, живет Пикетт. Потом увидел оружейный с забавным названием «Оружие рабочего человека». Представилась гора булыжников, таких, как на известной скульптуре забытого мной автора. «Булыжник — оружие пролетариата», кажется так. Естественно, не удержался, заехал.

Первое впечатление — магазин переполнен. Его хозяин, невысокий круглолицый мужичок лет под пятьдесят, почти терялся на фоне всего этого изобилия. Похоже, что сюда съехалось все оружие, что кому-то удалось найти в окрестностях. Еще я обратил внимание на то, что оружие стоило дешево, а вот патроны — дорого.

Поздоровались, хозяин оживился. Похоже, что покупатели его визитами не замучили пока.

— Что могу сделать для вас?

Поискав глазами в витрине, нашел точно такую же «беретту», как та, что лежит у меня в номере. Спросил:

— Запасные магазины к этому есть?

— Девять миллиметров или сороковой? — уточнил тот.

— Девять «Люгер».

— Есть. Сколько надо?

Я задумался, затем сказал:

— Еще пару, — после чего решил спросить: — Кстати, мне этот пистолет случайно достался. Ничего, что у него так много пластмассы в конструкции?

— Ничего страшного, на нее никаких нагрузок не приходится, — он достал «беретту» из прилавка, быстро разобрал: — Смотрите, ствол по стальной колодке движется, все нагрузки распределяются внутри затвора. Поэтому здесь, — его палец постучал по направляющим рамки, — никакого металла не надо. Хороший пистолет, никаких проблем с ним. И да, еще: он любые патроны принимает, даже самые плохие. Видите? — палец с толстым желтоватым ногтем щелкнул по казенной части ствола. — Нет рампы, ствол не качается, патрон подается по прямой. Так что перекося невозможен.

— Понял, спасибо, — обрадовался я. — А к такому есть скорозарядники? — я медленно и аккуратно, чтобы не напугать хозяина, вытащил из кобуры «таурус».

— Должны быть, сейчас посмотрю, — кивнул он, присаживаясь у шкафа и открывая дверцы. — Сколько надо?

— Тоже пару. И две коробки триста пятьдесят седьмого. И девятимиллиметровых... коробки

четыре, наверное.

— Каких?

— Холлоупойнт, пожалуй, — сказал я, прикидывая цены.

16

Вечер закончил в баре, на этот раз в одиночку. Пусто, кстати, не было, что у стойки все места заняты, что кабинки. Было шумно, играла музыка из висящего на стене джукбокса, в который бросали пятицентовики новой чеканки. Пиво стоило двадцать центов, чизбургер — пятнадцать. Жить можно.

Люди много говорили, кажется даже подчеркнуто шумно, словно стараясь перекричать то, о чем не хочется думать. Я даже решил, что тихие теперь пьют дома, в одиночку, а повод для этого есть у всех, достаточно только посмотреть на статистику смертности. Глядя на людей вокруг, я даже ощущал какую-то неловкость: их жизнь обошлась с ними жестоко, а я здесь вроде как на халяву оказался, не пострадавший, не настрадавшийся и вообще посторонний, на чужих поминках клоун.

Пахнущий потом толстяк в «кенгурушке» с капюшоном слез со скрипнувшего под ним стула, бросив на стойку пару монет, молча махнул бармену и вышел. Какой-то высокий черный парень дернулся было занять освободившееся место, но я стоял ближе и успел первым.

Рядом со мной оказалась та самая женщина с короткой стрижкой, которая снимала у меня сегодня отпечатки пальцев и выдавала ай-ди. На этот раз она была в военной форме, точно такой же, какую носил Вок, и занималась тем, что двигала пальцем какие-то пиктограммы по экрану планшета без всякой клавиатуры. Я такого еще не видел, работающего. Хотя что-то подобное в комнате сына моего дубля лежало, но я внимания не обратил.

Увидев меня, она протянула руку, спросила:

— Уже здесь? Осваиваешься?

— Здесь не так много мест надо освоить, — пожал я ей руку в ответ. — Тем более, что здесь пока намерен пожить.

— Работать будешь на Пикетта?

— Да, он уверял, что лучше этого не может быть ничего на свете. — на это заявление она скептически хмыкнула. — Что-то закажешь?

— Пиво. «Корз», — не стала она ломаться.

— «Корз» и «Бадвайзер», — повернулся я к бармену.

Тот кивнул, затем выставил перед нами две бутылки.

— Пиво из запасов? — спросил я у собеседницы. — Кстати, так и не знаю имени.

Вместо нашивки с именем у нее на груди была лишь полоска липучки «велкро». Думаю, что это здорово не по уставу, но пусть на сей счет болит голова у ее командиров.

— Люси, — снова протянула она руку. — Люси Мерфи. А пиво из запасов, у Энджи двое парней

с грузовиком весь Канзас обшаривают в поисках пойла. Но в Анклавах, говорят, уже начали делать его снова, так что от жажды не умрем.

— Это хорошо. Кстати, у меня такой вопрос: есть база поиска по выжившим?

— Тем, что в Анклаве — есть. Хочешь кого-то найти?

— Сестру, — чуть упростил я «для внешнего пользования» ситуацию. — Если у меня иммунитет, то мог быть и у нее, так? К тому же есть некие признаки того, что она выжила.

— Это какие?

— Пока была связь, мы разговаривали, — сочинял я на ходу. — У нее все было в порядке.

Я ожидал вопроса «она тоже в Америке?», но такого не последовало. Похоже, что информация о том, что я в эту страну приехал, до Люси не дошла. Может и хорошо, что так.

— Да? Тогда стоит поискать, — согласилась она. — Ты знаешь где я работаю, можешь зайти в любой день.

Можно и не зайти, а просто написать имя и фамилию на бумажке, но лучше бы мне при всем этом присутствовать. На случай, если все пойдет не так и придется быстро реагировать. Если, например, всплывет что-то такое, что с моим рассказом сильно расходится. Понятия не имею, что может всплыть, но если много врешь, что-то такое обязательно случается. Лучше бы не врать, да вот жизнь не дает.

— Кстати, а почему сейчас в форме, а днем нет? — спросил я ее.

— Днем я не должна была работать, зашла по другим делам, и тут Пикетт вместе с тобой. А так я сегодня в ночь дежурить заступаю.

— А это? — я показал пальцем на полоску велкро на груди.

— На работе. Я еще не привыкла, я на службе всего неделю, — усмехнулась она.

— А выглядишь как ветеран, — пошутил я, показав на ее прическу.

— Это... неважно, просто глупость, — вроде как смутилась она. — Скоро отрастет. Нет, никогда не служила. Впрочем, если смотришь на людей в форме, то можешь быть уверенным, что девять из десяти никогда раньше не служили.

— Почему?

— А если подумать самому, а не спрашивать? — не слишком вежливо ответила она. — В армии была такая же смертность как и у всех остальных. Ты где был, когда все это началось? Дома, насколько я поняла?

— Дома. И почти никуда не выходил, только до соседей.

— Тебя не пытались мобилизовать?

— Обо мне никто не знал. А то бы попытались, наверное.

— Ну, вот так новые военные и появились. В общем, форма есть, но знаний... знаний пока нет

ни у кого, собрание дилетантов. Вок, например, преподавал в университете. Здесь в городе порядка пятидесяти военных, из них свежих примерно сорок. И это еще хорошо, такое соотношение потому, что здесь форпост, индейская территория.

— Ты местная?

— Я? — она кивнула. — Да, я местная, родилась и выросла. И сейчас живу в своем доме. И у меня в нем даже никто не умер. Родители развелись давно, про отца ничего не знаю, мать умерла пять лет назад. Муж был, развелась, он уехал, больше о нем ничего не знаю. На фоне остальных вроде как даже и не пострадала. Энджи местная, у нее муж и ребенок были. У Эрла, — понизила она голос, скосив глаза на бармена, отошедшего в дальний конец стойки, — жена и двое детей. Иногда кажется, что на меня даже косо поглядывают. Когда люди хоронили своих, я просто сидела дома, и ничего со мной не было. Я ходила в магазин за едой, ходила по улицам — и выжила. А вокруг все умирали, умирали, умирали, — она покрутила бутылку пива, словно разглядывая этикетку. — Наверное, надо было уехать в другое место, но... не смогла. Я даже присоединилась к армии потому, наверное, что хотела изменить обличье, спрятаться за формой.

— Не думаю, что спрятаться — лучший выход. Даже если прячешься внутри себя. И не думаю, что тебя кто-то здесь будет осуждать лишь за то, что у тебя не было никого, кого ты могла потерять. Просто так выпали кости, твоей вины или заслуги в этом нет.

— Здесь за последние три месяца было уже три убийства, — помолчав, сказала она. — Все три произошли потому, что кто-то сказал лишнее.

— Между тем в бары ходить с оружием не запрещается, — показал я на ее кобуру.

— Думаю, что запретят, будем в машине оставлять, как делалось раньше. Правда, должна сказать, что ни одно из трех убийство не случилось в баре.

— А где?

— Возле него, — кривовато усмехнулась Люси. — Можно выйти, достать оружие из машины и подождать, как во всех случаях и было. В первом и последнем пистолету предпочли дробовик. Во втором случае стреляли из «Мини-14».

— Кстати, кем ты работала до... этого всего?

— Секретарем в офисе окружного атторнея, — после короткой заминки ответила она. — Заметно?

— Не знаю, — пожал я плечами, — но почему-то спросил, верно?

— Почему?

— А я не знаю. Просто подумалось что-то такое.

— Ладно, мне пора, — отставила она пустую бутылку. — Надо еще домой забежать. Увидимся.

— Счастливо.

Она сдернула со стула камуфляжный зимний бушлат и, надевая его, пошла на выход. На освободившийся стул села другая женщина, толстоватая, темноволосая, с широким бледным

лицом, выглядящим еще бледнее из-за отсутствия косметики и на фоне ее темных волос. Рядом с ней встал рослый мужик в клетчатой рубашке, его предплечья, высывавшиеся из закатанных рукавов, сплошь были покрыты татуировкой. Ну вот, кто-то уже личную жизнь наладил. Жизнь — она продолжается вообще-то.

Допив пиво, поднялся в номер. Разделся до трусов, с радостью обнаружив, что в комнате тепло. Ванну бы сюда еще нормальную, но нет ванны, только душ. В который я и пошел, надолго.

Горячая вода, льющаяся сверху на голову — блаженство невероятное. А еще после Отстойника интерьер ванной дешевого американского мотеля кажется верхом роскоши. Хорошо-то как...

Так, ладно, раз так хорошо, то можно попутно и о деле думать. У чужих, к числу которых я отношусь, есть свой анклав где-то в Канаде. Это раз. По-хорошему мне бы туда и надо. Нам надо. Так, насчет «нам»: если Настя полетела самолетом, то куда она полетела? В Анклавы? Никаких ай-ди ее дубля я в доме не нашел, а это значит, что у нее полный комплект документов. Правда, английский у нее слабоват, это минус, могут быть проблемы. Могла попасться, если прилетела к местным? Могла. Но могла и не попасться. Но если попалась, то что дальше?

Рассказы про «возможность заражения» и «носителей инфекции» пусть приберегут для слабоумных, до того, что все это лажа, я еще в кабинете индийского доктора додумался. На нем даже маски не было. Инфекция, мля, у них. Хотя, зачастую такие дурацкие, но простые объяснения лучше всего действуют, люди просто не пытаются задумываться, сказали — и все. Но тогда чего? В чем проблема-то с чужими? Я вот никак не въеду. Люди как люди, чтобы анализами отличить от местных, им вон, аж две недели надо. И чего тогда?

Обед сегодня на шестерых чужих забирали из бара. Обед, насколько я понял, хороший, голодом их там не морят. Держат в госпитале. Держат для чего? Они здесь нужны зачем-то, или их уда-то дальше отправляют? Это вопрос. И кто мне на него ответит? Одинокая бывшая секретарша окружного прокурора?

Вообще-то реально, но... как-то нехорошо. Для того, чтобы от нее чего-то добиться, скорее всего надо будет вступить в отношения. Мне вот так кажется. У нее прямо в глазах читается «я ищу человека, который будет со мной, и я не так буду бояться этого опустевшего мира». Что будет подло как по отношению к Насте, так и по отношению к ней самой. Потому что я не могу, да и не хочу быть с ней. Я могу только ей воспользоваться, то есть сделать то, что делать с ней именно сейчас нельзя. Мне так кажется, я так чувствую, но это так же верно, как то, что завтра с утра взойдет солнце.

Надо же, даже дешевый мотельный шампунь кажется чем-то невероятным, дары богов просто. После того мыла, которым приходилось мыть голову еще совсем недавно, в городе Углегорске. Откуда мы вырвались... вроде как. Вот так и думай, к благу ли это все? Последние же недели в том мире прошли как раз совсем неплохо, в Захолмье. Я там уже каких-то высот достиг, да и время...

Кстати, а что здесь со временем?

А как проверить? Пока никак.

Но этот мир, как мне кажется, тоже начинает расслаиваться, так что... так что здесь оно может только начать замедляться. Или это не обязательно?

Черт, а ведь я, реально, сверхценный кадр для местных. Потому что почти наверняка знаю, что

будет дальше. А они меня в изоляцию норовят изолировать. И опять же возвращаемся к вопросу «зачем».

А по чужакам у них здесь базы есть, интересно? Если и есть, то сомнительно, что меня к ним подпустят. Разве только с повинной приду сам, мол, берите меня. А ведь Настя может быть и в этой базе. Что делать? Надо много думать. Для начала неплохо узнать бы, есть ли вообще такая база. А если есть, то есть ли у местных к ней доступ, или это нужно в Форт-Худ ехать. Или в Форт-Сэм, или что тут у них еще за форты.

Черт, горячая вода, горячая вода, как же хорошо! И свежее белье на постели, я уже заранее оценил. Завтра будет день, а сегодня надо лечь спать. И выспаться.

17

Проснулся по будильнику и сначала даже не понял, где я. Снилось что-то про Отстойник, и так живо, что обнаружив вокруг себя мотельный интерьер, решил поначалу, что просто в другой сон провалился. Потом явь дала о себе знать естественными позывами, и пришлось вставать.

В комнате было прохладно, хорошо что хотя бы пол по американской традиции ковролином покрыт, а те еще бы и приплясывать пришлось без тапок. Быстро натянул майку с длинными рукавами и так побежал в ванную, сразу мечтая о горячем душе.

В ванной, пока умывался, все к бороде присматривался на предмет немедленно ее сбрить. Ненавижу эту поросьль, смертно ненавижу, но нельзя пока, как мне кажется. Потом плюнул и принял соломоново решение, то есть сделал так, чтобы и волки сыты и овцы целы — превратил ее в эспаньолку. И зря, наверное, потому что с ней стал выглядеть даже моложе, чем без нее. Несерьезней как-то. Это плохо, но вообще-то ладно. Тем более, что в новом ай-ди уже мое лицо, а не дубля, так что особо в глаза не бросится. Правда, возраст в документе указан... Ладно, хрен с ним. Молодо выгляжу, здоровый образ жизни и все такое. «Все потому, потому что мы пилоты». Хотел это даже вслух запеть, но почему-то не стал.

Завтраком в мотеле, несмотря на ранний час, уже кормили, так что я получил яичницу с жареным беконом, кофе и тосты с джемом, все вполне нормально, как в «мирное время». Вместо Эрла в баре заправляла толстая женщина средних лет, улыбчивая и доброжелательная, но постоянно зевавшая, причем так сильно, что я начал опасаться за ее челюсть.

«Рейнджер», приткнувшийся у самого подъезда и выставший за ночь, легко завелся и так же легко домчал меня до аэродрома. На улицах даже было заметно какое-то оживление, люди ехали на работу, кто куда. На самом выезде проскочил мимо колонны из десятка грузовиков, вытянувшихся вдоль обочины и сопровождаемых вполне серьезного вида восьмиколесным бронетранспортером и уже привычным бронированным «хамви». Похоже, что в Анклавы отправлялась очередная партия собранных «полезностей».

На аэродроме тоже была заметна суета. Пикетта я нашел сразу, он стоял возле «каргомастера», о чем-то разговаривая с пилотом, низкорослым мужиком лет сорока, с такой же, как у меня, круглой бородкой. Увидев меня, ткнул пальцем в «ремингтон», что я нес в руках, сказал:

— Длинный, в кабине с таким неудобно. Тебе надо короткий получить, вроде этого, — он похлопал по автомату, висевшему у него на груди.

— Надо, — сразу согласился я. — Как увижу, что кто-то торопится мне такой выдать, так немедленно и получу. Не ты выдаешь?

— Это в городе, — махнул он рукой. — Вернемся обратно, напомни, сходим вместе.

— Напомню обязательно, — уверенно сказал я в предчувствии халявной добычи. — Что делаем сейчас?

— Ничего. Он нас везет, — Пикетт кивнул на пилота, — мы спим в кабине. А там ты сегодня осваиваешь «фоксбэт», завтра вылетаем обратно, ты уже сам по себе.

Да, времени зря здесь никто не тратит, наверное. Ладно, справлюсь, я думаю, что там может быть сложного?

В «каргомастере» кроме нас не было никого. Заработал двигатель и вскоре самолет порулил по дорожке в начало полосы, гулко постукивая покрышками по трещинам в асфальте. Мотор заработал громче, машина сорвалась с места, быстро разогналась и оторвалась от земли. Сразу стало тише.

— Я уже официально где-то работаю? — спросил я у Пикетта после того, как земля совсем отдалилась и потерялась в дымке, и смотреть в иллюминатор стало не интересно.

— Да, уже, видишь? — Пикетт достал из небольшой сумки планшет, похожий на тот, что я видел у Люси, только поменьше, включил его, дождался загрузки, после чего открыл какую-то таблицу со списком фамилий и цифрами напротив — зарплатой.

— Сотня? — немного удивился я.

— Да. Двести ты уже получил, а дальше по сотне в неделю.

Ну да, в неделю. Четыре сотни в месяц. Нормально. Хотя мне здесь сколько осталось? Полагаю, что получить что-то кроме аванса у меня не получится. Зато его почти полностью отработаю, получается. Все по-честному.

— Что ухмыляешься? — спросил Пикетт.

— Да так, — отмахнулся я. — Просто немного странно, что вроде бы к нормальной жизни вернулся. Работа, зарплата, все такое.

— Ну да, ты же в горах так и жил как медведь, — тоже усмехнулся он.

— Кстати, ты когда-нибудь слышал про то, что люди заражались от чужих?

— Это тебе доктор наболтал? — вместо ответа уточнил Пикетт.

— Он, кто же еще? — не стал я укрывать правду.

— Это поначалу так пугали людей, — сказал он, попутно зевнув и прикрыв рот ладонью. — Нет, не слышал, и никого они пока не заражали. Хотя многие до сих пор верят.

— А что тогда все такие нервные по поводу этих самых чужих?

— А черт его знает, если честно, — сказал Пикетт, переключая свой планшет на игру в покер. — Не моя область компетенции. А что?

— Как что? — вполне естественно удивился я. — Интересно же.

— Интересно? — переспросил он и вроде даже задумался. — Да, наверное интересно. Но я понятия не имею, что дальше. Всех отправляем в Форт-Сэм, а что дальше — ни малейшего представления. Но уж точно не убивают их там, потому что приказ обращаться бережно, кормить хорошо, обеспечивать условия и все такое. Только отпускать нельзя, жесткий карантин.

— Карантин как с инфекционными больными? — решил я все же уточнить.

Похоже, что Пикетт и вправду никогда раньше этим не интересовался, потому что сейчас явно задумался, после чего сказал:

— Нет. Как в тюрьме карантин, если проще сказать. У них в госпитале отдельный коридор, там решетка и охрана, я мимо часто прохожу. И еще им туда тренажеров на целый спортзал навезли, — добавил он, явно вспоминая подробности. — Да, приятель туда беспроводную сеть протянул, и кабельное туда протащили. Нет, на заключенных они не похожи, о них заботятся.

— А кто они вообще? Ну, в смысле... даже сам не знаю как спросить, — изобразил я полное непонимание.

— Американцы, — пожал плечами Пикетт. — Такие же как мы. Просто не отсюда, а из других Америк. Параллельных. Обычно растерянные, ничего не понимающие, если говорить о тех, что попадали к нам. Несколько раз попадались иностранцы, но все провалились к нам из Америки.

— Откуда проваливались, там и оказывались? — уточнил я.

— Не совсем. Бывало так, что человек проваливался в Вайоминге, а выходил в Колорадо, например. Но обычно не дальше.

Вот так, все как в Отстойнике. Нет, этот мир точно идет по его стопам, руку на отсечение, или зуб даю, если проще.

— Подожди, я вот чего никак не пойму, — начал я постепенно подбираться к важному. — То есть сюда может свалиться «параллельный я», что ли?

— Нет, — засмеялся он. — Ты есть ты. А он есть он. Люди не повторяются, в тех Америках живут другие люди.

— И у них другой президент, так?

— Именно. Не Мак-Кейн.

Интересно, в моей действительности есть такой Мак-Кейн, или нет? И будет ли он президентом в две тысячи двенадцатом? Я ведь явное нарушение той теории, что излагает Пикетт. Я здесь был, я и есть тот «альтернативный я». Но я сюда и попал... неправильно. Не должен был я сюда угодить. Я — аномалия. Можно гордиться.

Кстати, этот самый Мак-Кейн был президентом до эпидемии или стал позже? Черт, спросить бы, но как-то в карантин для чужих неохота. Ладно, я потом каких-нибудь старых газет поищу, почитаю. Полезно вообще-то, надо было раньше сообразить, на каждом шагу ведь попадались. А то так я сам попадусь, на каком-нибудь диком косяке.

— А Мак-Кейн там есть? Вообще, в смысле, не президент?

— Вопросы у тебя, — вздохнул Пикетт. — Это сложнее ракетной науки, а ты с этим к бывшему копу. Ничего тебе ответить не могу, извини.

— Нет проблем.

Ладно, достаточно, а то, если он на все вопросы ответит, то уже у меня ум за разум зайдет, как мне кажется. Мне бы тогда Милославского не убивать надо было, а сюда тащить. Хотя о чем я, если бы он не помер, то я бы там, в Отстойнике, и остался. Или помер бы сам.

Разговор постепенно превратился в ленивую болтовню, а потом и вовсе увял. Я откинул спинку кресла и уснул, полет ожидался долгий.

18

Люди Пикетта обосновались на аэродроме всерьез, неплохо обустроив административный терминал. Сейчас там было всего четверо, остальные возились с техникой, готовя несколько самолетов к первому вылету.

Средних лет толстяк с пышными усами, одетый в клетчатую шерстяную куртку, спросил меня с ходу:

— На «фоксбэт»?

Я удивленно глянул на Пикетта и тот кивнул:

— Я сообщил, чтобы времени не терять.

— На «фоксбэт», — обернулся я к толстяку. — Но мне бы подготовиться надо, я любитель, из начинающих, а на таком вообще никогда не летал.

— У нас половина таких была, — вздохнул не слишком радостно, несмотря на такие обнадеживающие слова, толстяк, после чего добавил: — С инструктором слетай сначала. Прямо сейчас. Кстати, мы документы на этот самолет найти не можем. Не у тебя?

— У меня, — похлопал я по рюкзаку, висевшему на одном плече. — Я к нему давно примеривался, вот и забрал. Изучал на досуге.

— Хорошо, — сказал толстяк и вытащил из стоящего на столе зарядника портативную рацию. — Будем надеяться, что изучил. Мар? Мар? — спросил он и дождавшись утвердительного ответа от невидимого мне собеседника, сказал: — Это Эйб. Пилот на «фоксбэт» здесь, слетай с ним, прими экзамен на допуск к полетам.

— Сейчас буду, — донеслось из радиации.

Пикетт меня оставил и ушел по своим делам. Все, я уже на работе. Толстяк Эйб кивнул на диванчик у стены, сказал:

— Присядь пока, он сейчас будет.

То, что невидимый Мар сейчас будет, я уже понял, но присел, уложив рюкзак и винтовку рядом с собой. Минут через пять я увидел в окно, как к терминалу подкатил «мой» джип, тот самый, что я нашел по дороге в Боулдер, затем он исчез из виду, но я услышал, как заглох двигатель и хлопнула дверь. Затем послышались шаги и в комнату вошел тощий и очень маленький парень в кожаной куртке с меховым воротником, «карго-штанах» и крепких

ботинках. Лицо у него было совсем детским, несмотря на то, что ребенком он явно не был. На бедре в кобуре у «детоликого» виднелся здоровенный «десерт игл» и в голове сразу начали всплывать какие-то смутные мысли о родоначальнике современного психоанализа. Хотя, может быть, «десерт игл» — это всего лишь пистолет.

— Знакомьтесь, — кивнул в мою сторону Эйб и вопросительно посмотрел на меня — мы друг другу не представлялись.

— Влад, — сказал я, поднимаясь с дивана и протягивая руку маленькому Мару.

— Мар, — представился тот и сразу спросил: — Опыт полетов какой?

— Маленький. Но летал.

Он почему-то не спросил «на чем», видимо решив, что мой опыт только летной школой и ограничился. Спросил только: «Пошли?» — и сразу направился на выход. Когда подошел к джипу, он полез было за руль, но я его оттащил, нагло сказав:

— Это вообще-то моя машина, я на ней сюда ехал.

— Реально? — немного поразил он меня своей реакцией. — Класс, я а не знал. Рули.

Мне захотелось из чистой шkodливости сказать ему «сам рули», но не стал, сказал:

— Вроде как попрощаюсь, — и полез за руль.

— Это точно, — легко согласился он, — с собой ты ее уже не увезешь, все равно мне оставишь. Ладно, Влад, машин еще много. Уже нашел новую, небось?

— Взял напрокат.

— Понятно, — кивнул он. — А у меня был коллекционный «мустанг» шестьдесят седьмого года, тоже остался на аэродроме, — тут он явно взгрустнул. — Я в Анклавы на самолете пробился.

— Тоже так планировал, — сказал я, трогая джип с места.

Ехать пришлось не в ангар, как я было подумал, а просто по полю чуть дальше — самолет вытащили из ангара, помыли и с ним еще успели техники поработать, судя по тому, что рядом с ним стояли двое в рабочей одежде, о чем-то разговаривая. Возле них мы и остановились.

Мар обменялся с ними несколькими фразами, после чего мужики загрузились в белый пикап и уехали в сторону терминала, оставив нас с машиной.

— Давай так, как будто это экзамен, — сказал Мар. — Я не вмешиваюсь, а ты дальше сам, начиная с осмотра. Сумеешь?

— Без проблем, — жизнерадостно соврал я.

Впрочем, бланк предполетного осмотра, накрытый прозрачным пластиком, был у меня в руке, равно как и фломастер — все нашлось в папке с мануалом и документами к самолету. Так что осмотр особых трудностей не вызвал. В чем-то процедура повторяла аналогичную с По-2, а все остальное я по картинкам из того же мануала выучил.

В общем, оглядел со всех сторон, убедился, что никаких чехлов и подобного на машине нет, а

выглядит она вполне целой. Залез под капот, проверил крепеж двигателя, потом замерил уровень всех жидкостей. Тоже в норме. Мар смотрел молча, время от времени что-то помечая в маленьком блокноте. Никаких потеков нигде, Выхлопные, охлаждение, все в норме. Покрышки новенькие, накачаны нормально, тормозуха нигде не течет, опоры и амортизаторы тоже в норме, вроде как.

Потом перешел к крыльям, убедился, что бензобаки закрыты, что опять же никаких потеков, вентиляция баков в порядке, навигационные огни на месте, элероны, которые здесь еще и закрылками работают и называются «флапперонами» тоже в порядке.

Фюзеляж, обошел по кругу, проверил кран слива топлива, не течет ли, двери на месте, все на месте, на хвостовом оперении ничего не отсоединено и ничего лишнего на нем, вроде как полный порядок. Доступ к батарее и проводке... все в норме.

Так, что в кокпите, то есть в кабине? Чисто, все на месте, ничего не отломано и не оторвано, самолет вообще новым выглядит. А так все простенько-простенько, штурвал — гнутая труба с неопреновыми ручками, педали — просто Т-образные трубы из нержавейки, или чего-то похожего, легкие сиденья, обитые прочной тканью, вроде как в джипе. В общем, спартанский подход, но мне понравилось. Я же из Отстойника сюда, мне все теперь роскошью кажется, как советскому туристу в капстране на распродаже.

Я влез в кабину слева, а Мар, опять же не говоря ни слова, втиснулся в нее справа. Хорошо, что он такой мелкий, хоть она и двухместная, но просторной ее не назовешь. Так, ремни пристегиваем... ага, а он медлит, ждет моей реакции... Я пальцем оттягиваю свой ремень, глядя на него, и Мар кивает, быстро пристегивается. Закрылись двери, отгородив нас от ветра, я проверил замки — заперто. Нормально.

Так, ключа в зажигании нет, вся электрика отключена, мастер-свитч в положении «OFF», все остальные тумблеры тоже. Так, багажный ящик закрыт, все рычаги в нужных положениях и ничем не заперты, стояночный тормоз включен.

Здесь еще парашют есть, очень большой. С ним не прыгают, а если с самолетом проблемы и сесть безопасно не получается, то на нем можно спуститься на землю вместе с самолетом. Тросик, что запускает ракету, которая, в свою очередь, выдергивает парашют из контейнера, находится над головой и запирается предохранительным «пином». Вот этот самый пин я выдернул, воткнув в специальное гнездо рядом.

Все.

— Полетели, что ли? — спросил я у Мара.

— Давай, все в порядке, — кивнул тот, убирая блокнот во внутренний карман «бомбера».

— Полетели так полетели, — пробормотал я по-русски, вытаскивая ключи из кармана.

Так, хоть и не мороз, но пуск у нас будет холодным. Ключ в замок, в положение «ON» — включились приборы. Топливо — половина бака. Каждого, их здесь два, оба в крыльях. Нормально. Краны топливные... газ — в положении IDLE. Все как надо. Подогрев карбюратор включаем. Теперь ключ на START, на пять секунд, это опять же холодный старт... назад... зажигание ON... и сам старт. Зажужжало, движок «схватился» секунды за три, затарахтев и плюнув дымом.

По корпусу прошла легкая вибрация, стало шумно. Через стеклянные двери я увидел, как

волна воздуха погнала по бетону сухую траву и всякий мелкий мусор. А у нас тут тихо и спокойно.

Газ на полторы тысячи оборотов, рычаг руля высоты до упора назад, обогрев карбюратора нафиг, отключаем. Затем больше газа, больше двух тысяч, проверяем все приборы. Кстати, надо будет чуть позже разобраться, как навигатор работает. В машине работал прекрасно, так что и здесь должен. Но это потом, когда полетаем и не навернемся нигде. Ага, а приборы работают, все чего-то там показывают, что им показывать положено.

Так, тормоз зажат, обороты до четырех тысяч. Давление масла... ага, под четыре бара, в норме. Поехали, что ли.

Газ в IDLE, осматриваемся — ничего не мешает. Отключил стояночный тормоз, самолет немного дернулся, словно почувствовал свободу. Газ в TAXI, это не машина с шашечками, это в английском так руление называется.

Предугадав мой вопрос, Мар сказал:

— Оттуда взлетаем, — показав пальцем на тот конец полосы, что был ближе к терминалу. — По широкой сначала, так мне спокойней.

— Без проблем, — повторил я свою не слишком искреннюю фразу.

Самолет покатился легко и как-то «по автомобильному», не подпрыгивая, не раскачиваясь, а совсем плавно. Руление с помощью переднего колеса было куда проще чем на заднем «костыле», нос не загораживал обзор, все видно было прекрасно. Да, «тэхника далеко шагнул», как говорил один мой знакомый кавказец.

Мимо проплыло здание терминала, компания мужиков у крыльца глазела на нас. Вот только сейчас и облажаться... Ага, на месте, отсюда взлететь будем. Тормоза, рули в нейтраль, что у нас с ветром? А боковой ветер. Но не сильный, конус почти не поднимается. А это значит, что «флапс», то есть закрылки, в позиции «1», не поднимаем, то есть.

Так, температура воды около шестидесяти уже, у масла почти такая же. Норма. Педали, что управляют рулем, в нейтральной, полный газ, тормоза отпустили, машина тронулась с места, элероны слегка против ветра, совсем слегка, дутики зашуршали по гладкому асфальту. Скорость все выше, выше, стрелка ползет... а быстро разгоняемся, кстати... двадцать с чем-то узлов, рули немножко вверх, чтобы разгрузить переднее колесо, продолжаем ускоряться... самолет на сорока четырех узлах взлетать может, но мы его до пятидесяти пяти разгоним.

Серая лента полосы проматывается под нами, убегают назад ящики с упакованными планерами, мелькают столбы ограды. Полоса широченная, если даже ветром поведет, то и пофигу. Места для взлета с огромным запасом, так что закрылки не трогаем. Все, отрыв!

Шум колес прекратился, сразу стало тише. Так, масло на пяти барах, норма, теперь следить за тем, чтобы скорость держалась около пятидесяти с небольшим узлов, тогда высота быстрее всего набирается при меньшем напряжении.

— Нормально, — вдруг сказал молчавший Мар. — Давай круг над городом, осмотреться надо, а потом обратно.

— Без проблем, — повторил я в третий раз, но уже с большим оптимизмом.

Половина дела сделана, так сказать, «осталось уговорить царя», то есть еще и сесть без происшествий. Но по ощущениям эта «хохляцкая летучая мышь» управляется даже проще чем По-2, если такое вообще возможно.

Самолет набрал полторы тысячи футов высоты, плавно развернулся и пошел в сторону города, к горам, которые поднимались за ним стеной. Интересный рельеф, тут совсем плоско, как стол, ни холмика, а сразу за границей Боулдера настоящий вал. Как будто волна каменная накатывала на город, да вдруг замерла, не дотянувшись.

Кстати, ближе к горам странности с ветром могут быть, наверное, так что мне с моим опытом лучше повнимательнее.

А штурвалом управлять приятнее, чем ручкой, к слову. Может кому-то не так, но вот лично мне больше нравится. Как-то уверенней и солидней получается.

В кабине стало заметно холодно, несмотря на охотничий камуфляж, который я надел с утра. Нашел на панели тумблер «обогреватель кокпита» и щелкнул им. Заметно потянуло теплым воздухом, стало уютней. Стекланные стены по бокам создавали странное впечатление, будто ты, как Баба-Яга, в ступе летишь, или на летучем кресле. Вперед видно было отлично, капот здесь короткий и довольно низкий, как в «жигулях» едешь. Все нравится, короче. Можно смело менять джип на эту машину.

Мы, задорно жужжа мотором, пролетели над полями, потом над каким-то чудным спорт-комплексом, состоящим сразу из кучи футбольных полей, потом над стоянками и церковью, потом потянулись дома с небольшими участками, которым, похоже, весь город и застроен. Несмотря на невысокую для самолета скорость, «фоксбэт» перемахнул через городок моментом, приблизился к горам, здесь еще пологим, действительно качнулся под боковым ветром, развернулся и пошел вдоль них, направляясь на юг.

— Минут десять полетаем и на посадку, — сказал Мар. — Смотри, трупоеды внизу.

— Вижу.

Действительно, по широкой улице трусили неторопливо три «гончих», как я по старой памяти успел окрестить местных четвероногих тварей, а следом за ними шел «демон». Такое впечатление, что он собак выгуливает. А может так оно и есть, кто знает.

Пролетели дальше, уже над южной окраиной, в сторону Лафайетта, уже пригорода Денвера. На Денвером пелена колеблющегося воздуха, а здесь пока нет. Нет? Кстати, а это что?

— Что вот там? — спросил я у Мара. — Карта есть?

Карта у него была, к тому же раскрытая и уложенная в пластиковый файл. Посмотрев туда, куда я указывал, Мар повозил пальцем по карте, после чего сказал: — Госпиталь был. Добрых Самаритян. А в чем дело?

— Ничего не видишь?

— Да, точно, — сказал он, приглядевшись. — *Начинается*. Здесь тоже *начинается*.

Именно что «начинается», по-другому и не скажешь. Воздух в этом месте колебался как над костром, размывая очертания зданий и машин на большой стоянке. А вот еще несколько «гончих». И еще какая-то тварь... Точно, *начинается*.

Я чуть завалил самолет на левое крыло, вводя его в пологий неторопливый вираж.

19

На аэродроме было суетно до самой темноты, готовили к вылету машины. Мы приземлились без происшествий, после чего Мар сказал, что экзамен вроде как принят. Ну, верно, если ничего экстраординарного не случится, то долечу куда угодно. Самолет закатали на стоянку, заправили. Еще пару часов я просидел в кокпите, разбираясь с навигационной системой, радио и просто привыкая к управлению, чтобы не вспоминать где что и не высматривать. Потом начало понемногу темнеть и работы сами по себе закончились, люди собрались в терминале.

Оставаться в темноте на улице не хотелось никому, это все же не в городе, да и я не забыл тех тварей, что видел совсем недавно с воздуха. Раз *начинается*, то всего можно ждать, как я думаю. Может уже давно *началось*, откуда-то же пришел тот демон ко мне в дом, когда я болел. И до этого я их видел. Может быть, Тьма так начиналась? Или как-то похоже? А люди тогда где?

Обед, а если по-нашему, то ужин, был простым и незамысловатым — большие порции равиоли с мясом и с сыром, итальянских пельменей, можно сказать. Не свежих, естественно, а готовых, просто разваренных. Ну и пиво, за что большое спасибо, пиво я люблю.

Люди разговаривали, в углу за столом играли в покер, на сигареты, но мне общаться не хотелось. Как-то уже свыкся с идеей, что скоро я всех покину. Доберусь до информации по чужим, и покину как можно быстрее. На вот этом самом самолете, на котором сегодня летал. В Канаду полечу, к «своим», туда, где меня никто не изолирует. Или полетим, если Настя прилетала к «местным» и у нее все плохо сложилось. Тогда я ее найду и эту «изоляцию» прекращу.

А вообще как-то беспокойно мне, даже винтовку из рук почти не выпускаю. Если остальные свои автоматы составили в пирамиды, разве что пистолеты при них, то я «ремингтон» с собой таскаю. В уборную ходил — и то не оставил, с собой потащил, там к стене прислонил. С чего беспокойно-то? С того, что увидел, или с чего другого? Может быть, чую что-то? Ну, в силу вновь открывшихся талантов?

Попробовал сосредоточиться — не получилось, шумно в зале, народу много, все гомонят и болтают. Встал, подошел сперва к окну. Которое здесь добротное, во всю стену, затем вышел на... что-то вроде низкого балкончика, тянущегося вдоль фасада, где обнаружил часового. Курящего, разумеется. Вроде как американцы нация некурящая, а смолят почти все. Даже в барах курят, хотя надписи сохранились о том, что курение запрещено. И гадать о причине не надо, вот она причина, предо мной — мертвый город.

На улице стало тихо, толстое стекло почти не пропускало звуки изнутри здания. Как-то сразу обострилось ощущение того, что здесь не все правильно. Я включил в прицеле зеленую подсветку, на самый минимум, перехватил винтовку поудобнее, сбросил предохранитель. Прикрыв глаза, прислушался к ощущениям. Что-то здесь есть.

— Ничего не чувствуешь? — спросил я у часового.

— О чем ты? — не понял тот.

Ну да, «чувствую» здесь я, у него другие источники информации.

— Вроде услышал что-то, — сказал я, сверяясь с внутренним радаром. — Вон там, примерно, —

показал я стволом винтовки на два очень больших ангара, стоящих в юго-западном углу территории аэродрома.

— Что услышал? — насторожился часовой, хватаясь за свой короткий автомат, который до этого просто висел на плече.

— Черт его знает, сам не понял, — соврал я. — Неправильный какой-то звук. Черт, ночник бы.

— Есть ночник, — буркнул тот, поднося к глазам вроде бы обычный бинокль, только немного пузатый. — Там, говоришь?

Он замер, всматриваясь, а я прикрыл глаза, опять положившись на «радар», как я уже начал именовать эту свою новую странную способность. Ну да, кто-то... нет, что-то есть. Это что-то не близко, сейчас замерло и, естественно, разглядывает нас. Похоже, что темнота этому не помеха.

Присев на колени у поручней, выложил на них винтовку, попытался глянуть в прицел. Нет, ни черта не видно, небо тучами затянуто, темно как у афроамериканца в... подмышкой. Но направление я чувствую четко. Она за левым, если от меня смотреть, углом ангара.

— Ни хрена не вижу, — пробормотал часовой.

— Левый угол ангара, — подсказал я ему. — Ты обычный лазер в бинокль видишь?

— Конечно.

А неплохо было бы ночной прицел, а? Дистанция для него вполне нормальная, тут метров сто, не больше. Ну ладно, обходимся тем, что есть. Протянув руку к передней части цевья, тихо щелкнул выключателем. Ярко-красное пятнышко засветилось на стене ангара, затем сдвинулось к углу.

— Проклятье, не пойму, — снова зашептал часовой, — точно, вроде и вправду что-то есть.

— Дай мне, пока покарауль, — сказал я, выключая лазер и протягивая руку.

Тот спорить не стал, дал бинокль мне. Мир стал зеленым. Увеличение, к слову, у бинокля так себе, хорошо если трехкратный. Ну да и понятно, все равно им далеко не заглянешь, так зачем поле зрения специально сужать? Так, ангар, угол... Точно, твари не видно, но «срез» стены кривоватый какой-то, словно кто-то пытается аккуратно из-за этого самого угла выглядывать. И кстати, оно ведь на меня сейчас смотрит, я это тоже чувствую. А зачем, к слову? Надо уже нападать или уходить. Ждет момента? Не понимает, что я смотрю на... это самое, черт знает, как назвать?

Кстати, а если вот так попробовать?

Вернув бинокль часовому, я снова приложился к прицелу. Так, вижу срез стены... не очень контрастно, но вижу. Ветра нет, здесь близко, так что вертикаль сетки почти вплотную к нему можно придвинуть. И где же была та самая «выпуклость»? А вот она... если бы заранее не знал куда смотреть, то и не разглядел бы. Нет, точно нужен ночной прицел при такой жизни...

Кстати, у часового есть фонарь-прожектор, вроде того, что у меня сейчас в мотеле валяется. Ему эти сто метров как...

— Шевелится, — зашептал часовой, снова наблюдающий в бинокль.

— Вижу... кажется, — ответил я. — Фонарь держи наготове и после моего первого выстрела сразу включай, понял?

— Без проблем, — услышал я негромкую возню, потом краем глаза увидел, что мой собеседник взял в руку похожий на громкоговоритель фонарь с рукояткой.

Точно, что там у нас... ага, есть что-то, прямо в перекрестье. Так, чуть пониже берем, на четвертушечку, винтовка ведь на триста пристреляла, а тут всего сотня примерно... Дыхание, плавно тянем спуск... Бах!

Приклад резко толкнул в плечо, и в ту же секунду поле зрения в прицеле осветилось, да так ярко, словно день настал. Темный кривой силуэт дернулся в сторону, как-то странно дернулся, словно спрыгнув со стены, и я сразу же выстрелил снова, дважды, просто реагируя на движение. Я увидел, как одна пуля выбила сноп искр, угодив в угол ангара, а вот вторая, похоже, угодила в цель, заставив тварь дернуться, взвизгнуть как циркулярная пила, и рвануть куда-то в сторону. Довернув ствол, я снова поймал ее в прицел, опять выстрелил, и на этот раз очень удачно, существо рухнуло на асфальт, нелепо задержавшись и продолжая визжать.

За спиной у меня раздался топот множества ног, люди выбегали на балкон, гомоня и создавая суету. Я все же всадил еще две пули в корчащийся силуэт, и лишь убедившись, что движение прекратилось, отвел взгляд от прицела.

— Что здесь, — спросил Пикетт.

— Пошли, посмотрим, — предложил я, меняя магазин.

Включился еще один прожектор, затем еще один, замельтешили лучи фонарей поменьше, в общем, пошла суета. Я сдвинул колечко на прицеле на единичку, минимальное увеличение, и чуть прибавил яркости сетке. А затем снова включил ЛЦУ, поведив пятном по асфальту перед собой зачем-то.

Со мной пошло сразу человек десять, растянувшись в цепь. При этом достаточно сноровистыми выглядели максимум двое, Пикетт и тот самый часовой, поэтому я подумал, что если дойдет до стрельбы, то я сразу побегу в тыл, так спокойней будет, хоть свои же не подстрелят.

Но до стрельбы не дошло, никто на нас не напал. Лучи фонарей сошлись на не такой уж и большой туше, лежащей в пятне уже знакомой маслянисто-черной крови, заблестевшей в лучах фонарей. Небольшая тварь, с десятилетнего ребенка, примерно, сложением напоминавшая обезьяну. Уродливо вытянутые челюсти, пасть с игольчатыми зубами, странные ладони с длинными когтями на мосластых толстых пальцах, чешуя и абсолютно черные глаза.

И что-то мне напоминает...

Пока люди рассматривали убитое существо, я подошел к стене, посветил на нее маглайтом-дубиной, нашел след от пули. На уровне моей головы, даже чуть выше, а ведь это второй выстрел, он был уже немного ниже первого.

Обернувшись на тварь, я еще раз прикинул ее размеры. Ну да, если ее поставить и даже вытянуть, то все равно больше полутора метров, с натяжкой, на получится.

И что из этого?

— Пионер, — сказал я уверенно. — Вот ты какой в чистом, так сказать, виде. Давно не виделась, получается.

— Что? — обернулся ко мне Пикетт.

— Нет, ничего, просто мысли вслух, — покачал я головой, снова перейдя на английский.

Тварь сидела на стене, других вариантов нет. Размер, повадки... вспоминается кинотеатр в Углегорске, мой первый «боевой вылет» в составе бригады Горсвета. Пусть там ее было не разглядеть за пологом Тьмы, а здесь хоть снимайся с ней в обнимку, но то, что это она, я ни капли не сомневаюсь. И к тому же я стал как-то их чувствовать, а это... что это значит? А черт его знает. Что бы ни значило, но за такую особенность большое спасибо... кому? Опять же не знаю. Кому угодно.

— Как ты его заметил? — спросил Пикетт позже, уже когда мы снова сидели в здании терминала, блаженствуя с банками пива у нагретой печки.

— Не знаю, — решил я не вдаваться в подробности. — Как-то заметил.

А как еще объяснить?

Часового с балкона убрали, к слову, по моей инициативе. Удалось убедить в том, что такой твари подкрасться к нему как нечего делать, никаких проблем. Пост перенесли на крышу. Там ветрено, но ничего страшного, потерпит, все лучше, чем быть съеденным. Хотя я настаивал на том, чтобы людей с улицы вообще убрать. Правда, при этом не говоря вслух о том, что я почувствую приближение тварей, если они появятся. Но хоть на крышу, уже хорошо.

Значит, здесь все же Тьма. Но почему мир не настолько «расслоился» как тот же Отстойник? И «свои», и «чужие» — все здесь вперемешку. И Тьма на самом деле не тьма, а что-то другое. Колебания воздуха какие-то, твари тоже вот... Мне в чем-то повезло — чутье это самое появилось. Всегда бы так. Почему-то кажется, что оно у меня из-за такого «нестандартного» перехода между действительностями. Где-там, во Тьме между слоями я его подхватил. Полезное, очень полезное качество. Осталось только узнать, действует ли оно во сне? Хотелось бы.

Ладно, дальше то что? Завтра обратно вылетаем, к вечеру, наверное, будем в Гарден-Сити. Послезавтра начнется работа, насколько я понял, буду над окрестными дорогами и полями летать в поисках всякого подозрительного движения. Ну, нормально. А как насчет информации на чужаков?

А насчет такой информации надо общаться с Люси, она ближе всех к этой теме, получается. Мне ведь полные списки даже не нужны, наверное, мне лишь важны данные на тех, кого отправляли дальше, в Анклавы, из Гарден-Сити. Именно эта база полностью отвечает за все возможные направления, с которых могла появиться Настя. А такие списки быть наверняка должны, отчетность и все такое. Просто обязаны быть. И нет у меня к ним никакого другого пути кроме как через нее. Что совсем не радует, но...

Ладно, спать пора, завтра вставать. Надувную кровать мне выделили, а спальник свой, можно ложиться.

20

Почему-то думал, что вылетим чуть ли не строем, в главе с Маром, но вышло совсем по-

другому: каждому забили в навигатор маршрут, потом объявили очередность взлета и на сем разошлись по машинам. Мне досталось взлетать последним, потому, похоже, что «фоксбэт» из всех летящих машин самый медленный. Уложил свой рюкзак и винтовку на соседнее сидение, затем прошелся вокруг самолета с осмотром, ставя фломастером крестики на пластике возле каждого пункта из списка, а потом просто ждал, пока взлетят остальные — три одномоторных «сессны» и два «пайпера», следом за «каргомастером» с запчастями и всяким прочим грузом.

Погода была тихая, вышло солнце, заметно пригревая. Я, кстати, вообще обнаружил, что реально холодно здесь может быть только тогда, когда солнца нет, жарит оно здесь даже зимой неслабо. Как вышло, так можешь, считай, до свитера разоблачаться. Чего я делать, естественно, не стал, мне еще лететь.

Дождался своей очереди, вырулил, немного волнуясь, все же первый самостоятельный полет на новой машине и в новом мире, а потом вполне аккуратно взлетел, направив машину по линии, тянущейся через экран навигатора.

До Гудлэнда, где промежуточная посадка, около ста сорока морских миль, для «фоксбэта» ничто, он вообще-то с такой загрузкой как сейчас способен лететь примерно шесть часов, а круизная скорость у него как раз сто узлов, сто этих самых морских миль в час. Даром что самолет маленький, а конструировался для долгих полетов, недаром он в Австралии и Канаде так популярен, там расстояния все больше как в России, ого-го. Поэтому решил, что если мануалы не врут и над аэродромом Гудлэнда у меня окажется еще много топлива в баке, то я просто выйду на связь и скажу, что пойду дальше без посадки, зачем время терять? Прямо в Гарден-Сити. Разве что другая проблема может за такое время возникнуть, но у меня тут специально пустая пластиковая банка припасена. Воспользуюсь и сброшу вниз, как бомбу.

После того, как самолет набрал высоту, я уже расслабился, а то как в столбняке сидел. Огляделся. А красота. На небе ни облачка, видно всю землю от края до края. Снизу плывут развязки дорог, поля, пригороды... нет, не очень красота. Чуть присмотришься и видишь, что на земле никакого шевеления, совсем. Стоят машины, нет людей на улицах, вообще ничего. Над Денвером, что виден справа, все та же дымка как над горящим костром. Нет, сильнее, намного сильнее, воздух аж закручивается. Или это не воздух, а что-то другое вместе с воздухом закручивается?

Да, земля снизу мертвая, по-другому и не скажешь. Даже если забыть про жутковато выглядящий Денвер. Кстати, хорошо, что здесь пока «призраков» нет, а то вспомнилось, как мы от них с Настей на поврежденном По-2 удирали. Кстати, а почему я подумал «пока»? Интересно... похоже, что я подсознательно ожидаю «полноценного» появления Тьмы, как в Отстойнике, с черными, страшными, клубящимися стенами, закрывающими горизонт. То ли мне какое-то знание в черепашку завалилось, которое я никак не могу обнаружить, то ли я до сих пор под впечатлением тамошней действительности. И время опять же, время как здесь? А? Тоже ведь мысль навязчивая.

В кабине было тепло, даже жарко немного стало, пришлось приоткрыть хитрое вентиляционное отверстие в двери, впустить прохладного забортного воздуха. А хорошо лететь вообще-то. Как радовался тогда, в Отстойнике, после того, как зимой сел за руль автомобиля с закрытой кабиной и отоплением, так и сейчас, после «рус-фанеры». Как человек лечу, в тепле и удобстве. Тем, кто впереди меня, в кабинах их самолетов еще лучше, наверное, но мне вот так нравится, оно надежней. Особенно с парашютом. У них такой есть? Да вот фигурки, наверное.

Мелькнул прямо подо мной международный аэропорт Денвера, я разглядел там скопление

зеленых военных машин, рогатки, быстросборные ангары, огневые точки из мешков с землей. В нем явно размещалась во время эпидемии какая-то база. И вроде никаких тварей не видно. И полоса свободна. Можно было бы сесть и поискать чего-нибудь полезного, вроде оружия, но я этого делать не буду. Да и нет мне смысла обрастать добром, мне потом лететь, а самолет этот много не потянет. Для того, чтобы летел он максимально далеко, грузить в него надо меня, да еще половину меня, не больше, если с полным баком. А у меня добра и так, наверное, уже больше.

Чем дальше от Денвера, тем меньше внизу мелькало городков и больше полей. Маршрут мой пролегал параллельно платной дороге E-470, которая поначалу была забита машинами, а потом вдруг опустела совсем, и я подумал, что в случае чего запросто смог бы посадить на нее самолет, без всяких проблем. Заодно выглянул в окно, одобрительно посмотрев на массивные колеса шасси. На таких и на вспаханное поле садиться, наверное, можно.

Поля внизу, сплошные поля. Так, а вон сразу две машины по шоссе едут, пикапы, белый и темно-красный. На переднем, белом, даже какой-то флаг, по-моему, развевается. Кто бы это мог быть? Достал бинокль из сумки, откинул крышки, пригляделся.

Вообще на банду похоже. Или отряд, это уж как нравится. Известно, что у них шпионы, а у нас разведчики, ну и на все остальное это самое правило распространяется. Бандиты или... партизаны? Милиция? Самооборона? Кстати, на меня смотрят.

По экрану навигатора ползет карта, движутся от одного края к другому названия городов маленькими белыми буквами написанные, еще видна лента дороги и номер возле нее — «36». Я ее и так вижу хорошо, по ней, к слову, «партизаны» и ехали, будем по определению считать их «хорошими», зачем сразу о людях плохо думать, что за привычка? Арикэйри, Коуп, Джоз — там самих городов-то почти не видно, домов в них раз-два и обчелся. И все поля, поля, поля, явно неухоженные почти везде, но местами видно обратное. Что можно в поле зимой делать? А что-то ведь делают. И трактор с прицепом разок увидел, зеленый такой, и прицеп больше него раза в четыре. Да, «и всюду жизнь». Только мало.

Неподалеку от Гудлэнда поймал сигнал оттуда, а заодно на связь вышел. Дал свой номер, как Мар научил, потом сказал, что в дозаправке не нуждаюсь, пойду дальше на Гарден-Сити. Земля отреагировала вяло, типа «тебе жить», но горячего и вправду еще с огромным запасом оставалось, что время терять? И бутылкой припасенной пока не воспользовался.

Прошел над самым аэродромом, покачав крыльями, увидел, как выкруливает к полосе небольшая красно-белая «сессна». Этот уже и сюда долетел, и заправился. Или это кто-то другой? На аэродроме, к слову, жизнь кипит, а заодно и оборона возведена. Интересно, на них тут нападали? А вот город поблизости выглядит совсем мертвым, пустым, никакого движения на улицах. Но и колебания воздуха как над Денвером тоже не обнаружилось. Маловат он, наверное, для накатывающей на этот мир Тьмы. Или что там на самом деле накатывает.

Навигатор «проскочил» точку поворота прямо над Гудлэндом, и я довернул вправо, чтобы вновь вернуть самолет на линию курса, тянущуюся через экран. Какая хорошая все же вещь эта спутниковая навигация. Интересно, долго она еще здесь проработает?

Дальше потянулась вообще пустая земля, то поля, то какие-то неудобья, просто покрытые сухой травой и кустарниками. Потом в экран всплыла отметка с подписью «Уоллес», вроде как городок, но, на мой взгляд и на деревню не тянущий, всего десятка три домов вроде фермерских, стоящих так, чтобы друг друга не стеснять. Водонапорная вышка, много больших амбаров, грунтовок в полях. И вот там я увидел вполне активную жизнь — люди, машины,

шевеление, в общем. Кто бы это мог быть? Кстати, поля вокруг в таком состоянии, что о фермерах мыслей не возникло. Люди с Синдромом? Очень может быть.

У самого Гарден-Сити признаки жизни стали явными. Сначала одну ферму заметил «со следами человеческой деятельности», следом вторую, третью. Потом увидел патрульный «хамви», затем просто пикап, едущий куда-то с грузом. Сигнал с аэродрома, потом по радиации связался, вроде как обозначил себя.

Полоса длинная, видна ясно, я не высоко, так что выровняться проблемой не стало, разве что легкий ветерок скомпенсировал. Опускался самолет внятно, оставляя некое впечатление понятности и надежности, зайти получилось на самое начало полосы. На пяти метрах чуть приподнял нос машины, и когда колеса уже вот-вот должны были коснуться асфальта, начал понемногу ее выравнивать. Несильный толчок, скрип, газ на IDLE, убрал закрылки, когда скорость упала, несильно прижал тормоза. Все, долетел, нормально, орел, молодец, в общем. Раз сюда долетел, то и отсюда улечу.

Меня ждали, сразу показали место для «фоксбэта». Не в ангаре, на стоянке, но мне и так нормально. Поговорил с обогнавшим меня Пикеттом, получив от него ЦУ зайти попозже в офис, получить уже вроде как план работы на будущее. Поскольку «попозже» предполагалось только через пару часов, решил сгонять на ланч в город, не сообразил запастись сэндвичами, как все здесь делают. Ну, да и ладно, раз я пока никому не нужен.

Когда подошел к пикапу, меня окликнул Мар:

— В город?

— Да, — обернулся я к нему. — Подвезти?

— Угадал.

— Садись, — показал я маленькому летчику на пассажирское сидение.

Он забросил сумку в кузов, а сам уселся рядом со мной. Заложив разворот со скрипом покрышек, я погнал машину на выезд из аэропорта.

— Тебе куда именно?

— В мотель, — ответил он, накидывая ремень безопасности.

— По пути, я тоже там.

В очередной раз поразился тому, насколько же здесь плоская местность. Ну вообще как стол, ни единого холмика до самого горизонта. Почему-то вспомнилось, что здесь бывают торнадо, причем один такой смерч забросил местную девочку куда-то к Железному Дровосеку и разводиле с зелеными стеклышками. Как-то легко вообразить смерчи на подобной равнине. И кстати, самолет мой не в ангаре... Ладно, мне еще только торнадо осталось бояться.

Дорога двухполосная, но ровная до изумления. И обочины почему-то разными цветами обозначены, справа желтая полоса, а слева белая. Это зачем так, интересно? Спросить бы у попутчика, да облажаться не хочется.

Навстречу пронесся грузовик, груженный пакованным сеном, затем неторопливо проехал большой трактор «Джон Дир» с прицепленным к нему сзади хитрым агрегатом совершенно

непонятного мне назначения. Мар включил радио и, к моему удивлению, заиграла музыка. Кантри.

— Местная станция, — пояснил он. — Уже два месяца как работает. Их четверо там, новости собирают, музыку крутят, мечтаю местный телеканал запустить.

— А это реально? — удивился я такому проекту.

— Не знаю, не моя, так сказать, область знаний, — пожал он плечами. — Я просто с Реджи, тамошним ди-джем знаком. Кстати, него завтра дома вечеринка.

— Меня не приглашали, — немного удивился я такому заявлению.

— А к нему не обязательно быть приглашенным, — сказал Мар, расстегивая свою куртку — в машине стало тепло. — Можно прихватить упаковку пива и просто зайти.

— Не знаю, я пока к такому не готов, — сказал я, судорожно прикидывая, какую пользу для своих планов я мог бы извлечь из пьянки у местного радиоведущего. При правильном подходе смог бы, наверное, все новые знакомства.

— У тебя есть время подготовиться, до завтра.

— Спасибо.

— Не за что, у него половина города на этих вечеринках тусуется. Как я сказал, на самом деле никто никого не приглашает, люди просто тянутся друг к другу. Многие, — добавил он, подумав. — После всего этого, что было... некоторые из шока до сих пор не вышли, а некоторые вот так. И трахаются все на каждом шагу, кто с кем, понимаешь, мужик? Как будто... ну, в общем, словно в этом спасение.

— От чего?

— Кто от чего спасается, — ответил Мар рассудительно. — Кто от ночных кошмаров, кто от памяти, кто от самого себя. Пиво, крепко, таблеточки... но это уже редко.

— Это почему?

— Теперь за это все, — он сделал некий жест пальцем вокруг шеи и присвистнул. — Что продажа, что изготовление... поймали одного со «льдом», вывезли на городскую свалку и там пристрелили. И похоронили там же. Пикетт, к слову, его отловил. Так что если что и есть у кого, то случайно.

— Пикетт же коп, верно? — уточнил я на всякий случай.

— Коп, точно.

— А почему он вдруг авиацией занялся?

— Он не авиацией, он разведкой занимается и безопасностью. Самолеты ему из-за этого нужны. А главный летчик здесь Эйб, большой парень, — развел он руки в стороны и я вспомнил, что «большой» в американском языке вежливый заменитель слова «толстый». — С усами, который в Боулдере остался.

— А, верно, так логичней получается. Значит, за дурь пуля в череп?

— Верно. А вот которые с Синдромом, те, я слышал, «лед» варят почти все. Сырья теперь много осталось, а им дурь на их Синдром как-то особенно гладко ложится.

— Это как?

— А откуда я знаю? Говорили, что тогда у них вся жизнь сплошной праздник, свои психозы смешиваются с наркотическими. Подробности опять же не по моей части. Кстати, знаешь где живет Реджи?

— Станный вопрос, — честно отозвался я. — Откуда я могу знать?

— Ну... здание радио «Высокие Равнины» на северной седьмой, это совсем рядом, пару блоков проехать от мотеля. А прямо за ним двор с антеннами, а дальше два дома, в том, что справа живет Реджи, всегда там жил, а в левом поселилась Барб.

— Барб — это кто?

— Она здесь вроде как радио-хост [4], раньше работала на телевидении Канзас-Сити, красotka, к слову. Первая звезда теперь в этом городишке.

— Ладно, попробую прийти, — сказал я, подумав.

Почему бы и нет, действительно? Людей посмотреть, себя показать, может и вправду что полезное получится, а если нет, так хотя бы время проведу.

В мотеле я переоделся в номере и спустился вниз, в «дайнер», как в Америке принято именовать подобные закусочные. И сразу наткнулся на Люси, в одиночестве сидящую с чашкой кофе в кабинке. Перед ней, чуть развернутый тыльной стороной к окну, стоял открытый лэптоп.

— Привет! — явно обрадовалась она мне. — Присядешь?

— А ты как думала?

Я втиснулся за стол напротив нее и плюхнулся на обитый винилом диван с высокой спинкой.

— Работаешь? — показал я на компьютер.

— Нет, уже закончила, — покачала она головой, закрывая компьютер. — С тех пор, как в городе запустили сеть, можно стало вот так делать, — хлопнула она по закрытой «Тошибе». — С любого места работой заниматься.

— Ты уже поела? — спросил я, при этом отметив для себя, что Люси входила в свою рабочую систему со своего компьютера.

— Да, уже, — кивнула она. — Заехала на ланч и теперь домой. Я после смены, — пояснила она затем.

— Понятно. А мы только прилетели.

Эрл подошел за стойкой поближе к нам, вопросительно глядя, и я попросил у него большой бургер, но только с хорошо прожаренной котлетой внутри. Бургеры — зло, но ничего другого путевого в меню здесь не было, а стейки Эрл, насколько я выяснил, жарил только по вечерам. Хотел попросить пива, но подумал, что может быть, еще придется летать сегодня, и попросил

воды. С газом.

— Как слетал?

— Удачно. Пригнал себе самолет, теперь буду на нем куда-то летать, а мне за это будут платить. Разве плохо?

— Думаю, что не плохо, — вежливо улыбнулась она. — Кстати, тут вечеринка намечается...

— У Реджи?

— Уже знаешь? — удивилась она.

— Сказали только что.

— Идешь?

— Вообще не планировал, — соврал я, — а что?

— Можем сходить.

— А что там будет?

— Ничего особого, — пожала она плечами и покрутила чашку с кофе. — Будет много пива, музыка, много людей. В принципе весело.

— Ты приглашаешь? — уточнил я.

— Если это тебе польстит, — засмеялась она. — Вообще туда официального приглашения не требуется.

— И много людей собирается?

— Обычно человек пятьдесят, где-то так. Там жарят всякое на гриле, а пиво лучше приносить с собой. Знаешь, где купить?

— Ну..., — задумался я, вспоминая, про что мне успел рассказать Пикетт, потом сказал: — Нет, пожалуй что не знаю.

— Езжай в «ко-оп», это здесь рядом, — она показала куда-то за окно. — Туда несколько бригад мародеров свозят всякое спиртное, выбор хороший.

— Хорошо.

— И да, еще..., — она вроде как заколебалась немного, но потом все же сказала: — Можешь за мной заехать перед вечеринкой.

Даже так? Ну что же...

— Я могу, — кивнул я, — если буду знать куда.

Она открыла сумку, вытащила оттуда «лигал пэд», то есть большой блокнот с перекидными желтыми листами, быстро написала на первой странице адрес, оторвала весь лист, сложив его и протянув мне:

— Найти не сложно. Если точнее, что в Гарден-Сити вообще нет ничего трудного для поиска.

— Во сколько? — уточнил я.

— В..., - она немного задумалась, — ...в девять, годится?

— Вполне, — согласился я, при этом глядя на ее компьютер, который Люси убирала в сумку. Какой он... хороший... с него прямо туда зайти можно, куда мне и нужно.

— Ну, пока, увидимся, — сказала она мне и пошла к выходу.

Я увидел, как она вышла на стоянку, уселась в красный «Додж Эвенджер» и, круто развернувшись, поехала в сторону центра. А Эрл принес мне большую тарелку с бургером, салатом и картошкой.

— Прожарил сильно, не беспокойся.

21

«Брифинг» у Пикетта не затянулся надолго. Сначала он познакомил меня с механиком Эйбом — дядькой лет семидесяти, с таким морщинистым и при этом смуглым лицом, что оно казалось обработано морилкой, и с совершенно белыми волосами. Затем он дал мне карту с маршрутами, посоветовал все занести в навигатор, после чего сказал:

— Два вылета, с утра и потом еще раз. Искать признаки любой подозрительной активности. В случае чего — сразу связываться с землей.

— А добьет сюда рация? — усомнился я.

— Сюда может и не добить, хотя мы приемник на воздушном шаре поднимаем, но будут еще и наземные патрули, их зоны ответственности будем тебе сообщать каждый день.

— Какая активность подозрительна? — решил все же уточнить я.

— Любая, в которой участвует больше десятка человек. Или трех машин. Особенно если эти три машины едут в эту сторону.

— Они могут ночью ехать, — хмыкнул я с сомнением.

— Могут, — согласился он. — Но это если близко. А если далеко, то не станут, сейчас по ночам гулять не любят, у тварей активность заметно повышается.

— В машине тоже опасно? — спросил я, попутно отметив, что этот момент тоже соответствует моей «теории Тьмы».

— Кто знает, куда ты ночью приедешь и где застрянешь? Один случай уже был в городе, — сказал он и перехватив мой вопросительный взгляд, продолжил: — Две машины, пять человек, судя по тому, что удалось понять из того месива, что осталось на дороге — остановились у затора. Видимо, вышли из машин и были откуда-то атакованы. Похоже даже, что трупоеды были за этим затором, подъедали мертвецов. Наши были вооружены, но сумели, судя по пятнам, только подранить какую-то тварь. А дальше их разорвали на части.

вернуться

Хост (Host) — ведущий.

— То есть они не такие уж трупоеды, так?

— Точно. Но так их с самого начала называть начали и пошло. Но я это к тому, что в темноте ездить намного опасней. Сумеем обеспечить воздушное патрулирование хотя бы днем — вероятность неожиданного нападения большими силами снизится очень сильно.

— Когда летел сюда, видел людей в Уотсоне, кажется, — вспомнил я. — Про них уже что-то известно?

— Да, — кивнул Пикетт. — Несколько человек с Синдромом, несколько просто выживших, стараются фермерствовать. Мы передаем туда сыворотку для больных, они продают сюда то, что находят в рейдах. Переезжать в Анклавы пока не хотят.

— Я один назначен на эту работу? — прикинул я свои возможности.

— Нет, еще человек будет, завтра прилетит. График тоже завтра составлю, насчет своих двух выходных можешь не беспокоиться.

— Я завтра на вечеринку приглашен, — сказал я скромно, глядя при этом в окно.

— Вечеринка будет поздно, а со второго вылета ты еще до сумерек должен вернуться, — не повелся Пикетт. — Успеешь. Что я еще тебе не сказал?

— Где взять автомат, — напомнил я ему. — У меня винтовка двести сорок третьего, на ней ствол долго не живет, экономить хочу.

— Да, верно, — не стал он возражать. — У нас здесь есть, сейчас и получи. Пошли, — махнул он рукой и поднялся со стула. — Кстати, ты бы вот этот револьвер, — показал он на «сорок четвертый», — положил в самолет, куда-нибудь под сиденье. В коробке. И пачку патронов. Как на Аляске делают, и все из наших, кто летает.

— Учту, — кивнул я, решив, что это не самая плохая идея.

Действительно, про «беретту» местный оружейник сказал, что пистолет хороший, можно носить с собой постоянно, а еще будет автомат. Но вот если все пойдет не так, то останется в запасе еще ствол, вполне действенный даже против «демона», называть эту тварь «трупоедом» у меня все же как-то язык не поворачивался.

Идти пришлось недалеко, всего лишь в другую комнату, совсем без окон, в которой просто на столах были разложены автоматы, магазины и упаковки патронов. И гранаты, чего я, почему-то, никак не ожидал.

— Выбирай любой, — сказал Пикетт, обводя комнату широким жестом.

Выбрать было не то, чтобы сложно, но все же задуматься пришлось. Автоматы были вполне новыми с виду, но двух видов — со стволом подлиннее, стандартные военные М4, и совсем короткими, совершенно непривычного мне вида, со складными прикладами вроде как у АКС-74, «рамочками», вертикальной рукояткой, планкой по всему верху и с очень странным

стволом, не гладким как обычно, и даже не с долами, а с какими-то круглыми выемками, как соты пчелиные. Наверное для быстрого охлаждения, ствол у оружия короткий. Какое-то совсем незнакомое оружие, то ли позже изобрели, то ли в моем мире такого вообще не было.

Складной приклад — это хорошо. Тогда автомат можно будет постоянно держать на себе, даже во время пилотирования. Правда, с коротким стволом далеко не повоюешь, но так на всех и не угодишь. Зато у него явно система с газовым поршнем, а это должно быть надежней чем стандартная американская, в которой газы прямо в ствольную коробку идут. Прицельные откидные, подразумевающие, что на оружие будет установлен прицел посерьезней, но мне такого никто не предлагал.

Взял оружие в руки, покрутил, глядя на клейма. Узнал, что это «собственность правительства США», что называется это M18 [5], и что выпущено некой фирмой «Найтс Армамент».

— Ага, Пи-Ди-Даблю взял? — уточнил Пикетт и я кивнул, хоть и не понял что он имел в виду. — Правильно, мне он тоже нравится, хотя люди им не очень доверяют.

— Почему?

— Новый, — пожал он плечами. — А ведь специально разработали для летчиков, водителей и прочих, оружие персональной защиты, — по ходу расшифровал он сокращение [6].

Я взял из большой пластиковой коробки пластиковый же магазин, посмотрел на маркировку у горловины — 6x35 калибр, я про такой не слышал даже. Тоже новый, наверное.

— Сколько магазинов можно взять?

— Шесть штук на ствол у нас получилось, вот шесть и бери. Сто восемьдесят патронов, но в этом тебя никто не ограничивает. Подсумки, — показал он на грудку камуфлированных «почей», — и плейт-карьер.

— Гранаты?

— Возьми, но по городу с ними нельзя, — сказал Пикетт. — А вот дома держать можешь. И в сумке таскать.

— Спасибо.

— Можешь взять пластины и сразу вставить. Или не бери, если не хочешь. Многие под задницу суют, вроде как для дополнительной защиты.

Пикетт терпеливо дождался, пока я собрал в камуфляжный «даффэл-баг» все, что я здесь набрал, потом выпустил меня из оружейки, закрыв за мной дверь. На этом и разошлись: он пошел к себе в офис, а я пристроился на креслах в маленьком зале ожидания и взялся набивать магазины и размещать подсумки на разгрузке, или как ее тут называют, оказывается, «плейт-кариере», опять же при этом подумав, что добротное синтетическое изделие куда удобней чем домодельные разгрузки из брезента и кожи в Отстойнике.

Потом меня нашел Эйб и мы ушли с ним к самолету. Началась вроде как рутина.

Вернувшись в мотель вечером, я попросил перевести меня в номер с ванной, доплатил немного и потом часа три провалялся в горячей воде, попутно смотря старые вестерны с Джоном Уэйном через приоткрытую дверь. Даже тумбочку с телевизором заранее развернул поудобней.

Вообще забытое ощущение, настоящее блаженство, пусть ванна здесь вовсе небольшая, не та огромная, с гидромассажем, круглая, что стоит у меня дома в Москве. Да, человек может обходиться без многого, но как же хорошо, когда не надо без этого многого обходиться.

Даже вот кровать нормальная, с современным упругим матрасом, после панцирной сетки прямо настоящим праздником для тела ощущается, хотя уверен, что этот мотель матрасы закупал самые дешевые. Или вот одежда: туристические ботинки, которые делали в Отстойнике, были вроде неплохи, но сравнить их с этими «Тимберлэнд» из светлого нубука, что я нашел в шкафу в своем доме в Грэнби, ну никак невозможно, небо и земля. В них ноги как на именины пришли. И вот этот пикап «рейнджер», он ведь самый простенький, но в нем тепло, удобно и даже уютно. Не дует, не громыхает, ничего не мерзнет, в общем... все как надо, в общем.

К чему я обо всем об этом? Да к тому, что надо ведь опять о жизни думать, так? Найду Настю, а я ее точно найду, потом что-то делать придется. И где-то. Анклавы, похоже, для нас закрыты, ну так есть «земля обещанная» где-то в Канаде, так? Надо будет что, осесть? Или искать путь назад снова? Так не ведет он назад, получается, ведет он куда-то туда, где мы были вдвоем. Как мне кажется. В одну из бесконечного множества действительностей. Рваться в очередной мир? А что нас там ждет?

Кстати, а портал в генераторном сарайчике был «живой», я его чувствовал. Если мы попробуем в него вдвоем, то где окажемся? В Отстойнике? А ведь интересно, действительно интересно. Но вот с компьютерами, горячими ваннами и теплыми машинами расставаться не хочется, откровенно говоря, совсем не хочется.

22

Завтрак в мотеле снова убедил меня в том, что блага цивилизации надо ценить. Как-то правильно все вокруг, музыка играет, тепло, за окном нормальные машины стоят, вытянувшись в рядок. Яичница, бекон аж хрустит, кофе свежесваренный, крепкий, пончики. За стойкой сам Эрл сегодня с утра почему-то.

На аэродроме меня встретил Эйб, не знаю даже во сколько приехавший на работу. Самолет заправили, проверили, потом мне дали таблицу позывных на сегодня. Проверили связь, пока с аэродромом и городом, потом дали разрешение взлетать.

Вырулил, разогнался, взлетел. Потом развернулся вдоль шоссе и пошел на восток, в сторону легендарного Додж-Сити, города из вестернов, в котором также успел отметить легендарный Уайат Эрп.

До самого Додж-Сити особой внимательности не требовалось. На развилке перед городом должен был находиться подвижный пост национальной гвардии из Гарден-Сити, а в самом городе шарили три бригады мародеров, выгружая с тамошних складов всякие полезные вещи. А вот уже за городом начиналась «индейская территория», то есть никем не контролируемое пространство. И уже там могло случиться что угодно.

вернуться

5

На самом деле в нашем мире это оружие на вооружение не принято и так и остается разработкой компании Knights Armaments из Флориды, равно как и патрон к нему. Хоть и зря,

наверное, автомат удачный и интересный. А индекс «М» присваивается уже оружию и технике, стоящим на вооружении.

вернуться

6

Оружие персональной защиты — Personal Defense Weapon, PDW.

До Додж-Сити я долетел чуть больше чем за полчаса, вышел на связь с постом, состоящим из восьмиколесного бронетранспортера с автоматической пушкой и бронированного «хамви», утыканного многочисленными антеннами. Машины укрылись за каким-то домом, в кустах, я решил, что в самом доме личный состав устроился на жительство. А вообще позиция удобная, мимо них не проедет никто, и обнаружить засаду до последнего момента не получится. А уж на тутошней плоской местности и открытой на много километров дороге автоматическая пушка много дел натворить успеет.

Чуть снизившись, прошел над городом, в одном месте увидел пару грузовиков, неспешно едущих по улице, видать те самые мародеры и есть, а больше никакой активности не заметил. А навигатор между тем вывел меня на пятидесятое шоссе, идущее к северо-востоку. Пронесся над парой совсем крошечных городков и примерно через полчаса долетел до Кинсли, где свернул к северу, следуя за линией на экране.

Пока никакой активности, земля пуста. Плоская, серая, расчерченная прямоугольниками неухоженных полей. Погода ясная, видно все до самого горизонта, лететь — было бы чистым наслаждением, если бы снизу было все по-людски, если бы там машины ездили, трактора по полям катались бы и люди работали. Даже здесь, на такой высоте, все равно ощущается вот эта самая «мертвость», иначе никак и не назовешь.

Так, а вот это что у нас?

Схватился за бинокль, всмотрелся.

Ну да, опять, «демон» и «гончие». Гончих штук пять, вся компания движется через заросшее сухой травой поле, колеблющейся под ветром. А ведь получается, что «демон» управляет стаями этой твари, так? По крайней мере, из того, что я уже видел, другого вывода не сделаешь. Вон они как, пара гончих впереди скачет, вроде как дозором, еще две рядом, одна сзади, чуть отстав — да они в боевом порядке идут, получается. Интересно, интересно... а еще интересно, сколько ума у этого «демона» и насколько он может своими ручными тварями управлять?

Жаль у меня не какой-нибудь штурмовик, вроде тех бразильских винтовых, какие я на картинке видел, можно было бы по всей компании из пушек. Или нет, нельзя, я не умею, разбился бы к черту. Я только вот так умею, аккуратно, без резких маневров, никуда не пикируя. И не на штурмовике.

«Демон» остановился, задрал голову, глядя на самолет. А вообще хорошо так высоко сидеть, осознавая, что никакая тварь с земли не дотянется. А про твари летучие я пока не слышал. Если такие обнаружатся, то будет неприятно.

Кстати, я в этой действительности про «одержимость» пока тоже не слышал, ту самую, что

«призраки» вызывали. И самих «призраков». Все еще впереди, или здесь по другому сценарию?

Твари с демоном остались позади, самолет вышел прямо на городок... нет, не поворачивается язык это городками называть, — на деревеньку Розел. Элеватор, какие-то высокие цилиндры для не знаю чего, сыпучего чего-то, железнодорожная ветка. Дальше несколько десятков простеньких щитовых домов, улицы между ними... даже не пойму, то ли асфальт пыльный, то ли просто грунтовка. Деревья, кусты, амбары, какие-то вышки, ангары, амбары, сараи, на северной окраине большое здание со спортивной площадкой рядом, значит — школа.

Высота у меня метров двести, не больше, я специально скинул на подходе, чтобы можно было детали разглядеть. И разглядел — на улице лежал труп. Причем недавний труп, иначе кровь, что запеклась в пыли вокруг тела, давно не было бы видно, впиталась бы или смыло ее дождями.

Завалив машину в плавный вираж, пошел на второй круг, оглядываясь по сторонам в поисках угрозы. Нет, вроде не стреляет по мне никто. А труп — да, труп лежит, причем прямо посреди дороги, лицом вниз, неуклюже и странно, как только трупы и лежат. На нем куртка из тех, что американцы зимой носить любят, в клетку, и вроде как вся кровью пропитана, насколько получилось на втором заходе в бинокль рассмотреть. Вроде как застрелили его. А так одежда целая, труп пока никто не жрал.

Поднял машину повыше, начал запрашивать связь, попутно порадовавшись тому, что правила радиообмена теперь здесь другие, упростились сильно, а то нормальных американских я и не знаю. А вроде лицензия пилотская есть. Откликнулся, к моему удивлению, город, видать шар с приемником у них высоко висел, дотянулся до него.

— «Город-1», «Крылья-2», в Розеле вижу труп, похоже что свежий, похоже, что убит из огнестрельного.

— «Крылья-2», «Город-1», насколько уверен?

— «Город-1», настолько, насколько удалось разглядеть с..., - тут я задумался, быстро пересчитывая высоту в привычные для собеседника единицы, — с шестисот футов, в бинокль. Трупоеды его не трогали пока, лежит одним куском.

— Трупоеды могут и не тронуть, им еды на сто лет хватит, — чуть с сомнением ответил голос. — Учтем, дадим указание «Бегуну-4».

«Бегун-4» — это патруль, с зоной ответственности в этом направлении, хотя сам он находится куда ближе к городу.

— «Крылья-2», «Город-1», — проверь дорогу до Лэрнеда и можешь возвращаться. Повнимательней.

— «Город-1», принял.

Конец связи.

Все верно, кто-то же убил этого мужика, что лежит внизу. Убили бы трупоеды или те же собаки одичавшие — сразу бы и растащили труп, а вот так, оставить целым, могли только люди. Люди могли защищаться, а могли и нападать, потому что эти самые люди бывают разные. В общем, и вправду повнимательней надо.

Выровняв самолет по линии шоссе, пошел на Лэрнед. Тут недалеко, километров двадцать, лететь всего ничего. По пути прошел над фортом Лэрнед, который в свое время построили для охраны пути на запад от индейцев, это я успел в путеводителе прочитать, который нашел в мотеле в тумбочке. Теперь там музей вроде как... был. Сверху увидел плац с флагштоком посередине, длинные здания, явно казармы, по периметру.

Город, раскинувшийся впереди, приближался быстро. И в этом самом городе я увидел людей. И, похоже, что с машинами. Хоть они и собрались все на стоянке перед каким-то небольшим торговым центром, и машины там и так должны были стоять, но... эти стояли как-то по-другому, аккуратным рядком, а брошенные — вразброс. Я свалил самолет сперва в правый, а потом, почти сразу, в левый вираж, начав обходить их «по тарелочке», а заодно схватившись снова за бинокль.

— Кучерявые какие, — пробормотал я, разглядывая людей на земле.

Они точно постарались выглядеть как бандиты из «Безумного Макса». Кожа, цепи, камуфляж, оружие — все вперемешку. Даже лица у некоторых разрисованы красным. Машины тоже размазаны, от языков пламени до костей с черепами и свастик.

— Эпатажники.

Ту я увидел, как один из стоящий вскинул автомат, и решив не дожидаться продолжения, я просто уронил бинокль и завалил самолет на другое крыло, уходя в пологое пикирование с одновременным поворотом вправо, отдав газ до упора. Мотор взвыл, но даже через этот звук я услышал сухой треск выстрелов, донесшийся откуда-то сзади.

Не попал, кажется. Самолет быстро сбежал за пределы дальности эффективного огня, противник остался сзади.

— Ка-азлы, — пришел я к выводу.

Можно обратно, я, к слову, отлетел уже далеко, возвращаться не меньше часа придется. А на связь по пути выйду, доложу о том, что видел. Интересно, это они мужика в Розеле завалили?

23

Когда я приземлился на аэродроме, узнал, что Пикетт успел распорядиться о высылке усиления в том направлении, в каком я засек банду. В том, что это именно банда, сомневаться не приходилось. Есть некая незначительная вероятность того, что они просто хотят выглядеть бандой, но тогда их следует полагать идиотами. Если кто-то хочет выглядеть бандитом, он должен ожидать того, что его таким и сочтут, и отнесется соответственно.

Выстрелы меня не задели, я осмотрел самолет со всех сторон и не нашел на нем ни царапинки. Повезло, а впредь умнее надо быть, держаться чуть выше. Отобедал потом прихваченными сэндвичами, сварив себе кофе в опустевшем кафетерии, а тут и время второго вылета подошло. Вылетел на северо-запад, в направлении городка Трибьюн, а оттуда прошел над девяносто шестым шоссе на восток, в сторону Грейт Бенд, не заметив во время полета ничего подозрительного. И, как и предрекал Пикетт, оказался на аэродроме даже до начала сумерек, а уж до вечеринки у неведомого Реджи была еще прорва времени. Передал самолет на попечение Эйба, попрощался со всеми, кого знал и не знал, и уехал в город.

По пути вспомнил, что без пива там лучше не появляться, и поехал в «ко-оп» — заваленный всяким добром немаленький магазин, в котором всем распоряжалась немолодая тетенька в

круглых очках. Пива у них хватало, поэтому я прихватил две упаковки по шесть бутылок «Дос Экис», решив, что должно хватить. Шесть залью в себя я, если будет весело, а еще шесть отойдет обществу.

Потом, уже в номере, долго думал что надеть, как-то отвык в Отстойнике от таких размышлений. Потом сообразил, что выбор совсем не велик и надо просто радоваться тому, что я захватил из своего гардероба пару джинсов «Ливайс» и пару же фланелевых ковбойских рубашек «Рэнглер», так что из этого выбирать и пришлось. Ботинки из нубука вполне подошли в качестве обуви, а парадности придал ремень из толстой кожи, с плетением и серебряной бляхой. Вид получился непривычно американистый, в зеркале вроде как и не я совсем, ну да и ладно, привыкать пора, зато у них всякие пидовские мотивы в одежде куда менее выражены. В основном.

Так, с оружием что делать? Как там на вечеринке? Потом сообразил, что никто не мешает оставить оружие в машине, не пешком же иду. Ладно, с этим разобрались, потому как без оружия я никуда, без него уже как голый.

Все, вроде готов. Накинул куртку, подхватил упаковки пива и пошел на выход. И в дверях отеля столкнулся с Маром.

— Привет, — протянул я ему руку. — Не видел тебя на аэродроме.

— Летал в Боулдер, за пилота на «каргомастере», только вернулись, — ответил он. — К Реджи?

— Почти что, сначала заеду за кое-кем.

— Люси? — сразу уточнил он, к моему удивлению.

— За ней, — подтвердил я. — Откуда знаешь?

— Догадался. Видел вас вчера за ланчем.

Он подошел к желтому «корвету», который пикинул сигнализацией и подмигнул светом.

— Твоя?

— Точно, — заулыбался он. — Я его на дороге заметил, у самого Додж-Сити. Фрэнк... Фрэнк знаешь, вертолетчика?

— Нет, не знаком.

— Фрэнк меня на «москито» высадил у машины с набором инструментов, канистрой и аккумулятором в сумке. А обратно сюда я уже своим ходом. Нравится? — хлопнул он по низкой крыше машины.

— Нравится, наверное, — сказал я с сомнением, — но по таким временам грузовик не лучше?

— А куда мне ездить на нем? — удивился Мар. — Я только летаю, а на машине по городу. Зачем мне грузовик?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Может ты и прав. Ладно, скоро увидимся.

Ему, чтобы сесть в кабину спортивной машины, сгребаться пришлось совсем мало. У меня бы так не вышло. Мне проще вот так, в пикап карабкаться.

Город в темноте выглядел немного незнакомым, я даже проскочил нужный поворот, но потом заложил резкий поворот через сплошную, благо полиции нет и улица пустая, и вернулся на пол квартала, свернув налево.

Дом Люси нашел просто, по знакомой машине, стоящей на подъездной дорожке, номер уже позже разглядел. Пристроил пикап рядом, вышел, поднялся на крыльцо и позвонил в дверь. Послышались быстрые шаги, дверь распахнулась, бросив длинный прямоугольник света на дорожку.

— Привет, заходи, — пригласила она меня. — Мне еще минуты три надо.

Отлично, я оделся вполне в кассу. На ней тоже джинсы, рубашка-ковбойка вроде той, что я напялил, и ковбойские сапоги. Ну да, Канзас, собственно говоря, не Нью-Йорк и не Калифорния.

Только сейчас разглядел ее окончательно — очень симпатичная. Не красавица, лицо немного грубовато, волосы ежиком торчат, уши как-то забавно оттопырены, но все равно впечатление очень приятное. И фигура отменная, легкая, спортивная. Интересно, что она с волосами своими сделала такое, что говорить не хочет? Макияжа нет вообще, зря, наверное.

Дом небольшой, обставлен просто, но уютно. Мебель под старину, хоть и видно что недорогая, диван с креслами песочного цвета, камин кирпичный, на стенах какие-то старые фотографии, мужчины в шляпах и с усами, женщины в длинных платьях, лица у всех суровые и сосредоточенные.

Люси копалась в ящике комода, силясь что-то отыскать. Увидев, как я разглядываю фото, пояснила:

— Это прадед с прабабкой. И прапрадед с прапрабабкой. Они жили в Монтане, держали ранчо и лошадей. Сюда уже мои родители переехали. Любишь лошадей?

— Хм, — задумался я, прикидывая, как ответить вежливо. — Скорее нет, это странные животные.

— Чем странные?

— Спереди кусаются, сзади лягаются, и воняют со всех сторон. И покакать в ящик с наполнителем не ходят, — примерно сформулировал я список претензий.

— А одет как ковбой, — засмеялась она, показав пальцем на мою рубашку.

— Это для маскировки, чтобы сойти за своего, если встречу лошадь. Тогда она не укусит и не лягнет, — я распахнул куртку, давая возможность рассмотреть себя получше, после чего снова запахнул.

— Все, я готова, пошли.

До места, где была вечеринка, можно было бы и пешком дойти, туда совсем рукой подать, но ходить по темноте пешком откровенно не хотелось. У меня самого с «прошлого мира» такая привычка осталась, да и здесь никто желанием гулять после заката явно не отличался, на улицах было пусто.

— Кстати, в город трупоеды забредают? — спросил я у Люси, выискивая место для парковки у

тротуара.

Вроде город почти опустевший, но здесь, возле ярко освещенного дома, из которого на всю улицу гремела музыка, все было занято.

— Конечно, — вроде как даже удивилась она вопросу. — Один раз «демон» в дом вломился, и псов на улице видели не раз.

— «Демон» — это который гуманоид такой, с длинными руками? — уточнил я, удивившись тому, как одинаково срабатывает человеческое воображение.

— Именно. Ты что, не заметил, как много решеток на окнах? Почти все ставят.

Решетки я заметил, но с нападениями тварей не соотнес. Просто потому, что решетки мне в Отстойнике настолько примелькались, что глаз их воспринимает как стандартную часть пейзажа, не без решеток же жить?

— Да, скажи мне тогда, как здесь насчет оружия и прихода на вечеринки? А то не знал как поступить.

— Я ношу, — сказала Люси, похлопав себя по правому бедру. — У нас все носят.

— Это хорошо, — обрадовался я.

Дальнейших разъяснений не последовало, из чего я сделал вывод, что на пьянках разоружаться не заставляют. Ну и ничего, мы привыкли, в Углегорске в кабаках только что с автоматами сидеть не разрешали, неудобные они и некультурно с ними вроде как, а пистолеты практически у всех были. И ничего, в сущности, особо катастрофического не случилось.

Место нашлось за углом, встали, втиснувшись между большим «сабербеном» и черным «кадиллаком». Почему-то подумалось, что раньше у этих людей наверняка были другие машины, а вот теперь они выбрали себе то, о чем мечтали раньше. Мой прокатный «рейнджер» смотрелся среди них как сирота. А бензин здесь, к слову, не такой уж и дорогой, к моему удивлению, можно особо не заботиться о расходе. Говорят, что в Анклавах его производят много. Ну и хорошо.

По пути увидел чуть кривовато припаркованный «камаро» Мара. Ага, уже здесь. Чем ближе к дому, тем громче музыка. На крыльце и перед ним толпа курящих, похоже, что их на улицу выставляют. Одеты все просто, так что со стилем я точно угадал. Дверь входная нараспашку, внутри тоже толпа. Все с пивными бутылками в руках или пластиковыми стаканами. Музыка стала еще громче, в углах довольно просторной гостиной большие колонки.

Какой-то высокий тощий парень в очках в красной пластиковой оправе, увидев у меня в руках упаковки с пивом и, похоже, заодно отметив некую растерянность, сказал:

— Вон там кухня, все там сваливай.

«Сваливал» я здесь точно не первый, весь стол от холодильника до плиты был заставлен разнокалиберными бутылками, хватало их и в других местах. Какая-то молодая женщина задумчиво глядела в открытый холодильник и обернулась на шум, когда я поставил картонки с «Дос Экис» в общую кучу.

— Хотите холодного? — спросила она сразу и у Люси, и у меня.

Я потрогал горлышко одной из принесенных бутылок — прохладное. Похоже, что остыло пока в машине лежало.

— Я это буду, — сказал я, достав бутылку.

— Мне тоже дай одну, — сказала Люси.

Женщина кивнула и вернулась к созерцанию содержимого холодильника. Я открыл обе бутылки, одну отдал своей спутнице, а потом мы вышли в гостиную, забитую людьми. Люси мимоходом представила меня нескольким людям, я вежливо пожимал руки и улыбался. Парень в очках в красной оправе, тот самый, что указал нам дорогу на кухню, оказался хозяином вечеринки — тем самым Реджи.

— Приятно познакомиться, — пожал я его руку с длинными тощими пальцами.

— Взаимно, — как-то по-лошадиному заулыбался он. — Развлекайся, знакомься, в общем, чувствуй себя комфортабельно. Знаком с Барб? — спросил он, когда к нам подошла молодая блондинка с длинными прямыми волосами.

— Нет, только наслышан, — повернулся я к ней.

Лицо «сердечком», большие голубые глаза, какие-то даже ненатурально голубые, как фарфоровые, небольшие пухлые губы, из тех, что раньше назывались «бантиком». Довольно высокая, стройная, складная, одета по-местному, то есть подчеркнута в стиле «cowgirl», ранч-джакет, короткая джинсовая юбка и ковбойские сапоги, но мне почему-то показалось, что она не местная. Не знаю почему, может как раз потому, что она явно старалась выглядеть именно местной.

Ну что, вполне красивая, не наврал мне Мар. Случалось и покрасивей встречать, но не часто.

— Надеюсь, что слышал только хорошее? — сверкнула неестественно ровными зубами в улыбке Барб.

— Преимущественно. А если плохое, то только от завистниц.

Стоящая рядом Люси скептически хмыкнула.

— Недавно в городе, верно? — спросила Барб. — Я слышала, что ты от самой Эпидемии и до последнего времени просидел у себя дома. Это так?

— Все верно.

— Можешь рассказать об этом? Не сейчас, — предвосхитила она мой вопрос, — позже, в студии.

— А зачем?

— Я делаю что-то вроде сборника интервью с выжившими, самыми разными. Ты получаешься тоже... «разным», — подобрала она слово. — Договорились?

— Не знаю, — я пожал плечами, — там не о чем рассказывать. Просто сидел в доме, выезжал в местный супермаркет за пару миль и брал там продукты. Больше ничего не было.

— Вот об этом и расскажи. Это только тебе кажется неинтересным. А нашим детям будет

безумно интересно знать как выжило общество. Ради них хотя бы, — добавила она немного пафоса.

— У тебя есть дети?

— Нет, у меня нет, — не стала она пускаться в подробности. — Так мы договорились?

— Мне надо сначала уточнить свой график работы и уже потом договариваться, — все же не стал я соглашаться. — Может быть в следующий раз это обсудим?

— Хорошо, — легко согласилась она и сразу утратила ко мне всякий интерес, причем к заметному облегчению Люси.

Дальше мы с моей спутницей зависли в компании двух женщин и молодого тощего носатого парня. Парня звали Боб и он был владельцем, а заодно и шеф-поваром местного стейкхауса. Одну из женщин звали Росита и была она маленькой, у нее было лицо с крупными и немного тяжелыми чертами, обрамленное длинными черными прямыми волосами, вторая была ей полной противоположностью — высокая, крупноватая, белобрысая, растягивающая слова на эдакий флегматичный манер, звали ее Шэрон.

Разговор шел ни о чем, я даже не прислушивался особо, просто потягивал пиво. Потом меня немного разговорил Боб, взявшийся обсуждать, что и где он ел в своей жизни, и где умеют готовить мясо, а где не умеют. Я пару раз отходил на кухню за пивом, возвращаясь с открытыми бутылками и торчащими из горлышек салфетками.

А вообще как-то беспокойно мне было. Нет, с вечеринкой все было в порядке, люди дружелюбные, напитков хватает, знакомятся все легко, но вот как-то маетно. Даже сосредоточиться не могу на том, что мне говорят. Извинился, оставил компанию, прошелся по другим комнатам, вышел на крыльцо подышать. Людей на улице было меньше, у заборчика курили двое, мужчина и женщина, чуть дальше по улице двое мужчин стояли, набросив куртки просто на плечи, посмеивались негромко. Курил один из них, второй, похоже, просто за компанию вышел.

Фонари уличные светили. Это хорошо, что здесь на это электричества хватает. Свет и в Отстойнике тварей не сдерживал, но увидеть вовремя угрозу тоже важно.

Привалился к столбу крыльца, глубоко вдохнув холодного воздуха, зачем-то посмотрел на часы — к полуночи. Ладно, завтра выходной день, вставать рано не нужно, можно будет выспаться. Что не так? Что меня беспокоит?

Хм... а может я опять что-то чую? В смысле, как ту тварь на аэродроме?

Закрыв глаза, стараясь отвлечься от любых шумов, любых мыслей, просто прислушаться к самому себе.

— Ты почему от нас ушел? Тебе скучно?

Люси. Блин, такое впечатление, что у нее на мой счет серьезные планы. Ну да, познакомились, вроде даже подружились, а она одинока и боится мира вокруг, и я как нельзя кстати, наверное. Упрощаю, но как-то так все складывается. А женщинам нельзя на мой счет планы строить, потому что я не свободен и потому что я скоро отсюда сбегу. Это плохая идея, строить планы на мой счет.

И еще она меня отвлекла.

— Нет, нет, все нормально, просто душно там, захотелось подышать воздухом.

У нее парка накинута на плечи, руки в рукава не продеты и изнутри стягивают ее на груди.

— Постою с тобой?

— Да, разумеется, без проблем!

Что-то не так.

А где не так?

Снова прикрыл глаза, стараясь включить «внутренний радар», почувствовать направление на то, что ощущаю как угрозу. Есть направление?

— Как ты себя чувствуешь?

Ну почему ты заботливая такая и так некстати?

— Нормально, даже прекрасно. Подожди, мне надо сосредоточиться.

— А о чем ты думаешь?

— О чем-то важном, дай мне минутку, пожалуйста, — улыбнулся я ей, стараясь не сказать грубость.

Где оно, где оно? И есть ли это направление?

Дом на той стороне улицы, дверь заклеена желтой пластиковой лентой крест-накрест. Что-то именно с ним не так. Или, по крайней мере, в направлении на этот дом что-то неправильно. Я чувствую угрозу, а еще я теперь знаю, что редко в этом ошибаюсь.

— Опечатанный дом, вон тот, — я показал на хорошо видимый отсюда желтый крест, — он почему опечатан? Из-за трупов?

— Обычно да, — сказала Люси, посмотрев в ту сторону. — Кто-то там умер и долго лежал. Или что-то в этом духе.

Я когда на этот дом смотрю, у меня словно вибрирует что-то внутри, и в ушах тихий звон. Или в голове. Скорее в голове, а вообще что-то подобное ощущалось возле Тьмы. Там, откуда я сюда пришел.

— Что с тобой? — присмотрелась она ко мне. — Не говори, что все нормально, я же вижу.

— Чувствую что-то, — не стал я скрывать. — Что-то нехорошее. Прямо в этом доме.

— Там наверняка было нехорошее, — она посмотрела мне в глаза. — Там умерли люди, возможно даже много людей, если дом не смогли очистить.

— Что было, то уже было. Там прямо сейчас что-то не так.

Я чувствую это так же ясно, как если бы мне к мозгам привязали веревку и тянули в ту

сторону. И вот еще что: это ощущение, чувство опасности, нарастает, словно что-то должно случиться и время вот-вот настанет.

— Зайди в дом, пожалуйста, — сказал я, нащупывая рукоятку «сорок четвертого». — Я сейчас вернусь.

— Куда ты?

— До машины и обратно.

— Я с тобой, — сразу сказала она.

Тоже что-то почувствовала или от меня передалось? От меня, похоже, явно немного испугалась.

— Ты носишь? [7]

— Да.

— Держи наготове.

— Что случилось? — она заметно напряглась, но между тем сунула руку под куртку и извлекла «глок».

— Не знаю, не пойму, там что-то есть, — показал я на дом с крестом лент. — Трупоеды.

Мы уже торопились к машине, руку с рукоятки револьвера я не снимал. Подумал, что надо было тревогу объявить, но... побоялся, что буду выглядеть как дурак, на смех поднимут. А чувство приближающейся беды все сильнее и сильнее, и то, что угроза находится в самом доме, уже никакого сомнения не вызывает.

Раздался гулкий удар, словно дверь пытались выломать. Мужики, стоявшие на улице, прекратили болтать, повернулись в сторону звука, один, похоже, достал пистолет.

вернуться

7

Ты носишь? (Do you carry?) — подразумевает вопрос о наличии оружия у собеседника.

Поворот. Вон мой пикап, рядом уже. Вокруг угрозы нет. Была бы — я бы ее чуял. Я ее теперь уже точно чую, я прямо ходячий детектор. Мигнули подфарники, щелкнули дверные замки.

Где-то сзади еще звук удара, точно такой, как будто дверь ломают. А ее и ломают наверняка, потому что не знают как и открыть. И скоро сломают.

И еще крики слышались, все же кто-то тревогу поднимает.

— Садись за руль, — сунул я ключи от грузовичка моей спутнице, а сам потянул из-за сидения «моссберг».

Затем вытащил «бандольеро» с патронами, накинул на себя на манер португепи.

В голове как струна звенит, которая вот-вот лопнет. И если она лопнет, то случится что-то очень плохое. И мне кажется, что я уже знаю, что именно случится. Я даже уверен, что в этом доме был подвал. Или какая-нибудь совершенно темная кладовка. Или что-то в этом духе. Ничего не изменилось.

Заскочил на пассажирское сиденье, захлопнул дверь, попутно опуская окно.

— Веди к дому, я скажу, где встать.

Люси уже вся на нервах, рванула машину назад так, что я чуть лицом в лобовое не врезался. А затем вперед, с пробуксовкой.

— Тише, тише, тише! — осадил я ее. — Спокойней, не гони! Медленней, медленней...

Она кивнула, сбросила скорость и поворот прошла уже плавно.

А дальше события вдруг завертелись быстро, потому что струна в моей голове наконец лопнула. Дверь с желтым крестом вдруг просто раскололась, и нечто темное и быстрое огромным прыжком достигло середины дороги. И следом за первой тварью из дома рванулись другие, одна, вторая, третья, четвертая. Захлопали выстрелы, несколько человек у крыльца, вскинув пистолеты, беспорядочно палили в ту сторону. Одна из тварей завалилась набок, судорожно дергаясь, а остальные бросились в атаку, быстро, молча, даже не пытаясь вернуться.

Закричали, у крыльца началась паника. Расстояние было слишком маленьким для того, чтобы получилось положить всех тварей, да еще и из пистолетов. Кто-то заорал, в дверях началась толчея. Похоже, что люди с улицы бросились в дом, а оттуда, им навстречу, ломились другие, то ли желая помочь, то ли убежать.

На наш приблизившийся пикап твари внимания не обратили, добычи им хватало. Машина остановилась, я выбрался из кабины, вскинув оружие. На фоне пистолетной стрельбы «моссберг» грохнул басовито, солидно. Картечь ударила в бок твари, приготовившейся к прыжку, свалила ее, второй выстрел добил ее окончательно.

— Оставайся в машине! — обернувшись, крикнул я и рванул с дробовиком наперевес к дому, туда, где царил паника и суматоха.

Еще тварь, рвущая когтями кого-то, лежащего под ней, вцепившаяся зубами ему в лицо. Кровь, ярко-красная, блестящая в свете фонаря, текла по серому асфальту. Запах этой крови, смешавшийся с запахом твари, уже знакомым, тем самым «змеиным». И знакомое ощущение от близости создания Тьмы — страх, холод, внутренности словно кто-то на кулак наматывает. Вдохнул глубоко, до гипервентиляции, мотнул головой, присел, выстрелил твари куда-то в лопатку, наверное, раз, другой, быстро перезаряжая, выбивая из ее тела облака черных брызг, столкнул ее ногой с умирающего человека, снова вскочил, ища цели, но дальше справлялись уже без меня, пистолетные выстрелы трещали как фейерверк, небольшая черная туша дергалась у самого крыльца, какой-то мужик в плотной серой рубашке и джинсах присел рядом, приложив ствол своего M1911 к голове твари, выстрелил дважды, та затихла.

Кровь, везде кровь, вот убитый, горло буквально вырвано, а вон раненый, похоже, нога расплосована, пытается зажимать рану окровавленными руками. Еще труп, этому вцепились в спину и затылок, он буквально плавает в собственной крови. Шум, крики, все больше и больше вооруженных людей выбегает на улицу.

Вон Барб, с видеокамерой, уже пытается снимать. В профессионализме не откажешь ей, пожалуй. Реджи тоже здесь, пытается перевязывать раненого. Где-то слышна сирена, не знаю, «скорой» или полицейской машины. Суета, шум, множество фонарей, лучи шарят по окрестным домам, по окнам, по деревьям, тени мечутся из стороны в сторону.

Дозарядив дробовик, вернулся к машине, вытащил из бардачка фонарик, проверил как светит. Нормально, ярко.

— Куда ты? — спросила так и сидевшая за рулем Люси.

— Тот дом проверю, — показал я на дом с разнесенной дверью.

— Это опасно! — вскинулась она. — Там могут быть еще трупеды.

— Нет там уже никого, — уверенно ответил я. — Мне кое-что другое проверить надо. Если хочешь, пошли вместе, это уже безопасно.

— Нет, я боюсь! — аж подскочила она.

— Тогда подожди, я быстро.

Из-за поворота вылетела «скорая», сверкая огнями, проехала справа от нас, остановившись у крыльца, двери ее распахнулись. На меня никто не обращал внимания, а я между тем направился к дому, из которого на нас напали. За спиной послышались быстрые шаги, я обернулся — Люси, бежит следом, «глок» в руках, вид такой боевой, что дальше некуда.

Нет там никого, я бы почувствовал. Нет.

— Пошли, — кивнул я и зашагал дальше.

Вот та тварь, что убили сразу, не шевелится, черная кровь на асфальте. Толкнул ее стволом ружья на всякий случай, но она никак не прореагировала.

— Пошли, — повторил я и поднялся на крыльцо, включив фонарь.

Снова звук двигателя сзади. Оглянулся — патрульный бронированный «хамви» подъехал к дому, в самую суету. Ладно, он мне сейчас не нужен.

Вошел в дом, держа фонарь в поднятой руке. Странно белый, очень яркий свет осветил небольшую гостиную с перевернутой мебелью. Слабый запах мертвечины чувствуется, такой, застарелый словно, им здесь, наверное, все пропитано. Понятно, почему дом опечатан.

Ага, с подвалом дом, спуск в него прямо из прихожей, и дверь из него точно так же, как и входная, в щепки разнесена. Луч фонаря осветил ведущие вниз кирпичные ступеньки, и под ним, словно под языком пламени, начала плавно осыпаться, обращаясь в серый пепел, совершенно невесомая черная трава. Да, та самая трава, которую я видел уже много раз, но не в этом мире.

— Что это? — шепотом спросила Люси.

— Трава, — так же шепотом ответил я. — Признак Тьмы.

— Чего?

— Тьма сюда проникла, потом объясню, — сказал я и начал медленно спускаться по ступенькам.

Противно заныло в зубах, немного закружилась голова. Чем ниже спускаюсь — тем больше.

— Мне это не нравится, — сказала Люси, шедшая следом. — Не ходи туда!

— Ничего страшного, все твари отсюда уже ушли, — я медленно спустился еще на три ступеньки. — А вот место надо бы хорошо осветить.

— Откуда ты знаешь?

— Работа у меня такая... была..., - сказал я, продолжая спускаться. — Когда-то. Далеко отсюда.

Воздух, воздух в подвале колеблется. Точно так же, как я видел над Денвером, тогда, с самолета. Под лучом фонаря это колебание рассеивается, его как струей воды из шланга смывает. Раньше я такого не видел, но, похоже, что тогда сама Тьма видна была по-другому, но то, что это она — у меня уже никаких сомнений. Пустой дом со следами смерти, запертое помещение, в котором полная темнота — все соответствует.

Луч света убил колеблющийся воздух, исчезли все неприятные ощущения. Теперь это просто место, подвал как подвал, ничего большего. Обернувшись к Люси, я сказал:

— Теперь поехали в госпиталь, как можно быстрее.

— Зачем?

— Затем, что врачам надо подсказать, чтобы они раненого лечили светом. Как можно больше света на раны. Очень, очень много света, здесь это проще, чем там.

— Где «там»? — уточнила она, убирая пистолет в кобуру.

— В другом месте, где я раньше работал. Поехали быстрее, потом поговорим.

24

Мне в госпитале поверили. Пусть и не сразу, но все же поверили. Не знаю почему. Может потому, что никто не знал толком, что с этим делать, а я вроде что-то конкретное предложил и еще уверенным голосом, а ведь раньше, оказывается, подобные укусы здесь лечили только ампутацией — укушенное место чернело, вскоре над ним начинал колебаться воздух, и это было уже смертным приговором. Правда, одержимыми от таких укусов не становились, просто умирали, то есть совпадение с моим прежним опытом было все же не стопроцентное.

Принимал раненого тот самый врач-индеец, что встречал меня несколько дней назад, с той же самой рослой медсестрой. Ногу раненого сунули прямо под огромную операционную лампу, или как там она правильно называется, и это почти сразу принесло заметное облегчение, боль ослабела. Раненый — молодой парень лет двадцати с небольшим, до этого только стонать мог, а тут даже попытался сесть и заговорил, не забыв, к слову, еще и спасибо сказать.

— Насколько я помню, под светом надо держать постоянно, пока рана не затянется, — сказал я на прощание.

— Откуда ты это знаешь? — подозрительно спросил врач, но я сделал вид, что его не услышал и вышел из приемного покоя.

Люси сидела на диванчике в холле, листая какой-то старый журнал, из тех, что валялись на столиках еще с былых времен, тех, когда больница существовала в самом обычно штатном режиме, до всяких пандемий. Надо же, ждет, а я чуть не забыл, что она здесь. Мне почему-то показалось, что она уехала с кем-то другим.

— Закончили, — спросила она, поднимаясь и откладывая журнал.

— Все, можем ехать, — сказал я, направляясь к выходу.

На крыльце как-то сразу зазнобило, похоже, что больше от нервов, чем от холодного ночного ветра. Постоял, прищурившись и подставив лицо ветру, потом пошел к пикапу. Люси шла рядом молча, так же молча села в кабину.

Печка заработала быстро, погнала теплый воздух, быстро задавивший озноб. Я, наконец, немного расслабился. Проехали мимо дома Реджи — там до сих пор былолюдно, у крыльца мигала всеми фонарями полицейская машина — большой фордовский пикап со светоотражающими надписями и полосами, много людей вооружилось чем-то серьезней пистолетов, у всех в машинах было оружие, но смысла в нем уже не было, никто никому ничем не угрожал.

Когда подъехали к дому Люси, она спросила:

— Зайдешь?

Вот оно, теперь надо что-то отвечать.

— Ты уверена, что это все... вовремя? — спросил я осторожно, судорожно придумывая повод для отказа.

— Я же не в постель тебя сразу приглашаю, — как-то не слишком весело улыбнулась она. — Мне бы хотелось поговорить.

— Поговорить, — повторил я, побарабанив пальцами по рулю. — Да, наверное, нам поговорить надо, ты права.

Может оно и лучше будет, расставим, так сказать, все точки над всеми буквами. И к тому же что-то объяснять надо до того, как обо мне начнут говорить. Правда, я бы с куда большим удовольствием сейчас до своей постели добрался и спать завалился. Адреналиновый запал куда-то ушел, вместо него пришла вялость и желание забиться в нору, под одеяло.

Прихватил дробовик, с которым сегодня уже не хотелось расставаться, выбрался из кабины. Люси пошла вперед, открыла дверь ключом, кивнула:

— Проходи.

— Спасибо.

В доме было тепло, тихо, уютно. Слышно лишь как громко тикают старинные восьмиугольные часы, висящие на стене. У меня в Москве в доме почти такие же, я их купил на «блошинном рынке» Портобелло, что в лондонском Ноттинг-Хилле, и назвал их «мечта Мапуи». Кто читал, тот вспомнит, о чем это.

— Садись, — показала она на диван, но я благоразумно свалился в кресло, на всякий случай. —

Хочешь кофе или чего-нибудь?

— После кофе не засну.

— Пива? Покрепче чего-нибудь?

— Пива, пожалуй, было бы кстати.

Она ушла на кухню, которая в этом старом доме была обычной, а не отгороженной стойкой частью комнаты, хлопнула дверца холодильника. Затем Люси вернулась в гостиную с двумя бутылками «Будвайзера». Пиво было холодным, но я вроде как согрелся уже.

— Расскажешь что-нибудь? — она уселась в кресло напротив меня, закинув ногу на ногу.

— Что именно ты хочешь услышать?

Она немного задумалась, явно до этого конкретно вопросы не формулировала. Потом все же спросила:

— Ты как почувствовал трупоедов? Я точно знаю, что ты их чувствовал.

— Я их вообще чувствую. Ну, на некотором расстоянии, — для наглядности я расставил ладони примерно на полметра.

— А эта черная трава на лестнице в подвал... ты откуда про нее знаешь? И про свет на рану?

— Давай так, — я чуть подался вперед, опершись на подлокотники. — Я тебе все-все расскажу. Только в обмен.

— В обмен? — немного озадаченно переспросила она.

— В обмен, — подтвердил я.

— И что ты хочешь?

— Мне нужен доступ в базу чужих, тех, что прошли через вас, то есть Гарден-сити.

— Ты чужой? — напряглась она.

— Меня по отпечаткам кто проверял? И прочему? — я уставился ей в глаза, она моргнула и отвела взгляд.

— Да, все верно. Тогда зачем?

— Я ищу кое-кого. Кого-то, кто может быть в этом списке.

Люси молча смотрела на меня, достаточно долго для того, чтобы я задумался над тем, что надо делать, если она сейчас попытается поднять тревогу и сдать меня как чужого. Но ничего такого не случилось, она лишь приложила к бутылке «Будвайзера», затем спросила:

— А кто ты все же?

— Я — аномалия, — подпустил я загадочности. — Это пока все, что могу тебе сказать. Если мы договоримся о том, что ты дашь мне заглянуть в базу данных, то расскажу намного больше.

Она вообще секретная, эта самая база?

— Нет, но... это служебная информация! — вроде как даже возмутилась она.

— Ну и ты у меня служебную выпытываешь, — выдвинул я контраргумент, который ей крыть пока было нечем. — Давай соблюдать интересы сторон. Или не соблюдать в равной мере. И еще: пообещай мне, что сразу после того, как я тебе все расскажу, ты не побежишь докладывать, что вот, пожалуйста, человек-аномалия.

— А почему?

— Потому что тебе от этого повышение, а меня задолбают всякими исследованиями, обследованиями и тысячами тысяч вопросов. Я уже это проходил, больше не хочу.

— Где проходил?

— Это относится уже к закрытой информации. Той, что идет на обмен. Меняемся?

Она опять надолго задумалась. Потом вдруг встала, взяла со стола лэптоп, открыла, я услышал, как компьютер тихо зажужжал, включившись. Она поправила очки, с сосредоточенным видом поводила пальцем по тачпаду, время от времени щелкая по нему пальцем, затем спросила, глядя а меня поверх экрана:

— Кого ты ищешь? Называй имя, у меня здесь все по алфавиту.

— Моя фамилия.

Она удивленно вскинула брови, а я решил, что так любой поиск найдет нужное, фамилии всего одной буквой отличаются. Вот если бы я сказал «Бирюкова», а искал «Бирюков», то мог бы и промахнуться. Я все же оторвал задницу от кресла, обошел стол и навис у нее над плечом, заглядывая в экран. Ага, меню поиска несложное. Если добавлять возраст и пол, то только сузят критерии, не более чем, а так, похоже, фамилии вполне достаточно.

— По буквам давай, — сказала она.

Я продиктовал. После недолгого молчания она сказала:

— Нет совпадений, такой человек через нас не проходил.

Она даже не поняла по фамилии, что речь идет о женщине. Действительно, на экране была видна надпись «No matches». У меня от души отлегло, но не до конца.

— Попробуй еще раз, набери «Дроздова».

— По буквам, — повторила она.

Появился какой-то Drozdenko, с совпадением в какие-то проценты, как сообщил компьютер. Пол мужской, возраст под пятьдесят. Не она.

— Не подходит?

— Нет, — сказал я, чувствуя, как настроение исправляется с каждой секундой. — Никак не могли пропустить? — спросил я уже для очистки совести.

— Нет, никак. Да и не так много чужих здесь прошло, с пару десятков, а я подключалась к общей базе.

— То есть мы вообще всех чужих проверили, я правильно понял?

— Правильно. С этим закончили?

— Абсолютно! — объявил я и вернулся в кресло, схватив со стола свою бутылку. — Твоя очередь задавать вопросы.

— Хорошо, — она вернула лэптоп на стол, закрыв крышку. — Еще раз: ты чужой?

— Нет, — бодро соврал я.

— А кто ты? Местный?

У них уже слово образовалось — local. Новое значение старого слова. Впрочем, у слова чужой — alien — тоже новое значение.

— И не местный. Я — дубль, аномалия.

Она вздохнула, помотала головой, словно отгоняя лишние мысли, затем спросила:

— Дубль — это как?

— Множественностью миров тебя не удивишь уже, так?

— Теперь не удивишь.

— Чужие, которые проваливаются из других миров, не имеют... не знаю как сказать... «аналогов» в этом мире, верно?

— Нет. Пока ни отпечатки пальцев не совпадали ни разу, да и просто по данным не получается.

Вот это хорошо, вот поэтому я пока могу врать, и мне даже будут верить. Главное — не завратся.

А пиво на радостях хорошо пошло, уже и бутылка уговорилась.

— Еще?

— Не откажусь, — поставил я бутылку на стол.

Люси ее сразу забрала и ушла с ней на кухню. Я услышал, как бутылка упала в мусорное ведро, пластиковое, судя по звуку. Снова открылся холодильник. Опять же по звуку понял, что бутылки в двери стоят.

— Держи, — протянула она мне уже открытую, зайдя в комнату. — Продолжай.

— Все очень просто: множественны не только миры, но и люди. Как так получается — расскажу в другой раз, если тебе будет интересно, — я быстро припомнил лекции Милославского. — Получается, что сюда попадают те, у кого здесь нет... других версий, так, наверное, лучше сказать.

— А ты?

— А я уже не в первом мире. И попал сюда не случайно, а прошел намеренно. Просто... просто не совсем туда, куда шел.

— И здесь есть другой ты? — она ткнула бутылочным горлышком в моем направлении.

— Был. Другой я, который жил здесь, застрелился. Как бы освободил место, иначе, я думаю, я бы сюда никогда не попал. То есть по факту я и есть тот же самый человек, который... ну, чьи документы ты видела.

— И там... в своем мире, ты жил в Грэнби, Колорадо?

— Да, — без всякого усилия соврал я.

Не надо лишнюю информацию выдавать, все же. Пусть будет так, меньше подозрений и проще для понимания.

— И ты здесь очутился в своем доме?

— Совершенно верно. Я и пытался попасть в свой дом, только... угодил в другую его версию.

— Как-то слишком сложно для моего понимания.

— У тебя есть бумага и карандаш? Давай рисовать, так проще, — я попытался вспомнить те графики, которые вырисовывал покойный профессор, ни дна ему, ни покрывки.

25

Ночью меня арестовывать никто не пришел, из чего сделал вывод, что Люси меня пока не сдала. Я проснулся около часа дня, в постели в своем номере, чему тоже обрадовался. Впрочем, когда разговор закончился, она была настолько усталой и сонной, что ни о каком развитии отношений не помышляла, так что я спокойно уехал. И, похоже, все же сумел переманить ее на свою сторону. Не знаю, надолго ли и насколько прочно, но пока сумел. А мне всего-то и надо, что «пока», на большее не рассчитываю.

В принципе, размышлял я, закинув руки за голову и глядя в потолок, можно прямо сейчас готовить самолет к вылету и рвать на север, в сторону Канады, искать анклав чужих. Мне кажется, что там вероятность найти Настю будет выше всего. А что, ничего не мешает вроде как, собирайся, да лети. Но вот такой момент: мне бы узнать, зачем изолируют и увозят чужих. Почему-то кажется, что это может быть очень важным, для того же канадского анклава. В котором, кстати, мне и место, наверное. Здесь я все равно до результатов анализов, то есть не больше недели у меня. Хорошо, что хотя бы знаю, что образцы еще не увозили, потому что туда летает один и тот же самолет, и график его я уже выяснил. Но скоро полетит, совсем уже скоро. Он полетит — ну и я, наверное, в другую сторону.

Так, и что делать? Как лучше поступить?

По-хорошему, мне бы выяснить, кто может просто знать об этом. А потом... ну а потом можно нахулиганить, потыкать в него пистолетом, неожиданно появившись там, где он меня не ждет, напугать, заставить все выложить — и быстро-быстро смыться. Как-то так, пожалуй, ничего умнее пока в голову не приходит. Впрочем, простота замысла — зачастую залог его успеха.

Ладно, хватил разлеживаться, пора вставать. Бриться хорошей бритвой в теплой ванной, стоять под горячим душем и все такое прочее.

Завтрака в «дайнере» получить не удалось, потому что давно было время ланча. Причем на этот самый ланч приперлось немало народу, едва удалось пристроиться к стойке. Было шумно, пахло жарящимся мясом, Эрл хозяйничал за стойкой, переворачивая круглые бургерные котлеты металлической лопаткой.

Попросил я только кофе и лимонный пирог, который здесь был очень неплохим. У меня спросонья ничего кроме сладкого в горло не лезет, так что что-то другое мне бы сейчас не подошло.

Так, и что сейчас делать? Выходной же у меня, получается, а я ума не приложу куда себя девать и чем заниматься. Чем тут вообще в эти дни народ занят? Ну, вон, едят, например, но это же на целый день? Пойти в номер и смотреть кино? Нет, не хочется, день солнечный, тепло совсем, нечего взаперти сидеть. Что можно придумать? Черт, я же здесь никого и ничего не знаю. С другой стороны, почему «никого»? И вообще, я сюда что, развлекаться попал? У меня еще дело есть.

Мобильная связь в городе не работала, хотя ее обещали наладить, но вот обычная проводная функционировала исправно. Позавтракав, пошел к телефону в холле мотеля, выловил из бумажника карточку Люси, набрал номер, записанный ручкой на обороте, домашний. Трубку она сняла после трех гудков.

— Привет.

— Привет! — вполне даже обрадовалась она.

— Не разбудил?

— Ты что, я уже часа три как встала.

— Чем здесь принято развлекаться в выходные?

— Ничем, — ответила она сразу. — Можно взять видео в прокат и пить пиво, но я так не делаю. Можно было устроить барбекю, но надо собирать гостей заранее. Хочешь на лошадях покататься? — вдруг, вспомнив что-то, предложила она.

— Нет, я не умею и лошадей боюсь. А велосипеды где-то можно добыть?

— Велосипеды? — она явно озадачилась.

А что, вполне здравая идея, на мой взгляд. Дороги здесь ровные, подъемов и спусков не наблюдается, самый что ни есть замечательный рельеф для прогулочного катания. Крути педали и болтай, что и требуется.

— Велосипеды, — повторила она. — Велосипеды... ты знаешь, здесь есть два магазина, в которых их продавали, но они оба закрыты с тех самых пор. Но...

— Что?

— Заезжай за мной, все решаемо. Когда можешь?

— Да хоть сейчас.

— Вот сейчас и заезжай, — она явно загорелась моей идеей.

Поднялся обратно в номер, переоделся чуть удобней для велосипедных катаний, заодно прихватил дробовик с бандольеро, заполненным патронами. «Сорок четвертый» и так на месте, в кобуре, а дробан пусть в машине хранится. Как он вчера, например, пригодился.

Стоянка возле мотеля была забита машинами, приехавшими на ланч. Прямо напротив двое мальчишек перебрасывались бейсбольным мячом, за ними наблюдала собака — чистый и вычесанный золотистый ретривер. Время от времени она приподнималась и начинала облаивать летающий мяч.

Забросив дробовик и прочее за спинку сиденья, влез в кабину, завел. Дал полминуты прогреться, а если точнее, то смазаться двигателю, а за это время попрыгал на сидении, в очередной раз убеждаясь, что сижу не в трофейном военном «кюбеле» с жестяными дверцами и продуваемым брезентом сверху, а в самой настоящей машине, в которую не течет и не задувает, и в которой даже сидеть просто приятно. Найти себе какой-нибудь «кадиллак» и ездить на нем, компенсировать, так сказать, за все унижения? А почему бы и нет. Просто не здесь, а там, в Канаде, например. Когда доберусь.

Гидроусилитель руля, к слову, тоже очень приятная штука. Вывернув колеса на месте, круто развернулся и поехал к центру города. Заодно радио включил, по которому объявили, что сейчас будет песня Линды Ронстадт. Все удовольствия сразу.

Машин на улицах было даже меньше чем в будний день, а вот пешеходов побольше. В паре мест уловил запах разгоревшихся углей — кто-то жарил мясо, вызвав некий смутный приступ зависти. Линду Ронстадт как раз сменили братья Делмор с «Буги товарного поезда», когда мой пикап свернул на подъездную дорожку дома Люси. Ждать не пришлось, я даже двигатель не успел заглушить, как входная дверь распахнулась и на крыльцо выбежала хозяйка дома, одетая в серый трикотажный тренировочный костюм и яркую красно-синюю куртку. Помахав рукой через ветровое стекло, она забралась в кабину, совершенно неожиданно чмокнула меня в щеку и сказала:

— Поехали в Таунхолл, там должен быть дежурный клерк.

— Зачем? — удивился я, хоть и врубил задний ход.

— Затем, что нам надо попасть в закрытое место. Нужен пермит, и надо оплатит лицензию, это в черте города. Помнишь где это?

— В больнице, насколько я помню?

— Верно. Только подъезд с другой стороны.

Я повел машину, попутно размышляя над тем, как реагировать, если чмокания продолжатся. Нет, я не монах и даже, наверное, не самый верный муж был бы, и не могу сказать, что Люси мне не нравится, скорее даже совсем наоборот, но... я вот чувствую сейчас, насколько она уязвима. Просто она не знает, что я не могу здесь остаться, а я знаю. Она не знает, что я не одинок, а я знаю. И рассказать ничего не могу. Как-то очень уж подло это будет, вот так воспользоваться и сбежать. Ну не могу так, я все же себя уважать хоть насколько-то хочу, нет желания смотреться в зеркало и каждый раз видеть там подлеца.

Над скромным крыльцом висела не слишком аккуратно сделанная вывеска «Town Hall», на пустой парковке возле здания была всего одна машина — белый немолодой «рэнглер» на

высоких колесах. Видать, тот самый дежурный клерк на нем и приехал.

В дверь пришлось звонить, затем щелкнул электрозамок, запуская нас внутрь. Небольшой холл с серыми стенами, явно какое-то офисное отделение госпиталя, несколько дверей в разные стороны. Из одной появился невысокий упитанный лысоватый мужчина с таким лицом, какое могло принадлежать только клерку.

— Люси! — обрадовался он моей спутнице.

— Привет, Майк, — пожала она ему руку. — Это Влад, — представила она меня, — мой друг.

— Майк, — его рука была мягкой и вялой, но при этом сухой, хотя ожидаешь, что должна быть влажной.

— Влад.

— Майк, мы хотим вломиться в «Байк Рэк», взять там байки, — не стала тянуть резину Люси.

— Байки? — вроде как не понял Майк.

— Ну да, байки, чтобы кататься.

— В этом городе с тех самых пор я не видел еще ни одного байка, — задумчиво сказал Майк.

— Майк тоже местный, — повернулась ко мне Люси, — был окружным клерком до Эпидемии.

Ну как я угадал, а? Физиономист, блин, доктор Ломброзо.

— Пошли, я выпишу пермит, — сказал Майк, повернувшись к нам перекрещенной подтяжками пухлой спиной и по-бабски широким задом в серых брюках. — И надо патрульного вызвать, сама знаешь порядок.

— Вызывай, мы туда прямо сейчас.

— Тебе просто на вскрытие, или на право использования? — спросил Майк, усаживаясь за простенький серый письменный стол. — Насколько я помню, там права собственности утрачены со смертью владельцев и всех возможных наследников. Сейчас проверю..., - он бодро застучал по клавишам компьютера. — Да, пустота, место значитесь вакантным.

— Я не знаю, — заметно озадачилась Люси. — Когда мне велосипедами торговать? Нет, просто на вскрытие выписывай.

Я почему-то подумал, что с весной все велосипеды, если они вообще в магазине есть, продадутся. Просто потому, что тепло и люди понемногу начинают отходить от горя, от того безумия, что царило здесь совсем недавно. А теперь еще увидят нас, катающихся, и тоже захотят. Это всегда так бывает, как та же эпидемия, не будь помянута.

Я заплатил за лицензию, немного, по пятерке за человека, после чего мы получили право прихватить по велосипеду из заброшенной собственности. Вот так, получается, городской бюджет и складывается? А впрочем, выглядит разумно.

Когда вышли из офиса, нас на улице дожидался большой полицейский пикап, в котором, правда, сидел не коп, а человек в камуфляже из городского патруля. Увидев нас, опустил стекло в двери, высунулся, крикнул:

— В «Байк Рэк», насколько я понял?

— Точно! — крикнул я в ответ, забираясь в кабину.

Его пикап сорвался с места и, не дожидаясь нас, покатил по улице. Когда я завел «рейнджера», полицейский уже сворачивал направо в конце улицы. Я же был вынужден пропустить еще и восемнадцатиколесник с цистерной горючего, который мало того, что перекрыл выезд, так еще и, оказалось, сворачивает во двор госпиталя. Наверное, для резервных генераторов топливо привез.

Впрочем, дорогу Люси знала, так что патрульного мы догнали у магазина. Он уже стоял у его стеклянных дверей и крутил в руках рулон желтой виниловой ленты.

— Сейчас Антонио подъедет, откроет, — сказал он, обернувшись к нам.

— Что за Антонио? — тихо спросил я у Люси.

— Из пожарной команды парень, он тут все замки вскрывает официально.

Действительно, через пару минут подъехал красный пикап с надписью «Пожарный департамент Гарден-Сити», из которого вылез невысокий коренастый мексиканец со смуглым лицом и по-индейски узкими глазами. Поздоровавшись со всеми разом, он вытащил из инструментального ящика в кузове увесистую сумку, звякнувшую железом, подошел к двери, присел. Что он там делал, я не рассматривал, услышал только как лязгнул замок и дверь раскрылась.

В магазине было темновато, почему-то сильно пахло резиной. Велосипеды были, и немало, штук тридцать, наверное. Я сначала было навелся на совсем расписной какой-то, спортивный, но потом мой взгляд остановился на узком сидении, низком руле и я быстро сообразил, что на таком кататься для удовольствия не получится.

Ага, а вот это как раз то, что надо, сразу видно, что велосипед просто прогулочный. Старомодная гнутая рама, белая, руль красный, седло широкое. На таком только вдоль пляжа или просто по городу. Называется «Швинн», это слово откуда-то помню, но вот откуда? Из книги какой-то, еще действие годах в пятидесятых в ней происходило, кажется.

— А вот этот нормально будет.

— Я тоже выбрала, — сказала Люси, показывая на что-то очень похожее, но с женской рамой.

К моему удивлению, выбирали велики и патрульный, и Антонио.

— Тоже хочу, — сказал патрульный, посмотрев на нас. — Сейчас заеду к Майку и оформлю лицензию. Антонио, тебя тоже касается.

Мексиканец только хмыкнул иронично.

Ну вот, я же говорил... то есть думал. Если бы их продавать, то завтра к вечеру уже все закончилось бы. Ну да ладно, была охота вообще-то? Схватил еще насос, а то колеса подспущены, какие-то сумки на раму, и потащил трофей на выход. Вскоре все четыре колеса на двух велосипедах было не продать. Я взобрался на свой, подумав, что не ездил на велике уже лет двадцать, осторожно тронулся с места. И не упал, и вовсе даже поехал, без всяких проблем. Нет, не зря говорят, что это не забывается. Сделал круг по улице, вернулся к пикапу, забросил

велик в кузов.

— А где ты кататься собираешься? — спросила Люси.

— Не знаю, где-нибудь за городом. А что?

— Можно на кого-нибудь нарваться.

— Я почую.

— А... ну да, — кивнула она. — Тогда куда?

— А где здесь живописней?

— Это Канзас, — засмеялась она, — здесь все виды исключительно на растущую кукурузу. По городу и то веселее будет.

Это точно, это я заметил. Даже отсюда, с главной улицы, вид был на элеватор. Да и полетал я уже над Канзасом, полюбовался.

— Ну... тогда прямо отсюда и поехали? — предложил я, вытаскивая велосипед обратно. — Выбирай любое направление.

— К стадиону? — предложила она. — Там вроде бы играть сегодня собирались, можно посмотреть.

— Поехали.

Велосипед катил по асфальту быстро и уверенно, только шины шуршали, да цепь пощелкивала иногда. Люси ехала рядом, мы почти касались рулями. Редкие прохожие, как я заметил, останавливались и глядели вслед. Нет, точно надо было велосипеды продавать. Несколько раз библикали встречные машины. В одном месте погналась мелкая собачонка, вызвав подспудное желание схватиться за револьвер, но остановилась и забежала во двор, из которого выскочила на дорогу.

Стадион оказался большим, вполне даже настоящим, я как-то и не ожидал такого. Почему-то представлялось, что едем к какому-нибудь такому, вроде школьного поля, а тут вот оно как. Две команды явных непрофессионалов, надев шлемы и щитки, бегали с дынеобразным мячом по размеченному линиями и цифрами полю, несколько десятков зрителей свистели и кричали с трибун, но их почти не было слышно. Мы тоже посидели немного, вроде как отдыхая, потом поехали дальше, ужен без всякой конкретной цели, просто катаясь. Моцион, так сказать.

— Ты будешь пытаться попасть в свой мир? — неожиданно спросила она.

— Не знаю, если честно. Я понятия не имею, как в него попадать. Проход сюда нашел не я. И сама видишь, что за результат — я не там, где планировал быть.

— А что дальше собираешься делать?

— Не знаю. Если честно — понятия не имею. Пока просто жить, работать, летать. Мне летать нравится, так что..., - я не закончил фразу.

— Почему ты ищешь того человека? Кто он тебе? Родственник?

Так и не поняла, что «он» — это «она».

— Нет, просто он мог воспользоваться фамилией. У него были мои документы из того мира.

Ложь легко сплеталась во вполне логичные с виду конструкции. Можно и правду сказать, но тогда все сразу станет труднее, я это чувствую. Пусть пока так.

— А ищешь все же почему? — повторила она вопрос.

— Личное это, как-нибудь в другой раз расскажу. Пока не готов.

Кажется, очень красиво и загадочно ответил. И даже не соврал, получается. Очень даже личное, все верно.

— Скажи, — решил я перехватить инициативу в разговоре, — ну для чего вам могут быть нужны чужие? Почему взаперти их держите? Людей же осталось мало, каждый ценен, вроде бы, должен быть, а тут вам люди в прямом смысле с неба падают. Может, Господь таким образом пытается населить этот мир, а вы не понимаете этого?

Я у нее в гостинной Библию видел. И еще в рамочке какой-то диплом от местной методистской церкви.

— Я не знаю, правда, — ответила она немного растеряно.

— А кто вообще знает? Хоть кто-нибудь в этом городе? А то может вы их отправляете каким-нибудь сатанистам из какого-нибудь тайного общества, а те их на алтаре в жертву приносят? — продолжал я разжигать у нее в душе Страх Божий. — Или... не знаю, на удобрения их перерабатывают. Кто знает?

— Ну... Липперс может знать, почти наверняка.

— Кто это?

— Он у нас вроде представителя федерального правительства. Сидит там же, в таунхолле. Не знаешь его?

— Знал бы — не спрашивал.

— Ну да, верно. Кстати, здесь населенная часть города заканчивается, дальше селиться не рекомендуется, — сказала Люси после того, как мы выехали на просторный перекресток. — Здесь даже не все еще очистили, в некоторых домах могут быть трупы.

— Могут быть трупы, — повторил я задумчиво. — Там, где есть полная темнота, и могут быть трупы... или были трупы, или даже не было трупов, может появиться та самая травка, которую ты видела. А потом трупоеды. Собственно говоря, они так и приходили там, где я раньше был — через темноту.

— И что надо делать?

— Надо делать так, чтобы не было полностью темных мест. Пусть туда хотя бы луч света, но попадает днем. Там, откуда я пришел, даже в шкафах дырки сверлили, на всякий случай. Где это невозможно, надо регулярно светить. Свет — защита от их появления.

— А от них самих?

— Уже нет. Если они здесь, то на свет им плевать. Впрочем, ты и сама это знаешь.

— Тогда надо что-то делать! — она даже возмутилась. — Почему ты рассказываешь об этом мне, а не тому же Пикетту? Вы ведь знакомы.

— Ты забыла, что я не хочу оказаться в роли подопытного кролика, — напомнил я. — Ты расскажи.

— А кто мне поверит?

— А ты доказательно расскажи. Давай проедемся, — я нажал на педали и покатил дальше.

— И какие доказательства? — спросила она, догнав меня.

— Проедемся, может быть я что-то почувствую.

Интересно самому, а зарождающееся гнездо... Тьмы, да, все же Тьмы, хоть оно так и не выглядит, я почувствую?

— А нас не сожрут? — Люси явно не восхитилась моим предложением.

— А мы убежим, — я постучал по рулю велосипеда. — Как дадим по педалям!

— Я бы предпочла делать это на машине! — она прибавила скорости, вырвалась вперед, а затем лихо остановила велосипед в заносе, повернув его поперек дороги. — Стой! Я так не поеду, я боюсь!

Пришлось остановиться.

— Да? Ну, может ты и права. Давай тогда... поехали куда-нибудь, где люди, потом заедем в стейкхаус, например, вернемся к машине, а затем на ней проедем мимо пустых домов. Годится?

— Годится, — буркнула она.

26

Все же что-то полезное узнал из разговора. Хотя бы про того самого Липперса. И хорошо бы, чтобы он и вправду знал то, что мне нужно. И тогда можно валить отсюда, я и так опасно засиделся. А по поводу Тьмы и местной версии «Горсвета» — тут ничего не поделаешь, надо как-то им дать знать. Если же я это все скрою, то кого-нибудь убьют. Например, тех самых пацанов, что сегодня бросали мяч напротив мотеля. И если так случится, то себе я этого уже не прощу. А к чему все идет мне уже понятно, насмотрелся.

Прокатный «рейнджер» медленно ехал по пустым улицам ненаселенной северной части города. А я изо всех сил пытался «открыть третий глаз» или как там этот мой внутренний радар правильно назвать. Даже окна в машине со всех сторон открыл, спасибо, что вечер не холодный.

Скоро сумерки опустятся, но пока еще светло. Дома, дома, дома вокруг, с темными прямоугольниками окон, за которыми ни единого огонька. Пустота. Страшно в пустом городе, страшно потому, что он противоестественен как сама Тьма. Города созданы для того, чтобы в них жили, город без жизни — нонсенс, аномалия, ошибка. Когда же они не просто пустеют, а еще и вымирают — на них словно облако зла опускается. Я чувствовал это в Углегорске за

периметром населенной зоны, чувствую и здесь.

Кстати, откуда у меня это странное новое умение, хоть, без всякого сомнения, полезное просто до невозможности? Ведь в Отстойнике у меня его не было, даже намек. После перехода появилось? А почему не появилось после первого перехода? Хотя, по ощущениям они были очень разные. В первый раз было ведь как? Темно, потом вроде как в обморок хлопнуться собрался — и не хлопнулся. И оказалось, что я уже не дома. А во второй раз была настоящая феерия ощущений. Я двигался, я шел, я именно проходил сквозь... Тьму? А почему бы и нет, если Тьма, по версии Милославского, изнанка нашего времени? Противоток. Я прорвался через нее и научился чувствовать. И саму Тьму, и ее тварей. А ведь был еще и третий проход, уже сюда. Да, так и есть, наверное, все равно ничего другого в голову не приходит. Я не профессор Милославский, у меня ума меньше. А Милославского я убил, к слову. И было за что.

Дома, дома, дома. Двухэтажные, ящиками, на главных улицах, эдакими особнячками, обшитыми сайдингом, на второстепенных. Современные в торговой зоне на северо-востоке города, молл, торговые центры, закрытые рестораны. Все закрыто, везде пусто. Медленно-медленно еду, иногда даже глаза прикрываю, прислушиваясь к себе.

— Так... что-то есть.

— Где?

Я медленно подкатил к тротуару, остановился. Да, что-то чувствую. Нет, пока не твари, а так... как будто леску к спинному мозгу привязали и совсем легонько за нее тянут. Дом почти такой же, как тот, из которого эти выскочили... кто, кстати? Я таких в Отстойнике не видел. Но я там и «демонов» не видел.

— Вот тут, — показал я на дом.

— И что там? — она даже ко мне придвинулась, потому что дом был с ее стороны.

— Пока только начинается, кажется, — сказал я. — Там, я думаю, пока воздух колеблется и травка растет. Мне так думается. Проверим?

— Как? — нахмурилась она.

— Откроем дверь и войдем. Мне самому интересно, насколько я все правильно чувствую.

— Вход в заброшенную собственность в черте города без присутствия уполномоченных лиц приравнивается к мародерству и преследуется по закону, — отбарабанила она явно стандартную фразу, причем явно для того, чтобы не идти проверять. — Давай просто пометим и адрес запишем. К тому же мне надо доказательства предъявлять.

— Ну, ладно, логично.

Пометить дом было нечем, но адрес записали. Потом, минут через пять, записали еще один. А вот потом...

— Опа, — сказал я, остановившись напротив бокса с опущенными воротами, на котором была надпись «Запчасти для грузовиков, крыши, быстрый ремонт».

К этому времени мы уже исколесили промзону и собирались ехать обратно.

— Что?

— А тут уже что-то есть, внутри, — показал я на ворота. — И не одно, кажется.

Нас услышали. На ворота гаража изнутри обрушился удар, причем такой силы, что металлическая сборная створка заметно выгнулась. Люси взвизгнула, начала зачем-то закрывать окно вместо того, чтобы схватиться за оружие или потребовать смыться немедленно. Впрочем, я тоже прореагировал — дал по газам и отъехал метров на пятьдесят, правда, после этого резко развернувшись и осветив гараж дальним светом фар.

Так, работала бы мобильная — можно было бы подкрепление вызвать. Люси по работе рация положена, но она сегодня выходная. Обычных телефонов поблизости нет. А что есть? Есть дробовик в машине. И плюс к нему «третий глаз» и напарник. Напарница. И некая знакомая уже тактика. И светлого времени... ну, сколько-то осталось, хотя уже смеркаться начинает. Успеем, я думаю.

— Давай за руль, — сказал я, открывая дверь. — Я в кузов. Слушай меня внимательно, понятно? И смотри в зеркало. Если за нами погонятся, то старайся держать дистанцию так, чтобы я мог стрелять. Ярдов двадцать, не больше.

— А ты куда? — явно не веря своим ушам, спросила она.

— Я — в кузов. И не дергай сильно, там пол жесткий. Держись все время широких улиц, в жилой район не лезь, ни в какие узкие места тоже. Катайся там, где всегда можно разогнаться. Перед поворотами отрывайся. Все поняла?

— Ты с ума сошел?

— Вовсе нет. Я же сказал, что это было моей работой, — прихвастнул я для ее, да и своей уверенности.

— Надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, — вздохнула она и перебралась на водительское сидение.

Открыв заднее стекло, чтобы можно было переговариваться, я, накинув бандольеро и схватив дробовик, заскочил в кузов, сел, опираясь на борт, поустойчивей.

— Проезжай мимо гаража и остановись когда скажу. И дальше держи ногу на газу. С первым выстрелом трогайся и держи дистанцию. Вперед!

Пикап проехал мимо ворот гаража, и когда мы отъехали от него метров на двадцать, я скомандовал «стоп». Почему-то вспомнилась та гончая, от которой мы никак не могли оторваться на машине ночью в зоне отчуждения вокруг Углегорска. Но не думаю, что здесь такая. И машины тутошние куда быстрее, и дороги лучше. Фигня, прорвемся.

Свистнул в два пальца и словно сигнал подал тем, кто там внутри бесновался — снова гулко грохнуло, шторка ворот затрещала, с хрустом выломалась направляющая. Вскинул ружье, навел на ворота, нащупав пальцем предохранитель и убедившись, что он отключен. Еще удар, полотно ворот провисло, держась на честном слове. Сейчас... вот уже сейчас...

Ворота все же помогли. Посыпались какие-то планки, затрещала проминаемая жесь, но темная туша, выбившая ворота, сразу прыгнуть не смогла, полотно упало на нее сверху, придавив и не дав сразу атаковать. А я выстрелил, с радостью услышал дикий inferнальный

визг, перезарядил, выстрелил снова, и потом еще два раза, уже с разгоняющегося пикапа.

Тварь билась под створкой, но из гаража выскочила другая. «Собака», или «гончая», я таких уже видел. Гончая проскочила на середину улицы, развернулась в заносе, рванула за нами мощными длинными прыжками. Прямолинейно, точно в хвост, никаких хитрых маневров.

— Помедленней, подпусти ближе! — крикнул я, заталкивая по ходу дела патроны в магазин.

Мы уже оторвались метров на пятьдесят или больше, для дробовика уже не слишком хорошо. Почему-то ожидал, что Люси не послушает и, впад в панику, еще прибавит ходу, но она сбросила газ, расстояние до твари сократилось. Взял прицел, выстрелил, осыпь дроби «два ноля» ударила прямо в морду, сбив прыжок, тварь покатила по асфальту. Еще выстрел, еще один, оба в цель, но тварь все же вскочила, хоть как-то боком и колченого, но побежала следом.

— Еще медленней!

Двух выстрелов хватило, гончая свалилась и замерла.

— Стой!

Пикап остановился так резко, что я чуть не завалился на спину. До гаража уже далеко, а тварь, которую придавило воротами, только из-под них выбралась. И сейчас башкой крутит, словно потеряла нас. Толстые тяжелые патроны с сочными щелчками заскакивают в магазин. Нет, ружье — это сила.

— Давай назад, но медленно!

Вспыхнувшие фонари заднего хода осветили дорогу метров на пять передо мной, уже заметно темнело. Пикап неторопливо двинулся назад. Тварь у гаража дернулась, навелась на нас.

— Стой! Будь готова!

Есть, гончая рванула с места как разгоняющийся спортивный мотоцикл.

— Поехали! Держи дистанцию!

Ох е-мое, как же быстро она рванула! Слово и не давило ее воротами и не попал я в нее несколько раз. Если бы не мои выстрелы — тварь бы в несколько прыжков догнала пикап. Но не смогла, словила семь порций дроби, свалившись почти что рядом с той, что гналась за нами первой. Серый асфальт, две черных туши, лужа черной крови под ними.

— Стой!

Быстро толкаю патроны в приемник, не отвожу глаз от двух темных туш.

— Все?

Лицо Люси за окошком испугано, но при этом еще и... азарт какой-то виден, что ли. Ага, вкус победы.

Прикрыл глаза, вздохнул глубоко, прислушался к себе, ощутив уже знакомую «леску». Нет, еще не все, не все...

— Давай назад понемногу и будь готова. И фонарик мне подай, он в подлокотнике.

Она выругалась тихо, но спорить не стала. Я придвинулся к окну, взял фонарик. Черт, надо бы крепление найти под него, на ствол нацепить, он вполне ведь подходит. И вообще, почему я с дробовиком, а не с казенным автоматом? Было бы еще лучше. А можно и все сразу с собой возить, кто мешает?

Машина поехала назад, тихо фырча двигателем. Запах выхлопа потянуло на меня, я поморщился. Когда приблизились к гаражу, включил фонарь, скомандовал:

— Еще медленней! Совсем по чуть-чуть...

В луч света попал пустой подъемник, какие-то шкафы, штабеля покрышек у стен и их же ряды на полках, какие-то канистры... и тень в углу, за станком для шиномонтажа. Не атакует, прячется, пытается укрыться от луча...

Бах!

Закрутилась, отлетев к стене, пустая канистра с верстака, вспухло облако пыли. Черная тень метнулась в нашу сторону.

— Гони!

Бах! Бах! Бах!

Демона качнуло в сторону, он взмахнул длинными ручищами, выпрямился, снова рванул за нами, на удивление быстро перебирая короткими толстыми кривыми ногами. Но после следующего выстрела, угодившего в грудь, неожиданно пригнулся и рванул в сторону, перескочил бордюры и побежал по большой пустынной стоянке.

Ах так, скотина, типа самый умный, да? Ну, щас...

— Тормози! Давай за ним, уже передом! — закричал я, чувствуя, как накрывает азартом.

Вскочил, пристроился к кабине, ухватившись за дугу. Машина рванула с места и я сразу понял, что стрелять из помповика толком не получится, нужно вообще-то держаться. Когда пикап перескочил через бордюры, я вообще в дугу подбородком врезался, причем больно. Бросив ружье на пластиковое дно кузова, выдернул из кобуры «сорок четвертый».

— Справа его держи, справа! И совсем не прижимайся!

Не знаю даже, слышит ли она меня вообще? Тварь, черная, кривая, уродливая, дергается в свете фар. Затем фары уходя в сторону, цель смещается направо, под прицел, я вскидываю револьвер, взведя курок. Долбанул вспышкой, руку подбросило, пуля ударила демона в середину спины, сбив его с шага. Тварь понесло заплетающимися прыжками куда-то правее, Люси резко заложила вираж, такой, что я чуть не вылетел из кузова, а демон едва увернулся из-под колес. А затем, резко развернувшись, он вдруг бросился на меня.

Я даже не думал, что он сможет так резко и быстро изменить направление. Казалось, что вот он, уже падает, я вижу его спину — и вдруг передо мной оскаленная пасть, огромные когти вцепились в борт, машина накренилась, мне даже показалось, что тварь способна ее остановить, но это все же показалось. Полторы тонны железа так просто не остановишь. Я услышал, как что-то хрустнуло, демон дернулся и отпустил борт, свалившись на бок.

Перекатился, вскочил на ноги, уставившись на нас и раскинув когтистые грабли, и я успел заметить, что за ним везде остается черный след, из него кровяща просто хлещет.

Пикап скинул скорость, Люси уже поймала ритм этого боя, или этой охоты, не знаю даже как правильно назвать. Револьвер выплюнул три пули подряд, и все три попали в цель. Демон медленно упал сперва на колени, а потом со всего маху — мордой в асфальт.

Машина остановилась.

— Давай назад чуть-чуть, поближе, — сказал я, взводя курок большим пальцем.

Темно уже совсем, тритиевые точки на прицеле светятся зеленоватым светом.

Машина остановилась, не доезжая до твари метров десять. Я подвел эти точки к силуэту головы, выстрелил раз, затем второй. Голова демона дергалась, после второго попадания черная кровь вдруг как-то волной растеклась по земле, запахло «змеей».

Выбросил на дно кузова гильзы из опустошенного барабана, вбросил в него шесть патронов.

Все. Готово.

— Все?

— Да, кажется да. Давай просто проедем мимо гаража, в порядке проверки.

— О-кей.

Испуга уже нет, есть азарт в голосе.

— И да, я в кабину перелезу, — добавил я, поднимая дробовик с пола. — А вообще для такого дела надо бы какой-нибудь ган-трак завести. Чтобы броня и дырки для ружья со всех сторон. Или что-то вроде.

— В городе есть бронированные «хамви» с пулеметами на них. Могли бы их позвать, — ответила Люси, передвигаясь на соседнее сидение. — Но ты же ковбоем себя почувствовал, так?

— Если только немножко.

Из-за поворота вылетел как раз тот самый «хамви», о котором речь и шла. На выстрелы навелись, похоже.

27

— Ты можешь зайти и даже остаться, — сказала Люси, стоя в дверях своего дома.

— Спасибо.

— Что тебя смущает? — как-то странно посмотрела она на меня.

— Ну..., - окончательно потерялся я в поисках подходящего ответа.

— Она не узнает, даже если ты ее найдешь, — Люси привалилась к косяку, сложив руки на груди. — Неужели ты думаешь, что я настолько ничего не понимаю? Просто не хотела на тебя

давить... и сейчас не хочу. Просто даю понять, что я не против и это не влечет за собой никаких обязательств. Ни с твоей стороны, ни с моей. Заходи, я тебе еще дам время на обдумывание, можешь уйти когда захочешь, — не слишком весело усмехнулась она.

И я вошел. Просто потому, что не знал что сказать. И еще потому, что понял: если я уйду, она ничего слух не скажет, но... но так нельзя, в общем. Потому что она была добра ко мне и показала себя другом, а я... да черт его знает, я не психолог и не умею это все объяснить, я просто так чувствую — и все. Вот так, как хочешь, так и понимай.

— Спасибо, — кивнул я и прошел в дом.

С утра вскочил еще затемно, с ощущением того, что я оказался в каком-то не том, неправильном месте. Даже сначала не понял где я вообще. Занавески задернуты, в комнате темно, все вокруг незнакомо и непривычно. Подлетел с подушки, сел, растирая лицо ладонями. В голове карусель, внутри все переворачивается... вот так как со страшной пьянки просыпаешься неизвестно где. И неизвестно с кем. И зачем это все и почему — ты не понимаешь. Понимаешь только, что крупно накосячил. Она тоже проснулась, спросила:

— Что-то случилось?

— Нет, все нормально, — спохватившись, я нагнулся и поцеловал ее. — Просто мне на работу сегодня, и у меня бритва и прочее в номере в мотеле. И переодеться еще надо успеть, не полечу же в этом...

— А, хорошо, — она перевернулась на живот и обняла подушку. — Увидимся сегодня?

— Если только вечером, а так буду летать.

— Понятно, что вечером. А когда следующий выходной?

— Даже не знаю толком, — я вытянул ногу и втокнул ее в жесткую шуршащую штанину ковбойских джинсов. — Сегодня должны сказать, график только составляют.

— Позвони, хорошо?

— Обязательно, — уверенно сказал я, вовсе не будучи уверенным в том, что хочу это делать.

А с другой стороны — куда деваться?

На машину за ночь осел туман и когда я тронулся с места, на заднее стекло с крыши полился настоящий поток воды. Печка быстро погнала теплый воздух который я направил на стекла.

Что чувствовал? Облегчение. И от того, что ушел из ее дома, наконец, и оттого, что все вовсе не было ужасно, а даже наоборот, и еще оттого, что я твердо решил, что Настя об этом никогда не узнает. На смертном одре не сознаюсь. Даже самому себе, не то что ей.

Было еще совсем рано, почти ночь, в воскресенье даже на работу никто не собирался, так что в домах было темно. Свет фар выхватывал из темноты припаркованные машины, палисадники, заборчики, темные окна домов, от которых этот свет отражался. Стоянка у мотеля была наполовину пуста. Остановил «рейнджер», привычно огляделся на предмет всяких возможных опасностей вокруг, потом вышел из машины, прихватив ружье с патронташем. Увидел, как прямо за мной подъехал большой синий «сильверадо». Все время стоит у мотеля, а чей — так и не знаю.

Мотель пришлось открывать своим ключом от номера, за стойкой никого не было. Поднялся в номер, быстро разделся, залез под душ, где долго тер себя намыленной мочалкой, смывая настоящий или воображаемый запах чужой женщины, словно он ко мне мог навсегда прилипнуть, как улика.

Завернувшись в полотенце, выбрался из душа, встал перед зеркалом, стер с него туман — в ванной было полно пара. Подумал, что обычно бреюсь перед душем, как раз из-за того, что в зеркало потом ни черта не разглядишь, а сегодня наоборот вышло. Странно. Хотя, чего уж тут странного?

Ладно, хватит терзаться. Новый день впереди, а их у меня здесь не так уж и много. А сделать надо до фига и больше. Липперс, говоришь? Он все знать должен? Это уже что-то. Осталось только самого этого Липперса идентифицировать и как-то к нему подобраться. Что еще нужно? А нужно бы инструкцию написать подробную о том, как разбираться с проникающей Тьмой. И отдать эту инструкцию... да, лучше всего Люси и отдать. Перед тем, как я отсюда смоюсь. В самый последний момент, чтобы ни у кого вопросы ко мне возникнуть не успели. Сегодня вечером и займусь. И под этим предлогом отменю все возможные свидания.

После бритья обтер лицо гелем, причесался, подумал еще, что надо бы в парикмахерскую заглянуть, обрастать начинаю. Есть тут парикмахерская? Должна быть.

В дайнере было пусто, но Эрл уже пришел. Спросил:

— Работаешь сегодня, что ли?

— Ага, — подсел я за стойку.

— Пока только яичницу могу предложить, с беконом и колбасками, — сказал он, доставая картонку с яйцами из холодильника. — И «красное пиво», если надо после вчерашнего, — добавил он с усмешкой.

— Нет, спасибо, у меня ничего вчера не было.

— Странно, я ведь прямо за тобой приехал. Человек возвращается с утра — и трезвый? Может быть только одно извинение для подобного поведения.

— Вот оно у меня и есть, — уверил я его.

Что такое «красное пиво» я узнал от кого-то в этом самом дайнере, пару дней назад. Это смесь томатного сока, легкого пива «Корз» и соуса «табаско», и употребляется этот коктейль исключительно для лечения похмелья. Эффективность не проверял, так что оценить не могу.

— Тогда точно не нужно, — Эрл бросил несколько полосок бекона на раскаленную плиту, затем разбил пару яиц, аккуратно их уронив рядом, так, чтобы «глазки» сохранились.

Зашипело, запахло именно завтраком.

— Тебе пока кофе налить? — спросил он.

Пока кофе здесь свежий, только что сваренный, его пить можно, поэтому я согласно кивнул. Эрл вытащил кофейник из кофеварки, налил мне полную чашку.

— Я бы еще пару сэндвичей взял и сок какой-нибудь, на аэродроме перекусить.

— Это без проблем, пока есть будешь, я сделаю. Даже вот так, — он бросил еще несколько полосок бекона на плиту и добавил туда же сырую котлету. — Сделаю тебе чизбургеры с беконом, подойдет?

— Вполне. Только про...

— Прожарю, прожарю, — изображая разочарование во мне, сказал Эрл. — Весть город ест мои бургеры с удовольствием, один ты кочевряжишься.

— Я просто даю дельные советы о том, как не испортить в сущности неплохие бургеры.

— Спасибо, в советах я больше всего нуждаюсь.

— Хоть поблагодарить догадался, — ухмыльнулся я.

Получив яичницу, отсел к окну, за которым уже совсем рассвело. Где-то совсем рядом наперебой расчирикались какие-то птахи, прямо под окном прошел с невероятно хищным видом крупный полосатый котяра. На этих самых птичек охотится или просто по делам?

В зал вошла Энджи, поздоровалась со мной, потом попросила кофе, присев за стойку. Поскольку крыльцо я видел хорошо и с той стороны в мотель никто не заходил, я сделал вывод, что хозяйка в своей гостинице и живет. Да и вид у нее был вполне заспанный. А в общем, день начинается.

Эрл упаковал два чизбургера и пакет томатного сока в жестяную коробку, а затем я у него еще и две большие пластиковые бутылки воды попросил. Рассчитался и пошел на выход. По дороге на аэродром не встретил никого, зато уже на поле заметил, что самолетов прибавилось, видать, пригнали еще порцию из Боулдера.

Эл уже был на месте. Он отдал мне пакет, сказав:

— Пикетт вчера оставил, здесь твой маршрут на оба полета.

— Понятно, — я достал из конверта лист бумаги с распечатанными координатами. — Кстати, ты такого Липперса знаешь?

— Липперса? — переспросил Эл. — Знаю, его все знают. Длинный такой, рыжий, с лысиной, часто с Маром летает в Техас. Марвин с ним больше всего общается. Что-то нужно от него?

— Нет, я так, неважно, в общем, — отмахнулся я. — Ладно, давай к осмотру тогда приступим.

Осмотр — это важно. И Эл знает, что это важно, поэтому замолчит и не станет задавать лишних вопросов. А что-то важное он уже мне сказал — этот самый Липперс летает с Маром. А с Маром мы если не приятели, то все же не совсем чужие люди. Вывод: надо пообщаться с Маром.

После осмотра забрался в кабину, включил навигатор, взялся забивать координаты на оба полета. Первый вылет — юго-запад, на Ламар, Спрингфилд, Хукер и Либерал. Кстати, на карте Москва нашлась, деревня деревней.

Дождлся разрешения, разогнался, взлетел. Полет прошел штатно, никаких происшествий и даже новостей. Разве что обратил внимание на то, что земля южнее Гарден-Сити заселена чуть гуще, чем на север от города. Ну да, город здесь за форпост, как раз прикрывает от

«Индийской территории», как уже здесь начали называть безвластные земли. А так снизу поля, поля и поля.

В общем, покрутился над окрестностями больше трех часов и вернулся на аэродром. Народу там, кстати, прибавилось, даром что выходной. Эл занялся самолетом, а я отправился в здание терминала, чтобы перекусить перед следующим вылетом. И в дверях столкнулся с Маром.

— Привет, а ты чего здесь? — протянул я руку.

— Привет, привет! — обрадовался он. — Я с Липперсом лечу, вернусь во вторник. Кстати, про тебя вчера Барб спрашивала. Ей стукнули, что ты там вроде как всех спас, на вечеринке, в смысле, и вообще вы с ней о чем-то там еще договаривались, так?

— Это она со мной договаривалась, а я с ней нет, — ушел я в отказ.

— Но сама она как, а? — Мар сделал вид, будто поправил лифчик у себя под «бомбером».

— Скажем, что ты не наврал, — хлопнул я его по плечу. — Как ты насчет по пиву, когда вернешься?

— На это я всегда согласен, ты должен был уже заметить, — ответил он и кивнул куда-то мне за спину: — Босс идет, надо к машине. Давай, увидимся еще.

Я обернулся. Липперс был высок, сутуловат, одет в плохо сидящий на нем военный камуфляж. Красное лицо, блестящая лысина, обрамленная блекло-рыжими волосами. В руках большая сумка «даффел», на плече такой же короткий автомат М18, каким меня вооружили. Ну да, я бы тоже в такие времена без оружие не летал, а то вдруг придется где-то на вынужденную сесть?

С Липперсом была еще какая-то женщина, больше похожая на невысокого худого мужика, тоже в военной форме и тоже с автоматом. Мне в окно было хорошо видно, как они подошли к «Пайперу Матрикс» Мара и забрались в салон по откидной лесенке. Как все славно, теперь я знаю про Липперса чуть больше и самое главное — знаю его в лицо. Кто это с ним, интересно? Ладно, потом у Мара поинтересуюсь.

Смолотив один из сэндвичей, выбросил в урну упаковку от него и пустой пакет из под сока, вышел на крыльцо. Солнце припекает, а вот ветер дует прохладный, сразу захотелось в куртку завернуться. Затем взгляд упал на пластиковую урну с банками из-под соды в ней и как-то сразу подумал про то, что автомат у меня до сих пор не пристрелян, а вообще так нельзя. Я его почистил, смазал заново, изучил мануал — и не стрельнул ни разу. Глянул на часы, решил, что немного времени у меня есть, с полчаса так примерно, а учитывая, что стрельбища теперь не очень нужны, то... дальше понятно.

Набрал в пластиковый пакет с десяток банок, потом, чтобы ноги зря не топтать, загрузился в пикап, доехал до поста охраны, на котором сейчас скучали двое в форме и возле которого стоял «броенхамвик» с пулеметом в башне. Предупредил, что постреляю немного, на что они среагировали вяло, разве что порекомендовали отъехать с полмили по проселку до огромной кучи земли, вывезенной когда-то во время строительства да так и оставшейся украшением местного плоского пейзажа. Куча уже кустами заросла и травой, превратившись в полноценный холм.

Но в общем, совет толковый, стрелять всегда желательно во что-то такое, через что пули насквозь не пролетят.

Кстати, для пристрелки оружия такие глинистые склоны — самое оно, каждое попадание дает четкий и внятный фонтан, так что грубая пристрелка за пару-тройку выстрелов делается. Это уже с окончательно возишься чуть дальше. В общем, пристроился, на глазок, в ста метрах от склона, поставив в рядок все собранные банки, вдавливая их в глину склона. Забрался в кузов машины, используя борт как упор, сделал быструю «тройку», убедившись в том, что оружие стреляет в правильном направлении, с поправкой на довольно резкий ветер, но вот по высоте косяк. Покрутил чуть-чуть мушку — пули пошли точно в банки. И кстати, несмотря на то, что автомат компактный, пошли вполне точно, когда магазин отстрелял, на склоне уже ни одной не стояло. И в остальном... отдача легкая, баланс отличный, в руках лежит удобно — путевое оружие.

Когда вернулся назад, наткнулся на Пикетта, которого сегодня тоже какие-то черти на аэродром принесли, невзирая на выходной. Он подъехал на своем большом белом пикапе прямо к моему самолету и сейчас болтал с Элом. Одет он был в охотничий камуфляж вроде того, что был сейчас на мне, так что вместе мы были словно в униформе.

— Хотел вызывать уже, — сказал он вместо приветствия, постучав по висящей на плече рации.

Я постучал по своему плечу, на котором не висело ничего, и сказал:

— Вызывайте, без проблем. Можно кричать, можно свистеть, лучше всего стрелять в воздух.

Пикетт вздохнул, закусил нижнюю губу, посмотрел куда-то в сторону терминала, словно бы ожидая увидеть там кого-то, кто не обеспечил меня рацией, затем сказал:

— Как вернешься — выдам рацию. А пока маршрут меняется.

Я пожал плечами:

— А мне что за разница? Куда скажешь, туда и полечу.

— Вот и лети. На Уичиту и обратно, вдоль железной дороги. Задача: любая подозрительная активность. Завтра должен прийти состав из Техаса, так что повышаем уровень бдительности.

— Здесь грабят поезда? — удивился я.

— Нет, пока не грабят, местным бандам столько не проглотить, но могут просто подкинуть дерьма. Попытки уже были. Координаты тебе не нужны, я думаю, лети просто над линией. И да, надо потом поговорить будет, когда вернешься.

Последняя фраза прозвучала как-то многозначительно. Подозреваю, что до Пикетта дошла информация из госпиталя о моей неожиданной компетентности в методах лечения укусов. Вообще-то пора уже, странно, что он раньше ко мне с этим не пришел.

«Фоксбэт» шустро разогнался и оторвался от полосы. Земля словно бы опустилась вниз, а потом еще и перекосилась после того, как я запустил самолет в пологий разворот. Прозрачный круг пропеллера висел словно круг матового стекла передо мной, а через стеклянные стенки кабины, скорее даже не стенки, а блистеры, солнечный свет буквально вламывался внутрь.

От аэродрома до железной дороги было всего с километр, так что курс я вышел почти что разу после взлета.

Интересные здесь железные дороги — ни насыпей, ни какой-нибудь полосы отчуждения —

прямо через поля прошла колея, на уровне земли, так что, наверное, снизу ее и заметишь не сразу, пока не наткнешься.

Поднялся на тысячу футов. И вдаль хорошо видно, и на земле все детали по-прежнему получается разглядеть. В одном момент решил, что у меня галлюцинации — прямо по рельсам в попутном направлении ехал белый пикап, да еще и с пулеметом в кузове. Схватился за бинокль, присмотрелся — нет, все верно, колеса пикапа в воздухе висят, а под ними, похоже, еще другие колеса имеются, те, что по рельсам бегут. Интересно. И просто. А у нас я ничего такого не видел, вроде. Почему, интересно?

В эфире было тихо, я даже запросил город разок, просто убедиться, что связь никуда не делась. Видать, все же воскресенье влияет, в будни болтовни было заметно больше.

Активность заметна была, но в число подозрительных ее занести было трудно. В Симарроне, например, грузили что-то с элеватора в четыре вагона, прицепленных к небольшому локомотиву. Наверное, постепенно выгребают сохранившееся еще зерно и вывозят туда, где оно теперь нужнее. Было шевеление и на дорогах, кто-то куда-то ехал, что-то куда-то вез, то в грузовике, а то и трактором прицеп тащил.

Видел лошадей, причем немало. А в Отстойнике их не было, опять неувязочка. Но пока все же «увязочек» куда больше чем «не». Потом попался интересный состав — платформа впереди, со всех сторон похоже что броневое ограждение, на ней пулеметы и, насколько я в бинокль разглядел, автоматический гранатомет на вертлюге. Затем тепловоз, тоже явно защищенный, потом что-то вроде пары укрепленных жилых вагонов, и опять платформа, причем на ней пара минометов видна. Прямо тот самый бронепоезд, что у мирных людей на запасном пути заныкан бывает обычно. И кстати, вполне нормально придумано, на случай если у злодеев оружие только легкое. Прямо передвижной форт укрепленный, в таком встань где-то — и живи. Разве что сами пути уязвимы для любого злодея или идиота.

Кстати, вот что интересно: а как у них, действительно, с тяжелым вооружением дела обстоят? Когда первая банда на танках подкатит? Или все же не подкатит? Кстати, надо будет у Пикетта поинтересоваться, вопрос вообще-то существенный.

С поезда меня запросили, я назвал свой позывной. Ну, будем считать, что опознался. Поближе к Уичите дал знать о себе выпитый сок, пришлось доставать заранее припасенную пустую бутылку из-под «айс-ти», она для такого дела лучше приспособлена. Остается еще на будущее решить, как такие бутылку вниз сбрасывать, потому как вентиляционная форточка в блистере «фоксбэта» под это дело никак не приспособлена. Ладно, на земле потом бы не забыть ее выбросить, еще оставить в машине не хватает.

Уичита после Гарден-Сити и Додж-сити показалась городом почти гигантским. И проблемным — в центре города были сразу заметны два пятна расплывавшегося воздуха. Даже не пятна, а столба, это выглядело словно два гигантских стоячих смерча росли из земли и уходили не знаю куда, может даже в космос. Хорошо, что хоть заметны они были издали, при солнечном свете даже случайно не залетишь, разве что на автопилоте, наверное.

— Поближе попробуем, — сказал я сам себе и направил машину на один из них, точнее — чуть в сторону от него, вроде как по касательной собираясь проскочить.

Сначала появились помехи в наушниках, вроде как статика пошла, но какая-то не такая. Шипение имело свой ритм, свою жизнь, может даже свой голос, словно эта нечеловеческая сущность, которая для меня так и оставалась Тьмой, пыталась со мной говорить. А может и

пыталась, потому что следом за этим пришел уже знакомый свист в голове, мысли начали путаться, цвета потеряли яркость, а картинка вокруг — объем. И стало откровенно страшно, просто неожиданно и сразу, как-то иррационально страшно, насильственно страшно, потому что ты понимаешь, что страх этот не твой, внушенный, но избавиться от него ты не можешь.

Я чуть увеличил радиус облета обоих «торнадо» и сразу полегчало, страх немного отпустил, поутих шум в голове. И я, наконец, смог посмотреть вниз, потому что до этого не мог от мутного места глаз отвести.

На земле было трупоеды. Не толпа, нет, но их было много, рассыпанных по улицам вокруг эпицентров. Разные, и демоны, и гончие, и всякие прочие, сидящие, лежащие куда-то бегущие — кошмар, в общем, филиал ада на земле, реализация чьего-то безусловно большого воображения. А ведь так, наверное, выглядела бы Тьма в том мире, просто разглядеть там ничего не получалось.

— Достаточно, налюбовались, — пробормотал я, направляя самолет в сторону от пакостного места. — Бомбами вас бы здесь, бомбами. Только, подозреваю, на всех уже бомб не напасешься. Да и новые народятся.

Народятся, куда же денутся? Тьма в том мире тварей генерировала, или из-какого-то другого измерения пропускала в любых потребных ей количествах, так что и здесь механизм их размножения должен быть похожий. Надо бы это будет в свой отчетик записать, тот самый, что я им здесь в наследство оставляю после своего бегства. Надо бы его вообще хорошо продумать, не забыть ничего, это ведь я им на манер скрижалей с законом оставляю, пусть внимают.

Кстати, Тьма имеет тенденцию к разрастанию, так что в будущем ее пятно может очень запросто железную дорогу перекрыть. Не думаю, что через «мутные пятна» поезда способны проскакать. Не думаю даже, что это вообще кто-то пробовал делать. Я бы не решился, это точно. И что тогда? Железка от Гарден-Сити в Анклавы всего одна, случись такое и придется, наверное, от нее отказываться. В самой Уичите путь раздваивается, и дальше есть пересекающиеся ветки, но вот до этого города путь один.

Прошел еще один круг над городом, уже по самым окраинам, где с удивлением обнаружил сразу несколько больших и серьезных аэродромов. А приглядевшись, выяснил, что возле этих аэродромов еще два авиазавода расположились, «Сессна» и «Бичкрафт». Вот как. А вот на самих полях ни единого самолета не было, так что я предположил, что именно оттуда деятельность местных «авиамародеров» и начиналась. А то, что на нашем аэродроме этих самолетов нет — так это и понятно, их тоже потом, как и все остальное, гонят южнее, в Анклавы.

Обратно пошел змейкой, широкой, размашистой, отклоняясь от дороги в обе стороны миль так на пять, просто для того, чтобы максимально расширить зону поиска. Но опять же, что-то увидел, но что именно — трудно сказать. Люди. Машины. Люди вооруженные, так сейчас все вооруженные. Надо бы вообще местным составить карту мест, где люди живут, тогда можно будет хотя бы примерно ориентироваться. Но ладно, явной угрозы железной дороге вроде не видно. Вроде. Может быть. Мне так кажется.

Ладно, а что пока делать-то будем? Вот прилечу, сяду, самолет на место определю — и чего? На свидание? Не-не-не. Сегодня буду писать обещанное руководство по борьбе с проявлениями Тьмы. И никуда не пойду. Разве что не мешало бы выяснить, где Липперс живет. И один ли живет? Что за женщина с ним была сегодня?

А у кого выяснить, так, чтобы подозрений особых не вызывать?

Не, ну не дурак ли я? Мне уже много раз говорили, что интернет в городе работает, а я до сих пор не удосужился в него заглянуть. А не может ли быть так, что в нем можно найти новую адресную книгу города Гарден-сити? Чего им опасаться? Коммуна небольшая, все свои, а адреса у всех новые. И телефоны есть. Должен быть справочник, не может не быть. А я — дурак. Отстал, так сказать, от жизни за время пребывания в Отстойнике, там телефон за диковинку был.

Ладно, тогда на сегодня программа ясна. Буду заниматься согласно распорядку дня и плану мероприятий, так сказать. Там еще Пикетт от меня что-то хотел.

28

Пикетт ждал меня возле своей машины, которую разумно, чтобы меня не упустить, припарковал рядом с моим пикапом. Увидев приближающегося меня, помахал рукой и сразу закурил, напомнив оставшегося в Отстойнике Федьку. Вот кого мне, если честно, здесь не хватает, со всем его балбесничеством и неумным оптимизмом. И тоже курил много. Попал бы сюда, так курил бы что-то получше, а тот там у него местного производства папиросы были, на вид и запах просто ужасные.

— Поехали в город, — сказал Пикетт, — я тебя в гости приглашаю, на бутылку бурбона. Там и поговорим. Как ты?

— Я не против.

Если честно, то я даже обрадовался. Вроде как у меня отмазка появилась. От свидания. Для Люси отмазка и для самого себя тоже. А так начальник вызвал, побеседовать хотел. А потом я отчет делал, для него. Например. Очень был занят, очень.

— Езжай вроде как за мной тогда, — сказал Пикетт и полез в свой большой грузовик.

Нет, точно, как сбегу отсюда и к «своим» попаду — буду на таком же ездить, как у него. Или больше.

Машины выехали на шоссе и, разогнавшись, рванули к городу. Жил Пикетт недалеко от окраины, в квартале, застроенном новыми мобильными домами, которые считать домами у меня никак не получалось пока — вагончик и есть вагончик, стоит на сваях, пространство между ними блоками заложено. Навес для машины, участок метров пять на пять. Но в поселке при этом было как-толюдно, к моему удивлению, хотя казалось бы, что пустых домов полно, выбирай любой и заезжай. Похоже, что люди просто ощущали себя в таких местах ближе друг к другу, что ли? Есть здесь неких дух общезития — стенки тонкие, все слышно, все перед глазами, вроде и не толкаются боками, но все равно ощущаешь, что не один.

Пикетт загнал свой пикап под навес покрашенного в светло-бежевый цвет дома, а я припарковался на дороге, рядом.

— Заходи, — толкнул он передо мной дверь.

Я вошел. И правда как в бытовке. Пол под ногами гулкий, окна низкие и маленькие, звуки с улицы почти без помех проходят. Кухня, она же столовая и гостиная, дальше дверь в маленькую спальню. Все. Ну, туалет с ванной. Убрано. Очень чисто. Все на своих местах. Какой-то даже неестественный порядок. Пахнет... черт его знает чем, какими-то моющими

средствами. Ни одежды на стульях и креслах, ни грязной посуды — ничего вообще.

Пикетт вытащил загремел какими-то сковородками, затем вытащил из шкафа маленький электро-гриль.

— Я стейки пожарю, будешь?

Только сейчас сообразил, что голодный.

— Буду конечно.

— Я быстро, — кивнул он и потащил гриль на улицу. — В холодильнике пива возьми. И мне одну прихвати, — обернулся он в дверях. — И там тарелка со стейками, возьми тоже.

Стейки были правильно — уже протекшие кровью, лежащие в белом поддончике. Там же я нашел было три упаковки пива по шесть синих банок в каждой. «Бад Лайт», местная классика. Выдернув две из полиэтиленовых колец и прихватив мясо, я вышел на улицу. Пикетт сидел прямо на ступеньке крыльца, раскладывая ножки гриля.

— Держи, — протянул я ему одну банку.

— Поставь все на ступеньку. Вон, садись, — показал он на раскладное кресло, стоящее на газончике.

Кресло как-то слабосильно скрипнуло подо мной, но выдержало. Захватив пальцем кольцо, я со щелчком открыл банку, в воздухе запахло пивом. Пикетт подсоединил шнур гриля к удлинителю, повернул регулятор на максимум.

— Он быстро греется, пару минут всего, — пояснил он для меня и тоже открыл пиво.

Мимо прошли мужчина и женщина с какой-то крупной дворнягой на поводке, Пикетт поздоровался с ними. Потом, когда они ушли дальше, сказал:

— Собаки теперь вообще незаменимы, трупоедов чувствуют издали, безошибочно.

— Они сами трупоеды, — возразил я. — По крайней мере, других я пока не видел. Везде трупы и собаки. Скажем так: я бы уже щенка подобрать не смог, все равно думал бы о том, чем его выкармливали. Не говоря уже про взрослую собаку.

— Не знаю, не знаю, — хмыкнул он. — Собаки часто прибывают к людям.

— Как скажешь.

— Я спросить у тебя хотел кое-что, — Пикетт достал из кармана куртки пачку сигарет, вытолкнул одну в рот, прикурил. — Откуда ты знал, как надо укуса трупоеда лечить?

— Интересно, почему я знал, о чем ты спросишь? — усмехнулся я.

— Может потому, что в этом есть что-то не совсем правильное? — он откинулся назад, опираясь локтем на следующую ступеньку. — У нас никто не знает, а ты знаешь. Как так получилось?

— Есть какая-нибудь теория?

— Есть. Но она тебе не очень понравится, боюсь. Поэтому ты бы лучше сам рассказал.

— Я расскажу, — сказал я после некоторого размышления. — Но в обмен.

Это уже становится привычкой. Но в первый раз сработало.

— В обмен на что?

— Я хочу знать, что за проблемы у вас с чужими.

— А тебе зачем? — прищурился Пикетт.

— А тебе зачем знать как я сумел помочь раненому парню? Недостаточно того, что я ему помог?

Пикетт не нашелся, что ответить, поэтому предпочел просто проигнорировать вопрос. Поводил рукой над решеткой, что-то буркнул себе под нос, потом взял стейк с тарелки, посыпал его крупной солью и бросил на гриль. И следом за ним второй. Мясо зашипело, Пикетт подхватил лопатку и тут же его перевернул.

— Так что насчет обмена? — решил я не снижать давления.

— Я не знаю, что за проблема с чужими, — он сел обратно на ступеньку крыльца. — Этот вопрос находится за пределами моей компетенции.

Ну почему они все такие одинаковые?

— То есть тебе нечего предложить на обмен? — уточнил я.

— Есть что предложить, — он оперся локтями на колени и подался вперед. — Ты забыл, кем я здесь работаю? Я тебе предлагаю спокойную жизнь, без задержаний и лишнего интереса к твоей персоне со стороны руководства Анклавов. Почему, ты думаешь, я пригласил тебя сюда и жарю тебе стейк вместо того, чтобы послать за тобой патруль и побеседовать в здании Пи-Ди?

Ну вот, все козыри выбросил.

— Потому что ты не знаешь, как поступить. И понятия не имеешь, что узнаешь от меня. Может быть тебе придется извиниться и отпустить меня, и тогда от этого вызова не будет вообще никакой пользы. Поэтому ты решил прощупать почву в такой вот обстановке. Верно? — спросил я и отмахнулся, когда Пикетт собирался что-то ответить: — Да ладно, я все понимаю, сам бы так сделал.

— Хочешь честно? — усмехнулся он. — Пожалуйста. Ты не чужой, или чужой какого-то особого рода, потому что ни один из тех чужих, что попадались нам... в смысле всем нам, Анклавам, не имел в местных базах данных отпечатков пальцев и выписанных на его имя документов. Не имел банковских счетов и кредитных карт, а у тебя и это все есть.

— Ну и?

— Есть только одна проблема: ты не выглядишь на свой возраст. Ты моложе. Здоровым образом жизни объяснить ты мне это не сможешь.

Ну, последнего я ожидал, это да, это скрыть трудно. Рассчитывал только на то, что *мой* возраст по документам знает всего несколько человек. Пикетт один из них. Но и доказать это, я думаю,

тоже не получится. Можно только предполагать.

— Давай уже, выкладывай до конца свою теорию, — предложил я ему.

— А у меня нет теории никакой, если честно, — сказал он, отпив пива из банки. — Я придумал несколько версий, но ни одна из них не выглядела жизнеспособной даже для меня. Потом версии закончились, а загадка осталась.

— Я не понимаю, что преступного в том, что я помог парню?

— Да ничего! — он даже разозлился немного. — Помог — спасибо тебе. С парнем все нормально, кстати. Поэтому здесь и сидим, беседуем. Но я должен знать, я отвечаю за безопасность этого городишки с его тысячей жителей, понимаешь?

— Понимаю. Но мне надо знать, зачем вы ловите чужих, — продолжал я гнуть свою линию.

— Зачем тебе?

— Надо. Просто надо. Чтобы кое-что понять.

— Иди к Липперсу, может он тебе скажет, — вздохнул Пикетт. — Он должен знать. А я не знаю ничего, это закрытая от меня информация.

Липперс, Липперс, все же я к тебе точно зайду. Прямо подталкивают к такому решению.

— Он вообще людей принимает?

— Не знаю, — засмеялся Пикетт. — К нему не ходит никто, потому что он здесь ничего не решает, он просто представитель и вообще он тоскливый зануда. Зайди, узнай.

— Хорошо, зайду, — уверил я его. — На неделе и зайду.

— Вот и зайди. А теперь ответь на мои вопросы, пожалуйста.

Ага, щас я так взял и ответил. Чтобы Липперса потом расспрашивать уже из карантина, или куда здесь чужих увозят. Но *версия* во время разговора у меня в голове сложилась. Как покойный Милославский имел *версию* под каждый случай, так и я, похоже, тоже буду.

— Чужие проваливаются откуда-то — сюда, так? — задал я вопрос.

— Да, все верно.

— А я провалился отсюда — куда-то. А потом сумел найти дорогу назад.

— Еще раз с этого места, что-то я не понял, — явно озадачился Пикетт.

— Повторяю для слабослышащих: люди проваливались не только сюда, но и отсюда. Тебе приходилось расследовать исчезновения людей?

— Нет, этим другой отдел занимался. Но люди пропадают время от времени, верно.

— Вот я и пропал. А потом вернулся.

Ну, насколько-то версия сработала. Пикетт выглядит сильно озадаченным. Минуты три он

вообще ничего не говорил, просто молча пил пиво и думал. Допив, смял банку, бросил ее в пластиковый мусорный бак, приподняв крышку, затем спросил меня:

— Тебе еще одну принести?

— Ага.

— Смотри за мясом.

Точно озадачился.

Пикетт шел в дом, я услышал через открытую дверь, как открылся, а потом закрылся холодильник. Затем он снова появился на крыльце.

— Лови.

Холодная увесистая банка хлопнулась мне в ладони. Я быстро допил начатую и открыл эту.

— Я никогда не слышал, чтобы люди возвращались из других миров, — сказал Пикетт. — Слышал только про тех, кто провалился сюда. И про тех, кто исчез навсегда.

— Если бы здесь не случилось эпидемии, сюда бы никто не вернулся. — конструкция *версии* в моей голове сложилась уже стройная и логичная, знай вываливай. Поэтому слова Пикетта меня в тупик вовсе не поставили. — Проваливаются только в те миры, где случилась какая-то катастрофа. Если бы здесь все было хорошо, то обратной дороги не было бы.

— Ты... гм... исчез до эпидемии? — чуть насторожился Пикетт.

— Во время нее. В самом начале, насколько я понимаю.

— И вернулся только сейчас? — еще более настороженно спросил он.

— Нет, к концу эпидемии. Если ты к тому, что я заразился и надо выждать инкубационный период... Но ты забыл про анализы, я чист.

— Да, верно, — кивнул он, явно успокоившись. — На суперкорь ты чист. Что-то я запаниковал. Подожди... а в каком мире ты был? Там тоже эпидемия или что?

— Там вообще непонятно что, — решил я сильно не завираться и рассказывать все же и правду иногда. — Там была мировая война, все следы налицо. Но населения не было вообще. Зато там были трупоеды, которых там называли просто тварями, и было вот это... места, откуда твари берутся. Только там их было намного больше, мест таких, равно как и тварей. Так что за то время, что я там прожил, узнал о них очень много. Мне кажется, что эти самые трупоеды появляются во всех мирах, где что-то такое случилось. Они вроде падальщиков. И провалиться можно тоже только в такие миры. Они затягивают в себя.

Пикетт почесал в затылке, покивал. У него явно мой рассказ в голове укладывался с трудом, но и не верить мне было уже трудно — множественность миров стала для всех очевидной, так что если кто-то проваливается сюда, то почему бы и не проваливаться отсюда?

— Если там не было населения, то с кем ты там вообще был?

— Там только вот такие же чужие, как я для них. Очень много. Миров бесконечно много и людей, как следствие, проваливается очень много. Сколько сюда провалилось?

— Не знаю, — подал он плечами. — В Анклавах содержится несколько тысяч, вроде.

— А когда начали проваливаться?

— Через пару недель после того, как все это, — он кивнул куда-то в сторону, подразумевая эпидемию, — началось. Я еще в полиции работал, когда мы наткнулись на совсем одуревшую девку, которая не могла понять куда попала. Приняли за сумасшедшую, но потом появились новые и новые. Сколько ты там был? — перевел он тему. — Несколько месяцев?

— Что-то вроде.

— А что с возрастом?

— Там время странное. И как-то переходы повлияли, похоже. И, кстати, я думаю, что тут время тоже стало странным. Просто его слишком мало прошло, чтобы вы это заметили.

— В смысле?

— Оно должно замедлиться. Там оно шло в десять раз медленней нормального. А местами, возле таких вот... «мутных пятен», даже задом наперед. И здесь так должно быть, я думаю. Ладно, — сменил уже я тему разговора, — ты теперь доволен?

— Не знаю, — развел он руками. — Я обескуражен. Если ты не наврал... а проверить я не могу, то разговор вылился во что-то совсем другое. Ты... как-то можешь это доказать?

— Ты знаешь, могу. Но не прямо сейчас, для этого надо в отель заехать. Можешь потом со мной прокатиться, а могу завтра на аэродром все завезти, если хочешь.

Вот карабин мой и пригодится. А то даже не знал что с ним делать, и патронов под него все равно не добудешь, и для самолета лишний вес, и просто выбросить жалко. Пусть теперь Пикетт попробует в этом мире аналог под «двести пятьдесят карбайн» найти.

— Нет, до завтра я не дотерплю, — ответил он сразу же. — Поедим и поедем. И еще вот что: ты не мог бы написать все, что знаешь про трупоедов, в один отчет, а?

На этих словах мне захотелось Пикетта расцеловать.

— Могу, конечно могу. Мясо переверни.

— Рано еще.

— Да, вот что хотел сказать, слушаешь?

Пикетт поднял на меня глаза.

— Если ты поверишь в мой рассказ и при этом сдашь меня куда-то в качестве подопытного кролика — я сильно расстроюсь. Пусть все остается между нами. Или в пределах этого города. Иначе я перестану быть тебе другом. Договорились?

— Это угроза?

— Нет, просто предупреждение. Я хочу сохранить то, что осталось от моей жизни, для самого себя. А отчет я сделаю, не беспокойся.

Пикетт минут десять разглядывал мой карабин, вертел его в руках, перекатывал на ладони непривычно остроносые патроны с обжатыми дульцами. Местный патрон под это оружие и с пулей покруглее, и никакой «бутылочности» в нем нет. Не перепутаешь.

— Не поверишь ведь, — сказал он после осмотра. — Но таких у нас точно нет. Какой лучше, кстати?

— Я из местного не стрелял ни разу. Но думаю, что вот этот лучше, пуля быстрее и пробивать лучше должна, — я показал на свой.

— Да, наверное. Я могу его взять?

— А зачем тебе?

Мне сейчас особенно не хватает, чтобы Пикетт побежал с ним куда не надо, нарушив все мои планы. Пусть бы потерпел пару дней, а дальше хоть трава не расти, вообще ему подарю.

— Хочу показать Таду, хозяину оружейного. Вдруг он вспомнит аналоги? Мелкосерийное производство или что-то. Да не беспокойся, я скажу, что это от одного из тех чужих, что сидят в карантине.

— А... ну ладно, покажи.

На этом и поговорили. Спасибо, хоть стейки у него были вкусные, накормил и пивом напоил. Про бурбон забыли как-то. А потом я за компьютер взялся. Оказывается, за те двенадцать лет, что разделяли мою действительность и эту, появилась такая вещь как «Wi-Fi». Может при мне уже и была, но я про нее не слышал. И эта штука оказалась на удивление удобна. Ни втыкать ничего не надо, ни чего другого делать. Включил лэптоп — и ты уже в сети. Благодарь. Сразу закинуло на домашнюю страницу города, где потребовалась регистрация, с адресом, телефоном и номером удостоверения личности. Как-то крутовато, но ладно.

Адресная книга нашлась сразу. И Липперс в ней нашелся, тоже с адресом и телефоном. И даже я, прямо сейчас, на глазах у самого себя же, проявился. Выходит, что в виде регистрации я себя в эту самую адресную книгу и вписал. Ну ничего, нормально.

Так, что тут еще есть? Страничка местного радио, с портретами Барб и Реджи... так, а еще на этой неделе телевидение обещают. Интернетное, правда, но все же. Даже ролик нашелся, в котором Барб, ослепительно улыбаясь, обещает освещать все-все, что случается в городе и окрестностях. Интересно, если я сделаю все так, как планирую, Барб что про это скажет? Или если Пикетт, погнавшись за славой, вложит ей меня.

Кстати, странно, а почему Барб здесь застряла, где людей всего раз-два — и обчелся? Разве ей не надо куда-нибудь в Анклавы, где аудитория большая и все такое? Ладно, о чем это я...

Кстати, пока Липперса в городе нет, неплохо бы к его дому на разведку скататься. Хотя бы адрес проверить, подъезд и пути отступления на случай чего. И вообще глянуть, где там чего и как. А уже потом можно и за отчет, там все равно не на один вечер работы, так что суетиться не надо. Спешка, как известно, хороша лишь при поносе и ловле блох.

Так, ладно, проедусь. Встал, уже привычно достал из кобуры револьвер, проверив патроны в барабане, хоть и не стрелял из него, затем, подумав, прихватил казенный автомат. Все же

полегче с ним, чем с дробаном. Вышел из номера, спустился вниз и был перехвачен Энджи:

— Влад, тебе звонили, — она протянула мне листок из блокнота.

Я глянул — номер Люси. Как-то совсем не удивился. Перезвонить? Да надо бы, хотя бы из вежливости. Или заехать? Нет, заехать... заезжать рискованно, наверное, позвоню просто.

Энджи протянула мне трубку телефона и я отошел с ней в уголок холла, присев на диван. Сверяясь с запиской, набрал номер.

— Привет.

— Приедешь сегодня?

Вот так, прямо с ходу, без вступлений.

— Я еще работаю, Пикетт подкинул дел. Не знаю, когда закончу. И я сегодня не выспался совсем.

— Это означает «нет»?

Блин, вот на хрена вообще звонил, а? Теперь объясняйся. Вот объясни ей, что ты не хочешь, причем объясни в такой форме, чтобы еще и не оскорбить. А точно не хочешь? Нет, это уже точно. Даже если и хочу, то не хочу еще больше от этого. Мне вот дополнительных проблем сейчас как раз не хватает.

— Это означает «нет», мне завтра летать, я должен выспаться. Я же пилотом работаю, помнишь? А с тобой выспаться не получится, — попытался я перейти на грубую лезть и заодно все свести в шутку.

Как ни странно — сработало. Или она сделала вид, что сработало.

— Ладно, тогда буду ждать звонка завтра.

— Хорошо, завтра обязательно.

Мне показалось, что она еще хочет что-то сказать, но не решается. Я скомкал разговор, попрощался и отключился. Все, хотя бы на сегодня проблема решена. А насчет завтра... будет день, будет и пицца. Вернул трубку Энджи, сидевшей за стойкой и смотревшей какое-то кино на своем компьютере, и вышел на улицу, к машине.

Уже стемнело, что для моего дела даже хорошо. Липперс жил на Третьей Северной улице, рядом с окружной библиотекой. Дом был скромным, как все в этом районе, но не бедным, скорее приличным. Гаража в нем не было и на подъездной дорожке машины тоже не видно, из чего я сделал вывод, что Липперс на ней приехал на аэродром и там ее оставил. Наверное, потому что другие варианты тоже возможны.

На окнах решетки, но они здесь уже у многих, тварей побаиваются. Еще бы не побаиваться. Забора вокруг участка нет. Огляделся — вроде никто за мной не наблюдает. Выбрался из кабины, аккуратно прикрыв за собой дверь, чтобы не хлопнуть, быстро прошел в проход между двумя домами. На заднем дворе обнаружили детские качели и игрушки, грязные и пыльные, так и были разбросаны по газону. Посмотрел — и словно кто-то сердце сжал ледяной ладонью. Хоть бы убрал он их с глаз долой, как духу хватает каждый день на них смотреть? Или они уже

здесь ко всему привыкли?

Ничего интересного, в общем, во дворе не обнаружил. Задняя дверь, что с кухни, закрыта, причем за ней видна вторая, решетчатая. А вот соседний дом пустым стоит, с лентами на дверях. Это мне как-то поможет? Прикрыл глаза, прислушался к «внутреннему радару», но ничего в этом доме не обнаружил. Пусто там, если о тварях говорить. Окна закрыты, а вот что насчет задней двери? Здесь-то никто ничего не укреплял.

Присел, посветил фонариком на замок, прикрывая его ладонью. Вообще-то вскрыть проще простого, мультитулом можно язычок отжать. Что я и сделал, провозившись не больше минуты. Дверь, а следом за ней сетчатый экран от насекомых, тихо отворились. Я принялся — сладковатый запах тления пропитал весь дом, но был он не слишком сильным, все же выветрился уже. Перетерпеть сколько-то времени можно будет.

Уже стемнело, что для моего дела даже хорошо. Липперс жил на Третьей Северной улице, рядом с окружной библиотекой. Дом был скромным, как все в этом районе, но не бедным, скорее приличным. В квартале так самым лучшим, с островерхой крышей, такой... чуть в германском стиле, что ли. За домом гараж на две машины, к нему подъездная дорожка ведет. Интересно, машина в гараже или он ее на аэродроме оставил? Или у него машины нет?

На окнах решетки, но они здесь уже у многих, тварей побаиваются. Еще бы не побаиваться. Забора вокруг участка нет. Огляделся — вроде никто за мной не наблюдает. Выбрался из кабины, аккуратно прикрыв за собой дверь, чтобы не хлопать, быстро прошел в проход между двумя домами. На заднем дворе обнаружили детские качели и игрушки, грязные и пыльные, так и были разбросаны по газону. Посмотрел — и словно кто-то сердце сжал ледяной ладонью. Хоть бы убрал он их с глаз долой, как духу хватает каждый день на них смотреть? Или они уже здесь ко всему привыкли?

Забор дощатый, высокий, двор в этом месте ни откуда не просматривается. Прямо за забором стенка гаража Липперса. Лент на задней двери этого дома нет, только с фасада. Ну да, это же не опечатывание, а просто предупреждение, что мол не выбирайте этот дом себе, в нем еще пока все плохо. А с заднего двора никто его рассматривать и не придет.

Прикрыл глаза, прислушался к «внутреннему радару», но ничего в этом доме не обнаружил. Пусто там, если о тварях говорить. Окна закрыты, а вот что насчет задней двери? Здесь-то никто ничего не укреплял.

Присел, посветил фонариком на замок, прикрывая его ладонью. Вообще-то вскрыть проще простого, мультитулом запросто можно язычок отжать. Что я и сделал, провозившись не больше минуты. Щелкнуло, дверь тихо отворились. Я принялся — сладковатый запах тления пропитал весь дом, но был он не слишком сильным, подвыветрился уже. Перетерпеть сколько-то времени можно будет, не проблема. Жить бы здесь не стал, а посидеть можно.

Огляделся в кухне, потом, медленно и тихо, прошел в гостиную. Выглянул в окно — подъезд к дому Липперса виден хорошо. Но он по идее, поставив машину, успеет в дом зайти прежде, чем я до двери добегу. Это если через заднюю дверь дерну, а если через переднюю, то вспугну его гарантированно. Так, надо что-то другое придумывать.

Как-то пролезть к нему в дом заранее? А как? Решетки выглядят серьезно, а так, что за задней дверью, на вполне солидный навесной замок закрыта. Но это не от людей, это опять же от тварей. Замок можно распилить, например. И что? А если Липперс не один живет, а с той женщиной, например?

А вот последить из этого дома будет можно. Хотя бы вечером, в тот самый, когда Липперс обратно прилетит. Так и сделаю, потом решать буду. Все равно не сегодня же замок пилить, так?

Покопавшись в кухонных шкафах, нашел аптечку, а в аптечке — лейкопластырь. Закрепил им и обломками каминной спички язык замка в отжатом положении и просто прикрыл дверь. Все, если надо будет, то войду в этот дом уже без проблем. Вышел во двор, потом в проход между домами, выглянул аккуратно на улицу — никого, к счастью. Проше к машине, оставленной поодаль, уселся за руль.

Буквально подталкивают все к силовому решению вопроса. А ведь не хочется ничего такого устраивать, я к местной публике с пиететом и почтением отношусь. И репутация злодея, пусть и сбежавшего, мне не нужна. Хотя бы потому, что я не злодей. И при этом кажется, что за вот всей этой историей с чужими кроется что-то действительно очень важное. Такое важное, что знать это нужно обязательно. Что-то такое, отчего все зависит. Что именно зависит? А все, сказал же.

Тронул машину с места, завернул за угол квартала, остановился напротив узкого проезда между заборами. Здесь вообще так строятся: ряд домов фасадами на одну улицу, второй ряд фасадами на параллельную. А между задними дворами проезд, обычно просто укатанная грунтовка или плохонький асфальт. В принципе, махнуть с этой стороны во двор дома что Липперса, что закрытого, в который я сейчас вломился, проблемы нет. Например, просто из кузова пикапа на забор — и спрыгнуть. Вопрос в другом: насколько пикап будет кому-то мешать в этом проходе?

Объехал квартал по кругу и пришел к выводу, что из восьми домов, его составляющих, заселены четыре. Дом Липперса угловой, кстати. Два заклеены лентами, еще два просто выглядят нежилыми. А почему, к слову? Некем заселять или что-то другое? А вот это бы уточнить неплохо. Возможно, тогда появятся новые идеи.

Пока идея одна — встретить Липперса на крыльце и с ним в дом войти. Можно, конечно, просто в дом постучаться, но он, скорее всего, откроет дверь, а решетку оставит. Не со страху, а просто потому, что нет смысла иначе поступать. Выслушает посетителя, и если тот нужен, то пригласит внутрь, например. Можно, конечно, пугануть его прямо через решетку и войти, угрожая оружием, но опять же можно обломаться. А вдруг у него ключи от решетки не с собой? Или просто рискнет и рванет в сторону. И что тогда, стрелять, что ли? Так мне и Липперса убивать вовсе не хочется. И какой вообще смысл его убивать? Мне просто информация нужна, ничего больше.

Его надо перехватывать на пути от машины до дома. А для этого нужно оказаться достаточно близко и при этом так, чтобы его не насторожить. Вообще проблема была бы небольшая, будь у меня помощник и рации, но нет ни того, ни другого. То есть надо оказаться близко и при этом не насторожить. В принципе, один вариант есть, но очень уж он того... на удачу рассчитан. Но других пока не вижу.

Ладно, поехал я отчет писать. Раз обещал, надо сделать.

30

С утра вылетел «на поезд». Проскочил над железной дорогой, так и не отметив никакой подозрительной активности, затем увидел уже знакомый пикап с пулеметом, потом тот самый вчерашний «бронепоезд», шедший примерно в пяти километрах перед эшелонном. А затем был

обычный поезд, тепловоз, с пяток вагонов-боксов, то есть обычных товарных, а затем с полтора десятка цистерн. Ну и укрепленная вооруженная платформа все это дело замыкала. Ничего не случилось, никто на эшелон не напал и пути не взорвал. Он благополучно прибыл в Гарден-Сити и встал под разгрузку.

В обед подошел Пикетт и сунул чехол со взятым вчера карабином.

— Никто ничего подобного не видел. Это не из нашего мира.

— Я в курсе, что не из нашего.

— И такого завода, — он постучал пальцем по клейму на затворе, — у нас вообще нет. И калибра такого.

— Я в курсе, — кивнул я солидно. — Ты мне вот что скажи: ты меня никому не вложил?

— У нас договор, я свою часть соблюдаю, — малость оскорбился он.

— Да я так, на всякий случай уточнил. Кстати, мне на вторую половину дня полетный план не дали.

— Его и не было, только сейчас закончил. Слетай на Лэрнед, поищи тех, которых ты видел. Наземный пост никакой активности не обнаруживает, неплохо проверить, ушли совсем или сменили дислокацию. Нигде не петляй, а там уже покрутись над окрестностями подольше, хорошо?

— Без проблем, — пожал я плечами.

Вылетел. Пошел на Лэрнед над сто пятьдесят шестой дорогой, пустынной, серой, узкой и, похоже, нашел потерявшихся подозрительных людей в Джетморе, то есть куда ближе к Гарден-сити. Не уверен на сто процентов, что это именно они, но удалось разглядеть пару размазанных машин, а заодно двое вооруженных мужчин, увидевших приближающийся самолет, быстро скрылись в большом кирпичном здании с красноватой крышей, кажется, если карте верит, в местной библиотеке.

— Читатели, мля.

Я проскочил над городком, скинул обороты до минимально возможных, и сделал еще один заход на город, крутя головой и держа бинокль наготове. И заметил еще человека, стоящего на крыше здания суда и явно высматривающего самолет. А на фонаре перед зданием висел труп. А под трупом была лужа крови, похоже, если по цвету судить. Запекшейся, бурой, но думаю, что это все же кровь. И повешен человек был не за шею, а за руки, и выглядел так, словно его потрошили.

Так, тогда еще раз, раз уж не стреляют по мне. А попутно связь с базой нужна. Как-то это все очень не нравится. То они были дальше от города, теперь ближе стали. А выставленные дозоры они, скорее всего, просто объехали, или проселками, или просто дали очень большой крюк по шоссе. Здесь дорог много, реально много, перекрыть их не получится все. Объехали и заныкались уже в Джетморе. Правильно Пикетт придумал с этим воздушным патрулированием.

И кого они там выпотрошили? Вообще не слишком умный поступок, да еще так показательно, на улице. Они тем самым вскрылись по полной, но если они сами из тех, что с «синдромом», то

и это объясняется. Говорят, что для них anger management почти невозможен, совсем без башни народ. Впрочем, что-то из этого я увидел в процессе общения с Лорой Джин, там, в заброшенной гостинице в горах.

Еще круг, второй, затем пошел облетать окрестности, но там ничего подозрительного не было.

Связь через «диспатча», как тут принято диспетчеров называть, переключили на Пикетта, которому я изложил все, что увидел. Он выругался, затем сказал:

— Попробуй пройти от Джетмора к северу, миль десять примерно, до реки. От самого моста на восток пойдет дорога, через милю будет ферма. Попробуй пройти над фермой и вызвать их на первом гражданском канале.

— Принял.

— Там человек шесть живет, самая удаленная точка нашего анклава. Проверь.

Обогнув городишко уже по дуге, я вышел на нужное направление. Искать здесь все нетрудно, ландшафт вроде столешницы, на которой кубики расставили, ничего не скроешь. Разве что насчет реки засомневался, там была просто узкая долинка, заросшая кустами. Положил самолет в вираж, ушел вправо, сразу заметив ферму — скопление нескольких зданий, окруженных явно вручную высаженными деревьями. А старая ферма, похоже, деревья большие. Амбары, какой-то алюминиевый ангар, дом немаленький, за домом зеленый трактор. И никакого движения.

Вытащил обычное «двухпутевое радио» [8] из держателя. Здесь это было вроде дежурной вежливости, оказывается, на подъездах к таким вот фермам и другим уединенным местам заранее на связь выходить, вроде как опознаваться. А если так не сделаешь и просто подъедешь, то можешь, говорят, и на проблемы нарваться.

— Ферма, ферма, вызывает самолет над вами, как слышите? Ферма, вызывает самолет над вами, как слышите?

Даже гражданская рация на такой открытой местности километров на пять слышна быть должна, а уж с самолета, да еще прямо над крышами пролетающего — без сомнения.

Сделал один круг, другой, продолжая вызывать ферму, но там никто не откликнулся. Было бы рук больше, можно и совместить, но тут не получится: отложил рацию, взялся за бинокль. Нет, никакого движения не видно. Грузовик с красной кабиной и длинным кузовом стоит у ангара, а в самом ангаре через открытые ворота можно комбайн разглядеть. Хорошая ферма, солидная, и поля вокруг чуть не за горизонт уходят. Интересно, это все вот этого фермера было раньше?

Вид на дом частично деревья скрывают, но вот что-то под деревом внимание привлекло, а что — не успел разглядеть, мельком увидел. Пошел на следующий круг, заодно оглядывая окрестности, не едут, ли, например, расписные машины со стороны Джетмора или какой другой, но везде было пусто и мертво, разве что вдалеке над пустым полем вилась огромная стая ворон. А может и не ворон, а каких других птиц, мне отсюда не разглядеть. Отметил для себя только, что к ним бы лучше на самолете не приближаться.

Нет, пусто везде, совсем пусто. Так, снова нужный ракурс на ферму, бинокль...

А это собака. Дохлая, потому что живые так не лежат. Как раз под деревом, в тени поэтому сразу и не разглядишь.

Если бы люди на ферме были, то собаку бы убрали, так? Ну, я бы точно убрал.

А тварей там нет, равно как и следов Тьмы, я бы с такого расстояния уже почувствовал, наверное.

И что дальше делать? Просто доложить что вижу?

Появилась шальная мысль посадить самолет и разведать самому. Зачем? Ну для того, хотя бы, чтобы некое чувство вины перед Пикеттом подавить, например.

И еще мне не раз самолет вскоре сажать придется куда попало, потому что лететь далеко и придется искать горючее. Практика нужна вообще-то.

И куда сажать? На шоссе? Ничего сложного не вижу, шоссе достаточно широкое и гладкое, посадить этот «летучий мопед» проблемой не будет. Но оттуда до фермы топтать не меньше мили. Сажать на грунтовку? Она вроде тоже ничего.

вернуться

8

«Двухпутевое радио» — буквальный перевод американского термина two-way radio, которым обозначают портативные рации.

Кусты вдоль грунтовок местами высажены, можно их крыльями постричь. Не уверен, что от этого что-то случится, но все равно не хочется.

Прямо в поле? Так в поле под травой сухой пока особо ничего и не разглядишь, хоть оно пока еще и не вспаханно.

Есть вариант вообще дурацкий: посадить машину на шоссе и к ферме на ней просто прирулить, как по аэродрому. Рукой ведь подать. Кстате, а почему бы и нет? Тогда и на кусты не налечу, одно дело просто ехать, а другое сажать машину, попадая в траекторию.

Надеюсь, никто не увидит того, что я сделаю. Мне почему-то кажется, что так делать неприлично, с точки зрения приличного летчика. А в общем, похрен.

Направление ветра определил по деревьям, в какую сторону их качает. Получается, что заходить надо будет на шоссе с юга на север, то есть со стороны Джетмора. По большому и плавному кругу повел самолет в то сторону, чтобы иметь запас на заход как можно больше, чтобы и направление скорректировать было время, и высоту, и скорость, и что попало. Когда серая полоска встала прямо подо мной, прикидочно, начал снижение.

Скорость скинуть... ниже восьмидесяти узлов... есть... теперь закрылки в EXTEND, положение 1... бокового ветра нет, так что поднимать их не будем... впереди места много, так что садимся в штатном режиме.

Взялся за рычажок управления рулями высоты, но вроде нормально все, отпустил, не стал ничего делать. Так... до асфальта совсем немного... скидываем обороты еще, чтобы скорость не больше пятидесяти... самолет стал чуть вальжным, но вполне еще управляемым. С боков мелькают поля, столбики изгородей, подо мной мельтешат желтые черточки осевой... Педалью донавел на шоссе, нос прямо по осевой линии нацелен. Чуть вбок тащит, но мы это

поправим... Пять метров до земли, переводим в легкое парашютирование, самолет вроде как начинает проседать, газ на IDLE, штурвал держим... касание... гулкий стук покрышек по асфальту... затрясло немного, штурвал от себя... чуть тормозим...

Есть!

Я — Чкалов! Как минимум! Сел! Хрен знает где сел! Сокол!

Выдохнул.

Я вообще в течение всего процесса посадки дышал, нет? Что-то сомневаюсь. И взмок как мышь под своим охотничьим камуфляжем. Это со страху. Или от волнения. От волнения, наверное.

— Я люблю-ю тебя жы-ы-ызь, и надеюсь, что это взаимна-а-а! — пропел я во весь голос. — Нормалек, йоптыть.

Ветер от пропеллера сдувал с дороги пыль, которая поднималась сзади сероватым прозрачным облаком. Раньше эту пыль проносящиеся машины сгоняли, а теперь она везде садится. Что-то рановато я сел, до нужного поворота пилить еще с километр, примерно. Немного глуповатое ощущение — по дороге на самолете едешь. Не рулишь, а именно едешь, как на машине.

Ладно, посерьезней немного, обрадовался. Мне сейчас ферму досматривать, а там что угодно может быть. Посерьезней. Сосредоточиться надо.

Свернул на грунтовку, уже совсем медленно. Пыли сзади уже целое облако, но это сзади. К тому времени, как взлетать соберусь, она осядет, однозначно, так что не страшно. Но самолет покачивается, что-то под днищем поскрипывает. Какую-то птицу спугнул из кустов, но она не взлетела, а почему-то побежала передо мной, потом нырнула в кусты на другой стороне.

Пару раз концы крыльев врезались в ветки, но ничего страшного не случилось, там даже не ветки, а так, веточки, прутики. Главное, чтобы на дороге ничего особо подлого не попало, но я ее сверху осмотрел внимательно, не должно. Грунтовка и грунтовка, даже не разбитая совсем, только не очень ровная, качает. Вон уже ферма, видна хорошо, все ближе и ближе. Дом старый, довольно красивый даже, построен с выдумкой, с террасой-крыльцом, светло-голубой доской стены обиты, двери и окна белые. Только дом и старый, все остальное, что за ним видно, новое — алюминий, виниловый сайдинг. Амбар, большой гараж, ангар с комбайном. И по-прежнему никого.

Опа, а связь пропала. Низко я, наверное, и сигнал больше некому принять теперь, нет никого поблизости. Разве что эти, которые в Джетморе, слушать могут. А им бы слушать не надо. Или не могут? Я даже не знаю, закрытая у меня связь, или нет, слушай кто хочет?

Все, приехал, достаточно. Самолет встал, двигатель затих, жужжание сменилось тихими щелчками остывающего металла. Открыл блистер, выпрыгнул наружу, сразу откинув приклад автомата и взяв его «по-патрульному». Нашупал кнопку фонаря, прикинул, как его быстро включить-выключить. Забавно, но все необходимое для его установки у меня было. Фонарик, что я нашел в машине, был диаметров в дюйм, то есть такое его применение предусматривалось, а крепление нашлось среди того барахла, что я набрал в оружейном в Грэнби. Ну а планка на самом автомате была. Так что свет у меня теперь есть.

Не скажешь. Что тихо здесь — какие-то птицы чирикают напропалую из кустов. Окна дома темны, ничего за ними не видно. Зато видны следы колес на повороте к дому, вполне свежие, как бы даже не вчерашние. Не следопыт, но как-то в этом могу разобраться. Присел — да, даже

рисунок протектора еще не выветрился, несколько машин, заехали и выехали со двора. Обитатели выехали или что-то другое случилось? Как-то в хорошее не очень верится.

Присел за стволом дерева метрах в десяти от дома, прислушался. Нет, ничего необычного не слышу, все птички да птички, и трава под ветром шуршит. Листьев на деревьях нет пока, так что там шуршать нечему. Пригнувшись, перебежал к самому дому, снова замер. Затем попытался заглянуть в окно и ничего подозрительного за ним не увидел. Просто столовая, просторная. А дом и вправду старый, с отдельной столовой, как у людей. Как у меня под Москвой.

Интересно, а в этом мире мой подмосковный дом существует?

Обошел дом по часовой стрелке, стараясь идти как можно тише, выглянул из-за угла — точно, собака убитая. Отсюда и кровь видна на шерсти, запекшаяся. Пристрелили, похоже, дыр за шерстью не видно, но пятен крови несколько. Взял автомат наизготовку, ожидая того, что кто-то и меня решит пристрелить как эту собаку, но никто не нападал.

Теперь к крыльцу перебежка. Присел, опять замер, оглядываясь. Потом «радар включил» — нет, Тьмы здесь нет, ни в одном проявлении. Если кто и может быть, то только люди. Перескочив через перила, оказался на крыльце. Заглянул сначала в окно, перебежал к двери — а она и не заперта. Даже прикрыта не плотно. Толкнул — отворилась.

Пусто. И беспорядок. И дерьмом каким-то пахнет. Я отсюда гостиную и кухню вижу. В кухне холодильник открыт, возле него еда рассыпана. Стул перевернут. Стол оттолкнули, похоже. На полу вроде как пятна крови, уже побуревшей. С дивана в гостиной сброшены подушки на пол зачем-то.

А вот и источник вони, прямо на кофейном столике в гостиной. Кто-то взял и кучу навалил. Телевизор плоский прострелен в нескольких местах. Нет, похоже, что отсюда не сами хозяева уехали.

Обошел весь дом, но кроме следов погрома ничего не нашел. Даже в подвал спустился, светя фонарем — ничего. И Тьме здесь не завестись, подвал с окошками.

Увезли всех? Похоже. Кого-то же им надо было в Джетморе повесить, так?

Ладно, в ангары и прочее по-быстрому загляну — и смываюсь. А как взлечу, сразу связь с Пикеттом, пусть меры принимают.

Из дома вышел осторожно, опять долго слушал, стоя на крыльце — ничего. Перебежками к большому сараю или даже складу, что напротив дома. В него тоже дверь открыта, но внутри темновато, окна маленькие и под самым потолком. Внутри прицеп какой-то, всякие прицепные к трактору, не знаю, как тут что правильно называется, плуги-бороны, условно. У стены огромный штабель серых пластиковых ящиков. Пахнет соляжкой, резиной, немного сыростью. Больше ничего. Луч фонаря пошарил по углам, палец на спуске, только шевельнись там что-то — тут же стрелять начну. Ничего не шевельнулось, не во что и не в кого стрелять.

В следующем ангаре гараж. Старый «бронко» у дальней стены, на высоких колесах, поднятый чуть не на метр от земли, рядом разобранный мотоцикл. Тоже разобранный старый «камаро». Станки какие-то, похоже, что здесь любитель жил со старьем повозиться. Детали, старые аккумуляторы в углу, у другой стены так и вовсе свалка из всякого железа. Людей нет, трупов нет, тварей нет.

Вышел во двор, огляделся. Еще ангар, с комбайном, но я уже отсюда вижу, что там ничего интересного. Сзади еще куча небольших сарайчиков, похоже, что там что-то строить собирались. За ангаром большая белая цистерна с газом. Дальше баки с топливом, похоже. Еще грузовик, вполне новый с виду. Серьезное было хозяйство. Что я еще не осмотрел? Ага, во дворе еще небольшой домишко, наверное, для помощника по хозяйству или для чего еще, а дальше сарайчик генераторный, я их уже узнавать научился.

Дверь в домишко пришлось выбить пинком, благо она хлипкая. Внутри простенькая комната с койкой, парой старых кресел, полками и маленьким телевизором. Ни кухни, ни чего такого. Ели все вместе в гостиной? А что, очень может быть. Вон здесь разве что кофеварка на тумбочке. И еще похоже, что в домишке давно никто не жил, тут даже воздух затхлый, так и стоял закрытым, похоже. Нет теперь помощников по хозяйству, умерли все.

В генераторный сарай заглядывал с опаской, но ничего не случилось. Не утащило никуда, дверь не захлопнулась, и к тому же она с окошком, темноты все равно не получится.

А что за звук?

А это мотор. Откуда-то со стороны дороги, ее дом закрывает.

Рванул с низкого старта, к дому, к углу, присел, выглянул, чувствуя как колотится сердце и душа тихо в пятки уходит. Попал, похоже, из города или подслушали, или мои маневры увидели.

Выглянул из-за угла — пока не свернув на последнюю прямую, едет пикап на высокой подвеске, размалеванный по самое не могу. В бинокль разглядел — в кабине двое. По крайней мере всего двоих вижу. Это уже ничего, это лучше, чем если бы сюда целая колонна катила. И они на самолет смотрят, головы туда повернуты. Куда они сначала?

А в принципе, все равно куда, с этой позиции я могу маневрировать довольно свободно, включая и маневр огнем. Или прямо в дом забраться? Нет, в дом плохо, там все окна закрыты, придется шуметь и себя обозначать. Здесь останусь. Плохо, что кусты с деревьями совсем без листьев, не укроешься за ними, можно было бы очень неплохую позицию найти, тут вдоль ряда деревьев еще и дренажная канава тянется.

Спрятался, прислушиваясь. Мотор все ближе, теперь уже слышу, как под колесами камешки похрустывают. Куда они теперь? К самолету?

Нет, не к самолету, прямо во двор свернули, звук все громче, сейчас машина покажется...

Сейчас, сейчас...

Слышно, что скорость снизили.

Пешком надо идти досматривать территорию, идиоты, пешком.

Пикап, большой, черный, высокий, неторопливо показался из-за угла дома. До него метров десять, или меньше.

Два лица за окном, оба смотрят с каким-то изумлением в прицел автомата. У пассажира в руках «калашников», но ему в меня прицелиться не успеть уже никогда.

— Привет, — сказал я и потянул спуск.

М18 мягко дернулся и плюнул короткой очередью в лицо тому, что сидел на пассажирском сидении. Звук выстрелов эхом отскочил от стены и раскатился по полям. Брызнуло кровью, голова дернулась, а я продолжал стрелять, очередь, еще, еще, и так пока магазин не опустел.

Затвор на задержке.

Звук последних падающих гильз.

Перезарядка.

Машина медленно-медленно ехала вперед, явно никем не управляемая. Докатила до ангара, уперлась в простенок у ворот и остановилась, мотор продолжал работать.

Я даже оглядываться не стал, отсюда на километры видимость, так что знаю, что никто за ними не ехал и не шел. Просто побежал к машине, почему-то оттолкнув автомат набок на ремне и вытащив из кобуры револьвер.

«Рэм», и здоровый какой, край кузова чуть ли не на уровне моей головы. Не сводя ствола револьвера с окон, подбежал к кабине, дернул водительскую дверь, затем заднюю.

Водитель головой на руле лежит, кровь на пол льется почти что ручьем. Второй, тот что справа, вообще как-то пополам сложился, весь собрался в кучу между сиденьем и приборной панелью. На заднем сидении никого.

Схватив водителя за ворот кожаной куртки, потянул на себя — тело вывалилось из кабины, собралось окровавленной грудой у моих ног, кровь еще течет, голова нелепо вывернулась. От лица почти ничего не осталось, все пулями разнесено. Второй? Обежал машину по кругу, вытащил и второго. Он был грузен, бородат, длинные волосы собраны в хвост. От лица тоже почти ничего не осталось, оно нелепой мягкой маской сдвинулось в бок, словно стекая на землю. Одет в камуфляж, под распахнутой курткой черная майка с надписью: «Счастье — это груда теплых потрохов у твоих ног». Майка задралась, обнажив белое рыхлое брюхо.

— Это я не хозяев тутошних завалил? — спросил я сам себя вслух.

Да нет, какие-тут хозяйева?

На пикапе сбоку написано: «Видишь меня? Значит ты уже умер». Ага, фермеры. Колхозники, итить.

Снова обошел машину, протянул руку, заглушил двигатель.

Интересно, это все же за мной или у них на ферме какие-то дела были? Вообще-то надо меньше рассуждать и как можно быстрее сваливать. Только трофеи собрать.

У водителя был армейская М4 с пластиком непривычной камуфляжной расцветки. И с каким-то «ред дотом», так что пригодится. Магазинов с десятков, пистолет... не знаю такого, XD сорокового калибра, с пятидюймовым стволом. Пластиковая рамка, автоматический предохранитель... ага, сделано в Хорватии. Не, не встречал такого.

На заднем сидении большая сумка, дернул ее — о, тяжелая. Заглянул — внутри патронов полно. Закинул туда и пистолет, и автомат водителя. Уже с сумкой перебежал опять на другую сторону.

АК, без автоматического огня. Сделан... сделан в Болгарии. Складной приклад старого образца, как на АКМС, а вот компенсатор уже как на «семьдесят четвертом», или там «сто третьем». Интересное сочетание. Магазины? Блин, крови сколько натекло... есть магазины, шесть штук, пластиковые, полупрозрачные, через которые сразу видно, сколько патронов у тебя. А что, неплохо. В сумку, все в сумку. Что у него в кобуре на бедре?

Чуть перевернув труп, вытащил из кобуры пистолет. О, вот оно, да, то, что надо... «Девятнадцать-одиннадцать», серый, как-то отчетливо аккуратно сделанный, идеальные грани, деревянные «щечки» рукоятки. На рамке планка под всякие фонари, тоже очень хорошо. На затворе надпись «Баер Кастомз». И да, сорок пятый. Выбросил на ладонь восьмизарядный магазин, втолкнул обратно, сбросил предохранитель, убедился что патрон в стволе, прицелился в дерево, выстрелил. Отлично. То, чего мне так не хватало.

Нашел на убитом еще два запасных магазина, бросил туда же, в сумку, и подхватив ее с земли, побежал, насколько получалось теперь быстро, к самолету, заодно оглядываясь по сторонам, надеясь на то, что больше никакие расписные пикапы сюда не едут.

31

— Ты куда пропал?

Голос у Пикетта был злым и напряженным.

— Садился для досмотра, связь исчезла. Ферма пуста, есть следы вторжения и пятна крови, — решил я перевести разговор на главное. — Думаю, что людей увезли в Джетмор. Пока досматривал, имел боевое столкновение с бандитами, двое в минус.

— У тебя топлива на сколько?

— Еще пару часов могу порхать здесь свободно.

— Тогда иди к городу, наблюдай с безопасной дистанции. Старайся не иметь визуальный контакт с противником, докалывай обо всех изменениях. Если они попробуют сбежать — следуй за ними, но не подставляйся под огонь. Примерно через час тебя сменит Барри. Как понял?

— Понял все отлично, направляюсь к городу, — подтвердил я, направляя «фоксбэт» в плавный вираж.

Все верно, прощать такое нельзя. И ничего лучше воздушного наблюдения тоже не получится, в этих местах не укроешься, все как на ладони. Только вот что ночью делать будем? У меня «мопед» для ночных разведывательных полетов никак не оборудован. И самолет Барри, моего сменщика, тоже. Но не думаю, что в Гарден-Сити этого не учли, наверняка какой-то план есть. Или будет.

От города к северу ехал еще один пикап, на этот раз белый, и тоже расписной дальше некуда. Это ничего, я даже рад буду, если они следом за теми, с кем мне довелось пообщаться. Вроде как сюрприз им оставил. Пусть думают.

В городе тоже какое-то шевеление успел заметить, опять возле здания суда. Несколько человек стояли на улице, когда самолет появился — попытались стрелять, но именно что попытались. До меня несколько сот метров идвигаюсь я перпендикулярно линии прицеливания, поди определи дистанции и упреждение. Я лишь чуть приподнялся и ушел еще

в сторону, вроде как продолжайте пытаться. Но они больше не пытались.

Ага, вон где их машины — как раз напротив суда что-то вроде сборного склада из алюминиевых панелей, как раз туда заехал большой черный джип. Хотели спрятаться, похоже, но я некстати прилетел.

Лег на очень широкий круг с легким креном, такой, чтобы и наблюдать в бинокль удобно было, и в то же время в меня не попасть. Минут через десять такого кружения меня попытались обстрелять из пулемета и да, напугали малость, я еще подальше смылся, наблюдая уже за улицами. Ну и попутно докладывая все, что замечал.

Заметил и тот белый пикап, что уезжал из города, он принесся обратно, я думаю, на максимальной скорости. Даже увидел, как он нырнул в ангар. Интересно, увидели трупы своих?

Чуть больше чем через час над гордом появился самолет Барри — такая же летучая табуретка, вроде моего. Обменялись приветствиями по радио, покачали крыльями, я направился на аэродром, стараясь держаться над шоссе. Черт его знает, навигатор навигатором, но вот как-то спокойней, когда и землю видишь хорошо, и на ней ориентиры. Может, подсознательно жду того, что вот Тьма окончательно навалится, и тогда всякая радиосвязь пропадет, как в Отстойнике, или ослабнет до невозможности, и вместе с ней навигация.

Так, а вот это уже интересно: по дороге быстро двигалась колонна бронетехники, причем с десятков машин. Уже знакомые восьмиколесные бронетранспортеры, так до сих пор и не знаю, как они называются, и «хамвики». И грузовик с тентом. И за «хамвиками» минометы на прицепе. Всерьез взялись все же. И народу неожиданно много, к слову. Призвали ополчение? Наверное.

Пикетта на аэродроме не было, он сейчас командовал из города, но план следующего полета для меня уже был готов — сменить Барри над Джетмором. Мне его передал Эрл, тот самый усатый толстый мужик, с которым я познакомился на аэродроме в Боулдере. Но до вылета еще далеко, часа три у меня есть на отдых и прочее.

— Откуда это все? — не понял Эл, когда принимал у меня машину.

Сказано это было про сумку, набитую оружием.

— Нашел. Увидел сверху и поднял, — пояснил я и потащился с ней к терминалу.

После перестрелки и всплеска адреналина жрать хотелось дико. Поэтому я сперва умял весь свой ланч — два чизбургера с беконом, все же набив брюхо. Потом взялся разбирать трофеи. Сначала взялся за «калашников» и обнаружил, что он почти новый, тщательно вычищен и ухожен. А глядя на его хозяина, такое и не скажешь. Это уже от рождения, наверное, культура обращения с оружием. Пистолет, M1911, тоже был «чист как свисток», как выражаются американцы. То есть вообще ничего делать со всем этим не надо, разве что автомат пристрелять. Нет, я думаю, что он и пристрелян, но надо будет глянуть, куда и как.

Пластиковый хорватский пистолет меня заинтересовал меньше, не знаю я, что это такое. Калибр хороший, мощный, а вот само оружие — черт его знает. Может быть и хорошее. Автомат M4 тоже был хоть куда, вполне новый и чистый. Куча магазинов к нему. И патронов в сумке до черта, ко всем стволам. К автоматам так примерно по тысяче в запасе. И магазины полные опять же. Они ведь ни разу стрельнуть не успели.

Снял с М4 «ред-дот», рассмотрел повнимательней. «Aimpoint Micro T-1» — маленький, легкий, сделанный очень солидно, на прямом высоком кронштейне. Ничего лишнего, справа разве что барабанчик настроек яркости. Переставил его на свой автомат, приложился, поводит стволом — а чего, отлично, то, что и надо.

Оттащил сумку в машину, уселся за руль и рванул к уже известному мне холмику, снова запасшись пустыми банками и бутылками из помойки. На выезде предупредил, что опять стрелять буду. Никто и не возражал.

Прицел понравился, с ним целиться куда быстрее получалось. И М1911 понравился, я его вместе с трофейной кобурой себе на бедро нацепил, вместо револьвера. Нет пистолета удобней и прикладистей чем вот этот старый американский кольт. Ну не придумали еще. Хорватский пистолет впечатлил меньше, естественно. И еще я, подумав, решил его вообще никому не показывать, у меня на него другие планы.

Потом снова летал, кружил над Джетмором, где уже явно были заметны признаки беспокойства. Какие-то люди, мужчины и женщины, время от времени бегали по улице, несколько раз в меня пытались стрелять. Пока летел сюда, видел часть виденной до этого колонны — минометы занимали позиции уже возле самого городка, километрах в четырех. Занимали под прикрытием двух бронетранспортеров, но огня пока не вели. Куда делась вторая половина колонны — не знаю, хотя некоторая теория на этот счет у меня есть.

Потом меня быстро отозвали, а в небе над городком появился совсем другой самолет — вроде обычная «сессна», но с маркировкой ВВС. Корректировщик, судя по всему, потому что как только она появилась, минометы открыли огонь. Над городом поднялись клубы дыма и пыли. Похоже, что план состоит в том, чтобы вытолкнуть банду из города в чисто поле. Не уверен, но мне так кажется, потому что для наземной атаки сил здесь не хватит, да ее и не планируют явно.

Потом меня быстро отозвали, а в небе над городком появился совсем другой самолет — вроде обычная «сессна», но с маркировкой ВВС. Корректировщик, судя по всему, потому что как только она появилась, минометы открыли огонь. Над городом поднялись клубы дыма и пыли. Похоже, что план состоит в том, чтобы вытолкнуть банду из города в чисто поле. Не уверен, но мне так кажется, потому что для наземной атаки сил здесь не хватит, да ее и не планируют явно.

Развернувшись, пошел обратно на Гарден-сити. Вроде бы все, но придется все равно дежурить на аэродроме, меня об этом заранее предупредили. Ничего страшного, в общем, там есть комната, где поспать можно, а заодно не надо будет ничего для Люси придумывать. Усиление, повышенная боевая готовность, дежурство — причины одна другой уважительней. Надо бы только сгонять за лэптопом в отель, закончу тогда уж с отчетом.

После посадки пришлось отпрашиваться у Эйба, который взял бразды правления на аэродроме в свои руки.

— Полчаса, туда и обратно, — уверил я его.

— Не дольше, пожалуйста, — буркнул он сквозь усы недовольно.

— Кстати, а зачем я вообще здесь? — решил я все же уточнить. — К ночным полетам моя машина непригодна, опыта такого у меня тоже нет, зачем я на аэродроме?

— Порядок такой, — последовал исчерпывающий ответ.

Ну, с «порядком» не поспоришь, это точно.

Загрузился в машину и рванул в город, чтобы времени не терять. И заодно мне нужно к завтрашнему дню подготовиться. Планы у меня на него. Если бы в мотеле ночевал, то там бы собрался, а теперь так не получается.

На входе в мотель наткнулся на Пикетта, очень торопящегося. Даже не поздоровались, он лишь сказал: «Некогда, там ополчение собирается, все потом!» — и побежал к полицейской машине, за рулем которой сидел какой-то крупный черный парень в камуфляже. Затем круизер местного Пи-Ди включил люстры, рванул с места, с визгом заложил разворот и умчался в сторону центра города.

Ага, может оно и к лучшему, пока тут вообще ни до чего другого. Забежал в номер, быстро побросал в сумку те вещи, что висели в шкафах, туалетные принадлежности, все упаковал. Собрал все оружие, что там было, затолкал в другую сумку. Все, вроде. Многовато получилось, но ладно, я еще на этом самом дежурстве подумаю об упаковочном листе, может еще и коррективы внесу.

Так, ничего не забыл? Черт, лэптоп же, специально ведь ехал. Его со стола, тоже с собой. И бегом вниз. На ресепшене не было никого и очень хорошо, нечего лишнее внимание мешками привлекать, хоть у меня номер еще до конца недели оплачен. Забросил сумки в кабину, на заднее сидение, влез за руль... потом подумал, плюнул на срочность и пошел в дайнер, поужинать. Вот крест на пузе, что ни одна живая душа на аэродроме меня так и не хватится. И кстати, Люси бы тоже надо будет позвонить, хотя бы из вежливости. Да, обязательно позвонить.

Подошел Эрл, уже привычно спросил:

— Стейк?

— Хорошо прожаренный, — кивнул я. — И...

— Пива?

— Нет, просто минеральной.

Дежурство все же, ну черт его знает, что там придумают, чтобы занять личный состав.

Усевшись у окна, увидел, как к мотелю подъехал знакомый красный «Эвэнджер». Ну вот, даже звонить никуда не надо.

Люси была в форме, в руках сумка с лэптопом. Увидев меня не удивилась, мой пикап стоял прямо у входа, слепой заметит.

— Тебя на аэродроме вроде оставить собирались, — сказала она с ходу.

— Откуда знаешь? — удивился я.

— Я все знаю, я же в штабе, — улыбнулась она. — Кстати, а как ты здесь оказался?

— Отпросился на полчаса, все равно я там никому не нужен.

— А успеешь за полчаса?

— Смотря что, — ответил я многозначительно.

— Поужинать, — сказала она, напустив на себя суровый вид, и уселась напротив. — Я тоже отпросилась, есть хочу. Мне сказали, что ты сегодня с кем-то пострелять успел?

— Ага, было такое. Сел досмотреть ферму, а тут приехали двое на пикапе. Ну и нарвались.

— Ты как-то спокоен, — сказала она, глядя на меня оценивающе. — Практика?

Догадалась. Практика, верно. Как-то мой недолгий период пребывания в Отстойнике кучеряво прошел, пострелять довелось много. И не всегда мимо цели. И верно она заметила, я ведь этих двух сегодня положил, а думаю о своих делах, про ужин думаю, про то, что нафиг я на дежурстве не нужен, а вот об убиенных мною не думаю совсем. Не думается мне про них, незачем думать.

— Практика. Ну и вообще я бесчувственный болван.

— Мне так не показалось.

— Умело скрываю.

— Скучал по мне?

Нет, не скучал. Но вслух этого не скажу.

— Конечно.

— Мне и это не показалось, — коротко усмехнулась она.

— Сильный, молчаливый тип, — описал я себя кратко, для убедительности постучав пальцем по груди. — Нельзя проявлять эмоции, а то весь образ разрушится. Крутые парни не танцуют.

— Фильм смотрела, он совсем про другое.

— Фильм? — немного удивился я. — А я только роман Мейлера читал.

— Мейлер сам же его и снял, как режиссер. У меня есть диск, заедешь — возьми, если хочешь. Кстати, признан худшим фильмом восемьдесят девятого, что ли, года. И взял все призы за худшие роли.

— Спасибо. Большое спасибо. А роман неплохой.

— Когда заедешь?

— Насколько я понял, ты это знать лучше чем я должна. Когда?

— Говорят, что завтра все должно закончиться.

— Ну, вот завтра тогда и заеду.

32

Разумеется, тот факт, что я вернулся не через полчаса, а через полтора, прошел совершенно незамеченным. Никем. На аэродроме ошивалось еще десятка три человек. Кто-то как я, без

всякого дела, а кто-то был занят вполне всерьез. А именно экипажи вертолетов, двух маленьких, с подвесными «миниганами», не знаю, как они правильно называются. Потом вертолеты вдруг снялись разом и исчезли в темноте, день уже закончился. Кто-то сказал, что их посадят где-то совсем рядом с Джетмором, дозаправят и уже там они будут ждать команды на атаку. Все верно, лучше и не придумаешь. Только не маловато ли их даже на одну колонну? Я так понял, что банда немаленькая, а вооружение двух этих летучих пузырей впечатляющим не выглядит.

Загадка разрешилась позже, примерно через час. Я как раз стоял у здания терминала, попивая минералку из большой двухлитровой бутылки, когда услышал низкий и солидный гул, идущий откуда-то с юга. Затем в темноте показались навигационные огни, и на полосу нашего захолустного аэродрома тяжело опустился большой самолет с прямыми крыльями и гонящими ветер большими винтами.

— Ганшип, — сказал кто-то у меня за спиной. — «Спуки-Два».

Я оглянулся и увидел Эйба в компании с каким-то крепким мужиком в камуфляже. Говорил этот самый мужик, которого я пару раз видел в городе, но знаком с ним не был.

— Пятиствольный «Уравнитель» калибром почти в дюйм, сорокамиллиметровая автоматическая пушка и еще одна пушка, в сто пять миллиметров, — мужик усмехнулся. — Это к тому, что мы все же остаемся страной, а они, — он мазнул рукой куда-то в сторону темного горизонта, — остаются лишь тупыми сумасшедшими ублюдками. И никто с ними в так называемый «честный бой» вступать не намерен. Птичка прилетела сюда с базы Кэннон, что в Нью-Мексико.

— Минометы выкурят их из города, бандиты побегут, «кайовы» их отследят и наведут ганшип? — решил я проверить свою догадливость.

— «Кайовы» подстрахуют, — покачал тот головой. — Наводить будет «сессна», ты ее видел сегодня. Банда побежит ночью, они всегда перемещаются ночью в таких случаях. Кстати, нам это даже удобней, а вот они ничего не будут видеть. Я же говорю, что это тупые бешенные ублюдки. Кстати, ты завалил двоих, я слышал?

— Было такое, — не стал я отнекиваться.

— Ну, ты ковбой, — хлопнул меня по плечу мужик. — Увидимся — с меня пиво. А вообще их тоже надо было скормить ганшипу.

Вокруг большого самолета началась суeta, его дозаправляли. Подкатил грузовик с цистерной, какой-то пикап, не знаю, что он там делал, в общем, все были заняты. А я пошел обратно в терминал и засел за написание отчета, все равно больше делать нечего. Припомнил примерно порядок глав в брошюрке за авторством Милославского и стал напропалую их плагиатить, ничуть не стесняясь.

Классификацию тварей по видам, естественно, пришлось опустить, напрямую тутошних и тамошних соотносить было бы трудно, но и у покойного профессора описание тварей шло приложением. С этим уже тут сами разберутся, не маленькие. Отметил только то, что «демоны» явно управляют «гончими». Наше совместное с Люси приключение меня в этом убедило полностью, «демон», послав по наши души двух ручных тварей, сам намеревался отсидеться. Ничего подобного в Отстойнике мне встречать не пришлось.

Текст писался бодро, хоть и немного косноязычно, все же английский у меня не родной. С

грамотностью «спелл чек» помогал, с этим уже проще. Увлёкся так, что даже не услышал, как ко мне подошли сзади. Рука обхватила за шею, губы прижались к уху, знакомый голос прошептал:

— Соскучился?

— Конечно, — я не слишком жарко поцеловал Люси в губы. — Садись. Как ты здесь оказалась?

— Привезла какой-то конверт. А если точнее, то напросилась привезти конверт, а сама к тебе. Как ты здесь? Устал?

Ну и зачем же ты напросилась, а? Мне тут всего день... ну два от силы осталось, потом я тебя брошу и забуду, ну нет у меня ничего к тебе, хоть ты и милая, и симпатичная, и при других, совсем других обстоятельствах у нас бы, скорее всего, что-то вышло. Но сейчас не выйдет ничего, и я не хочу, чтобы что-то выходило, и я не хочу даже вспоминать про ту ночь, что у нас была, потому что пытаюсь себя убедить в том, что не было ничего.

Но при этом ты вбила себе в голову, что я тот человек, который тебе нужен. Сейчас у нас все будет хорошо, твоя жизнь наладится и у тебя больше не будет необходимости стричься почти наголо. Пусть ты мне и не объяснила, зачем это сделала, но я и так понял. И уверен, что не ошибся. Ты сама не скрываешь, что тебе в этой жизни одиноко, страшно, ты вцепилась в меня как утопающий в спасательный круг, а я никакой не круг, я обманка, я могу только окончательно утопить. Вот у нас сейчас все начнется, а потом я просто исчезну, наплевав на все чувства и сантименты. Ну зачем это тебе, а?

— Нет, я же бездельничаю.

— А это? — она показала на компьютер.

— Это для Пикетта, он попросил. Как раз за сегодня и закончу, раз тут сижу.

— О чем это?

— Про то, как твари приходят в подвалы.

— И ты... так открыто об этом? — она даже оглянулась по сторонам, не подслушивает ли кто.

— Пикетт немного знает обо мне. Не все... далеко не все, но что-то, совсем немножко. Нельзя молчать, если я знаю обо всем этом намного больше, чем все остальные. Копию ему, вторую тебе. Можешь сделать карьеру на борьбе с угрозой, — я улыбнулся, вроде как подчеркнув, что последняя фраза была сказана в шутку.

— Ты сам ее можешь сделать, — вполне деловито сказала она. — Организуй фирму по... как это назвать... просвечиванию подвалов и темных мест. Возьми подряд у города, я помогу договориться, тебе будут хорошо платить. И не надо будет постоянно летать.

— Отличная мысль.

— Точно? — обрадовалась она.

Да точно, точно. Великолепная была бы мысль, если бы я здесь остался. С Настей. А заодно открыл бы филиалы в других городах и вскоре стал бы новым миллионером в Анклавах. Я не шучу, я в этом уверен. И ведь жить здесь можно куда лучше чем в Отстойнике, даже в этом

захолустном канзасском городке. Иметь свой большой дом, хорошую машину, дружелюбных соседей — что еще нужно? А можно переехать куда-то южнее, где вечное лето и синее море... в мечтах.

— Конечно отличная. Как закончу с этим всем, поговорим об этом подробно.

Интересно, от такого вранья карма портится?

Люси села на стол прямо передо мной, поставила ногу на край стула, на котором я сидел. Я обратил внимание, что она почему-то не в форме. Крутка, джинсы, ковбойские сапоги. От сапог пахнет сапожным же кремом, чувствую слабый запах.

— Я намерена в партнеры, — подняла она палец для внушительности сказанного.

Понятно, что намерена. Здесь даже слов «муж» и «жена» избегают, предпочитают говорить «партнеры», чтобы не лажануться.

— Сначала надо продумать все как следует, — сделал я вид, что не понял намека.

— Конечно, — она выглядела теперь слегка разочарованной.

Я положил ладонь ей на бедро, просто... ну просто взял, да и положил. Даже актерствуя, надо знать меру. И изображать бесчувственного чурбана тоже легко до определенного предела. И еще плохо то, что она хороший человек, а не какая-нибудь стерва или не знаю кто. Хорошему человеку хочется делать что-то хорошее, а ей ничего кроме вот этого самого больше и не нужно. Ее ладонь, маленькая, с немного коротковатыми пальцами, накрыла мою. Я разглядел веснушки на ее тыльной стороне. У нее вообще по всему телу веснушки. Странно, а на зиму они не должны исчезать?

Посидели, даже ни о чем больше не говорили. Ей и так, наверное, нормально было, а мне и говорить ни о чем не хотелось, сколько врать-то еще можно? Потом она уехала, сказав:

— Как освободишься, приезжай сразу ко мне, в мотель не надо.

— Я только завтра освобожусь, мы все здесь ночуем.

— Ну, когда завтра освободишься. А так я на работе пока все это не закончится.

И уехала.

А я вздохнул с облегчением.

Вскоре после этого от гула двигателей «Спуки» задрожали стекла и большой самолет, покинув аэродром Гарден-Сити, улетел в темноту. Стало тихо.

33

Выспался я так себе, долго просидел над отчетом. А разбудили меня и еще несколько человек, спавших в большой комнате на раскладных койках, в восемь утра. Эрл разбудил, громогласно объявив:

— Все закончилось! Банда ушла из Джетмора на север, возле Уокини их накрыл ганшип, а вертолеты добились разбежавшихся. Вертолеты уже здесь, ганшип на пути на базу, патрульные проверяют город. Кино закончилось, возвращаемся к своим делам.

Все зашевелилось, послышался скрип коек, кто-то кашлял, как всякий застарелый курильщик с утра, кто-то чесался, в общем, появилось давно забытое ощущение того, что находишься в казарме. Ну и запах соответствовал.

— Если к делам, то я сегодня выходной, — напомнил я на всякий случай, чтобы не забыл никто. — Барри, ты летишь, так? — повернулся я к своему сменщику, сидевшему на соседней койке и усиленно старавшемуся проснуться.

Барри, тощий, невысокий, жилистый, с бородкой «готи» и короткими, подстриженными на военный манер волосами, сейчас одетый в роскошные расписные боксеры и майку с надписью: «Убей бобра, спаси дерево!» — вслух ничего не сказал, но усиленно закивал головой. Подтвердил, так что хорошо, никто дергаться не будет. Вообще-то выходной не по графику, но я с ним договорился на подмену. Мне сегодня весь день нужен свободным.

— Эрл! — окликнул я собиравшегося выйти из комнаты начальника. — Мар когда должен вернуться?

— Обычно к полудню прилетает, а что? — обернулся толстяк.

— Ничего, поговорить нужно просто. Спасибо.

Встал, пригладил волосы, заодно подумав о том, что неплохо было бы сегодня зайти в парикмахерскую, оброс совсем. Да и бороду можно будет ко всем чертям сбрить. Но это уже завтра, если сегодня все срастется так, как я запланировал.

Попрощался со всеми и вышел на улицу, к машине.

Восемь утра, еще сумерки, но день обещает быть солнечным, похоже. Впрочем, сегодня мне все равно, мне бы завтра погоду по-настоящему летнюю, чтобы никаких проблем дополнительных не возникло.

Уже привычный рывок по шоссе к просыпающемуся городу, стоянка у мотеля. Стая чирикающих воробьев у крыльца, за ними наблюдает худой полосатый кот, прижавшийся к земле и нервно подергивающий кончиком хвоста. Когда подъехала моя машина, воробьи всей стаей взлетели, и кот укоризненно посмотрел на меня, мол, охоту ему всю поломал.

— Ну извини, — развел я руками, выбравшись из кабины. — В другой раз повезет, Вася.

Никто, естественно, не поинтересовался, чего это я со всеми сумками вчера свалил. Поднялся в номер, пустой и теперь какой-то заброшенный, помылся, побрился, бороду не тронул. Вышел, повесив на ручку двери табличку «не беспокоить». А то если уборка будет, могут что-то заподозрить. Не думаю, что из этого могут возникнуть какие-нибудь проблемы, но все равно лишняя предосторожность не помешает.

В дайнере опять столкнулся с Пикеттом, чему уже совсем не удивился, он здесь каждое утро завтракает. Поздоровались, я подсел к нему в кабинку. Пикетт был вымотанным, сонным, небритым, явно с работы.

— Так ты зачем вчера в драку на земле полез? — спросил он сразу, стоило мне усесться со своим кофе напротив него.

— Больше для практики.

— Практики чего? — спросил он с явным недоумением.

— Посадки на шоссе на самом деле. Я не думал, что на ферму кто-то приедет, был уверен, что один.

— Вообще-то от тебя требуется выполнять работу, а не практиковаться, — напомнил он мне. — Тебе платят за работу.

— Я в курсе. Больше не повторится, — решил я не спорить. — Что с людьми с фермы случилось?

— Бандиты забрали. Всех мужчин нашли в Джетморе, их там... разделали как скот их там. Четыре человека. На ферме были две женщины, пока не нашли. Возможно их увезли с собой, но точнее узнаем после осмотра остатков колонны, пока информации нет.

— Но мертвы они в любом случае, так?

— Скорее всего.

Я достал из кармана парки оптический диск в конверте, протянул Пикетту.

— Сделал все, как обещал. Инструкция буквально что пошаговая. Там, где я был, все эти правила работали хорошо. Да, и решетки всем на окна срочно надо поставить, потому что дальше будет хуже, я уверен.

— Хорошо, спасибо, — кивнул он и убрал диск в карман. — Кстати, ты разве сегодня не летаешь?

— С Барри поменялся, что-то не очень себя чувствую.

Пикетт просто кивнул, потом откусил большой кусок поджаристого тоста с джемом, захрустел, глядя в окно. Сумерки ушли, утро было солнечным и каким-то оптимистичным, что ли.

— Это первый такой набег был? — прервал я молчание.

— Второй. Первый был с месяц назад. Тоже ганшип прилетал. Только тогда банда остановилась на ферме, так что их вместе с ней с землей и перемешали, — Пикетт вздохнул, помотал головой, словно отгоняя назойливое видение. — Сколько раз говорили, чтобы не селились с той стороны города, в крайнем случае совсем близко. Банды звереют, становятся активней, при этом бандитов много, сопротивляться не получится — и все равно без толку. Кто-то уединения ищет, кто-то вообще черт знает чего. Из бандитов минимум половина с Синдромом, они конченные психи — все равно не доходит. С этими погибшими я сам месяц назад разговаривал, после того, как ту ферму вырезали — никакого результата. Тогда никакого, а сейчас сам видишь.

— А они здоровые?

— Пятеро здоровых, одна женщина с Синдромом, но они для нее сыворотку здесь брали, так что можно считать тоже здоровой.

— А сыворотка насколько хорошо работает? — заинтересовался я.

Пикетт закинул в рот остаток тоста, дожевал, запил кофе, потом сказал:

— Прекрасно работает. Пока она есть, никаких симптомов не бывает. Здоровый нормальный человек. Но излечению это не поддается. Пока. Нет сыворотки — все обратно возвращается.

— А те, кто с Синдромом, они действительно так уж страдают?

— Многие только поначалу, — Пикетт повернулся к стойке и показал Эрлу пустую чашку, тот кивнул и направился к нам с кофейником. — Потом втягиваются в новую жизнь. Таких можно колоть, симптомы исчезнут, но мозги уже не исправишь — маньяки. Один у нас сидел такой здесь в тюрьме, разбил себе голову о решетку, все орал, что убивать хочет. В общем, таких уже только истреблять, ничего не поделаешь.

— А много людей с Синдромом в Анклавах?

— Много. Точно не скажу, но много. Сто тысяч, двести... не знаю, много. Многие слышат передачу по радио и приходят. Не всем хочется жить так, как эти. Да у нас в городе таких около сотни, ты ведь даже не замечаешь их, так? Ходят в госпиталь раз в неделю, получают свой укол, живут как все люди.

Хм, а вот этого даже не знал. Интересно, кто бы это мог быть? Хотя... раз несколько попадались лица с маленькими красными пятнами на скулах, но я думал, что это остаточное что-то после суперкори. Да оно и есть остаточное на самом деле.

Дальше разговор как-то увял, Пикетт быстро выпил вторую чашку кофе и уехал, с его слов, отсыпаться после нелегкой ночи, а я остался за столом.

Времени до полудня, того времени, когда должен был прилететь Мар, оставалась еще прорва, так что я проехался сначала к госпиталю, посмотрев, через какой подъезд заходит на работу Липперс, потом снова прокатился к его дому, проскочил вокруг квартала, вроде как окончательную рекогносцировку провел.

Потом поехал к аэродрому. Поздоровался с охраной, сказал, что собираюсь пострелять, чем уже вообще никого не удивил, и отъехал к «своему» холму, в очередной раз набрав банок и бутылок. Оглянулся — отсюда отлично просматриваются и стоянка машин, и самолетов. И прилет Мара незамеченным не окажется. Достал из сумки «беретту», которая теперь сдвинулась в списке в бесконечно запасное оружие, и начал очень неторопливо постреливать по мишеням. Мне теперь главное время протянуть.

Солнце пекло все жарче, ветра тоже почти не было, я даже скинул парку и надел темные очки. Банки подпрыгивали и катились по глинистому склону, я их подбирал, расставлял обратно, снова сшибал. В общем, время проводил. Отстрелял магазин из «глока» и остался совсем недоволен. Я вроде бы далеко не маленький, но рукоятка этого «кирпича» для моей руки великовата. Причем настолько, что если держать пистолет двумя руками плотно, ноги правой ладони впиваются в левую. Пусть они у меня и под край острижены, но если стрелять долго, это будет мешать. И спуск какой-то дурацкий. И из-за него все время точку попадания влево тянет.

Чуть позже полудня послышался звук самолетного двигателя и на посадку зашел знакомый «Матрикс», мягко сел на полосу и покатил к месту стоянки. Стрельбу пришлось прервать и взяться за бинокль.

Липперс вышел из самолета один, той женщины, что улетала вместе с ним, не было. Все в том же камуфляже, все с той же сумкой в руках. Нигде не задерживаясь, он дошел до машины — белого не слишком нового «Эксплорера», и уехал с аэродрома. Ну и я сразу же свернулся и

поехал следом, стараясь держаться от Липперса подальше.

«Эксплорер» ехал на удивление неторопливо, причем по пустой дороге, так что следить за ним было и просто, и по-своему сложно, потому что подозрительный человек бы подумал, что ехать так же медленно вряд ли кто-то еще будет. К моему удивлению Липперс сначала заехал в мой мотель. Оставил машину на стоянке, зашел внутрь. Я проехал чуть дальше, свернул в переулок, остановился, вышел из машины, выглянул из-за угла. Долго ждать не пришлось, минут пять от силы, после чего Липперс вышел на улицу с пакетом из дайнера в руках. Ну да, оголодал во время полета, купил что-то у Эрла на вынос.

Я вернулся в пикап, дождался, пока машина Липперса проедет мимо, и неторопливо поехал следом, отпустив его как можно дальше. Не потеряется, да и догадываюсь я, куда он едет. Ну и не ошибся, в общем, Липперс припарковал свой «эксплорер» на стоянке у административного входа в госпиталь, выбрался из кабины, неся в руках портфель и пакет с едой, и исчез за дверями. Все, прилетел он обратно, его машину уже знаю. Какой-то прогресс налицо.

Теперь что? Теперь ничего, ждать его надо. И мельтешить как можно меньше.

Доехал до библиотеки, бросил машину на стоянке. Она просторная, еще машины четыре на ней стоит вразброс, так что моя в глаза не бросается. Вытащил сумку с тем, что мне скоро понадобится, огляделся — нет, никто за мной не наблюдает. Повесил ее на плечо и пошел. Не прямо к дому Липперса, разумеется, а в обход здания библиотеки, а то если кто меня сейчас видит, то удивится, на кой черт я поставил машину сюда, а пошел в совсем другом направлении. Места для парковки в этом городке везде с избытком.

Обошел библиотеку, не встретив ни единого прохожего, потом на улице пропустил пожарную машину, вернулся к нужному кварталу, затем зашел в проход между дворами, в тот, что заглядывал тогда, когда впервые осматривал место. Дошел до забора участка того самого дома, что осматривал раньше, огляделся снова, и убедившись, что за мной никто не наблюдает, перемахнул через забор. Присел, прислушался. Тихо, только ветер и птицы, где-то далеко отсюда работает циркулярная пила, что ли. Машина проехала, но даже не по этой улице, грузовик. Нормально, тихо вошел, кажется.

Так, теперь забор. Две... нет, три доски надо снимать. Ничего сложного, они здесь просто на гвоздь посажены и его отжать с этой стороны — никаких проблем. Суетиться не будем, торопиться тоже. Вообще с перчаток начну, мои пальчики в местных базах данных есть.

С досками провозился минут пятнадцать, просто потому, что избегал шума, давил по чуть-чуть. Снял все три, затащил во двор, сложил у стены дома. С улицы эта дыра вообще заметна не будет, она выходит на боковую стенку сарая Липперса. Если только он сам внимание обратит и пойдет посмотреть, но мне это так и лучше даже.

Дверь... дверь так и осталась открытой, никто не заходил и пластырь не снял. Вошел в кухню, принялся... ну да, жить здесь точно рановато, пованивает. Ладно, выдержу. Достал из кармана камуфлированную флисовую шапочку, раскатал ее в маску. Не забыть надеть когда до дела дойдет, мне бы анонимность сохранить неплохо. Не уверен, что получится, но вдруг... Плевать, что сбежать собираюсь, мало ли как получится.

Дверь оставил приоткрытой, так и по замыслу должно быть, и пусть свежий воздух попадает внутрь. Так, свой пистолет в сумку, больно он заметный, взамен вытащил короткий «таурус», тот самый, что еще в Грэнби нашел. Для моих задач вполне достаточно, и не видел его на мне еще никто, кажется. Никаких лишних деталей. И все, теперь просто ждем.

Ждать я умею, к счастью, сколько угодно. Могу вот так сесть и сидеть, думая о своем, час за часом, не суежась, не нервничая и не мотая себе нервы. Надо ждать — будем ждать. В принципе, самое важное качество для снайпера, правда, я не снайпер. Хотя и могу немного по этой части.

Можно еще дом осмотреть, узнать, кто тут раньше жил. Еще вон книги вижу в гостиной. Немного, сплошь в мягких обложках, но есть какие-то. Подошел, присел у шкафа с застекленной дверкой, за которой виднелось с десятков корешков... нет, не пойдёт, все сплошь женские романы, с цветами и целующимися профилями на обложках.

У самой прихожей большая тумба, на ней несколько фотографий в рамках. Толстая женщина в очках, в растянутой майке и широких шортах, открывающих жирные колени, рядом с ней такой же толстый мужчина, только вместо майки клетчатая рубашка с коротким рукавом, а на голове кепи с гнутым козырьком. С ними толстая девочка в очках, похожая на папу. Стоят у входа в Диснейлэнд. Фото папы на фоне каких-то тракторов и вывески с надписью «Джон Дир». Папа в белой сорочке с короткими рукавами и темном галстуке, волосы зачесаны набок чтобы прикрыть заметную лысину. Ага, и стоит он на фоне доски «Работник месяца», где сейчас висит его портрет. Похоже, что он тракторами торговал. Фото всего класса девочки, она там сидит справа в первом ряду, рядом с молодой учительницей в больших очках. Та же девочка, но пока помладше и постройнее, рядом с розовым велосипедом с белыми крышками. Девочка с выводком котят.

А остался от них лишь запах мертвечины в доме. Жуть какая, даже думать об этом нехорошо.

Взял кресло, перетащил в кухню, поставил напротив окна. Сел — как раз глядеть поверх подоконника получается, а меня в такой позиции даже случайно в доме не разглядишь. Так и буду сидеть. Потом еще корзину для белья подтянул, поставил перед креслом и на нее ноги водрузил. Так совсем удобно будет.

Примерно через час такого сидения обнаружил, что в приоткрытую дверь заглядывает собака. Не большая и не маленькая, а так, обычный дворовый барбос нелепого вида и нелепого цвета. В дверях он замер, уставившись на меня небольшими темными глазами. Взгляды встретились.

— На запах навелся? — спросил я негромко и вытащил из кармана «глок».

Стрелять здесь нельзя, но мне почему-то подумалось, что бродячие собаки в этих местах должны быть знакомы с оружием. Угадал, собака рванула с места, и я услышал, как она пробуксовала на повороте. Теперь не вернется.

Иногда машины проезжали. Пешеходов почти не было, раза три всего и видел. Потом какая-то компания на крыльце библиотеки, человек пять всего, долго, минут двадцать стояла и болтала. Я даже немного беспокоиться начал. Пусть до них и метров сто, но если Липперс сейчас подъедет, то могу помешать. Но не помешали, разошлись по машинам, и стоянка у библиотеки как-то враз опустела, только мой пикап и остался.

Потом все же взял какой-то из женских романов, попытался читать, но сосредоточиться на тексте не удавалось. Понял только, что она красивая и подает надежды, но подает их где-то не там или надежды не те, а он тоже красивый и со своей женой несчастен. Почему-то вспомнилась толстая женщина в очках с фотографий, захотелось узнать, была ли она счастлива со своим толстым мужем? А толстый муж с ней? Потому что если они были счастливы, то они снова вместе там, где они есть, и плевать им на то, толстые они, или нет. И девочка с ними, толстая. А может в тех краях вечной охоты все толстые и это и есть идеал красоты.

Машину, белый «эксплорер», увидел издали, с перекрестка за следующим кварталом. Вскочил, натянул маску, придвинулся ближе к двери, присел, продолжая выглядывать в окно.

Липперс, а за рулем был именно он, ехал все так же медленно, как и днем. Кроме него в кабине внедорожника никого не было. Машина проехала мимо библиотеки, плавно свернула на подъездную дорожку к гаражу. А я уже выбежал во двор и замер у дыры в заборе, затаив дыхание и держа пистолет стволом вверх.

Так, теперь он может или загнать машину в гараж, или так и бросить ее на подъездной, так многие делают. Дверь в гараж наверняка без всякой электрики, ему может быть просто лень ее открывать, а машину все равно не угонят.

Двигатель «эксплорера» заработал совсем близко, эхо заметалось между домами, запахло выхлопом. Открылась водительская дверь, движок все работает — точно будет в гараж заезжать. Даже лучше, все намного проще... если не облажаюсь. Нельзя облажаться, не должен я. Вот загремела дверь, она здесь вверх поднимается, шторкой. Снова хлопнула дверь, слышно как переключились передачи. Захрустели покрышки, звук снова изменился — машина медленно заезжала в гараж.

Я выбрался из-за забора, огляделся — никого. Перебежал к углу гаража, пригнулся так, чтобы меня в зеркало заднего вида из салона не увидеть было. А в боковые он сейчас не смотрит, он следит за тем, чтобы передним бампером не упереться в стену. Снова спрятался. Только бы по улице сейчас кто-то внимательный не шел. Перебежать прямо за машину? Нет, заметит и просто задний ход даст, вот будет всем весело.

Все, встал. Слышно, как он сдвинул рычаг коробки передач, в «паркинг», двигатель заглох, накатила тишина. Громкий как выстрел щелчок замка в двери, затем дверь захлопнулась, еще громче.

Сейчас, сейчас...

Шаги, сопение, он даже что-то напевает.

Шторка ворот поехала вниз. Это значит, что он нагнулся.

Вперед!

Он ко сейчас мне головой, не задницей, согнутый пополам, даже дернуться успел, но поздно, я уже схватил его за воротник парки, сунул «глок» в голову, прошептал:

— Замри, убью!

И тут же, пережав воротником горло, потащил его за угол, подальше от улицы, туда, где нас не увидят, не отрывая ствола от его затылка, пусть все время чувствует.

И быстрее надо, быстрее, а то он в себя придет и как-нибудь мне все осложнит.

Втолкнул его в дыру в заборе, дал свалиться на траву, навалился на шею коленом, продолжая тихо и злобно шептать:

— Руки за спину! Руки за спину, или просто убью!

Он не боец, он как кролик, впал в ступор, трясется весь. Руки пришлось ему складывать

самому, он как тряпочная кукла весь. Захватил обе кисти петлей заранее припасенного обрезка веревки, перехватил хитрым узлом, потом оторвал прямо с груди своей куртки неплотно прилепленный туда обрывок ленты для ремонта шлангов, залепил ему рот. Это ненадежно, на ленту уже с ткани налипло всякого, но на пару минут сгодится. А затем потащил его в дом, в кухню. Уже за порогом он попытался было вырваться, но так по почке, что захрипел, выгнулся назад и больше о сопротивлении не помышлял. А я между тем связал ему ноги в щиколотках, затем уже аккуратней и надежней перевязал руки за спиной, подтащил к кухонному шкафу, усадил и подхватив табурет, поставил его так, что ноги пленника оказались под его нижней перекладиной. И сел на этот самый табурет, после чего попытался изобразить что-то вроде испанского акцента:

— Buenas noches, pendejo.

В принципе, получилось неплохо, надеюсь только, что мой натужный испанский акцент от местного мексиканского отличается не сильно. А мексиканцев в этих краях много, они здесь в помощь на фермы почем зря нанимались, да так и оседали тут. Впрочем, неважно, главное, чтобы акцент не был похож на русский, а остальное «клиент» сам додумает, когда будет со следователем общаться.

И не надо ему меня особо рассматривать, пусть вот лучше в дуло глоковского ствола смотрит. Там сорок пятый калибр, дыра большая, в светлый день так и патрон в патроннике разглядеть можно запросто.

— Надо поговорить, — перешел я на ломанный английский. — Будем говорить?

Липперс вопрос как-то мимо ушей пропустил, разглядывая направленный ему в переносицу пистолет, так что пришлось напомнить, заехав ему этим самым стволом в лоб. Не сильно, но чувствительно.

— Будем говорить?

— Да, да, будем говорить, — часто закивал он.

— Говорить будем тихо, кричать не надо, хорошо? — уточнил я. — Начнешь кричать — выстрелю тебе прямо сюда, — я коснулся дульным срезом его лба, — а потом уйду. И никто никогда меня не найдет, земля большая и пустая, понял? Понял?

— Да, я понял.

— Хорошо. Тогда говори, кем ты здесь работаешь.

Липперс не был героем, да и информация, которую он мне выдавал, его жизни точно не стоила. Окажись я на его месте, сам бы выкладывал все начистоту. Вот и он гнал как по писанному.

— Я представляю правительство в этом городе. Раньше было федеральное здание в столице штата, а теперь нас всего два человека, я и мой референт.

— Как зовут референта?

— Маргарет. Маргарет Райли. Она сейчас в Форт-Худе.

— Valle. Сколько сейчас в городе чужих?

— Чужих? — удивился он вопросу.

Пришлось ткнуть пистолетом еще раз.

— Чужих. Сколько их?

— Шесть... нет, семь, два дня назад еще один пришел. Семь. Пятеро мужчин, две женщины.

Ничего, старается.

— Когда их будете отсюда вывозить?

— Через пару недель, пока есть распоряжение держать их всех по месту задержания.

— Почему?

— Всех чужих будут перевозить в одно место вскоре, нет смысла их везти сейчас в Форт-Сэм, а потом еще куда-то.

— Зачем вам чужие? Только быстро отвечай, *muu rapido!* — снова ткнул его пистолетом, вдавил ствол в лоб.

Я знаю, что он и так ответит, не стоит эта информация жизни, но надо, чтобы Липперс торопился, чтобы у него не оставалось времени на обдумывание, именно тогда, скорее всего, он вывалит всю правду.

— Сыворотка!

— Что сыворотка?

— Их кровь! Из нее делают сыворотку!

— Говори все с самого начала.

Так, что-то подобное я и подозревал. Сыворотка, кровь, все завязано на кровь, даже двери во Тьме открываются кровью.

— Возбудитель суперкори все время мутирует, — зачастил он. — Я не врач, я не знаю все точно, только основное. Поучить сыворотку на основе крови тех, у кого, как у нас, иммунитет, не получалось, сколько ни старались. Не знаю почему, мне так объяснили...

— Дальше, быстро!

— Потом появились чужие. Они не болеют суперкорью, для них она как обычная корь, температура, сыпь, потом все проходит, никто не умирает. И инкубационный период не больше месяца, у многих всего неделя.

— Дальше!

— Из их крови получили и вакцину, и сыворотку. Все получили. Можно спасти того, кто уже болен суперкорью. Можно прививать. Можно делать сыворотку для людей с синдромом, и они будут нормальными, пока проходят курс уколов.

Вот так. Как все просто. И как все понятно.

— Почему вы держите чужих в тюрьме?

Липперс немного растерялся, даже плечами пожал, потом все же сказал:

— Отчасти для их безопасности. Сильны слухи, что сама суперкорь пошла от чужих. Может так оно и есть, никто не знает.

Не так. Я знаю. Потому что ни один чужой не мог оказаться здесь до того, как этот мир не начал умирать. Но это мне известно, не им.

— Дальше.

— Они сдают кровь, в этом их работа. И... я не знаю, решено держать их под охраной.

Липперс, кажется, что-то то ли почувствовал, то ли заподозрил, потому что сразу же добавил:

— Они живут лучше чем мы все! Им даже не надо работать, правительство платит им за сданную кровь и очень много. Там, в Форт-Смите, их держали сначала в большом медицинском центре, потом переселили в отдельный городок. А теперь перевозят на Флорида-Киз, знаешь где это? Я ездил туда в отпуск с семьей пока... пока все было хорошо, понимаешь? Биг-Пайн, Рэмрод и Литл-Торч Ки — все будет курортом для чужих. Все дома, все пляжи, все, что там есть. Там хорошо жить, я бы сам там жил.

Я был когда-то в Ки-Уэст и проезжал через все эти острова. Именно проезжал, потому что от Майами через все эти острова тянется бесконечно длинный то ли мост, то ли хайвэй, прямо над морем. И если не по хайвэю, то попасть туда можно только самолетом или лодкой. И перечисленные острова от материка почти что самые дальние... только аэродрома на них нет, а есть он на Ки-Уэст как раз, а этот остров Липперс не упомянул.

— А Ки-Уэст?

— На Ки-Уэст военный форпост, медцентр и... все прочее. Им туда можно, — сразу оговорился он. — Это их город. Там магазины, там все есть. Просто им нельзя на материк, там не осталось ни единой лодки.

— А Оверсиз Хайвэй перекрыт, так? — вспомнил я название этого бесконечно длинного моста.

— Да, перекрыт. Но пойми, они же там живут как... как пенсионеры во Флориде, только собирают чеки и отдыхают.

— Они уже там?

— Не все, их только начали переселять.

— Сколько их?

— Несколько тысяч, пять или шесть, где-то так.

Липперс заметно успокоился. Разговор превратился в диалог, он решил, что я reasonable, что меня можно в чем-то убедить. Это не очень хорошо, на самом деле. Поэтому я схватил его за воротник и подтащил к пистолету, ткнув стволом прямо в рот.

— Сколько крови надо им сдавать, а? Сколько?

— Не знаю! Они не только кровь, там много всего! — снова испуганно зачастил Липперс. — Плазма, что-то еще, я не врач, я чиновник! Они выглядят здоровыми, о них заботятся, я больше ничего не знаю! Вообще ничего!

А мне, по факту, больше ничего и не надо.

— Здесь у них тоже кровь берут?

— Да, конечно. Я отвез контейнер в Форд-Худ. Но поверь мне, пожалуйста, если бы у меня была возможность сдавать кровь и жить как они — я бы пошел сдавать кровь. Здесь же не Гитлер правит, мы нормальные люди, законопослушные американцы, те самые, которых с детства учили уважать права других. У нас просто нет другого выхода. Эти несколько тысяч чужих спасли сотни тысяч людей. И позволяют жить почти тремстам тысячам людей с Дабл-Ар-Эс, нормально жить, ничуть не хуже других. Поверь, мы не плохие парни, просто поверь.

А я верю, без проблем. Люди как люди, все жить хотят, а тут спасение. Просто... просто я бы все равно не смог жить на Рэмрод-Ки, загорать на пляже, сидеть в барах и просто сдавать кровь, как корова молоко. И чувствовать себя пусть и ценным, но лабораторным животным. Не смогу и не хочу. Но и у них выбора тоже нет, получается. То есть, неразрешимые противоречия.

И вообще я узнал все, что хотел. Потому что больше мне ничего не интересно из того, что может сказать Липперс. И больше меня в городе ничего не держит. Остается только попрощаться со всеми и...

— Насморк у тебя есть? — спросил я у Липперса.

— Не-ет..., - явно не понял он смысла вопроса.

Я отрезал большой кусок липкой армированной ленты и заклеил ему рот. Отставил в сторону табуретку, поднял с пола его пистолет — «беретту» армейского образца, сунул себе в карман. Потом присел, прижав его ноги коленом, и ослабил веревку на щиколотках.

— Домой поедешь, там у тебя решетки и никто тебя не съест.

За окном было темно и подсмотреть за ними точно ни у кого бы не получилось.

34

Эту ночь я провел у Люси. По многим причинам. Например потому, что я все равно завтра исчезну. Потому, что ей благодарен за... не знаю, за ее отношение, наверное. И еще потому, что если Липперсу удастся освободиться и поднять тревогу, то Люси сообщат об этом немедленно. Ну и мне заодно, потому что я здесь.

Я оттащил Липперса к нему в дом. Исключительно из человеколюбия. Там решетки и твари туда не попадут. Оставлять его в пустом доме с запахом разложения я побоялся, вроде как живая приманка получается. Я его даже на его же кровать уложил и к ней и привязал, тщательно, развязаться не должен. И пообещал с утра прислать людей его освободить. Кажется, он даже поверил.

Никто ночью никакой тревоги не поднял, все было тихо. Я проснулся по будильнику, забежал в ванную, помылся и, наконец, сбрил надоевшую бороду. Теперь уже все равно.

— Ты совсем по-другому выглядишь, — сказала она. — Не узнать. Пошли, я кофе тебе сделаю. И завтрак готов.

— Спасибо.

Увидев, что я упаковал свои «мыльно-рыльные», сказала:

— Оставь здесь. И вообще выпишись из мотеля. И сдай к черту свой пикап обратно, можно найти уже свою машину.

— Потом, не сейчас, — отговорился я.

Сказать «вечером» совести уже не хватило, но она и не настаивала. Может и зря я сюда пришел, Люси решила, что все уже сложилось. А я ей письмо целое приготовил, с объяснениями вроде как. Черт, как ни поверни, а все равно косяком выходит. Надо было в мотеле ночевать, наверное. Или здесь... мля, не знаю я ничего. Не выйдет здесь «как лучше», все равно хуже получится.

Так, и торопиться надо. Рабочий день скоро начнется, Липперса подождут, потом начнут звонить, потом поедут искать... мне к тому времени уже лететь надо и быть, желательно, подальше от Гарден-Сити. Так что завтрак завтраком, а пошустрее надо, пошустрее.

Проглотил омлет с сыром, тосты, кофе, схватил сумку и выскочил на улицу, к машине. Там никакой засады не было, арестовывать меня не бежали. Ну, может, еще и не опознают вообще, кто к Липперсу приходил, хоть и вряд ли, сумеют сложить два и два с моим исчезновением. А мне уже точно мотать надо, получается, что Липперс с кровью чужих еще и мою отвез на анализ. Так что результат уже сегодня может быть. Все, край.

А жалко уже с городком расставаться, прижился я здесь. И люди вокруг хорошие, и жизнь налаживается, и летать мне нравится, и польза от моих полетов вполне отчетливая. А когда видно что пользу приносишь, то как-то и смысл существования появляется, и вообще... А теперь опять в неизвестность.

И где искать Настю? Впрочем, выбор совсем не велик, надо лететь на север и искать анклав чужих. Искать в анклавке ее. И если ее там нет, то искать где-нибудь еще. По крайней мере здесь, в Гарден-сити, я ее следов обнаружить не смог.

Проехал мимо мотеля, даже обернулся. И тут как-то прижился, привык к завтракам местным и посиделкам с бутылкой пива. И кот уже знакомый на крыльце развалился. Может и подружился бы еще, кто знает.

Эл был уже у самолета, как обычно, ранняя птица. «Фоксбэт» заправлен, даже помыт, готов к полету, осмотреть да и лететь. Я подъехал вплотную, поставил машину возле стенки ангара, вылез из кабины, поздоровался.

— План на оба полета, — отдал он мне конверт.

Я кивнул, поблагодарил.

— Эл, есть небольшая просьба, — я протянул ему заранее заготовленную сумку. — Мне надо было отдать это Пикетту, но я забыл. Не сможешь скататься и передать?

— Прямо сейчас?

— Ну... не знаю, когда тебе удобно?

— Могу через час, — подумав, сказал он.

— Через час — нормально, просто хотя бы до ланча надо успеть.

— Через час, — повторил он. — Давай сюда.

Взяв у меня сумку, Эл уложил ее на сидение своего выдавшего виды красного фордовского пикапа. Там автомат, тот самый, что мне выдал Пикетт, как-то постеснялся я его с собой забирать. Понимаю, что вязали его со складов, где много таких, но вот как-то... Я даже насчет самолета подумывал всякое, разве что потом сообразил, что нашел его раньше всех, так что так и так бы его присвоил.

А еще там два письма в конвертах, одно для него, другое для Люси. Надеюсь, что не забудет передать. Там все... ну, почти все объясняется. В упрощенной версии, но вполне понятной. Нельзя же вот так просто исчезнуть без всяких пояснений, меня же начнут искать, причем вполне по-человечески волнуясь. Не надо мне такого. Пусть лучше так, улетел и все.

Ну и про Липперса там написано, где его искать. Если уже не нашли и сам он как-то не развязался. Хоть и не должен, узлов напутал много.

— Отвезу, не беспокойся.

— Спасибо.

— А это тебе зачем, — с удивлением спросил он, глядя, как я укладываю уже свою сумку и чехлы с оружием на второе сидение в кабину самолета.

— Надо. Потом объясню, дополнительная задача.

Часть на сидение, часть за него, в маленький багажник, чтобы центровка не нарушалась. Самолет маленький, легкий, все чувствует, так сказать.

Провел осмотр, отмечая все пункты на прозрачном пластике планшета, потом вскрыл конверт с полетным заданием, начал с задумчивым видом вбивать координаты промежуточных точек в навигатор. Но набивал не с того листка, что был в конверте, а с другого, который с собой привез и сам составил. Сразу на север не полечу, если быстро хватятся, то могут и погнаться. И догнать, «фоксбэт» не «конкорд». Не так это просто, разумеется, но... чем черт не шутит. Поэтому сначала отправлюсь на восток, там земли тоже пустые, но никто не подумает, что меня может понести туда. Нечего там делать. Один перелет туда, дальше надо будет искать топливо. К счастью, этот самолет и на автомобильном бензине полетит, разве что пробег удлинится и жрать чуть больше начнет. Ладно, дальше уже разберусь.

Помахал Элу через стекло, он помахал в ответ. Все, всем привет, не поминайте лихом.

«Фоксбэт» вырулил на полосу, разбежался чуть задумчивей, чем вообще без груза, и взлетел, земля быстро пошла вниз. Теперь курс на Топику и Канзас-Сити, там искать не должны. И курс проложен в стороне от главных шоссе, чтобы не попасться на глаза патрулям и постам, не нужно, чтобы они мой настоящий курс хоть как-то могли просчитать. Исчез и исчез, испарился, все, вышел весь.

Погода, к счастью, так и оставалось солнечной, видно было далеко-далеко, даже дымки не

было, идеально прозрачный воздух. Изредка замечал какое-то движение внизу, раза три всего, в основном едущие машины. А так земля казалась совсем вымершей, заброшенной, вокруг Гарден-Сити все же было не так, там присутствие человека чувствовалось.

До Топики даже дальние патрули не добирались, насколько мне известно, так что примерно оттуда я кур проложил над всеми основными аэродромами. Вдруг удастся разжиться нормальным «авгасом», да и садиться там все же не в пример лучше чем просто на шоссе. К сожалению, не было у меня списка тех мест, откуда уже успели вывезти все нужное на аэродром Гарден-Сити и отправить дальше в Анклавы, так что тут уже на удачу следовало рассчитывать. По крайней мере, арсенал Национальной гвардии Канзаса из Канзас-Сити был вывезен почти полностью. А что не вывезено, то уничтожено и взорвано.

Кстати, именно так и решился проблема с попаданием тяжелого оружия к бандитам. Все же не было полного хаоса в стране, даже когда она вымирала, президент Мак-Кейн показал себя человеком жестким, компетентным, да еще и уцелел, несмотря на то, что не был иммунным, до появления вакцины из крови чужих. И он сумел добиться того, что военные, или те, кто были на тот момент военными, отступая от своих арсеналов, уничтожали и портили все, что не могли увезти. Легкого оружия все равно осталось много, его и так в стране было полно, равно как и патронов, а вот все, что могло представлять угрозу бронетехнике, например, или самолетам — этого «в свободном доступе» не было. Видел я пару бронетранспортеров брошенных, но ведь не проверял, что там с двигателем и вооружением.

Тописка была пуста, «мутных мест» в ней тоже не заметил, равно как и гуляющих по улицам тварей. И аэродром был совершенно пуст, из чего я сделал вывод, что отсюда все выгребли. Заодно попытался вспомнить, откуда мне знакомо название этого городка. И вспомнил — из романа Стивена Кинга про вот такую вот всемирную эпидемию, только не кори, а гриппа. В романе присутствовал детский паровозик из детской книжки, не помню даже зачем, и ходил этот паровозик как раз от Топики до какого-то другого места. Это другое место забылось, а Тописка запомнилась.

В Канзас-Сити аэропорты тоже были, несколько даже, но вот сам город желания приблизиться не вызывал, он был почти полностью покрыт «мутным пятном», так что держаться от него хотелось подалеже. И в этой точке я, наконец, свернул к северу, решив, что уже достаточно удалился от вероятного района поиска. Если, конечно, меня там кто-то будет искать. И взял курс на север, через границу с Миссури.

Первым пунктом в списке на обследование был городок Тэркио с маленьким муниципальным аэропортом с единственной полосой. Городок был мал, так что можно было рассчитывать на то, что «мутных пятен» в нем не будет, а тот факт, что аэродром муниципальный, а не «ранч», позволял надеяться на наличие запаса горючего.

Покрутился над городом, но признаков жизни или чего нехорошего не обнаружил. Даже с воздуха было видно, что на улицы нанесло мусора и пыли, что машины у домов тоже этой самой пылью покрыты, в общем, все признаки заброшенности налицо. Наловчился я уже эти признаки определять, практики до черта.

Ладно, есть смысл сесть в этом месте, может, и вправду что-то найду. В смысле «авгас». И в баках пока горючее еще осталось, обломаюсь в этом месте — полечу дальше. Зашел с юга на север, приладил к неширокой асфальтовой полосе и уже вполне привычно и даже как-то ловко посадил самолет. Погасил скорость и по ходу дела прирулил к скоплению небольших ангаров в дальнем конце поля. Тут и диспетчерская, и стоянка, и все прочее. И где-то здесь может быть заправщик, запас бензина в таких местах хранится обычно в машине, и заправлять

проще, и лишнего переливания не надо. Трафик тут не интенсивный, так что трех-пяти тонн в бочке за глаза хватает.

«Фоксбэт», устало тарахтя двигателем, свернул на небольшую стоянку, встал рядом с белосиним «Бичкрафт Барон», грязным, как и весь окружающий пейзаж. Пыль садилась и дожди шли, размывая ее в грязь. Затем и движок заглох, накатила, как удар подушкой, тишина.

Подхватил с соседнего сидения непривычно камуфлированную М4, выпрыгнул из машины. Поводил стволом по сторонам, убедился, что прицел включен. Мне тут объяснили, что батарейки на пятьдесят тысяч часов в нем хватает, так что выключать его есть смысл только тогда, когда оружие в шкаф убираешь.

Большой самолетный ангар на четыре бокса, если по количеству ворот судить, еще один ангар с большими воротами в торце, и сборный дом, который тут явно за офис и диспетчерскую был. Маленькая стоянка на десяток машин. Все, больше и нет ничего на этом аэродроме. Тишина полная, мертвая, даже птиц не слышно. Ветер совсем-совсем слабый, а вот его слышно, настолько тихо вокруг.

Уже привычно закрыл глаза, включил «радар», прислушался. Нет, не чувствую Тьмы, нет ее здесь. Окошки во всех ангарах под потолком, свет внутрь попадает. Так, откуда начинаем искать? С большого ангара с воротами. Он больше всего на гараж смахивает и если и есть заправщик на этом аэродроме, то он должен быть там, на улице нет ничего похожего.

Ворота в ангар были заперты, я даже хотел идти в самолет за обрезанным дробовиком, но, заглянув за угол, нашел еще и дверь в боковой стене, оказавшуюся незапертой. Включил фонарь под стволом автомата, вошел внутрь... точно, совсем и не темно здесь. Две машины, полки до потолка вдоль стен, много ящиков и коробок, у дальней стены ряд металлических шкафов. Пахнет пылью, машинным маслом, резиной.

Заправщик нашелся — белая, овальная в сечении цистерна на шасси форда F-450. И совершенно, абсолютно пустая. Похоже, что ее целенаправленно слили, потому что, подняв люк, я обнаружил, что уже и запах бензина из бочки почти что совсем выветрился. Вот так, облом по всей форме.

Лететь дальше?

Я вышел из ангара на улицу, огляделся.

Стоп, тут ведь еще самолеты есть. С них могли и не слить бензин вообще-то. И даже если вот этот «барон» никто не заправил, там могут быть остатки топлива в баках. А учитывая разницу в размере, весе и мощности наших машин, можно сказать, что такие остатки могут для меня полной заправкой оказаться. Так? Так выходит. И за запертыми воротами в боксах тоже может что-то такое стоять. С остатками.

В общем, план у меня есть. Осталось только прикинуть, как его реализовать. Как минимум нужна канистра и шланг, с собой у меня ничего такого нет, слишком подозрительно это выглядело бы, если бы я что-то подобное укладывал в самолет. Так и решил, что где-то потом разживусь. Вот здесь, например.

Канистра и шланг нашлись в гараже, точнее даже не канистра, а небольшая бочка на колесах, с насосом прямо на шланге. Заправлять будет удобно из нее, но с собой такую благодать не увезешь, я уже и так загружен почти до нормы. Да и места для нее не будет.

В ангарах нашел еще два самолета. И «авгас» в баках был, не слишком много, но мне на заправку за глаза хватало. К счастью, самолет не машина, слить бензин с него не так уж и трудно. Повозиться пришлось, конечно, но бочку заполнил. Хотел сразу в бак, но потом как-то засомневался, все же это «сливки», так что осадочек может быть. Который мне в полете все фильтры забьет. Так что фильтровать надо прямо здесь и только потом заправляться. Тогда вопрос: чем фильтровать будем? И во что?

Не меньше часа ушло на устройство фильтровального агрегата. Просто врезал прямо в шланг два фильтра тонкой очистки, снятые с машин. Намотал изоленты на слишком тонкие штуцеры, затянул намертво хомутами, чтобы не протекало, все нужное нашлось прямо здесь, в инструментах. Ничего сложного, но агрегат сработал. Слил весь бензин в пустую пластиковую бочку, которая тоже нашлась в гараже, проверил фильтры — а грязь в них была, прав я оказался. После чего опять закачал бензин в свою «мобильную заправку». Теперь уже можно и в бак лить.

В общем, к тому времени, как я заправился, наконец, с момента посадки прошло часа четыре, или даже больше. Лететь дальше? Тут задумаешься. Может, есть смысл заночевать прямо здесь, и вылететь пораньше?

Шланг со свой «заправки» снял, к слову. Фильтры были керамические, промывать можно, так что еще пригодятся, я думаю. И шланг с насосом тоже. А вот бочка уже здесь останется. Ладно, что делать?

На последний вопрос вдруг пришел совершенно ясный ответ: пожрать надо. Желудок подсказал. И заодно, кстати, проверить офис, мало ли что интересного там можно найти?

Офис был заперт, но стрелять в дверь не пришлось, хватило монтировки, найденной в гараже. Дверь на честном слове, воткнуть ломик да чуть-чуть силу приложить. Хрустнуло, щелкнуло, путь свободен.

Первый положительный сигнал — нет трупного запаха. Даже воздух не спертый, в окно форточка приоткрыта, так что проветривалось здесь все. Офис небольшой, с двумя столами, на них старенькие, что заметно, компьютеры. Стопка журналов на столике. Какие-то дипломы и грамоты в рамочках на стене. Фотография некоего деда с растрепанной бородой рядом с тем самым «бароном», что стоит на улице. Виниловый диван. Две двери.

За одной обнаружился санузел. Зачем-то покрутил кран над раковиной и убедился, что вода не течет. За второй оказалось нечто вроде импровизированной спальни со складной койкой. Дежурство круглосуточно здесь было, что ли? Зато можно будет поспать в относительном комфорте.

Кулер в углу, пустой. Рядом три пустых же пластиковых бутылки. Кстати, а где бы можно было запас воды пополнить? У меня всего одна упаковка из шести двухлитровых бутылок, это не так много. В городок сгонять, наверняка там где-то можно разжиться? И что, так и бросить здесь самолет? Нет, не пойдет. Кстати, не мешало бы имущество из кабины сюда все перетащить, чтобы поближе ко мне было. Так оно спокойней вообще-то будет.

Точно, сперва разгружаюсь, потом обедаю, потом видно будет. Главное, что на следующие пять часов полета бензин у меня есть, за это время далеко улечу.

35

Странно, но подсознательно ожидал погони за собой, хотя логика упорно настаивала на том,

что искать меня уже бесполезно. Между мной и Гарден-Сити сотни километров, и даже если бы кто-то понял, что мой маршрут будет лежать от аэродрома к аэродрому и полечу я в Канаду, варрантов вырисовывается великое множество, тут в каждой деревне по аэродрому. Но ночью все равно несколько раз просыпался, слушал тишину за окном, схватившись за автомат. Нет, никто не подкрался и никто не напал.

Посидев над картой, проложил себе маршрут на следующий день. Если погода не подведет, то можно будет оказаться уже в Северной Дакоте, а это практически граница с Канадой. Дотуда бензин у меня уже есть. Прямо вдоль границы между Небраской и Айовой, пересечь Южную Дакоту и оказаться в Северной. И там опять искать «авгас». Или даже просто бензин, украинский «аэропракт» и его употребит при необходимости.

Погода, кстати, с утра не вдохновила. Солнца видно не было, ветер стал куда чувствительней, температура упала. Как бы дождь, а то и вовсе снег не пошел. И кстати, по мере приближения к Канаде это учитывать стоит, еще ведь ранняя весна, а Канада куда как северней Канзаса. Да, кстати, а вот про это я думал мало. Вот гадство. И что делать дальше? Я ведь на снег на колесах даже не сяду...

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. В том, что они еще обязательно поступят, я нимало не сомневаюсь. Проблем еще будет. Ладно, а пока надо грузить самолет и приступать к предполетному осмотру. Пора, рассвело уже.

Взлетал уже с чувствительным боковым ветром, который буквально тащил самолет к краю полосы. С моим более чем скромным опытом пилотирования это пугало. Но взлетел без приключений, развернулся и полетел туда, куда показывала тонкая линия на экране навигатора.

Лететь все же куда быстрее получается, чем на машине катить. И не только за счет скорости, а еще и з-а счет маршрута. Летишь прямо, разве что чуть-чуть отклоняясь иногда для того, чтобы рассмотреть что-то любопытное на земле. Американцы прямую дорогу определяют выражением «как ворона летит». Или вот как я сейчас.

В эфире пустота, но вот признаки жизни иногда все же попадают. Штаты подо мной «кукурузные», снизу ни единого клочка дикой земли не видно, все обрабатывалось, до последнего сантиметра. Тут по идее и выживать будет легко тому, у кого руки из нужного места растут. Без хлеба и куска мяса на нем не останешься.

Прошел над аэропортом в Шенандоа, который оказался больше того, на котором я заправлялся, но столь же пустынным. Грузовик-заправщик стоял прямо на виду, я даже подумал, что надо было вчера лететь досюда. Хотя, с тем же успехом заправщик мог быть пустым.

Несколько раз замечал с воздуха заброшенные военные блоки, раз пролетел над большим лагерем FEMA, а потом увидел «мутное место» неподалеку от города Омаха, Небраска, прямо в поле, на месте каких-то больших земляных работ, после чего сообразил, что там, наверное, хоронили умерших от эпидемии, или там их сжигали. Вот туда Тьма и навелась.

Город Форт-Калхун показался мне и вовсе обитаемым, по крайней мере, шевеление на улицах и в полях вокруг я отметил сразу в нескольких местах. Схватился за бинокль, начал оглядываться — люди как люди, никаких расписных машин и всего такого прочего, и в поле опять же трактор едет, а это уже признак того, что здесь другие приоритеты. Ну и не стрелял по мне никто.

Попробовал вызвать тех, кто внизу, по девятому каналу сибишки, но никто не откликнулся. Думаю, что возле радики там просто никто не дежурил, анклав выглядел совершенно обособленным от внешнего мира. Ну и ладно, просто запомню это место на всякий случай.

Снизу серебристой лентой извивалась река Миссури, по которой и проходила граница штатов. Пару раз я отклонялся от основного маршрута для того, чтобы проскочить над маленькими аэродромами, сугубо на всякий случай, но ничего интересного на них не заметил.

Погода была так себе, ветер порывами, пару раз даже мелким дождем брызнуло, но серьезных проблем не возникало. Сиу-Сити почти на границе с Южной Дакотой оказался «мутным» причем почти весь целиком, и тварей в самом городе и вокруг него хватало. Мне даже показалось, что целая стая гончих погналась за самолетом в тщетной попытке нагнать пилота, то есть меня. Оголодали они здесь, что ли? И просто совсем озверели? И кстати, почему такой не выдающийся, в сущности, размерами город так «замутило»? Странно.

Летел уже долго, даже один раз воспользовался пустой пластиковой бутылкой, убрав ее под сиденье и напомнив самому себе о том, чтобы ее выбросить потом не забыть. Погода вдохновляла все меньше и меньше, а ближе к границе штата внизу показались сначала языки снега, а потом уже и вполне полноценный снег. Не везде, но он был. А вот термометр показывал, что за бортом где-то минус десять, то есть погода снегу соответствовала. И в кабине это ощущалось, несмотря на включенный обогрев.

— Твою мать, — сказал я со всем возможным чувством. — И что делать будем?

Развернул карту, на которой отметил все, даже самые маленькие аэродромы, которые должны мне попасться на пути или неподалеку от него. Если дальше только снег, то надо будет выбрать место для посадки, и уже там думать над будущим.

Янктон, мне надо в Янктон. Это недалеко и там есть муниципальный аэропорт. Завалив самолет в плавный вираж, я переложил его на новый курс.

Вот так, только на второй день полета сообразил, что еще зима в разгаре. Раньше об этом подумать ума не хватило. Нет, дурака точно только могила исправит, это без вариантов.

Вон он, Янктон... по размеру так здорово на Гарден-Сити смахивает... разве что аэродром к городу поближе. И сам аэродром вроде как чуток побольше.

Полосы от снега чисты, хотя вокруг белых пятен хватает. Похоже, что снег ветром сдувает отсюда. Ну да, холодно и сухо здесь, снег как крупа должен быть, как пыль, и задерживаться ему негде, вокруг совершенно плоская равнина.

Так, из-за ветра будем заходить на самую длинную и широкую полосу, бетонную. С севера на юг пойдем, и маневрировать будем с большим запасом.

Ближе к земле ветер усилился, самолет начало заметно покачивать. И четко вбок дует... можно попробовать сесть на асфальтовую полосу, которая пересекает бетонку, но она намного короче и уже, так что не знаю даже, выиграю я на этом или проиграю. Ладно, буду садиться как есть, раз уже зашел.

Ветер порывистый, машину дергает. Я даже забыл как дышать, руки сами норовят начать «рулить», сам себя уговариваю просто не дергать штурвал. Ниже, ниже, все ближе полоса, тащит вправо, приходится сильно компенсировать... есть касание двумя... опять потащило, коснулся носовым... Самолет подтащило к самому краю, едва его удержал, но дальше уже

легче пошло, скорость упала, «фоксбэт», сменив звук двигателя с гула на солидное ворчание, катился по бетону уже как автомобиль.

Фух.

Выдохнул.

Рукавом стер пот со лба.

Нет, я все же еще совсем чайник, просто вовсе.

Куда рулить? А вон туда, к терминалу вплотную, и уже там думать буду. Что-то мой старый план ни на что не годится, надо новый придумывать.

— Ну, типа прилетел, — сказал я вслух, подтягивая автомат поближе.

Ветер гнал мусор и прошлогоднюю траву через взлетную полосу. Он был такой сильный, что даже стоящий самолет слегка покачивался под его напором. Серое низкое небо словно намекало на то, что полет закончен. По крайней мере, на ближайшее время. Но это мы еще посмотрим.

Стоило открыть боковую дверь, как в кабину ворвалась волна холода. Самый настоящий мороз здесь, хоть снегу и мало. Привычно уже «моссберг» в руки, огляделся. Пусто, пусто, пусто, как и везде. Куда сначала? А куда-нибудь, где ветра нет, где подумать можно и откуда получится оглядеться по сторонам. Вон офис вижу, «Карлсон Эвиэйшн», вот там и попытаюсь укрыться [9].

Туда и пойдём. Двери, уже отсюда видно, в офисе как везде в Америке, против бродячих собак, не более, так что войти проблемы не будет. Да и гвоздодер у меня есть, не только дробовик. Дощатое крылечко, дверь... а не заперто ни фига, заходи кто хочешь.

Принюхался. Нормально, не умирал здесь никто. На сей счет всякие офисные помещения куда предпочтительней домов стали, к слову. Люди сначала переставали ходить на работу и лишь потом умирали в своих постелях.

Опа, и в кулере бутылка, наполненная под крышку — это отлично. И рядом с ней еще одна, полная. Живем, вода — это хорошо. Быстро обошел помещение, которое состояло лишь из офиса и санузла, убедился, что ничего угрожающего в нем нет. И пошел за вещами к самолету. И через десять, примерно, минут, сидел за столом, разглядывая карты и попутно жуя самодельный сэндвич.

В офисе было зябко, но зато безветренно. Решил себя даже кофе побаловать, раз есть халявная вода, разжег одноразовую спиртовку, сварил, как подобает, нормальный крепкий кофе.

Так, и что мне дальше делать?

Холодно, но снегу мало, здесь климат, похоже, очень уж сухой, неоткуда снегу брать. Пока снега нет, и проблем особых не видно, на самом деле, температура мне по барабану. Но что там дальше будет? Или бросить самолет и пытаться проехать на машине? Машину найти не проблема, вон за окном стоянку вижу, на ней минимум три подходящих пикапа и внедорожник. И дорог, забитых пробками, я особо не видел. На моем маршруте штаты все больше слабо населенные, по идее можно прорваться. И не так уж далека отсюда Канада. Пересечь, забирая восточнее, Южную Дакоту, а там только Монтана и дальше уже Канада.

А если и дальше снега не будет? Ну, хотя бы на расстояние еще одного дневного перелета? Хотя бы половины перелета, это ведь очень много, учитывая, что лечу «как ворона летает». Попробовать? А почему бы и нет? Хотя бы без прохода точки невозврата. И не обязательно сюда возвращаться, дальше тоже аэродромы будут.

Так, и чем ближе к Канаде, тем выше будет вероятность разжиться каким-нибудь снегоходным транспортом. Тем же снегоходом, например. Здесь на нем пока не поездишь, а вот как там дальше? В общем, предел мечтаний — Грейт-Фоллз, Монтана. Не думаю, что получится дотуда долететь, но хотелось бы. Там наверняка что-то снегоходящее найти получится. Или куда получится, туда и доберусь.

Значит так: лечу. Лечу дальше, смотрю, в каком состоянии аэродромы внизу и одновременно ищу «границу снегов». Только, раз уж сел, надо бы тогда насчет топлива здесь пошакалить, может еще раз получится заправиться под пробку.

36

Спокойствие как ветром сдуло. Вот этим самым холоднящим и резким ветром Южной Дакоты, ветром Великих равнин. Заправиться удалось, причем очень просто — и заправщик завелся, и бензина в цистерне было чуть не под край. Вроде как одолжение судьба сделала.

Снега внизу почти что и не было, но низкое небо и чувствительный боковой ветер все время держали в напряжении, так что расслабиться не получалось. И как-то грустно было от того, что скоро вся эта благодать закончится и снова придется двигаться по земле, медленно и, скорее всего, с проблемами. А я уже губу раскатал до самого места в небесах лететь. Ага, как же, щас.

вернуться

9

На самом деле «Carlson Aviation» с 2011 года больше не управляет городским аэродромом, теперь там менеджер-чиновник. Следует сказать, что под управлением Гэри и Кейти Карлсон аэропорт был признан лучшим в штате в 2009 году. Первое, чего лишился аэродром после перехода под городское управление — механика. За счет его зарплаты подняли зарплату менеджеру.

Сначала взял курс на Уиннер, это примерно сто тридцать миль по прямой, там по карте вроде как неплохой региональный аэродром виден. Примерно через час пронесся над опустевшим городком, а заодно обнаружил, что взлетно-посадочная полоса местного аэродрома перегорожена грузовиками. Кто это сделал и зачем — не знаю, но сесть на поле уже не получится. Хотя можно было бы приземлиться и на дорогу, уже никаких проблем. Кроме ветра.

Равнина подо мной была сера, скучна и уныла, казалось даже, что даже снег бы как-то улучил бы пейзаж. Черт его знает. Ветер становился все резче, низкие облака давили на затылок. Что-то с погодой не то, явно приближается... что? Снег? Буря? Что-то да приближается, это уже точно.

Я лечу в Рапид-Сити, столицу штата. Там два аэродрома, причем один из них огромный, база ВВС. Не на один, так на другой сяду, если, конечно, снега не будет. Если будет... по идее, должно хватить бензина для маневра, уйду немного назад, сяду хотя бы на широкий хайвэй. А

вообще плохо, что метеорологов в этих краях не осталось, даже прогноз погоды не уточнишь. Вот это что сюда гонит, например? Снег? Дождь? Ураган?

Пытаться подняться выше облаков не хочется, нужно бы землю видеть. А вот из облаков начали снежинки вылетать, пусть пока редкие и мелкие, но начали. Нет, надо искать место под посадку, это точно. А то случится настоящий снегопад, с видимостью в несколько метров, и тогда мне хана, на аэродром ведь можно только визуально теперь наводиться.

Чем ближе Рапид-Сити, тем хуже погода, резче и порывистой ветер и тем больше нервных клеток приходится расходовать. Пять часов уже в воздухе, к слову, все точки невозвращения давно пройдены, мне теперь только в Рапид-Сити посадить машину и больше нигде, наверно. Сколько там еще осталось? Да всего ничего уже, скоро буду. Куда идти, на базу или на гражданский аэродром?

Поразмыслив, все же решил на гражданский, хоть на военной базе взлетно-посадочная полоса совершенно невероятной длины и ширины. Но после эпидемии и объявленного военного положения там что угодно может быть, не знаю... взорванные хранилища, например, или та же полоса уничтожена. Или заблокирована. Черт его знает, в общем. А на гражданский аэродром надежды как-то больше.

Чем ближе к Рапид-Сити, тем меньше полей и все более холмистым становится пейзаж. Нет, до горного ему далеко, но окажись на земле, горизонта уже не увидишь. А еще в полях увидел много мертвого скота. И не думаю, что это эпидемия, скот передох зимой от бескормицы и холода. Еще видел бродячих собак, большие стаи. На этих дохлых коровах им можно долго кормиться.

Ветер всю дорогу был боковым, с севера, зато заход на полосу получился прямо против него, к моей радости. Не представляю даже, как бы я посадил машину с таким вот боковым. Пронесся над аэродромом, приятно удивившись его размерам и добротности: много зданий, пассажирский терминал с выдвигающимися коридорами, гигантские парковки — все как у людей, похоже. И в городе, кажется, «мутных пятен» нет вообще. Во всяком случае, отсюда я их не увидел. Все та же тоскливая пустота, но не более. Хотя клясться я бы в этом не стал.

Сел вполне аккуратно, спасибо направлению ветра. Потом растерялся малость: куда рулить? Привык уже к маленьким аэродромам, а тут столько всяких зданий... Потом решил действовать по привычной схеме: заехать в обслуживающую зону аэропорта, где найти себе какой-нибудь маленький офис и уже «из него думать». Не надо велосипед изобретать, действовать лучше по знакомым схемам.

Как раз ближе к концу длинной бетонной полосы эта зона и была. «Фоксбэт» свернул на рулежную дорожку, раскачиваясь под ударами ветра и чуть подпрыгивая на стыках, и вскоре застыл на месте рядом со стоянкой машин, над которой висела вывеска: «Распродажа подержанных машин. Хертц». Ну да, машины из проката, выкатавшие свой положенный ресурс, здесь и толкают. И есть все, что мне нужно, то есть офис этого самого «Хертца» в небольшом одноэтажном здании, несколько десятков машин с табличками «Продается» и ценой на ветровом стекле, и место, куда можно поставить мой маленький самолет так, чтобы и из окна видно, и чтобы ветер не унес.

Тормоз. Тишина, только ветер за блистерами. Огляделся. Нет, никто самолету и мне в нем не угрожает. Теперь обосновываться, осматриваться и ждать продолжения. Что-то с погодой явно не то, так что я пока отлетался.

Привычно взвалив на себя два тяжелых «даффела», поволок их в сторону офиса. Дверь пришлось ломать, правда, хватило гвоздодера. Дальше все стандартно — прилягнуть, войти с «моссбергом» наготове, оглядеться. Ничего страшного, опасного и мертвого. Офис. Только в кулере бутылка почти пустая и, как следствие, вода там наверняка не очень. Прибережем для уборной.

Бросил сумки, огляделся, заглянул за дверь в дальней стене — туалет, естественно. Туда и бутылку бы поставить. Позже. Заглянул в большой шкаф, нашел в нем две запасных бутылки, полных, и еще одну пустую. Нет, это хорошая привычка покупать воду в офис, просто очень хорошая. Это просто замечательная привычка.

Так... что теперь? Теперь, теперь... теперь ключи от машин, однако. И пытаться хоть что-нибудь завести.

Недолгие поиски одарили меня большой пластиковой коробкой с ключами, которую я прихватил с собой целиком и направился на стоянку. Если еще и машиной обзаведусь, то тогда буду готов к любым проблемам, можно сказать.

Ветер на улице снова заставил поежиться и натянуть дальше на уши флисовую шапку-подшлемник, ту самую, что раскатывается в маску. И еще одна лежала у меня в кармане, уже вязанная. Раскатаешь маску, сверху наденешь вязанную, и ты почти что от любого ветра защитился. И на самый крайний случай, такой как путешествие на снегоходе, есть еще и очки.

А холодно здесь, реально холодно, нормальный такой мороз. Градусов десять, наверное, и ветрено. К стоянке машин подбежал трусцой, огляделся. Так, есть один «Джи-Эм-Си Юкон» и пикап «Шевроле Сильверадо». Из них мне подойдет любой. Если заведутся. Впрочем, куда они денутся?

Ни пикап, ни «Юкон» не завелись, разве что в недрах двигателя большого внедорожника все же пытались щелкать реле. Ну да, полгода стоянки плюс зима. И сигнализация включена была. Но провода у меня есть, вот они, мотком на плече, а хоть одна машина в ряду, но заведется, это уже без сомнения. Поэтому я начал искать ключи на все по порядку.

Завелась восьмая машина по счету, серебристый «Шевроле Малибу», причем без всяких усилий. Кстати, стояла открытой, без всякой сигнализации, вот и результат. Подогнал поближе к «Юкону», перекинул провода и через пару минут здоровенный внедорожник зарокотал шестилитровым двигателем. Осталось только убрать «Малибу» у него с дороги и забраться в кабину.

А хорошо. Салон огромный, черной кожи, панель каким-то деревом облицована, корневищем. На приборной доске светится надпись «Odometer 67543». Ага, чтобы даже дураку было понятно, что машина шестьдесят семь тысяч миль с лишним пробежала. Если дурак знает слово «одометр», разумеется. А вообще это не так уж и много, тем более, что ее перед продажей должны были до ума довести. Нормально. А если выбросить последний ряд сидений, то можно еще упакованного слона с собой везти.

Навигатор есть, хороший, с большим экраном. Пока еще работает, естественно. Осталось только придумать, какой адрес в него загнать.

Так, а вообще неплохо было бы прокатиться на ней, погонять, пока батарея не зарядится как надо. Куда-то съездить или просто по аэродрому? И кстати, что с бензином? А бензина мало. Пусть еще не резерв, но далеко на этом не уедешь. Так что надо начинать с бензина. Кстати, где мой шланг с насосом и фильтрами? А в самолете, в багажнике, надо вытащить.

Заехал в офис, вытащил оттуда все свое имущество и закинул на заднее сидение «Юкона», потом закинул в багажник одну из бутылей с водой. Если что случится и мне придется, например, смываться на машине и не возвращаться на аэродром, то все мое останется со мной, плюс запас воды.

Бензин нашелся быстро, на аэродроме раньше были большие запасы что самолетного «авгаса», что бензина и дизельного топлива для машин. Подземные танки, ряд грузовиков-заправщиков, большая то ли мастерская, то ли просто склад, в общем, все как у людей, как моя бабушка любила выражаться. Правда, все топливо кто-то откачал, похоже, оставив цистерны сухими, но вот баки самих заправщиков были нетронутыми. И мне того, что в них осталось, хватит заправок на десять, наверное, несмотря на то, что бак у Юкона почти сто двадцать литров. Там же нашел целую гору пустых канистр, куда накачал еще сто двадцать литров, загрузив все это в машину. Ну, этого больше чем на тысячу километров должно хватить, по идее, так что с этой стороны я себя обезопасил пока.

Что теперь? А теперь бы в город скататься неплохо было бы, вроде как по магазинам прошвырнуться. Еды у меня дня на три, не больше, так что можно еще поискать. Если снег пойдет, то мне еще и на аэродроме посидеть придется в ожидании погоды, или ехать на машине, и уже тогда вес экономить не нужно. Так что вперед, мародерствовать.

Первое, на что обратил внимание при проезде через территорию аэропорта — такие же как в Боулдере плакаты про запрет на полеты. Было их много, при всем желании трудно не заметить. На въезде на территорию аэропорта видны были остатки военного блока. Видать, карантин так пытались поддерживать. Здание терминала было современным, построено уступами, смесь стен «под песчаник» и сейчас пыльного стекла. Потом дорога повела в объезд огромной парковки, в середине которой была видна гороженная колючкой и сейчас почти пустынная территория, на которой видно было лишь два трейлера с эмблемой FEMA, пыльных и заброшенных.

Немного повивляв, дорога от аэропорта вывела на хорошее широкое шоссе, ведущее уже к городу. «Юкон» катил по нему как по перине — тяжелая, длинная, комфортная американская машина, при этом не внушающая мне абсолютно никакого доверия в плане проходимости. Случись уткнуться в какие-нибудь проблемы — и... Съезжать на ней на бездорожье совсем не хочется. Если придется ехать дальше землей, то я бы поменял этот большой и комфортный автомобиль на что-то вроде того джипа, что пришлось оставить в Боулдере.

Кстати, а тут в городе ничего такого найти не получится? Неплохо бы местными «Желтыми страницами» разжиться. Где тут ближайшая заправка? Или какой-нибудь «угловой магазинчик».

«Юкон» неторопливо проехал мимо площадки, уставленное «premanufactured» домами — теми же мобильными, но побольше и посерьезней, которые точно так же привозятся трейлером и быстро устанавливаются на заранее подготовленный фундамент. Тут из таких, кажется, весь город состоит, пока ни единого более или менее капитального строения не видел, разве что за исключением главного терминала аэропорта.

За площадкой «домоторговца» я увидел именно то, что нужно — заправку. Точнее даже магазинчик, а заправка уже при нем, просто в магазине наряду со всякими орехами в пакетиках и содой продают еще и бензин. Назывался магазинчик «Лоаф-Н-Джаг» и как это перевести на человеческий язык — я не в курсе.

Магазинчику досталось, витрины были выбиты, прямо на стоянке перед ним я увидел как

минимум два комплекта чьих-то костей, сейчас уже полностью обглоданных, с клочьями гнилого мяса. Стало как-то зябко, я передернул плечами, несмотря на то, что в кабине было тепло, даже, наверное, жарко. Но трупоедов поблизости я не чувствовал. Впрочем, обглодать могли и «лучшие друзья человека», а их я чувствовать не умею. Но так их не видно.

— Вот так оно лучше будет, — пробормотал я, подхватывая с соседнего сидения дробовик, до того стоявший стволом в пол.

Холодно и ветрено, от костяков даже запаха уже не чувствуется. Впрочем, это и хорошо, так я на всю жизнь всякого нанюхался. Нет, собак вблизи не видно и не слышно, зато видно двух ворон, которые стараются что-то обклевать с еще одного костяка, лежащего поодаль, в густой траве. Захотелось пальнуть по этим воронам, благо в «моссберге» патроны с дробью «два нуля», но решил все же не шуметь. Да и что это изменит? Костяки исчезнут или другие вороны не прилетят? Глупо так думать, однако.

Двери магазина остались распахнутыми, внутри все было вверх дном, даже полки повалены и перевернуты. Несколько растоптанных шоколадных батончиков на полу, рассыпанная упаковка пакетиков «Кул-Эйда». Хотя бы костей и трупов нет внутри, что уже радует само по себе. Осколки витринного стекла хрустели под ногами. А вот и справочник, прямо у прилавка на полу валяется, с отпечатком рубчатой подошвы ботинка на нем. Поднял, отряхнул и потащил в машину.

— Так, еда и подходящий транспорт, — сказал я сам себе, когда забрался с этой пованивающей сыростью книгой в салон.

Так, оптовая продажа продуктов...продуктов. Есть, вот раз склад, и два, все даже поблизости, некая компания «Нэш-Финч» и еще одна, «Эмкон Дистрибьютинг». Последняя обещает не меньше пяти тысяч наименований на складе. Вот как. Мне столько и не надо. Или просто разыскать супермаркет и там пошариться, как в Грэнби тогда? Склады близко, оба, а вот до торгового района надо еще ехать. Начну со складов.

И транспорт еще, транспорт. Ага, вот оно! «Чимни Каньон 4x4», продажа и установка всяких лифт-китов и прочего, внедорожный тюнинг, продажа запчастей и, что важно, самих машин. Попробовать? А почему бы и нет? Надо попробовать, все надо пробовать, надо медленно спускаться с холма, без всякой суеты, только так получится и выжить, и не накосячить.

Быстро долистав справочник, наткнулся на нечто интересное: в городе был патронный завод. «Блэк Хиллз Аммо». Оно мне надо? А черт его знает. Надо мимо будет проехать и уже там посмотреть. Может и надо. А может и нет. Кстати, этот самый патронный завод совсем рядом, если верить навигатору, буквально что рукой подать. Нет, все равно позже, патронов у меня относительно много, есть задачи поважнее. Или все же сразу проехать? Лучше сразу, очень уж близко.

Пересек шоссе, сразу оказавшись в какой-то промзоне. Потом свернул направо, проехал мимо ряда сборных ангаров и простеньких офисных блоков, потом уперся в патронную фабрику, даже не сообразив, что это она и есть. Почему-то ждешь режимного объекта за высокими стенами, а тут просто сетчатый забор и быстросборное здание с большими окнами, даже без решеток. И чего? Лезть внутрь? Вроде ничего не мешает... А сколько до темноты осталось?

Нет, сначала искать еду, а фабрику я вроде как уже нашел, будет время — вернусь. Исполнил «U-разворот», прокатившись по обеим обочинам и газонам, и поехал в обратном направлении, к шоссе, на ходу загоняя адрес «Эмкон Дистрибьютинг» в навигатор. Тот адрес усвоил, после

чего солидным баритоном выдал первое указание: «Через пятьсот ярдов сверните направо».

— Ага, понял, — кивнул я.

37

Оптовый склад нашелся сразу — большое одноэтажное здание без окон, с большой стоянкой перед ним. Ворота были открыты настежь, я даже опасался заходить поначалу, ожидая, что наткнусь или на стаю собак, или на какую другую гадость, но внутри ничего такого не оказалось. Склад пытались вывезти, но не вывезли целиком. Не брали, похоже, распотрошенные упаковки, то есть для меня осталось очень много всего. Консервы, паста, упаковки соков в основном в маленьких пакетах. Ящики с сигаретами. Я подумал и забросил один такой в машину. Пусть и не курю, но мне кажется, что сигареты могут оказаться хорошей валютой. А может и нет, черт его знает, но веса в них немного. В любом случае, голод в ближайшие дни мне теперь не грозит.

Пока я грузил машину, погода продолжала портиться. Становилось все темнее, ветер усиливался, снежная крупа летела почти горизонтально. Да и сама крупа начинала превращаться в нормальный снег. Кстати, а покрышки на «Юконе» не очень вдохновляющие для снежной езды, хоть и утверждается, что они «грязь плюс снег». В Москве на таких бы я зимой кататься не решился, предпочел бы что-то позубастей или шипы. Нет, надо что-то потолковей этой длинной и комфортной машины искать. Чем сейчас и займусь. Сначала в тот самый «Чимни Каньон» поеду, а потом, если там ничего не найду, начну... что? Ну, например, буду объезжать стоянки торговцев машинами. Или просто глазеть по сторонам.

Шоссе, по которому я приехал из аэропорта, в пределах города превращалось сперва в Восточную Омаха-стрит, потом просто в Омаха-стрит и уже дальше, как нетрудно догадаться, в Западную Омаха-стрит. Шла она вдоль какого-то ручья или речушки, и по ее левой стороне тянулись бесконечные магазины и торговые центры, а вот справа из достопримечательностей был виден только обшарпанный цементный завод с погрузочным терминалом. Улица была широкой, четыре ряда, просторный разделительный газон и еще куда более просторные обочины, так что собраться в пробку на ней брошенные машины так и не смогли. Было несколько скоплений машин, одно из них перед остатками военного блока, но «Юкон» легко объезжал их по сухому грязноватому газону.

В одном месте увидел стаю собак, но они, к моему удивлению, при виде машины унеслись в переулок. Кто их здесь поугавать успел? Это не просто так, это уже приобретенное. Значит я здесь, скорее всего, не один. Это хорошо или плохо? Скорее все же плохо. Потому что тут могут быть и психи с Синдромом, и кто угодно.

С этого момента начал активней крутить головой по сторонам, надеясь увидеть вероятную угрозу раньше, чем она увидит меня. Но так ничего и не увидел.

Гараж компании «Чимни Каньон» располагался на Сухостойной, если можно так выразиться, улице, или по-английски — на Дэдвуд-стрит. Улица почти полностью, насколько я успел разглядеть, состояла из таких вот околоавтомобильных бизнесов, то есть там или покрышки продавали, или запчасти, или просто ремонтировали машины. Ну и то, что я искал, оказалось самым обычным автосервисом в сборном ангаре, как и все остальное здесь. Перед ним была стоянка, на которой в рядок выстроились несколько машин. Причем две из них были именно такими, какие мне и требовались, то есть с увеличенным клиренсом и внедорожными колесами, но увы — ни одна из них не была закончена. К езде они пока непригодны.

В общем, машинами здесь не торгуют, а просто переделывают их заказчикам. Зря приперся. Досадно.

Загнал «Юкон» на стоянку, вышел. Надо бы, наверное, сам сервис проверить. Может инструментом каким разживусь или чем другим полезным.

Так, а вот соседний ангар, «Дэйлс Тайр», на нем объявление о продаже внедорожных покрышек. Поменять на «Юконе»? А я смогу? Ну, будь электричество, то смог бы, наверное, а так только усмехнуться можно глупым своим мыслям. Не монтажкой же резину перекидывать? Хотя, когда-то доводилось этим заниматься, на «жигулях», правда, еще в те далекие времена, когда три четверти любых работ с машинами делались владельцами прямо у себя в гаражах. Я тогда и шрусы на своей «восьмерке» сам менял, и подшипники в ступице, и движок регулировал.

Двери и ворота в ангар были закрыты на совесть, и гвоздодер с дверью не справился, пришлось браться за дробовик. Два выстрела мелкой дробью почти в упор вынесли замок, а дальше уже пинками. Процедура знакома. Дозарядил ружье, включил фонарь, вошел внутрь, нюхая воздух. Запах масла, железа и резины от большой, до самого потолка, стопки покрышек. Два подъемника, какие-то станки и...

— Вау!

Почему-то подумалось, что это не для клиента, это хозяйский. Хозяина сервиса, в смысле. И заперт он в гараже именно поэтому — серый «Рэм 3500», с пятиместной кабиной, на больших внедорожных колесах, с пластиковыми расширителями арок, с кузовом, поднятым как минимум на дополнительные двадцать сантиметров, а может и больше, со стальным черным силовым бампером и кенгурятником из черных же труб.

— Вау..., - только и смог повторить я.

И ключи нашлись, за козырьком.

Это прямо... даже словами не опишешь. У колеса на корточках присел. Протектор аж на бока «затекает», по грязи и снегу самое то. А если воздуха подпустить, то и цепей не надо будет, покрышки очень больше. Не дизель? Нет, бензин. Дизель, может, и лучше был бы, но тогда заново горючее искать, а неохота уже.

Открыть ворота изнутри проблемой не было, створка легко уехала под потолок, открыв доступ к капоту машины. Подогнал «Юкон» передом, поднял капот, перекинул провода. А когда собрался лезть в кабину «Рэма», услышал сквозь шум работающего открытого двигателя еще какой-то звук. Вроде как гул. Знакомый такой гул.

Завертел головой, потом увидел летевший С-130, причем летевший низко и, кажется, заходящий на посадку. Схватил бинокль и успел разглядеть и надпись «U.S. Air Force», и военный же серый цвет самолета.

На базу? Здесь же база ВВС, на которую я не полетел. Или туда, куда я сел? Черт, с этой стороны не поймешь, я уже малость ориентацию потерял, точно направление на аэродром не покажу. Хотя логичнее было бы на базу. Только тогда что получается? Отсюда не все эвакуированы или как?

Самолет исчез из поля зрения, оставив меня стоять с озадаченным видом. И это куда я прилетел, получается?

Пока перегрузил все свое имущество из одной машины в другую, прошло не так уж мало времени. К тому же действительно не удержался, прихватил еще и кое-какой инструмент из гаража, а потом еще закинул в просторный кузов пикапа четыре покрышки «Хэнкук», как раз такие, какие на машине и стоят. Пусть будут. Может быть я на этом пикапе доеду туда, куда мне нужно. Или долечу, что предпочтительней, и все это брошу на аэродроме. Ну и пусть, труд не велик, зато потом спокойней.

Ладно, надо обратно двигать. Дело к вечеру, и так пасмурно, а скоро совсем темно станет. И тогда мне придется ехать с зажженными фарами, и видно меня будет очень издалека. Чего совсем не требуется.

В кабину «Рэма» пришлось именно что вскарабкиваться, что внушало некую уверенность в том, что я на этой машине смогу ехать по бездорожью. Все же сочетание очень тяговитого двигателя и очень большого клиренса для этого то, что нужно. Тяжеловат этот пикап, правда, но тут уж делать нечего, это все же Америка. В общем, поехал обратно, на аэродром.

Проскочил через город, по дороге снова спугнув стаю собак, не знаю, ту же, или другую. Стало почти совсем темно, хотя до настоящих сумерек по идее еще оставалось время. Тучи словно собрались навалиться на землю, настолько низко они висели, плотные, серые, тяжелые. Ветер гнал по полям клочья сухой прошлогодней травы, время от времени он так усиливался, что даже начинал чувствительно раскачивать тяжелый пикап. В общем, погода вызывала только одно единственное желание — запереться в каком-нибудь не продуваемом месте и ждать пока все наладится.

Вот и поворот к аэропорту. Еще немного — и я на месте. Все шло по плану до тех пор, пока я не вывернул уже к стоянке перед главным терминалом. Спасло меня... не знаю, есть ли смысл употреблять слово «спасло», но избавило от неприятностей два факта: я не включал фары, а серую машину в сумерки и без света разглядеть издалека трудно, и еще машина, шедшая впереди, затормозила и яркая вспышка стоп-сигналов привлекла мое внимание. А в зеркало, они, наверное, не смотрели. Поэтому я просто ударил по тормозам, успев за этот краткий миг подумать о том, что неплохо бы вывернуть лампочки из этих самых «стопов», раз они так выдают, и схватился за бинокль.

«Хамви», бронированный, с пулеметом на крыше, медленно ехал в сторону аэропорта. Так медленно, что можно было заподозрить военных в том, что они кого-то высматривают. Меня, например.

Как спрятать машину в этом месте? А прямо на стоянке, на ней машин много. Отпустив «хамви» подальше, я тронул пикап с места, и перевалившись через окружающий парковку газон, быстро нашел укрытие за высоким белым пассажирским вэном.

И что дальше?

Это за мной или они просто патрулируют?

Это «представители центральной власти» из Форт-Худа или какое-то самостоятельное сообщество? Если эти военные связаны с Анклавом, то могут даже меня искать, я думаю. Наверняка какие-то сведения обо мне и самолете распространены на случай, если я объявлюсь в другом месте. Не думаю, что меня так уж просто отпустили. Поймать и найти не получится, а вот если случайно налечу на кого-то...

Кстати, а точно не получится? Я ведь ничего не знаю про эти самолетные навигационные системы. Может быть они заодно показывают, где самолет находится, не только пилоту?

Нет, не думаю, тогда бы мне сказали это еще тогда, когда я начал летать в Гарден-Сити. Или не сказали бы? И вот я здесь приземлился, место засекали, а тут рядом военная база, и кто-то дал приказ поискать меня. Например. Может быть так? А почему бы и нет?

Блин, так вообще до паранойи доразмышляться можно. А сейчас-то что делать? Мне бы глянуть, чем там эти военные из «хамвика» на поле заняты, например. А если конкретно, то хотелось бы глянуть, насколько их привлек мой самолет. Но только как это все исполнить, учитывая то, что укрытий здесь мало, а аэродром просторный. Ну, до терминала можно перебежками, укрываясь за машинами, но тут даже не поймешь, как укрываться правильно, потому что тот же патруль может показаться с любой стороны терминала, и если с одной ты укроешься, то со второй будешь как на ладони.

Еще можно никуда не лезть, а дожждаться пока они уедут. А они точно на одной машине? Хм... а я бы вот так не поручился. Например, они могли приехать на двух, просто одна сейчас на поле, у моего самолета, например, а вторая патрулирует периметр. Как вариант, причем очень реальный.

Можно плюнуть на все и уехать. Но тогда есть риск, что меня заметят во время движения. Я сейчас поеду, и тут как раз патруль из-за угла. И будут, например, гонки со стрельбой из крупнокалиберного пулемета, а мне в них участвовать неохота совсем. И что делать?

Еще можно ждать. Ждать здесь и наблюдать. И надеяться на то, что среди экипажа «хамви» никого особо наблюдательного нет, такого, кто заметил бы новую машину на стоянке. Пикап все же довольно большой и заметный, он может просто взгляд какого-нибудь солдата притянуть, это же мечта любого молодого охламона.

Так, лучше все же свалить.

Я повернул ключ, большой двигатель пикапа тихо, но басовито заработал под капотом.

Фары не включаем, на тормоз не ждем, валим отсюда как можно быстрее. Ищем место для ночевки, а дальше видно будет, потому что лететь все равно не получится, вон какой снег начинает валить. И кстати, надо быстрее сваливать, потому что скоро я начну оставлять на снегу следы. И по ним можно будет прийти за мной туда, где я буду прятаться.

Тогда бегом отсюда!

«Рэм» рыкнул, сорвался с места, завалился в шаткий разворот, после чего рванул в сторону дороги. Добраться до перекрестка, и тогда все, меня уже так просто не разглядеть, там уже обочины высокие и дорога немного виляет, далеко не видно.

Нет ничьих фар в зеркале заднего вида, я туда сейчас смотрю больше, чем вперед, нет никого. Похоже, что успел сдернуть из аэропорта никем не замеченным. Куда теперь? Искать убежище, куда же еще.

Дорога сомкнулась с шоссе и я, на секунду задумавшись, свернул к городу. Наверное, если за мной гонятся, они так и решат, что я туда дернул, это логично, может было даже лучше ехать в противоположном направлении, но мне все равно в ту сторону. Никто не заставляет искать укрытия в самом городе, можно будет и в сторону свернуть, и дальше проскочить. Но если вдруг начнут искать с воздуха, то в городе намного легче укрыться. Это сначала. А вот потом... а насчет «потом» у меня есть идея, на которую меня еще несколько часов назад натолкнули «Желтые страницы», и пока снегом здесь все не завалило, эту идею можно реализовать. Только проскочить город.

Фары. Не сзади, а спереди-справа, быстро двигаются в сторону шоссе по примыкающей дороге. Куда? Дальше дорога до самого города просматривается, если свернут следом... А вот как раз слева от меня, метрах в ста от дороги редкие кусты и какие-то дома...

Размышлять особо некогда, так что вся надежда на высокий клиренс пикапа. Я, не касаясь педали тормоза, скинул немного скорость и свернул прямо на обочину и дальше, в поле. «Рэм» соскочил с дороги на слишком большой скорости. Машина подпрыгнула, я чуть головой в потолок кабины не врезался, попутно успев обругать самого себя за то, что не пристегнулся ремнем, а защелкнул его, протянув за спинкой сидения. Затрясло, земля зашуршала под колесами, кусты и сборные дома приближались быстро. А фары еще быстрее. Пока их дальний свет направлен мимо меня, но скоро та машина выедет на шоссе, и если свернет налево, то лучи пройдут прямо по мне.

Поэтому я, несмотря на тряску, еще прибавил газу, а заодно включил полный привод. Вибрация, грохот замерзших комьев земли по колесным аркам, треск проламываемого кенгурятником куста, с правой стороны, той, откуда угроза, выросла облицованная сайдингом стена, затем все вдруг ярко осветилось, совсем ненадолго, лучи фар прошли мимо, а... и тут я сделал ошибку. Я все же нажал на педаль тормоза, успев себя при этом проклясть, но не успев задержать ногу. Красные стоп-сигналы вспыхнули, осветив стены дома и сарая или гаража, между которыми я втиснулся.

— Идиот, — похвалил я сам себя.

Машина на дороге остановилась, по крайней мере, лучи фар никуда не двигались. Что они сейчас делают? Если они военные, то они смотрят в приборы ночного видения вообще-то. Видят они меня сейчас или нет?

Обернувшись, я посмотрел назад. Нет, напрямую им меня не увидеть, потому что я сам не вижу их фар, только лучи на дороге, а это значит, что угол дома меня закрыл.

Рычаг автоматической коробки передач сейчас в нейтральной позиции. Если передвигать его в «драйв», то опять придется нажимать на тормоз. Ну почему я сразу не вывернул эти чертовы лампочки? В темноте они как маяк, мать его. Плюнуть на все, выйти из машины и просто разбить их вместе с фонарями? А если в этот момент люди на дороге решат сюда проехаться и проверить?

Пока они стоят, возможно, что просто увидели свет мельком и только не сообразили, что это. Или не поняли, где именно он был.

Я опустил боковые стекла в кабине, надеясь хотя бы что-то услышать сквозь звук работающего двигателя. Заглушить его? А заводить — опять время терять и опять на тормоз давить.

Скосил глаза на дробовик, уже привычно пристроенный к соседнему сидению. Ага, он мне сейчас очень сильно поможет, прямо спасет. Черт, ума не приложу, что делать.

Свет фар вдруг сдвинулся в каком-то неправильно направлении... ага, это они разворачиваются. Зачем? А неважно зачем, если бы «никаких проблем», то они прямо бы ехали, а не разворачивались. Хотя проехать по дороге и осмотреть эти дома? А ведь очень может быть.

И плюнув на все предосторожности, я передвинул рычаг коробки в «драйв» и топтанул педаль газа, попутно заворачивая машину налево. Двигатель глухо рыкнул, тяжелый пикап скачком сорвался с места сразу в поворот, угрожающе подзавалившись на правый бок. Короткая

грунтовка провела меня мимо трех домов и оборвалась тупиком с местом для разворота. Но это меня не остановило, я просто направил машину дальше в поля, одновременно забирая вправо. Черт, уже почти совсем стемнело, да еще и снег, кажется, посыпал совсем всерьез, видно плохо, можно куда угодно и во что угодно влететь. Но и меня самого должно быть плохо видно.

В зеркало, прыгающее и трясущееся, мне было видно, как пятно света появилось у меня за спиной, потом оно вновь обратилось в луч света, а дальше эти лучи, покачиваясь, начали двигаться вдоль ряда домов. Медленно двигаться, так, как будто те люди, что сидят в машине, заглядывают в промежутки между домами, например. А это означает, что мой маневр остался незамеченным.

Где-то впереди еще какие-то дома или другие строения, мне не разглядеть, а правее вижу ряд кустов. А если прямо сквозь него? Тогда меня рассмотреть будет куда сложнее, вроде как занавеску задерну. А что, можно попробовать, вполне.

Кусты росли словно в небольшой ложбинке, причем так густо, что я не рискнул ломиться сквозь них, как бы не застрять. Взял чуть левее, затем, добавив газу, ломанулся сквозь них там, где они казались не такими плотными, и успел затормозить лишь в последнюю секунду — за ними была река. Скорее даже ручей, метров так в пятнадцать шириной, текущий пусть и в низких, но обрывистых, заросших кустарником берегах.

Идиот. Кретин. Ну а где еще в полях растут рядами кусты, а? Ну а подумать?

А теперь уже плевать, я опять фонарями помигал, так что спасет только скорость. Если они на бронированном «хамви», то, наверное, в этом должны мне проигрывать. Как и в проходимости, пожалуй. Поэтому я утопил педаль прямо в пол. Мотор взвыл, из-под всех четырех колес выбросило фонтаны сухой мерзлой земли, а машина выскочила из ложбинки и рванула вперед, быстро набирая скорость.

На этот раз лучи фар преследующей машины скользнули уже по мне. Затем та машина тоже ускорила, потом лучи запрыгали — преследователи выскочили на целину. И что увязались, а? Чем я им мешаю? Или меня и вправду целенаправленно ищут? Из-за чего? Из-за того, что угнал и без того халявный самолет? Нет, в жизни не поверю. Или связал федерального представителя? А это вообще несерьезно. Или все же им нужен именно я, потому что я... ну да, Пикетт думает, что я «провалившийся наоборот». В лабораторные морские свинки меня хотят, или что? А хрена им!

Направления для бегства я выбрал неудачное. Мне вообще с дороги надо был сворачивать не влево, а вправо, оставаясь внутри поворота той машины, тогда бы они меня вообще не заметили. Хотя нет, заметили бы, я бы тогда близко оказался, никакие сумерки бы не прикрыли. Но суть не в этом, а в том что чертов ручей мало того, что перекрыл все возможности свернуть вправо, так еще и прижимает меня обратно к шоссе. А свернул правее, повторяя его путь, и оказался внутри петли, за какими-то сараями.

Преследователи то ли не увидели моего поворота, то ли решили срезать путь и перехватить меня, но они проскочили мимо этого тупика. А я, наплевав уже на все стоп-сигналы, рванул пикап назад, в «полицейский разворот», чуть не перевернув его в очередной раз, и утопив педаль в пол, погнал его в обратном направлении.

Обмануть никого не удалось, машина преследователей развернулась по кругу и погнала следом, но расстояние снова удалось увеличить, «Рэм» набирал скорость заметно быстрее. Послышался грохот, надо мной пронеслось несколько трассирующих пуль —

предупредительный огонь. Напугать напугали, но я его проигнорировал, поди, попади в меня при такой тряске. Прижавшись опять к ручью, я неожиданно для себя выскочил на короткий проселок, идущий через какой-то двор, застроенный сараями, а потом оказался на другой грунтовке, пошире и куда лучше укатанной.

— Да что вы ко мне докопались, а? — пробормотал я сквозь зубы, боясь хоть на секунду отвести взгляд от дороги, потому что на такой скорости пикап не то что трясло, а все движение состояло из бесконечной цепи прыжков.

К счастью, грунт был подмерзшим, поэтому покрышки держали на нем хорошо. Я промчался мимо кустов, снова миновал какие-то сараи, при этом уже с трудом различая дорогу, а затем увидел впереди опять тот же самый ручей. Но на этот раз дорога вела прямо в него, с явно различимыми следами колес, так что я, мысленно перекрестившись, сворачивать никуда не стал, разве что немного сбросил скорость.

Все равно брызг было много. Я услышал, как заклокотала вода возле выхлопной трубы, колеса немного повело по зыбкому грунту, но ничего страшного не случилось, высокий пикап выскочил на противоположный берег и оказался в едва заметной колее, идущей прямо через поле. Похоже, что здесь трактора ездили, и будь пикап нормальной высоты, я бы это место без шноркеля не проехал, а пока вот повезло.

Фары преследующей машины прыгали по дороге сзади. Не знаю, сумеют ли они проехать брод, но думаю, что сумеют, машина у них военная, то есть серьезная. С тех пор, как они постреляли из пулемета, в последнем я точно уверен.

Колея плавно забирала вправо, выскочив на очередную грунтовку, ведущую к чему-то очень большому и плохо различимому в темноте. Запахло отвратно, и когда пикап выехал на новую дорогу, огибавшую это самое, до меня дошло, что тут городские очистные сооружения.

Из-за поворота дороги преследователи потеряли меня из виду, равно как и я их. Дальше машина выскочила на прямую, как стрела, асфальтовую дорогу, и там я уже даванул на педаль изо всех сил, наплевав на все предосторожности. Показавшийся из-за поворота автомобиль преследователей снова открыл огонь и, кажется, на этот раз даже по мне, но пули прошли далеко сзади, похоже, что видно меня было плохо, или такой у них стрелок там никакой.

— Нет, теперь я уже точно сбегу, — сказал я то ли им, то ли самому себе.

Только сейчас я заметил, что руки на руле у меня мелко трясутся, а в ушах аж звенит от переизбытка адреналина в крови. Испугался? Да до усеру.

«Рэм» продолжал ускоряться, стрелка спидометра скакнула за сотню миль в час, что для преследователей было уже совсем за пределами возможностей. Фары их я еще видел, но видел и то, что они уже безнадежно отстают. Поворот под прямым углом, новое ускорение «в пол», опять рывок, снова поворот и снова рывок, потом асфальт закончился, машина понеслась по грунтовке. Затем я оказался опять на каком-то хозяйственном дворе, проскочил его насквозь, бампером столкнул жерди изгороди, прорвался в поле, наткнулся на железную дорогу, к счастью, американскую, то есть без всякой насыпи, и в наглуемую перевалил через нее, подумав, что вот здесь преследующий «хамви» может и не пройти, клиренс у него куда ниже.

После железки свернул направо, прямо в поле, и где-то через километр оказался на двухполосной асфальтовой дороге, где и свернул на юг. Ехать в сторону Рапид-Сити как-то расхотелось, поищем другие пути.

Наконец удалось включить навигатор, который сперва поискал спутники, а затем продемонстрировал карту, из которой я узнал, что нахожусь на Олд Фолсом-роуд. Через некоторое время нашел на ней съезд к очередной куче сараев, свернул туда, объехал их и лишь убедившись, что с дороги меня теперь не разглядеть, взялся за карту и «Желтые страницы».

— Так, мне нужно в Рочфорд, — сказал я навигатору после того, как нашел нужное рекламное объявление в справочнике.

Навигатор адрес распознал и уведомил, что дотуда больше тридцати миль. Но это через Рапид-Сити опять же. Тогда я внес дополнительный «чек-пойнт» в Хилл-Сити, и дистанция увеличилась до пятидесяти миль.

Ну, ничего, за час должен успеть, пожалуй. Тем более, что можно уже фары включить, пусть пока и ближний свет.

За час доехать не получилось, уложился примерно в полтора, заодно в очередной раз восславив создателей навигационных систем, иначе в этом хитросплетении проселков я бы запутался. Равнина в этом месте закончилась окончательно, превратившись во вполне даже серьезные горы, ну и снег усилился так, что трудно стало разглядеть что-то даже в свете фар. Хорошо, что тот же навигатор старательно предупреждал о поворотах.

Через крошечный городок Рочфорд я проскочил уже в полной темноте, даже не разглядев толком ничего, а затем уже женский голос, не такой как был в «Юконе», предупредил, что я достигну точки назначения через двести ярдов.

Совсем точно не получилось, пришлось проехать еще метров пятьдесят, а уже затем я свернул в открытые ворота изгороди, слева от которых висела табличка с адресом и названием: «Белл Пайн Кэбин». Сюда мне и надо.

Дорогу уже заметно запорошило снегом, который вдруг стал мокрым и липучим, погода явно менялась. Хотя ветер никуда не делся, снег сыпался не сверху, а летел параллельно земле. Свет фар выхватил из темноты бревенчатый дом, гараж рядом с ним и огромную, накрытую рубероидом поленницу за гаражом. Окна дома были темны, следов на снегу тоже видно не было, но это уже не показатель.

Пикап остановился, двигатель замолчал, остывая, но фары выключать я не стал. С дробовиком в руках выбрался из кабины, включил еще и фонарь под стволом. Огляделся, прислушался, «включил радар» — нет, не чувствую никакой угрозы. Пусто здесь, кажется. Недаром реклама обещала полное уединение и единство с природой, причем в любой сезон. И дорогу сюда просто так и сразу не найдешь.

С дверью что будем делать? Ломать как-то не хочется, тем более открывать с помощью дробовика. Потом вдруг вспомнил какой-то фильм, в котором герой заходит почти что в такой дом, пошарив над притолокой двери и найдя там ключ. Попробовал сделать это сам и с удивлением ощутил, как пальцы наткнулись на кольцо с ключами.

Блин... ну надо же как живут.

Замок щелкнул, дверь с тихим скрипом открылась. Свет фар попадал в дом через окна с открытыми занавесками, так что разглядеть гостиную получилось сразу: деревянные стены, кожаные диваны, чугунная печка с прозрачной дверью, олени головы на стенах. Пахнет... а ничем не пахнет вообще. Деревом немного, кажется.

Поняв ствол «моссберга», осветил лестницу наверх, потом поднялся по ней сам. Наверху было нечто вроде небольшого балкончика с креслами и телевизором, а дальше двери в спальни. Три спальни, с простыми деревянными кроватями под стиль самому дому.

— Нормально, жить можно, — заключил я после того, как вышел на крыльцо.

Только машину убрать в гараж, с глаз долой, и дров натаскать.

Генератора не было, гараж был именно гаражом и кладовкой. И там на полках я нашел большую коробку стеариновых свечей. Так что ладно, свет какой-то будет. А вот высокий «Рэм» в гараж не влез, немного нарушив планы. Правда, потом я сам себе сказал, что с дороги это место все равно не видно, да и не поедет по дороге никто, потому что заметет ее к чертовой матери, а когда все растает, то я сам отсюда уеду. Так что фиг с ним, пусть пикап на улице стоит.

Потом еще час ушел на разгрузку машины и натаскивание дров в дом, и когда с этим покончил, то бы похож на снеговика. Потом я растапливал печку, и лишь когда она начала распространять ощутимое тепло, сел, наконец, за ужин. Все, спрятался, теперь меня разве что дым из трубы демаскировать может, но чтобы такое случилось, нужно чтобы закончился снегопад и ветер утих, а с ними ситуация как раз совсем обратная, все только усиливается.

38

Это не было снегопадом, это была самая настоящая снежная буря. Если на второй день снегу было мне до середины голени, то на третий его навалило выше чем по колено. Была у меня идея почистить двор, но потом я от нее отказался — смысла нет. Дорогу же все равно никто не почистит, так что мне здесь жить до того, как это все растает. И думаю, что растает скоро, потому как похоже, что зимы здесь все же бесснежные.

Холодно не было, к слову, по ощущениям слегка ниже ноля, это когда ветер не в лицо. На третий день ветер заметно подутих, да и снег почти прекратился. Стало теплее, и когда я попробовал, надев снегоходы, погулять по окрестностям, то здорово взмок. Низины завалило так и вовсе по пояс, надуло с возвышенностей. Ветви елей вокруг отвисли под тяжестью навалившегося на них мокрого снега, который уже понемногу начал подтаивать. А вообще пейзаж, если бы не горы, то напоминал бы нашу Среднюю полосу, тоже елки вокруг да снегу по... по это время.

И воздух. И тишина, разве что время от времени слышно, как под тяжестью снега ветки ломаются. А гулялось хорошо, прямо душой всю эту зимнюю благодать ощущаешь. И даже замеченные вороны не раздражали. А может и не вороны это вовсе, а вОроны? Здоровые больно.

Следов всякого зверья на снегу тоже хватало. Зверья, птиц, только вот распознавать эти следы я не умею. Когда же сел на поваленный ствол дерева чтобы передохнуть, увидел, как на противоположную сторону неширокой долины вышел небольшой олень.

Красивый, рыжевато-серый, с чуть более светлым брюхом, маленькой головой, увенчанной небольшими рогами с тремя острыми концами, он встал как изваяние, время от времени чуть двигая головой. Потом немного подогнул заднюю ногу, вроде как собираясь шагнуть, но снова замер, так и не опустив копыто на снег.

Я даже немного растерялся, вроде бы вышел просто прогуляться, а тут добыча прямо на меня вышла. Вот пойдешь на охоту — точно бы никаких оленей не нашел, уверен. Потому что так

работают законы природы.

Было до него метров сто пятьдесят, не больше. Не знаю, видел ли он меня, или ему было все равно, отвык от людей, но внимания на меня он не обращал никакого. Я аж дыхание затаил, потянув к плечу лежащий на коленях «ремингтон», попутно сползая вниз с бревна, чтобы можно было опереть руку с винтовкой на колено. Олень повернул голову в мою сторону, но так и остался стоять недвижимо.

— Ты это, не шевелись давай, — прошептал я одними губами.

Спина уперлась в бревно, натянулись лямки рюкзака, снег осел под задницей. Левая рука зафиксировала трубу цевья на колене, получилось вполне устойчиво. В винтовку девятизарядный магазин вставлен, с пулей «Сильвер Тип» как раз на такого зверя. Судьба.

В голову, с такой дистанции только в голову. Только вот дыхание не могу успокоить, что-то совсем разволновался. С чего бы, а? С того, что вместо стрельбы по людям и тварям я оказался просто на охоте? Как будто кусок нормальной жизни захватил?

Где-то опять треснула ветка под грузом снега и олень повернулся в сторону звука, теперь мне его голова была видна в профиль. Так, у меня пристрелка на триста ярдов, а здесь половина дистанции... высота и температура здесь не роли особо не играют, тут недалеко... семнадцать сантиметров поправка будет в таком случае.

Куда целиться вообще? А вот между основанием рога и основанием же уха, наверное. Навел прицел туда, потом поднял чуть выше, выбрав предположительные семнадцать сантиметров. Задержал дыхание, мысленно досчитал до двух, затем потянул спуск. Бах!

Винтовка лягнулась, эхо метнулось по горам и вернулось ко мне сразу со всех сторон, с дерева рядом лавиной посыпался снег. Олень дернулся и завалился набок, несколько раз взбрыкнув конвульсивно копытами, а потом затих. Снег возле его головы окрасился кровью. Все это время я не отрывался от прицела, готовый выстрелить еще раз. Но хватило одной пули, добивать не пришлось.

Вот так, а эти патроны и эта винтовка как раз на оленя и рассчитаны.

Поднялся, подобрал отблескивающую серебром гильзу, веса которой не хватило для того, чтобы провалиться в мокрый снег глубже чем на пару сантиметров, сунул в карман.

— Ну вот, мясо будет.

Разделявал я оленя прямо на месте, подвесив за задние ноги к дереву. За веревкой и подходящим ножом пришлось, правда, ходить в дом, но все же через несколько часов я вернулся туда перемазанным в крови, с немалым грузом мяса. Теперь можно будет себя хотя бы свежатинкой подкормить, а то консервы что-то уже поперек горла встают.

Пришлось подумать над тем, как оленину готовить. Кухня в доме была на электричестве, которого не было, гриль тоже. Хотел переделать его в нормальный просто выломав нагревательные элементы, но не стал, а просто выложил из камней место под костер и готовил мясо уже на нем. Оленина получилась жестковатой, но вкусной, так что по первому разу я просто обожрался.

Вынужденный отдых не слишком расслаблял, откровенно говоря, хотелось как можно быстрее добраться до Канады и как можно дальше убраться от Анклавов. Потому что не зря, не зря

приезжали военные в аэропорт. Можно считать это паранойей, но можно и не считать. В Гарден-Сити ведь еще результат анализа на «свой-чужой» должен был прийти, и после него моя персона просто обязана была вызвать невероятный интерес.

Надо валить отсюда, в общем. И еще вопрос: попытаться глянуть на самолет, или ну его?

А пожалуй, что ну его. Снег, к слову, может и дальше лежать, плюс обледенение при такой погоде, плюс... плюс засада может быть. Или, не знаю, самолет как-то испорчен, полетишь и хлопнешься. Нет, дальше надо на машине двигать.

На следующий день снег уже заметно осел и уплотнился, хотя за ночь под ветерком на нем наморозило неслабый наст. Так еще денек, и можно будет выезжать, большие колеса «Рэма» через такой слой уже проломаются, особенно если давление понизить. Кстати, а не попробовать ли так сделать сегодня, вроде как испытания провести? Сдерживает одно — все время жду, что с военной базы поднимут что-то летающее вроде вертолета и начнут прочесывать окрестности, вот как раз в поисках следов автомобиля. На снежной целине, что укрыла дороги, они будут заметны прекрасно. А дальше догнать уже дело техники, сажай солдат в вертолет и устраивай засаду, тем более что по снегу скорость будет никакая.

Нет, все же надо ждать до тех пор, пока снег сойдет полностью. Сейчас и пикап снегом укрыт, пролети кто-то над нами... блин, а я тут костры жгу, оленя жарю. Ну не дебил, а? Расслабился, на дачу выехал. Погода ведь летная, в любой момент появится могут.

Подхватившись с места, выбежал на улицу и схватив в гараже лопату, быстро забросал снегом кострище, выделявшееся на белом как язва. Нет, ума нет — считай калека.

Вернувшись в дом, собрал разбросанные вещи в сумки, которые поставил у входной двери. Пусть все будет в «тревожных чемоданах», лишь выбежать на улицу и в машину забросить. И без рюкзака-однодневки, охотничьего зимнего камуфляжа и винтовки с боекомплектom на улицу даже не выходить. Вообще. Даже на минуту, даже всего лишь до сарая. Потому что случись в такой момент появиться здесь кому-то нежелательному, отрезать меня от оружия и запасов будет проще некуда, и останусь я с одним револьвером в кобуре и парой скорозарядников. И тогда все будет очень плохо.

Винтовку, кстати, где можно, обмотал бинтами и нанес на них несколько черных полос, стараясь максимально «изломать» ее силуэт. Вокруг белый снег и темные ветки, такое сочетание будет самым маскирующим.

Да и вообще по двору пока шляться меньше надо, я же следы оставляю, тропинки уже проделаны. А на снегу, да под ярким солнцем, это как карандашом нарисовать. В общем, уже накосячил по полной программе, не исправишь, вся надежда теперь исключительно на везение и лень военных. Или на то, что я просчитал ситуацию неправильно и сильно ошибся. Хоть бы так и было.

С этого момента мое дачное существование оказалось сильно испорчено. Не то, чтобы что-то случилось, но я стал нервным и подозрительным, из дому не выходил почти, костров не жег, оленину не жарил. Через день действительно услышал летящий вертолет, однако рассмотреть, откуда и куда он летит, не смог — как раз сидел в сортире, а там окошко крошечное и в другую сторону смотрит. Но после этого стал еще более дерганным, перестал в доме разуваться, а винтовку и ременно-плечевую с подсумками и «мародеркой» держал все время на виду, чтобы сразу схватить — и бежать. А остальные сумки вообще в машину переложил, каждый раз выходя туда, если что-то требовалось. Паранойя, понимаю, но ощущение того, что я заперт

здесь как в ловушке, этому очень способствовало.

А оленину с тех пор жарил в печке, насаживая куски на длинную двузубую вилку, найденную на кухне. И только вечером, когда темнело, потому что днем я печку больше не топил.

Следующим утром пошел к дороге, вооружившись найденным в гараже метром для того, чтобы измерить толщину снега и прикинуть, сколько времени я должен еще здесь сидеть. Вообще прогресс в таянии радовал, так еще пару дней, и снег с дороги сойдет. Ну, по крайней мере, в тех местах, что я отсюда вижу, как там дальше — не знаю, проверять придется экспериментальным путем.

Снега осталось сантиметров пятнадцать, то есть пикап по такому покрову пройдет уже без проблем, если не учитывать те самые пресловутые следы. Садиться за руль да и ехать? Вертолета я больше не слышал, так что или искали не меня, или не заметили они ничего подозрительного с этой стороны, может, в таком случае, и следов никто не обнаружит?

Звук в такой тишине разносится очень далеко. Ветка в лису хрустнет, а ты ее как выстрел слышишь. А вот если одновременно газовать сразу несколькими моторами вроде мотоциклетных, то трудно рассчитывать на то, что тебя не услышат. Вот я их и услышал. Звук доносился со стороны Рапид-Сити и пока был непонятно, приближается он или там кто-то покатушки на квадроциклах устроил. То, что это именно квады, сомневаться не приходится.

И что делать? Кидаться в пикап и сваливать? Так если это за мной, то на квадах все равно догонят, по моим же следам, разогнаться все равно не получится. Запереться в доме? Атаас идея, лучше и не придумаешь.

Оглядевшись по сторонам, я понял, что выбор по сути не велик, и рванул в лес, на противоположную сторону дороги. Хорошо, что на ногах снегоступы были, потому что в отличие от открытых мест, под тесно сомкнутыми елями снега еще хватало, пешком бы я здесь просто забуксовал.

Удалившись от дороги метров на тридцать, я свернул налево, в сторону начавшего понемногу приближаться звука, и чуть приналег, пытаюсь уже не идти, а вроде как даже бежать. Идти, по моим прикидкам, надо было метров двести как минимум, или больше, а с такой скоростью на это уйдет минут десять, наверное. И вот вопрос: те, кто сюда едет, доберутся раньше, или все же я успею?

Взмок почти сразу, потому что бежать, увязая в мокром тяжелом снегу, вовсе не то, что по стадиону, тут не бежишь скорее, а тащишь себя, чуть ли не за шкуру. Даже снегоступы вязнут, проваливаются, от этого упасть норовишь чуть ли не через каждый шаг. Метров через сто пересек дорогу, примыкавшую к шоссе, наплевав на оставляемые следы, затем снова углубился в лес. Звук моторов все ближе и ближе, теперь уже понятно, что едут не куда-то, а именно в эту сторону. Военные? Кто-то другой?

Опять упал, снегоступ угодил под скрытую снегом ветку, зацепился там. Поднимаясь, начерпал снега в рукава и перчатки, выматерился злобно, погреб дальше. Еще позицию найти надо... или выждать момент, чтобы ее занять.

Треск моторов уже совсем рядом, теперь только сесть в снеги замереть, пропустить их мимо. Укрылся за старой разлапистой елью, замер, не шевелясь, и вскоре увидел, как по полускрытой от меня деревьями дороге пронеслось несколько квадроциклов. Ну, точно угадал, они самые. И пропустив их мимо, сменил прицел винтовки с трехкратного на большую оптику, а потом, пригнувшись, пошел в сторону просвета между деревьями. Метров через двадцать уже

лег на живот и пополз, стараясь не начерпать снегу в ствол и механизм винтовки.

Звук моторов между тем немного затих, превратившись в утробное почихивание на холостых оборотах. Забравшись под низкие ветви ели и укрывшись частично ее стволом, я глянул на дорогу сначала так, а потом и в прицел, откинув крышки. Изображение немного загуляло, я дышал так тяжело, словно марафон пробежал, но затем прижал цевье к стволу и картинка стабилизировалась.

Приехавшие остановились как раз у поворота к дому. Пять квадроциклов, все как на подбор серьезные утилитарники, возле них человек восемь вооруженных людей. Не по-охотничьи вооруженных, посерьезней, у кого АК, у кого «Ругер Мини», у двоих AR15. А вот одеты все кто как, хотя преобладает в одежде охотничий камуфляж. Вязаные шапки «бини», овчинные охотничьи шапки, бороды, двое или трое курили, явно задымив после того, как слезли с машин, на ходу на кваде не очень-то покуришь. У двоих или троих я заметил рации, причем не туристические, а посерьезней, а еще на одном из квадроциклов я разглядел длинную антенну, сейчас согнутую дугой. То есть, случись чего, они могут и помощь вызвать, наверное?

Люди о чем-то спорили, указывая друг другу то в сторону дома, то на мои следы, то на то место, в котором я вошел в лес. Похоже, что следы их немного озадачили, вроде как теперь непонятно кого и где искать.

А я тоже чувствовал себя донельзя озадаченным. Причем озадаченным самым простым из возможных вопросов: а что делать-то? Мне совсем не нравится, что кто-то обнаружил мое укрытие, но я понятия не имею кто его обнаружил и зачем. Еще я понимаю одну простую вещь: у меня есть всего одно единственное преимущество, случись эти люди приехали с враждебными намерениями. И это преимущество можно реализовать только сейчас, когда я у них за спиной, когда они у меня в прицеле как на ладони, и никого не закрывает лес. Если они хотя бы разделятся, то есть кто-то пойдет проверять дом, а кто-то отправится по следам, все мои выгоды сойдут на нет. Безвозвратно.

То есть, если еще проще: начни я сейчас стрелять, и с моей винтовкой, с моим прицелом и с такой дистанции я сразу же нанесу им непоправимый ущерб, прежде чем они даже дернуться успеют. И еще я смогу прижать их огнем так, что там никто и дыхнуть не сможет. Потому что этим метров триста для меня дистанция практически гарантированного поражения, позиция у меня хорошая, и стрелять прицельно в ответ я просто не дам. Но вот вопрос: а стрелять вообще надо?

Те, кого я тогда убил на ферме, были не просто бандитами, а бандитами, которые этого не скрывали, а даже наоборот, гордились таким фактом своей новой биографии. Они словно упрасивали их застрелить и достаточно легко упрасили, я секунды не сомневался. Но вот эти выглядят самыми обычными реднеками и пока никакой откровенной враждебности не проявляют. И что мне теперь делать?

Те, похоже, тоже никакого решения принять не могли, и это напрягало даже больше. Если бы они действовали как-нибудь толково, пытались занять позиции, прикрывали бы друг друга, я мог бы решить, что это и есть проявление агрессии, но они стояли кучей, собравшись у своих квадроциклов, и продолжали спорить, размахивая руками.

— Ну что бы вам просто мимо не проехать, а? — прошептал я беззвучно, но со всей страстью, словно заклинание читая. — На кой я вам дался? Живет человек один, значит, ему так нравится, имеет полное право, вы же сами всегда утверждали, что это свободная страна. И что вы теперь тут зависли?

В конце концов, главный, а таковым выглядел невысокий пожилой мужик с седыми висячими «ганфайтерскими» усами и обветренным красным лицом, послал четверых к моему дому, а сам с двумя остальными — рослым толстяком с бородищей как у Карла Маркса, и еще одним мужиком, в сером «стетсоне» и бежевой куртке в овчинным воротником, — остался у машин, держа в рацию в руке и попутно с кем-то переговариваясь. Скорее всего с той четверкой, что пошла к дому.

Шли они, кстати, открыто, хоть и с некоторой опаской, держа свое оружие наготове. Сам дом мне отсюда виден не был, только поворот и часть дорожки к нему, поэтому наблюдать я мог только за теми, кто остался на дороге.

Минут десять ничего не происходило, только седой продолжал время от времени говорить по рации. Две его спутников смотрели в разные стороны, держа оружие в руках и вроде как прикрывая старшего. Меня, естественно, никто так и не заметил. Я время от времени переводил прицел с силуэта одного на силуэт другого, в порядке пристрелки и определения приоритетности целей. Потом в поле зрения появились остальные четверо. Двое тащили в руках хорошо знакомые мне канистры, те самые, что стояли в багажнике пикапа, а еще один нес мой «моссберг» и сумку с патронами. Всеми патронами, что были у меня помимо тех, что были сейчас на мне.

А еще над домом, хоть его отсюда и не было видно, начал быстро расти столб дыма. Они его еще и подожгли, поэтому вместо четырех канистр у них были с собой три, четвертая пошла на растопку.

Не, ну что за уроды, а? Земля пустая, бери что хочешь, а тут же видно, что не бесхозное все, чье-то, так нет, надо украсть, а что не украд, то изгадить.

Скоты.

И еще они оставили меня без всего, с запасом еды всего на день, тем самым, что в рюкзаке.

Я вдохнул глубоко, выпустил воздух через сжатые зубы, и подвел прицел к середине груди их старшего, стоявшего сейчас ко мне лицом.

— Уроды, — прошептал я, ожидая, когда все они соберутся вокруг квадроциклов.

Зато теперь я знаю, как надо поступить.

Указательный палец плавно потянул спуск.

Свободного хода на этой винтовке почти нет, так что выстрел грохнул сразу, хлестнув кнутом по ушам, и мне даже не нужно было смотреть, попал я или нет, потому что промахнуться я не мог у в принципе. И когда я перекинул прицел на «Карла Маркса», на дороге еще даже не начали укрываться.

Целься в самую широкую часть корпуса. А «Маркс» был самым широким из всех. Он как-то странно дернулся, когда пуля угодила в него, потом начал заваливаться. Остальные бросились укрываться за квадрами, и я успел попасть в еще одного, одетого в охотничью камуфляжную куртку и такие же штаны, заправленные в высокие, по колено, зимние сапоги. Он налетел на квадроцикл, свалился на него животом, а затем сполз в бок, выронив на снег калашников с деревянным прикладом.

— Ага, укрытие у вас что надо, там и сидите дальше, — прошептал я в злобной радости, и

выстрелил в рацию, смонтированную на багажнике одного из квадов.

Попал, та подскочила и от нее что-то отлетело.

Звуки стрельбы, напоминающие треск ломаемых досок, метались между холмами, костер на месте дома разгорался на глазах, причем к серому дыму начал примешиваться черный, из чего я сразу сделал вывод, что моему новому красивому пикапу хана. Вот так, не жили богато и нехрен начинать, одно расстройство от этого.

Похоже было, что мои противники до сих пор не поняли, откуда я стреляю. Ответный огонь велся, но вот куда он был направлен — это вопрос другой. Разве что человек в сером «стетсоне», стоявший с главным на дороге, довольно уверенно обстреливал деревья вокруг меня, укрываясь за одной из машин.

Левой рукой я крутанул кольцо на прицеле, увеличив кратность, так, что его голова, торчащая над решетчатым багажником, превратилась в прекрасную цель. А затем выстрел выбил из нее красный туман, и «стетсон» покатился по дороге, завалившись тульей вниз.

— Четыре.

И старший, и «Маркс» лежали на земле недвижимо. Мужик в высоких сапогах слабо шевелился, но ранен он был явно очень тяжело, потому что даже не пытался ползти. Можно было его добить, но я подумал, что его стоны будут очень кстати его товарищам. А человека в «стетсоне» мне видно не было вообще, квады его закрывали.

А затем оставшиеся четверо открыли достаточно дружный огонь в мою сторону, заставивший меня вжаться в снег и податься назад, укрывшись за стволом дерева. Сверху сыпался снег вперемешку с иголками, валились сбитые пулями ветки, пару раз я услышал щелчки пуль, ударивших в ствол.

Отползая назад, я оказался словно бы в небольшой лощинке, где достать меня огнем было бы трудно. Там повернулся и пополз в сторону, меняя позицию, потому что вести бой даже с такими олухами с одно места может только соответствующий им идиот.

А затем на дороге взревели моторы, и я вскинулся на колени, ожидая невероятной атаки на квадроциклах, но увидел только удаляющиеся четыре машины и пригнувшихся людей на них. Выстрелил несколько раз вслед и, кажется, даже кого-то задел, но все четверо исчезли за поворотом, и звук продолжал удаляться и удаляться.

Подскочив на ноги, я побежал, высоко поднимая ноги, в сторону дороги. Уже там, оказавшись в колее проехавших машин, я скинул снегоступы и рванул к брошенным посреди дороги квадам уже изо всех сил, поскальзываясь и захлебываясь холодным воздухом. Мысли в голове путались, несмотря на то, что я старался привести их в порядок.

Бежать в дом? А толку, я пожар уже отсюда вижу, моего бензина на это не пожалели. Дом бревенчатый, уже пылает как пионерский костер, а так черно дымить могут только сгоревшие крыши. И драпать надо отсюда как можно быстрее, потому что уверен на все сто — эти люди не сами по себе, они приехали откуда-то, где то их много. Где-то недалеко, я думаю, потому что приехали на квадах, у которых с дальностью на одной заправке так себе, и на багажниках ни единой запасной канистры.

Просто ли так они приехали или кто-то прислал? Или навелись на единственный выстрел, которым я заохотил оленя, и как снег более или менее сошел, решили проверить, кто тут

стреляет?

Раненый так и продолжал вяло шевелиться на снегу, и подбежав ближе, я выстрелил в него еще раз. Он замер, уставившись на меня остекленевшими глазами. Оглядел остальных — все мертвы, похоже. Нет, главный жив, пытается то ли сказать что-то, то ли просто губами шевелит. Ладно, всем сестрам по серьгам, а вам всем по пуле, не всякий случай, и магазин сменить.

Винтовка грохнула четыре раза, звуке выстрелов эхом проскакал по долине.

Три квада, все заглушены, но ключи у всех в зажигании. Я повернул ключ и глянул на датчик топлива большой темно-зеленой «Ямахи Гризли» — больше половины бака еще есть. Так, где мое имущество, я же видел, что они его тащили... Вон сумка с патронами, вон дробовик... Схватил и то, и другое, кинул на передний багажник «ямахи». И еще канистры, гни их так и побросали. Все не взять, а одну можно, на задний багажник как раз уляжется.

Бросил тяжелый пластиковый бак на багажник, вытащив из кармана обрезок веревки, наскоро прихватил сперва его, чтобы не вылетел, затем так же быстро и суетливо привязал сумку и «моссберг». И все, теперь бежать отсюда! Драпать, и как можно быстрее!

39

Навигатор сгорел вместе с машиной, так что ехать приходилось скорее по памяти и интуиции, изредка сверяясь с картой, которую постоянно держал в рюкзаке. Выбор направления был не велик — ехать по следам приехавшей банды было бы глупо, можно напороться на их товарищей, гнаться за убежавшими еще глупее, тем более, что из-за шума двигателя я не услышу уже звук их моторов. Так что остается примыкающая дорога, ведущая к югу. А дальше куда?

А вот это и проблема, потому что следы за мной остаются что надо. Квад по снегу бежит легко, проминая его своими колесами, и оставляет такую прекрасную колею с отпечатками, что ее, наверное, даже из космоса можно разглядеть. Одну единственную колею на всю округу. И снег еще пару дней как минимум не стает, и снегопад не возобновится, чтобы ее завалить — солнце уже по-весеннему жарить начинает. И это значит, что меня можно преследовать сколько угодно и куда угодно, без всяких проблем. Если я, конечно, что-то не придумаю.

Попробовать уйти, рассчитывая на запас топлива в канистре? Типа они отстанут? А не думаю, что так получится, они могут и не на квадах гнаться, и запас прихватить. А гнаться будут, потому что я бы гнался за четырех убитых своих. Гнался бы, мечтая поймать и на куски разорвать.

На что еще рассчитывать можно? Ох, голова моя, голова, сейчас ее разорвет просто от бесплодной работы, нет у меня никаких идей, здесь все снегом покрыто, везде следы будут, везде меня по ним найдут. На самолете бы улететь, но теперь с этим никак, хрен мне, а не самолет, нет больше самолета. Да и аэродром никто бы не чистил.

Куда же бежать, мать его, куда? Что-то не хочется, чтобы меня поймали, да и убили. Вот не хочется — и все тут.

Какие у меня преимущества? А никаких. Есть рация, которую в последний момент взял с седусого, по ней можно будет что-то услышать... пока батареи не сядут. Ну, вернул себе свое оружие и боекомплект, только пользы с этого сколько? Если за мной погонятся толпой, то что оно есть, это оружие, что нет его.

В любом случае рвать надо в город, в Рапид-Сити. Там есть большие дома, в больших домах много комнат и не остается следов, может быть, уже там как-то удастся запутать след и оторваться, других вариантов я не вижу. Да и нет их, вариантов этих самых.

«Ямаха» уверенно плющила скрипевший под покрышками снег, ехал я довольно быстро, на пределе возможностей. Хорошо, что темные очки всегда с собой, а то бы сейчас глаз не открыть было, солнце такое яркое, что белый снег слепит, даже сквозь очки на него смотреть трудно. Пока по мне никто не стрелял и никто меня не догонял, но уверен, что это не надолго. Сейчас там с силами соберутся, и...

На окраину Рапид-Сити я влетел примерно часа через полтора. Мелькнула мысль ломануться куда-нибудь в промозону, но я ее сразу откинул — здесь все склады все больше из легких панелей собраны, так что укрытия от пуль в них не найти, все насквозь прошиваться будет. И строились в этих промозонах широко, парковки занимают больше места чем склады, а это значит, что придется оставлять много следов. Не годится.

И я рванул в сторону городского центра, то есть места, где было много капитальных многоэтажных зданий. Может быть, там удастся укрыться, все шансов больше. Грохочущий звук мотора квада отражался от стен, казалось, что слышно его по всему опустевшему городу и далеко-далеко за его пределами. Постоянно возникало ощущение, что кто-то смотрит мне в спину из пустых окон, но при этом «внутренний радар» уверял меня в совсем обратном.

На поворотах «Ямаха» срывалась в лихие заносы, которые я компенсировал наклонами корпуса, но один раз меня все же снесло дальше и заднее колесо квада тюкнуло в бампер припаркованной легковушки. После этого я все же повел машину немного осторожней, нечего совсем голову терять.

Найти центр небольшого города было нетрудно, тем более, что я его карту не раз рассматривал и, в принципе, расположение улиц запомнил. Сначала свернул на некую Сент-Джеймс-стрит, нацелившись на несколько многоэтажных банковских зданий, и даже подъехал к краснокирпичному корпусу банка «Уэллс Фарго», но в последний момент сообразил, что такая идея тоже не слишком хороша. Здание стоит отдельно, заблокировать его будет несложно, и тогда достаточно будет не дать мне из него выбраться. Мышеловка.

Дальше уже волна отчаяния накатила — ничего умного в голову не приходило, все портили вот эти самые следы на снегу. Мелькнула мысль о том, что надо прорываться на аэродром, отбивать свой самолет... который даже не заправлен, и вообще, кто-то взлетные полосы там расчищал? Ага, меня дожидаясь, специально, можно сказать.

Гнать просто как можно дальше, по прямой, рассчитывая на канистру бензина на багажнике? Можно оторваться, по идее. Но можно и не оторваться, если погоня будет всерьез. И кто знает, сколько снега дальше по дороге, какая там погода, и не завязну ли просто-напросто? Квад — это ведь даже не снегоход.

Делать-то что?

Огляделся, и...

— А ведь может сработать, — сказал я сам себе, чувствуя, как меня накрывает *вроде бы удачная мысль*. — Может, может... не, вот ей-богу может!

И рванул квадроцикл с места так, что он чуть не на дыбы поднялся. Недалеко рванул, всего лишь на один квартал вперед, туда, где на углу «торгового квартала» виднелась вывеска

другого банка, «Ю-Би-Эс». А если точнее, то еще немного дальше, к магазину, над которым висит объявление «сдается в лизинг» с телефоном риэлтора, и под козырек которого заехал большой пикап, почти касаясь этого самого козырька крышей своей кабины.

Квад остановился, чуть проехав юзом, двигатель заглох. Все, гнать на нем дальше смысла нет, все решится или здесь, или... или не важно уже.

Дернув конец нейлонового шнура, распустил веревку, притягивающую дробовик и сумку с патронами к багажнику, схватил «моссберг», дослал патрон. Так, у меня там «два нуля», для витрины должно хватить, наверное. Повернул ствол ружья чуть в сторону, чтобы не получить рикошетом в обратку, потянул спуск.

Грохнуло, стекло водопадом обрушилось на подоконник и дальше, на асфальт. Я заглянул внутрь — пустой зал, в уголке стоит переносной верстак с маленькой циркулярной пилой, на полу лежит несколько листов фанеры. Что-то здесь уже ремонтировать собирались, похоже. Растолкав сапогом осколки стекла, я протиснулся в окно, просто для того, чтобы обозначить направление движения, но затем мой взгляд задержался на пакете с чем-то внутри. Нагнулся, глянул — несколько рулонов серебристо-серой армированной ленты, той самой, которой я Липперсу рот заклеивал.

Сочетание мрачно-темного помещения с пыльными окнами и вот этой самой ленты в пакете вызвало некую смутно оформившуюся мысль, которую я еще не до конца сам понял, но которая показалась заранее безусловно удачной. И, схватив этот пакет, я выбрался наружу, на улицу.

В кузове пикапа лежал снег, но с капота и кабины он уже стаял, машина была черной и нагревалась быстро. Кстати, и на улицах города слой снега был куда тоньше, чем в горах, местами так и вовсе начинали проглядывать пятна грязного асфальта. Дома закрывают от ветра, много темных поверхностей, в городах всегда все быстрее тает.

Подхватил сумку с дробовиком и патронами, я закинул ее на капот машины, затем вскарабкался туда сам, стараясь не поскользнуться и не слететь вниз, потому что подошвы с протектором, забитым мокрым снегом, скользили по металлу автомобильного кузова как коньки. Аккуратно перебросил сумку на козырек, сам при этом чуть не свалившись, потом перебрался туда сам, осторожно, встав на четвереньки. А уже затем забросил сумку на крышу здания и, подтянувшись и навалившись животом на край, перевалился туда сам.

— Нормально, — кивнул я сам себе, оглядевшись.

На черном рубероидном покрытии снега уже почти что не было, разве что у самого края местами, куда падала постоянная, видимо, тень. Но следов здесь я уже не оставляю. В общем, я вскочил на ноги, подхватил сумку и побежал.

Идея была в том, что такие комплексы магазинов, сомкнувшихся боками, занимали здесь целые кварталы. Так было в Гарден-Сити, и то же самое я увидел в его местном аналоге. Сомкнувшиеся боковыми стенами магазины, офисы, кафешки, бары, ресторанчики, не широкие с фасада, но куда более просторные в глубину, каждый такой квартал прорезан пополам «задней аллеей», как тут принято называть такие глухие проезды, в которых стоят мусорные баки и через которые ездят мусорные грузовики. И по такому проезду обычно идет магистральная электролиния, причем обычно не на столбах, а на неких мощных сварных арках из железного профиля, причем арки эти растянуты от стены до стены, и такой ширины, что через них как раз может проехать мусорка. То, что мне и надо. Теперь я могу бежать, не

оставляя за собой следов.

Крыши все на разной высоте, одни здания в один этаж, иные в два, но маневрировать все равно можно. Попутно прислушивался, но никаких звуков моторов слышно не было. Или решили не гнаться, или я более или менее оторвался от преследователей, есть какая-то фора. Добежал до дальнего края крыш, огляделся.

Ага, вот как тут все устроено, так, чтобы можно было любого неплательщика легко и просто от сети отключить. По аркам, а если точнее, то по массивным Н-образным конструкциям, тянутся ряды толстенных кабелей, проходящих через большие металлические коробки, в которых, похоже, и счетчики, и вся разводка оттуда.

А еще по этим самым «Н» можно перебраться на другую крышу. Причем без большого труда, только выбрать правильную, а то они тут тоже все на разной высоте. Есть и просто пожарные лестницы, по которым и спуститься можно, и подняться, но опять же снег на земле не растаял, следов наделаю,

Мне подошла третья по счету слева, как раз шагнуть можно — и уже на ней. Правда, с противоположной стороны прыгать придется, но это не страшно, прыгну, не развалюсь. Так, сумку с патронами и «моссбергом» на плечо, теперь бы самому не свалиться.

Плохо, что сверху ухватиться не за что, приходится двигаться согнувшись, держась за «бочонки» всей этой электрической разводки. Хорошо, что хотя бы двутавровая балка под ногами более-менее широкая, можно нормально ступню поставить. Вот так, по чуть-чуть, шажочками, придерживая сумку чтобы не перевесила, дошел до края. Там уже бросил сумку вниз, потом, перехватив винтовку, прыгнул сам, сомкнув ноги и завалившись вбок по приземлению, как в свое время в войсках тренировали, отрабатывая правильное приземление.

Так, куда дальше? Меня даже сейчас не вдруг найдут, если не догадаются забраться, скажем, в здание отеля «Рэдиссон», что неподалеку, но у меня планы другие. И идея с лентой оформилась во что-то уже конкретное. Что должно сработать.

Так, вот люк, открыть получится? Подергал — не заперто, крышка легко поднялась. Что внутри? Заглянул, осветил фонарем — кабак. Бар какой-то. Трусами не пахнет. Свету в помещении много, сзади вроде подсобка видна, но как спуститься — без понятия. И особенно без понятия как обратно в люк выбраться. Лесенку бы какую, что ли... да где ее взять? Негде.

Следующий дом, что справа, двухэтажный, но второй этаж с окнами. Саданул по окну прикладом, замер, испугавшись громкого, на весь мир, звона осыпавшегося стекла, потом очистил засыпанный осколками подоконник, влез внутрь. Теперь уже в ресторане оказался, причем по второму этажу идет просто галерея со столиками. Внизу что? Тоже столики.

Сбежал вниз по лестнице, попутно прочитав название — «Кукурузная биржа», заглянул за барную стойку — дверь куда-то. Не заперта. За ней кухня с окошком и еще дверь. Заглянул уже туда, предвкушая удачу — точно, кладовка, ни единого окошка. То, что нужно. Залез внутрь, притянул дверь — да тут и лента не нужна, особенно если дверь из зала на кухню закрыть... меньше возни, большое спасибо.

Достал из кармана маленький и острый как бритва нож «спайдерко», откинул лезвие большим пальцем, затем, сжав зубы, ткнул им себе в ладонь левой руки. Ранка сразу вспухла большой алой каплей, которую я, махнув рукой, плеснул в кладовку. И сразу дверь затворил. Поискал глазами по сторонам, нашел мешок с грязными скатертями, вывалил все на пол и ногой подтолкнул к двери, чтобы щели снизу не было. А затем выскочил из кухни и закрыл ту дверь

тоже.

А затем я *это* почувствовал. Словно волна холода проскочила по позвоночнику, словно где-то здесь, совсем рядом, вот за этой самой дверью, открылась дверь другая, в какое-то очень нехорошее и очень холодное место. Словно смесью холода и запаха крови потянуло на меня, и я с перепугу так рванул вверх по ступенькам, что даже споткнулся, ударившись коленом. Нет, там пока еще никого нет, но *будет*. Это я уже чувствую.

Окно на следующую крышу просто открыл, подняв раму, а выбравшись, опустил следом за собой. Тут что? А тут два люка. Один вот рядом, второй подальше. Первый открыл из дробовика, высадив замок, и обнаружил под ним совершенно разоренный магазин, в котором еще и здорово пахло мертвецами. И там было светло. А вот второй люк вел то ли в бар, то ли в маленький клуб, и было в нем совершенно темно — передняя стена была глухой, никаких стекол. Кроме как от меня, туда ниоткуда свет не попадает.

Убрал марлевую подушку от ладони, выдавил еще несколько капель крови, которые просто упали в люк. Затем я его захлопнул и начал по всем стыкам заклеивать лентой. И когда нож отхватил последний ее кусок от катушки, я ощутил, что здесь тоже работало.

— Ну, хлопцы, если вы за мной, то скоро все вместе повеселимся, — изобразил я злорадство.

Изобразил потому, что не был до конца уверен, как эта моя военная хитрость сработает. А что, если за мной не погонится никто, а я здесь разведу тварей? Вот будет весело.

Дальше опять стена, но уже без окон. Огляделся — у самой «задней аллеи» есть пожарная лесенка наверх. Подхватив сумку, побежал туда вскарабкался на следующий уровень, запыхавшись сразу — сумка, набитая патронами, вообще-то очень тяжелая. Еще подумал, что лучше бы ее куда-то спрятать пока. Может, просто оставить здесь, на крыше? А почему бы и нет, к слову.

Открыл, вытащил коробку дробовых патронов, распихал их по карманам, затем быстро набил израсходованный магазин к «ремингтону». Застегнул клапан и оставил ее там, где она и лежит. Уцелею — вернуться не проблема. Не уцелею — ну так и не нужна будет. Подсунул только под край невысокого бортика, чтобы нельзя было ее увидеть, оглядывая крыши со стороны, да и все.

Так, а теперь на арене нашего цирка смертельный номер! Всего один раз, потому что два раза не получится, в штаны нахезаю со страха. А один раз можно попробовать.

Провода тянутся дальше, в следующий квартал. Добротные такие провода, много и толстых. И еще они не подвешены, а лежат на вот этих самых «Н». Натянуты даже, до следующей «Н». И вот этим я попробую воспользоваться сейчас.

Нет, понимаю, что маразм, но если получится, то тогда у меня будет реальный шанс, жирный, всем шансам шанс.

Заранее пугаясь и ощущаю навязчивую пустоту в брюхе, какая бывает только со страху, забрался на балку, примыкающую к стене. Глянул вниз — ряд помойных ящиков, от которых, к слову, даже сейчас пованивает неслабо, растрескавшийся асфальт местами выглядывающий из-под мокрого снега. Навернись — могу покалечиться. Но спрыгнуть, случись чего, в принципе реально.

Сначала подвесил к проводу оружие и рюкзак, сделав петлю из обрезка веревки. Потом

отхватил еще кусок шнура и соединил этот узел со своим ремнем. Я полезу, а багаж следом поедет.

Теперь сюда. У меня ремень поясной «инструкторский», сто стальной пряжкой с петлей, так что он на такие маневры специально рассчитан. Так что еще кусок веревки в несколько мотков на него — и к проводу, самому толстому. Или к двум? Да лучше вообще к трем. Потом ногами обхватить провода и еще одну сплошную петлю прямо на щиколотки, соединив их с другой стороны проводов. Будет мешать — просто сожму ноги и по одной из петли вытащу, но лезть с ней будет проще. И остатки веревки через спину, под РПС — и на провода.

Хорошо, что электричества давным-давно нет, а то со страху бы помер, а теперь провода здесь так, вместо бельевых веревок висят. Теперь надо перевернуться, что страшнее всего. Затаил дыхание, зажмурил глаза, крикнул матом после того, как вдруг оказался висящим лицом вверх, а перед глазами раскачивалось небо. Представил, как обрываются провода или петли, а сам я лечу на асфальт спиной вниз, но ничего такого не случилось, держала моя самодельная подвесная крепко. Подтянул ноги, затем немного подтянулся сам, перехватил провода руками — и преодолел так примерно с полметра пути. Отлично.

Вниз, по мере отвисания кабелей, ползти было легче, гравитация помогала. На середине улицы было страшнее всего — кабеля немилосердно пружинили к моему удивлению, и все время казалось, что они готовы лопнуть в любую секунду. Дальше лезть стало тяжелее, здорово тормозили рюкзак и винтовка с дробовиком, но тут здорово выручила петля на щиколотках, она скользила плохо, зато отталкиваться ей оказалось хорошо.

Ремень и петля на спине давили немилосердно, мешая дышать, но деваться уже было некуда. Руки в перчатках вспотели, ладони почему-то норовили выскользнуть из них, или мне просто казалось. Пока я дотолкался до «Н» на противоположной стороне улицы, силы вообще испарились, я был мокр, измотан и совершенно сходил с ума со страху. Все время виделось, как на улицу выезжает кавалькада квадроциклов, и сидящие на них хохочут и показывают на меня пальцами, или как снизу прыгают твари Тьмы, пытаюсь достать меня. Смотреть на ситуацию с оптимизмом совершенно не получалось, то есть вовсе.

Последнюю пару метров я преодолевал уже тихо подвывая со страху, но все же как-то добрался до конца пути. Правда, дальше пришлось на ходу придумывать способ забраться на «Н», потому что сил подтянуться уже не было. Я довольно долго барахтался над землей как червяк на крючке, но все же сумел забраться, с дрожащими руками, пересохшим ртом и мокрый как мышь. Подтянул оружие, развязал веревку, после чего, перебравшись на крышу, просто упал навзничь, и минут пять лежал, глядя в высокое голубое небо с редкими белыми облаками. Шевельнуться не было сил, голова кружилась, дыхание было сиплым и запаленным. Потом, приподнявшись, достал фляжку, глотнул воды — стало немного легче.

— Так, дальше давай, — сказал я самому себе.

Огляделся. Обратил внимания, что приполз я сюда с крыши ломбарда «Ствол и монета», в глубине оно даже были видны оружейные шкафы, пустые, естественно. Так, а сейчас я на крыше чего? Даже и не помню. И какая разница? Важно то, что по этим крышам я могу убежать еще дальше.

Убедившись, что пока никого на улицах нет, я поднялся на ноги и пошел исследовать крыши дальше. Вдруг куда еще можно плеснуть крови?

Рация не говорила ничего, хоть и работал в режиме сканирования. Я плеснул крови в еще один люк, в почти точно такой же ночной клуб, как и «на прошлой крыше», и теперь мой «радар» безошибочно ощущал, как там в полной темноте что-то зреет, что-то зарождается, и готово будет вырваться в любую минуту наружу, как только это «что-то» будет спровоцировано, почует кровь и смерть, почует добычу. Или оно выйдет позже, в темноте, и пойдет по окрестностям в поисках пищи, и черт знает, где оно эту пищу найдет.

У меня есть всего одно преимущество над моими вероятными преследователями — я знаю Тьму, и это преимущество я использую на всю катушку. Потому что других у меня нет.

Погоня появилась часа через два, уже тогда, когда я решил, что за мной не погнались, и даже подумывал отсюда свалить. Сначала был звук, слитный гул множества моторов, потом рация, которую я вернул на ту самую частоту, на которой говорил ее убитый владелец, начала ловить довольно активный обмен. Ехали за мной, и ехали с умом, не просто по следам, а разделившись на группы, по параллельным улицам, где надо останавливаясь, где надо — выпуская вперед дозоры.

Я слышал, как нашли брошенный квад, добравшись до него по следам. Слышал, как кого-то послали заглянуть в магазин, тот самый, в котором я вышиб витрину, и потом оттуда доложили, что меня там нет, а снег за задней дверью не тронут, так что туда я не выходил.

Потом обмен стих на некоторое время, которое потребовалось обладателю хриплого негромкого голоса для принятия решения. И через пару минут этот самый голос потребовал, чтобы группы объединились вокруг него, а по прилегающим улицам были высланы дозоры. То есть происходило примерно то, на что я и рассчитывал. След потерян, погоня остановилась, но никто ее завершать не собирается, просто надо принимать новое решение.

Пристроился на бортик с винтовкой. До дальнего угла того квартала, в котором я на крыши забрался, как раз метров триста с чем-то, до угла ближнего квартала слева, откуда тоже может появиться противник — сто с небольшим, примерно. Повернулся туда, сюда, приложился к прицелу. Нормально, удобно. Раз или два стрельнуть и отступить, больше не надо, это и противника удержит на месте, и *этим* даст намек на то, что *пора*.

Первый дозор появился на дальнем углу, квад и пикап на больших колесах, ярко-красный, с желтыми языками пламени по капоту, с двумя никелированными выхлопными трудами, торчащими вверх как на восемнадцатиколеснике. Не пикап, а мечта реднека. Медленно выехали на перекресток, остановились. Водитель пикапа был в военной парке и черной вязаной шапочке вроде моей, рядом с ним сидел мужик в зимнем охотничьем камуфляже вроде того, что сейчас на мне. Водитель квада был в чем-то вроде горнолыжного костюма, с AR15 на груди наискось.

Я поймал в прицел «военного», затаил дыхание, выстрелил, он дернулся и свалился головой на руль. Сразу прицел на другого водителя, который на удивление ловко развернул квад на одном месте, выстрелил опять, раза три подряд, вторым и третьим выстрелами уже попал точно, тот дернулся, завис, квад немного прокатился по кругу и остановился, хотя тело с него и не свалилось. Пассажир же пикапа успел выскочить и метнуться за угол, убравшись из поля зрения. Ну да и ладно, дело уже сделано.

Все, теперь долой отсюда, ползком! Сейчас начнется, словно неслышный никому вой раздался где-то у меня в голове, словно стая оборотней завyla, почуяв человеческую кровь. Ледяная терка по позвоночнику, волна страха, аж в глазах потемнело. А они ее и почуяли, добычу и смерть, прямо здесь, прямо у самых дверей Тьмы, которые я пробил своей кровью. Я изо всех сил на

четвереньках чесал по крышам, переваливаясь через бортики, потом спрыгнул на крышу пониже, уже привычно саданул прикладом по окну напротив, влез в окно, вдруг оказавшись не в магазине и не в ресторане, а в чьей-то небольшой, убого обставленной квартирке. Замер, прислушался к «радару», безошибочно определив, что твари поблизости есть, но идут они не ко мне.

— Получи, фашист, гранату, — сказал я, усаживаясь на кровать и закрывая глаза.

Увидеть все равно ничего не смогу, зато могу слышать и чувствовать.

В рации орали, через окно доносилась густая и беспорядочная стрельба из автоматического оружия. Лупили длинными очередями, из чего я заключил, что твари к людям близко, что там сейчас паника, потому что такого не ожидало никто. Вдохнув и выдохнув несколько раз, я все же встал и подошел ближе к окну, угловому, приоткрыв раму. Пусть и не видно ничего, но все равно не выглядывать еще страшнее.

Пару раз рванули гранаты, хриплый же голос оставался на удивление спокойным, отдавая команды, и это, похоже, действовало, сопротивление тварям становилось все уверенней и уверенней, это было слышно даже по стрельбе.

А еще они отступали, откатываясь, насколько я понял, в сторону Федерального здания, которое доминировало над всеми окрестностями. Но потери они несли. Я слышал крики разрываемых в клочья людей, слышал inferнальный вой тварей прямо в рациях, слышал как прерывалась связь со стрелками и кого-то не могли дозваться.

Я снова закрыл глаза и вдруг понял, что вместо десятков «черных пятен», которых я ощущал той частью своего сознания, которая породнилась с Тьмой во время прохода, я вижу теперь всего два или три, мои преследователи все же, похоже, отбились. Два пятна было далеко, они продолжали преследовать отступающего противника, а одно было ближе и двигалось в мою сторону, пусть еще и не близко.

Распахнув дверь, я бросился вниз, на узкую лестницу, сбежал по ней на первый этаж, вдруг неожиданно оказавшись в каком-то спортивном магазине, вдоль стены которого в ряд были выстроены пластиковые каяки, затем, открыв дверь, выглянул наружу.

По улице прямо в мою сторону бежал человек. Безоружный, хоть на нем и висели подсумки с автоматными магазинами, с перекошенным от дикого ужаса, совершенно белым лицом, на котором углями выделялись совершенно безумные черные глаза. Похоже, что он пытался кричать, но не мог, ноги у него подкашивались, скользили по мокрому снегу, хотя переставлял он их все же достаточно резво, и увидев меня, он просто шарахнулся в сторону, кажется, приняв меня за одну из тварей, или даже не знаю что, запутался в своих же ногах и свалился, наконец заорав вслух и выставив руки, словно пытаюсь защититься.

Я щелкнул выключателем лазерного целеуказателя, и ярко-красное пятно метнулось по снегу передо мной. Гончая спрыгнула с крыши ломбарда, той самой крыши, откуда я уполз по проводам. Ловким, идеально пластичным прыжком, с крыши на землю, собравшись в тугий черный комок и блеснув оскаленными зубами. Пятно лазерного луча на ее черной шкуре было видно идеально, оно было таким ярким, словно могло прожечь дыру в черной чешуе твари. Я открыл частый огонь с плеча, удерживая луч на монстре. Быстрые пули двести сорок третьего калибра прошли шкуру твари, сбили ее с ног. Я видел, как от каждого удара дергаются, как в судороге, ее бока. Тварь взвыла, дернулась, даже вскочила, но сразу завалилась снова, разбрызгивая по белому снегу черную кровь. Последние две пули из двадцатизарядного

магазина я, уже тщательно прицелившись, всадил ей в голову, но она уже не шевелилась. Затвор встал на задержку, я сменил магазин, и тяжелый болт-карьер, сорвавшись с места, с сочным лязгом загнал в ствол очередной заряд.

Спасенный так и лежал на снегу, уставившись на меня испуганными глазами.

— Что, уснул? — спросил я его, переведя марку лазера уже ему на грудь. — Вставай, поговорить надо. И руки держи повыше.

Повторять даже не пришлось. Он послушно вскочил и вперед меня заскочил в дверь магазина. Там я поставил его у стены с поднятыми руками и раздвинутыми ногами, охлопал со всех сторон, вытащив армейскую «беретту» из кобуры и крошечную «Беретту Нано» из другой кобуры, уже на щиколотке, и погнал его перед собой в квартиру на третьем этаже. И уже там показал ему на кровать, сказав:

— Садись. К самой стене, руки держи на коленях.

Очень трудно быстро вскочить с мягкой кровати, особенно если сидишь на ней с вытянутыми ногами. Вот пусть так и сидит.

Молодой, лет двадцать, наверное, с жидкой бороденкой на совсем детском лице. Мелкий, тощий, заметно даже в просторной одежде. На голове вязаная шапка, натянутая на уши, под разгрузкой военная парка. Ниже рабочие плотные джинсы, рабочие же ботинки из нубука. До сих пор испуган, но вроде бы уже приходит в себя.

— Эй, мужик, чего ты от меня хочешь?

Осмелел совсем, ты глянь. Ну и пусть, я пока к «радару» прислушиваюсь, и понимаю, что на улице тварь всего одна уцелела, и та не нападает, а где-то прячется. «Демон», небось, растерял своих гончих и не хочет сам под пули лезть.

Рация так и стоит на столе, в эфире голос командира, все тот же хриплый, уверенный. И голос этот командует отход. Кто-то спрашивает, что делать с убитыми, и он говорит, что за ними вернуться, надо оторваться от тварей и помочь раненым. Значит, все же им сильно досталось, не ожидали сюрпризов.

Убедившись, что в патроннике конфискованной «беретты» есть патрон, я взвел курок и направил пистолет в лицо пленному. Он побледнел, дернулся, закрылся руками.

— У вас где база?

— В Саммерсете, — сразу же ответил он, посмотрев на меня поверх своих ладоней.

Я вытащил карту из внутреннего кармана парки, посмотрел где такой Саммерсет. Чуть на север от Рипид-Сити, по Девяностому хайвэю. В принципе, не там, где я прятался, совсем не там. Интересно, как они меня нашли в таком случае?

Голоса в радиации затихали. Уходят. Сейчас можно будет попробовать смыться.

— Кто вы?

— Ну, — растерялся пленный, — люди просто. Живем там.

— Много вас?

— Сотни четыре, да сэр.

Ну вот, я уже «сэр». Уважает.

— Пошли, — сказал я, показав стволом пистолета на дверь.

— Куда? — испугался он.

— Сваливать отсюда надо. Пошли, не бойся, ничего с тобой не случится.

Вроде поверил. Люди, которых могут убить, вообще любят верить в то, что их не убьют. Да я и не собираюсь его убивать на самом деле, если он, разумеется, вообще дурить не начнет. Нужен он мне, ага.

Ну улице было тихо, даже как-то неестественно тихо. Туша убитой гончей продолжала истекать черной кровью в снег. Я посмотрел на крышу ломбарда, задумавшись. Лезть за сумкой с патронами? А как туда лезть, интересно? С «задней аллеи» есть железные лестницы, точно. И насчет следов можно не беспокоиться. Где демон? А где-то недалеко, но не двигается. Бойтся? Может быть, они осторожные вообще-то, насколько я понял.

Нет, что-то неохота мне в этот проулок, там, если демон все же кинется, не развернуться будет. Что у меня в сумке? Только патроны. Но вон там, в конце улицы, я вижу два трупа вооруженных людей. И оружие. И у моего пленного в разгрузке с десятков магазинов к AR15, я их тоже могу забрать. Нет, не полезу.

— Пошли к пикапу. — показал я стволом винтовки на роскошный пикап на перекрестке. — И глупостей не делай, убью. Руки за спину.

Пленный с готовностью закивал головой и потопал вперед, сложив руки без перчаток за спиной. Я обратил внимание, что у него какие-то совсем маленькие ладони. Сложи кулак — и он вообще не впечатлит.

— Вы зачем за мной гоняетесь? — спросил я его.

— Попросили, — ответил он, обернувшись.

— Кто?

— Ребята с базы Элсворт.

— А я им зачем?

— Говорят, что ты кого-то убил и скрываешься. Они тебя с вертолета заметили и попросили разобраться.

Ага, значит, вертолет не просто так пролетел. Глазастые. Заметили и дали знать... а кстати...

— А почему не сами?

— Их мало, — он вроде как даже удивился моему вопросу. — Они не могу все это там свое оставить и за кем-то гоняться. Их мало, поэтому если что-то надо, то просят нас. Платят сывороткой, патронами, всяким там платят, да сэр.

— А чем они там так заняты?

— В Элсворте-то, сер? — парень даже поразился. — Они атомные бомбы оттуда вывозят, их же здесь целый склад. — он покачал головой и добавил: — Их тут до черта, этих боеголовок, здесь вокруг в полях сплошные шахты, в них «Минитмены» стоят. Самолет прилетает, туда грузят одну бомбу и он летит куда-то на Юг, в Анклавы. Потом прилетает опять. Их там не много, только технари и охрана. Боятся, что кто-то нехороший наложит лапу на их бомбы, да сэр.

Понятно. С базы засекли мой самолет, но вот ловить меня им нечем, те два «хамви» наверное и были пределом возможного. И тогда они договорились с местными.

— Вы там все с Синдромом? — спросил я на всякий случай.

— Не все, половина где-то, — ответил пленный. — У меня Синдрома нет, — торопливо добавил он на всякий случай. — Но у многих есть. Но с сывороткой никаких проблем, сэр, все люди как люди.

— Все люди у вас как идиоты, — решил я оспорить последнее утверждение. — Я никого не убивал и вообще никому не хотел мешать. Какого черта вы влезли? Сколько людей погибло?

— Я не знаю, сэр, — сразу ответил он. — Карл, он у нас главный, сказал, что так надо сделать, выделил восемь человек. Обратно приехали четверо, сказали, что попали в засаду. Тогда он собрал всех, кто был под рукой, и мы приехали сюда.

Дверь из ночного клуба под названием «Оазис Лонж» буквально выбита наружу. Это отсюда твари ломанулись. Вон и следы лап, весь снег перемешан. И дальше по улице понеслись, мы как раз по их следам и идем. Я даже как-то ощущаю еще этот след, что интересно совсем.

— А где твоя винтовка? — спросил я, оглядывая крыши вокруг.

— Где-то уронил, сэр. Я здорово испугался, чуть в штаны не навалил. Эта тварь, что прыгнула с крыши, за мной гонялась.

— Стрелять этих тварей можно, если не ронять винтовки, — вздохнул я. — К пикапу шагай, к пикапу.

Труп в кабине, еще труп так и свисает с квада. Демона не видно, но я его по-прежнему чую. Предпочитает прятаться. Вижу еще труп на поперечной улице, лужа крови расплылась вокруг него, вижу еще один брошенный квад у дальнего перекрестка, там, где я забрался на крышу.

— Значит так, собираешь все оружие и патроны с убитых, грузишь в пикап на заднее сидение, — скомандовал я. — Начинаешь с этого, который за рулем. Да, и свою разгрузку снимай.

И у пикапа, и у квада моторы работают. Пикап, к слову, дизельный, это и по звуку, и по запаху из труб понятно. Зимняя солярка, интересно? Да наверняка. Впрочем, на крайняк можно и в летнюю чуть-чуть бензина плеснуть. А еще лучше керосина. В кузове три больших канистры. Постучал пальцем по крайней — полная.

А пикап и вправду крут, посажен еще выше чем тот, что сгорел, колеса еще больше и шире. А так, в общем, примерно одно и то же, тоже расширители арок, кенгурятник с сеткой... да, даже похоже, что их одна рука и переделывала. Ну а кто еще мог, к слову? Тут в городе только один такой гараж и был, небось. Стиль чувствуется.

Пленный между тем вытащил убитого из машины и освобождал его от груза, перебрасывая все

в кабину, как я и приказал. Потом он точно так же освободил от автомата, пистолета и патронов убитого на кваде. Я заметил на нем еще три гранаты, но снял их уже сам, чтобы пленному дурные мысли в голову не пришли. Пока он возился с остальными, я протер сиденье пикапа тряпкой. К счастью, крови накапало совсем немного, водитель был убит наповал. В спинке сиденья была маленькая дырка, с обратной стороны дырка побольше. Пробито было и заднее сиденье, и стенка кузова. Повезло, что пуля прошла между двух канистр, не задев ни один из них.

— Все? Все собрал? — спросил я.

— Да сэр, все собрал, — вскочил тот, готовый вытянуться по стойке «смирно».

— В общем так, скажешь своим, что я никого не убивал и вас обманули как деревенских придурков. Привет федеральной власти, — выдержав паузу, чтобы он все усвоил, я показал стволом винтовки на квад. — Садись и езжай. Если увижу, что ты не исчез за поворотом и звук твоего квада не продолжает удаляться — я за тобой погонюсь и убью, понял?

— Да сэр..., - он явно своим ушам не верил, видать и вправду боялся, что я его убью.

— Держи, магазин не вставляй пока, — я отдал ему «беретту». — Потом, пока просто в кобуру уברי.

Он часто закивал, сделал как я сказал. Автоматные магазины я забрал у него вместе с разгрузкой, но «беретта» у него жила в кобуре на бедре, и та осталась на месте, с двумя запасными магазинами в почках.

— И чего ждешь? Бегом! — я чуть шевельнул винтовкой.

Тот вскрикнул испуганно, вскочил на квадроцикл и так дал по газам, что метров сто еще ехал в полузаносе, ли потом вихлясто выпрямив машину. А я вскарабкался в высокую кабину, захлопнул дверь, огляделся. А салон вполне обычный, разве что с зеркала заднего вида поролоновые игральные кости свисают. Я сорвал их и выбросил в открытое окно. Нефиг.

Вздохнул пару раз, чувствуя, как накатывает пост-адреналиновая слабость. Выпить бы, к слову, но не получится, надо смываться, и как можно дальше. И как можно быстрее. Посмотрел вдаль по улице — пленный уже исчез. И звук его мотора слышу, газует на всю катушку. Не наведет погоню? Да нет, не наведет, у них раненые, а раненым сейчас станет плохо, «темная болезнь» начнется, так что там уже никому не до меня. Так что нечего зря душегубствовать.

Ага, а тут коробка механическая, даже лучше, если по плохой дороге. Воткнул первую, дизель рыкнул и тронул тяжелую машину с места, снег закрипел под колесами. Проехал мимо труп, рядом с которым на снегу лежал «мини» с длинным магазином, но останавливаться не стал, что-то демон зашевелился и близко он, чую. Поэтому просто проехал мимо и погнал по следам приехавшей погони. Лишние предосторожности не помешают, а потом уже где-то аккуратно сверну.

41

Снег достаточно стоял для того, чтобы большие колеса трофея его не ощущали. Местами, в ложбинах и на переломе дороги, он становился глубже, и проходило пробивать себе дорогу, но в основном ехать было уже легко. Разве что остающийся след продолжал портить настроение, поэтому я решил, что останавливаться не буду до тех пор, пока у меня почти полный бак горючки не закончится. Мне бы лучше от Рапид-Сити как можно дальше убраться

без всяких дополнительных приключений. А потом... потом опять придется искать еду и воду. В этой машине я нашел непечатую двухлитровую бутылку минералки, плюс две упаковки «Бад Лайт» по шесть банок в каждой — и все. Ну и мой сухпай в рюкзаке пока оставался нераспечатанным, но его разве что да пару дней можно растянуть, не больше.

Вскоре горы закончились, ехать, снега сразу стало меньше. Похоже, что он не задержался, все ветром сдуло, только в неглубоких кюветах его можно было увидеть. Скорость сразу увеличилась, следы исчезли. Я даже музыку включил и обнаружил, что у хозяина машины весь подлокотник забит дисками с музыкой «блюграсс», южной разновидностью «кантри». Попробовал один диск поставит, второй — понравилось, особенно порадовали «Джонни Рокемор и Апостолы Блюграсс». Ну и Билл Монро, само собой. Прямо для дальней дороги музыка, мелодия катится как колеса по гладкому асфальту. Черный дым клубами вырывался из высоких труб при каждой подгазовке, а еще я обнаружил, что помимо обычного сигнала в этом пикапе есть гудок не хуже паровозного, только ручку, свисающую с потолка, потяни, и гул его разносится над полями далеко-далеко. И что так не ехать? Еще бы жевать что-нибудь при этом — и вообще благодать наступит.

Часа пару часов я пересек границу штата Вайоминг, а еще через какое-то время выкатился на Восемьдесят Пятое шоссе, уже ведущее на северо-запад, как раз в сторону Канады и в нужном мне направлении. Пейзаж был все такой же слабохолмистый, с обеих сторон бесконечно тянулись пастбища, сейчас пока без травы, так что кто там на них должен был пастись — мне не понять. Дорога пустой не была, несколько раз попадались встречные машины, однажды меня даже обогнал серебристый спортивный мерседес, несущийся со страшной скоростью, и я решил, что там какой-нибудь местный подросток за рулем, отрывается, дорвавшись до брошенных машин.

Ближе к городку Ньюкастл я наткнулся на большой восемнадцатиколесный грузовик, брошенный на обочине, и с удивлением обнаружил, что он стоит с почти полными баками, так что я заправил и пикап под пробку с помощью найденного в инструментальном ящике шланга, и даже канистры чуть долил. Повезло. Правда, глотнул при этом солярки, и ее мерзкий привкус не удавалось выплюнуть еще долго.

В Ньюкастле жили люди, кажется, но в стороне от дороги, так что могло и показаться. Дальше я проехал мимо какого-то прижавшегося к самой дороге аэродрома, на котором не было ни единого самолета, но зато он был по периметру обнесен витой колючкой, которую здесь называют «accordion wire», и там же в рядок стояло несколько трейлеров FEMA. Похоже, что именно в этом месте был во время эпидемии дорожный блок, мешки с землей и рогатки грудями валялись на обеих обочинах.

К радости моей дорога нигде в горы не лезла, хотя их в Вайоминге хватает. Но горы все западней, ближе к Йеллоустону, а дорога вела в обход, в основном по пологим холмам. Погоня никак себя не проявляла, так что я решил, что им и без меня проблем все же хватило. Опасался больше другого — самолетов. Не так уж трудно вычислить, на какой машине я еду, пикап все же очень приметный, его и с самолета отличить от других машин проще простого, так что, несмотря на всю крутость машины, я решил, что ее нудно срочно менять. Тут самолетов не надо, достаточно всяким таким жилым анклавам дать знать, что едет человек на такой пышной машине, что смотреть, не сощурившись, не получится.

С появлением этой мысли накотившее состояние беспечности быстро испарилось, и я закрутил головой по сторонам.

В Жилетте, Вайоминг, автодилеры были, как минимум две даже не разграбленные стоянки я

увидел прямо с трассы. Но было и мутное пятно в городе, которое я видел и даже очень хорошо чувствовал. И твари были, пусть и не близко, пусть пока еще не атакующие, но были. Где-то с противоположной стороны от шоссе.

Тут я всерьез озадачился, откровенно говоря. Вон машины, рукой подать, только ключи в офисе торговца разыскать, но тут я уже опытный, но ведь за это время и меня разыскать смогут, наверное, твари эти самые? И опять же, сколько там горючего в той машине, ее еще и заправлять надо будет, а где и как? И при этом ехать стало страшновато. И до следующего города очень далеко, и что тогда, искать машины где-то просто так, на всяких ранчо? Что-то слабо в успех такого верится.

В общем, не рискнул лезть на стоянку. Может быть она и стоит нетронутая потому, что туда никто не спешит соваться. Черт с ним, буду пытаться удачу на своем расписном «форде». Может быть краску найду в баллончике и на скорую руку все приметы закрасю.

После Жиллета потянулось уже совсем полное безлюдье, то есть даже пустых городков не было, только холмы и холмы вокруг, пологие, невысокие, по которым, случись чего, можно и на машине без всякой дороги проехать. В одном месте увидел группу конных, человек пять с винтовками, но они на меня особо внимания не обратили. Посмотрели равнодушно вслед и дальше своих лошадей погнали рысью.

Следующим после Жиллета городом был Баффало, и вот он был точно населен, причем, кажется, вполне полноценно. Выразилось это в том, что я с трассы увидел там сразу несколько едущих машин. И не колонной, а каждая в своем направлении. Поэтому мимо города я проскочил как можно быстрее, ударив по газам.

Дальше уже появилась мысль о том, что неплохо бы устроится где-то на ночлег. Но с пустыми городками, которые до этого, еще в Южной Дакоте, попадались достаточно часто, в малонаселенном Вайоминге был полный облом. Пустота кругом. Я даже подумал о том, что проще на все плюнуть, загнать пикап в холмы, в такое место, откуда его никто не видит, да и заночевать в кабине. Вроде бы нормальная идея, но хочется чуть привести в порядок все то барахло, что валяется на заднем сидении. И у меня ни одной даже сумки нет, случись бежать — опять все бросать придется. Поэтому я все же решил искать пустое жилье.

Оставив справа озеро Де Смет, я увидел поворот на старый, времен покорения Дикого запада, форт, но сворачивать не стал, потому что в музее чем-то полезным разжиться тоже не получится.

Проехав несколько километров, все же заметил сборный домик слева от дороги и так, умеренно вдалеке. Свернул на проселок, попутно заметив, что домик не один, а несколько, стоящих вразброс. И света нет ни в одном, и печки никто не топит. Вроде пусто. Над самым крайним домом я увидел вывеску «Оптовая торговля Бино». Притормозил, задумался, что за торговля такая, потом догадался, что мне это точно никакой пользы не принесет. Это либо сеном торговец, или чем другим подобным. Скотом, наверное.

А еще заметил вполне отчетливые автомобильные следы на выезде из двора, там, где асфальт закончился. Нет, здесь не безлюдно, похоже. И что делать? Валить отсюда? Можно и свалить, но почему-то не хочется. Устал и вообще. Ладно, проедушь чуть дальше по дороге, судя по карте, она соединяет два шоссе, и второе шоссе уже и захолустней, может даже есть смысл перескочить на него, меньше вероятность погони.

В паре сотен метров за «домом оптовика», на другой стороне дороги показалось нечто вроде

небольшого ранчо, с большим гаражом с большими же воротами, явно не под легковушки, а под трактора какие-то, наверное. Или грузовики, потому как не вижу смысла в тракторах, тут одни пастбища вокруг. И кстати, сколько я здесь ехал, столько и видел, что вся земля слева и справа от шоссе проволокой огорожена. То есть чья-то была. Сейчас местами проволока оборвана, и столбы повалены, многое, наверное, тут во время эпидемии произошло.

У ворот ранчо притормозил, присмотрелся — земля во дворе точно так же колесами разъезжена. И даже вон отпечатки конских копыт видны. Живут здесь, живут. Даже странно как-то, Вайоминг самый малонаселенный штат в Америке, а народу видел уже много. С чего бы это?

Еще ранчо, уже вполне солидный дом, дорога к нему изгородью из жердей отгорожена, с крыльями как у коралля для скота, какие-то сараи, стоящие отдельно... да какие, к черту, сараи, навозом оттуда прет за версту, скот там держат, до сезона вольного выпаса, наверное. Домики, какие-то хозяйственные дворы, и все вот так, отдельными кучками построено, не колхозом. Вдоль дороги кусты и деревья с облетевшими листьями, где-то опять вороны каркают, но тут уже готов поспорить, что не над трупом. Мирно здесь как-то вокруг, не должно никаких трупов быть.

А вон и просто мужик во двор вышел, в мою сторону смотрит. Я ему рукой помахал, он мне ответил.

А затем я услышал музыку. Кантри, естественно, и играла она негромко, но в тишине все слышно далеко. И когда мой трофейный «форд» подъехал к пересечению с шоссе, я увидел слева два дома, а перед ними несколько пикапов стоят. Оттуда и музыка доносится. И прямо на съезде с дороги указатель, краской по фанере: «Бар Сикс бар ранч». То есть ранчо «Шесть бревен», а при нем теперь бар, так получается.

И я просто взял и свернул туда. Вот так. Заехал на стоянку, нашел местечко где встать, и машину заглушил. Так, чем платить будем в баре? Пошарил на заднем сидении, там, куда пленный кучей свалил трофеи, выудил оттуда «Глок-17», снятый с убитого водителя вот этого самого пикапа. Мне он не нужен, а людям вдруг пригодится? Вроде чистый, три магазина с патронами. Отстегнув с брошенной разгрузки подсумок-утилитарник, затолкал пистолет с патронами в него, вроде упаковка.

Огляделся. Дом с баром, за ним стоит здоровенный и явно очень дорогой жилой трейлер, мечта туриста. Справа гараж с тремя воротами. Все. Опять ограда из жердей на столбах. Где-то тарахтит генератор. Увидел, что на заднем стекле стоящего рядом пикапа висит винтовка М14. То есть, наверное, здесь с винтовками в бар не ходят. Ну и я не пойду, не буду выпендриваться. Скинул себя подвесную, оставив кобуру с М1911 на бедре, затем, вспомнив про трофейный «смит-вессон», задрал штанину и надел на ногу, повыше ботинка, маленькую кобуру, сунув в нее пистолет. Присел, потянулся, разминаясь после долгой дороги, и пошел туда, где свет и музыка.

Бар был простым по устройству — полка с бутылками, деревянная стойка, вдоль которой табуреты в рядок, несколько столов. Это место явно не было баром раньше, его просто переделали, причем на скорую руку. На стенах висели олени головы и с добрый десяток винтовок.

Человек десять посетителей, среди них несколько женщин. Невысокий, тощий, лысоватый человек за стойкой. Ну и все, естественно, уставились на меня, но больше с любопытством и некоторой долей настороженности. Явной враждебности никто не проявлял, хотя вооружены

были все, пистолетами и револьверами. Ну да, Дикий Запад, ну еще и времена теперь трудные.

Я протопал к стойке, поздоровался с барменом, который вежливо, но сдержанно кивнул в ответ.

— Я бы выпил пива и поел, если тут кормят, — сказал я. — Но я не знаю, чем можно платить в этих местах, я издалека. У меня есть немного долларов Анклава, и есть что-то на обмен.

Бармен вытащил из холодильника под стойкой бутылку «Корз Лайт», открыл, поставил на стойку передо мной, сказав:

— Это бесплатно. Если расскажешь, откуда приехал и какие новости. Садись. А вообще мы берем федеральные деньги, и на обмен что-то полезное тоже можно взять. Разберемся.

Я обратил внимание на выражение «федеральные деньги», как-то оно прозвучало... ну вроде как «чужие деньги», «нехорошие деньги», примерно так.

Сидящий слева рослый немолодой толстяк в джинсовой куртке с овчинной подстежкой и в черной ковбойской шляпе, с усами как у моржа, показал на табурет рядом с собой, сказал, выговаривая гласные в нос:

— Садись сюда, здесь свободно.

— Спасибо, — кивнул я, усаживаясь и хватая бутылку со стойки.

Холодное. Пиво. Кайф какой, все три больших глотка.

Бармен смотрел на меня с одобрением. Никто не разговаривал, явно предполагая, что слово перешло ко мне.

— Привет, я Влад, — сказал я, обращаясь вроде как сразу ко всем.

— Я Бад Мак-Лири, — сказал толстяк, протягивая большую и пухлую ладонь, которая при пожатии вдруг оказалась твердой как доска из-за мозолей. — Угощает Эрни, — показал он на бармена. — Это Мел, моя жена теперь, — он чуть откинулся назад, давая мне возможность рассмотреть крепкую, одетую как ковбой женщиной лет сорока, сидящую прямо за ним. Она отсалютовала мне стаканчиком с виски. — Это Джо, мой друг, — показал он на тощего бородатого дядьку лет за пятьдесят, стоящего у него за спиной. — У нас с ним ранчо дальше по дороге.

— Это Салли, — продолжил речь бармен, показав на женщину следка за тридцать, со светлыми от природы волосами, белыми бровями и простеньким круглым лицом.

— Майк, — отсалютовал мне пивной бутылкой крепкий мужик лет сорока, стриженный под военного.

— Пьер, — кивнул тощий чернявый парень, сидящий за углом стойки.

— Мари, — негромко и не слишком дружелюбно буркнула носатая молодая женщина с черными, заколотыми в хвост волосами, сидящая рядим с ним.

— Мэт Поплавски, я здесь помощник шерифа, — представился рослый, усатый и лысый мужик, действительно одетый в форму — темно-коричневую рубашку с серыми погонами и серыми же клапанами карманов. На рукаве была видна эмблема с надписью «Округ Джонсон,

департамент шерифа». Его куртка висела на спинке стула, он сидел за столиком, расправляясь с большим стейком, рядом с которым лежала гора жаренной картошки и здоровый початок кукурузы, что вызвало у меня острый приступ голода.

— А точно такой же стейк можно получить? — повернулся я к бармену.

— Можно, — коротко кивнул тот. — Десять минут.

— Откуда ты? — спросил меня толстяк.

— Из Колорадо вообще-то, — сказал я, возвращаясь к базовой версии своего происхождения. — но вообще иммигрант, из Восточной Европы.

— Здесь четверть населения штата из Восточной Европы, чертовы поляки, — хохотнул Бад, покосившись в сторону депьюты Поплавски.

— Четверть немцев, поляков восемнадцать процентов, — ответил нимало не смутившийся страж закона, а затем вдруг поразил меня вопросом в лоб: — Ты местный или чужой? Можешь не врать, у нас с чужими нормальные отношения. Их отношения с федеральной властью нас не интересуют.

Некоторое время я сидел молча, просто переваривая услышанное. Потом окончательно растерялся, подбирая вариант ответа. Затем все же сказал:

— Нет, я местный. Но мне нужен контакт с чужими, я человека ищу.

— То есть ты едешь на север, к ним?

— Еду на север, в Канаду, искать их. Я понятия не имею, где они находятся. Вы знаете? — попытался я пустить разговор в русло эдакого конструктивного обсуждения проблемы.

— Нет, не знаем. В Канаде, где-то на севере, — ответил депьюты в то время как все остальные с явным интересом прислушивались к разговору. И опережая мое разочарование, он добавил: — Но у нас есть с ними связь. Мы знаем где их форпост. И раз в месяц сюда приезжает их конвой, мы немного торгуем. И забирает своих людей.

— Своих людей? — совершенно озадачился я.

— К нам выходят чужие постоянно. Те, кто слушает радио, и кто читает плакаты.

Я немного покраснел. Радио за время пути я даже включить не догадался, исключительно музыку гонял. А вот плакатов никаких не видел, точно, о чем и заявил.

Сидящие в баре переглянулись, затем бармен сказал:

— Похоже, что их опять снесли. Ты ехал откуда?

— Через Ньюкастл и Джиллет.

— Опять, — уверенно кивнул он, потом пояснил: — Федералы платят банде «Отверженных», чтобы те убрали плакаты с дорог. Мы их восстанавливаем, у нас на этот счет договор с чужими, а те их срывают. Одно время даже начали вешать на их место фальшивые, отправлявшие людей в сторону Каспера, там никто не живет кроме банд, но, похоже, им не под силу оказалось что-то строить, а не ломать.

— Я ищу женщину из чужих, — сказал я. — Могла она проехать через вас?

— Могла, почему нет, — снова заговорил дегьюти. — В принципе я могу проверить, но это уже завтра. И только после того, как ты мне докажешь, что мне стоит это делать.

— Не понял, — чуть нахмурился я.

— Я хочу убедиться, что ты ей не навредишь, — пояснил он свою фразу. — У нас такие правила здесь, понимаешь.

Я кивнул. Потом спросил:

— А где можно устроиться на ночлег? Кто-нибудь подскажет?

— В Баффало есть гостиница, — заговорил Бад, вынудив меня повернуться в другую сторону. — А если хочешь, могу устроить тебя здесь рядом, есть маленький домик, где жили *ранч-руки*, могу дать ключ.

Выражение «ранч-рука» меня озадачило, мой запас английского такого в себе не содержал, но потом сообразил, что так называют, наверное, работников с ранчо. В английском выражение «дать руку» означает «помочь».

— А как насчет оплаты? — на всякий случай спросил я.

— Ты меня вроде как даже оскорбляешь, — вздохнул тот. — Ты же ищешь ночлег, а не место для жизни, правильно? Там, правда, не убирались, но дрова есть, вода тоже есть из скважины, ну и койки тоже есть.

— Буду очень благодарен, — более чем искренне сказал я. — Если честно, то у меня уже сил нет ехать в Баффало и искать отель. И я не знаю, чем за него платить.

— А что ты хотел продать? — спросил бармен. — А вообще там деньги Анклавов тоже принимают. Мы и с Анклавами торгуем.

Я выложил на стол подсумок с пистолетом и магазинами, открыл. Бармен вполне сноровисто взял в руки «беретту», осмотрел, покрутил в ладонях магазины, потом предложил за это все тридцать долларов.

— Долларов штата Вайоминг, — пояснил он. — Но к федеральным долларам они идут один к одному.

— На еду и гостиницу хватит?

— Смотря на какое время, — усмехнулся он. — Но несколько дней проживешь, это точно.

— Тогда согласен, — я подвинул пистолет и все прочее к нему.

Все равно не нужен, лишний, как-то не лежит к нему душа. А так у меня еще и «анклавовских» долларов где-то сорок с лишним осталось, так что нормально. Можно что-то из трофеев продать будет, наверное, но я их пока сам не разбираю и не решил, что себе оставлять, а что отдавать.

Пиво как-то быстро кончилось, и Бад тут же заказал мне следующую бутылку, пояснив бармену:

— За мой счет.

Осталось только поблагодарить. С кухни же, в которой хозяйничал кто-то невидимый, донеслось шипение жарящегося мяса. Ну и запах донесся, куда же без запаха.

— Ты откуда приехал? — спросил Бад.

— Из Грэнби, Колорадо.

— Грэнби, Грэнби, — наморщил лоб бармен Эрни. — Это не у вас какой-то парень забронировал бульдозер и развалил половину города?

— У нас, — я глотнул пива и вытер губы ладонью. — Только я туда позже приехал, так что всю историю не застал.

— И ты прямо оттуда сюда? — спросил Бад. — Как там, люди еще остались?

— Нет. Какие остались, все съехали. Пустота и трупы замерзшие. Когда там все оттает, лучше туда не соваться.

— Сам все это время жил? — спросил Поплавски.

Он расправился со стейком и подсел за стойку, чтобы удобней было разговаривать.

— В какой-то степени, — ответил я уклончиво, при этом судорожно пытаюсь сообразить, что лучше сказать.

— Это как? — немного озадачился депьюти.

«Была — не была» — сказал я сам себе, после чего создал очередную версию своей недавней биографии.

— Сначала с женщиной из чужих. Потом сам.

— Это ее ищешь? И почему она от тебя ушла?

Поплавски даже не скрывал уже, что интересуется не из голого любопытства, а уже скорее по долгу службы.

— Не ушла, обстоятельства так сложились. Вот и пытаюсь найти.

— А в Анклавы она не попала? Они ловят чужих, — влезла в разговор белобрысая Салли.

— Я был в Анклавах, в базе данных у них она не значится.

Вроде достаточно сказал и даже не соврал ни в едином слове. Юридически Гарден-Сити относится к Анклавам, и в базе данных Настя точно не значилась.

— И ты решил податься к чужим, так?

— Угадал.

Поплавски встал, сгреб куртку со спинки стула, поправил ремень с кобурой и прочим нужным имуществом в под сумках, затем сказал:

— Подъезжай завтра в офис шерифа, это на Форт-Стрит, шесть-тридцать девять, там поговорим. Не перепутай двери, не попади в городской Пи-Ди, мы с ними в одном блоке сидим. Счастливо, — это он уже ко всем обратился, после чего вышел на улицу.

42

— Пропан в баке есть, так что можешь пользоваться плитой и печкой, — напутствовал меня Бад. — А вот электричества там нет, на полке увидишь две колмановских лампы, и там же рядом синюю канистру с бензином для них.

Мы стояли на парковке, Бад, его жена и я, слегка хмельные, а я еще и объевшийся. Бад отдал мне маленькую связку ключей, показав, какой из них от двери.

— Видишь во-он те деревья? — спросил он, указав куда-то в темноту. — Нет? Ну и неважно, выезжаешь со стоянки, сворачиваешь направо и сразу смотришь налево. Через пятьдесят ярдов увидишь мобильный дом, а за ним второй. Тебе нужен тот, что без веранды, он будет первым. А завтра в восемь утра я буду здесь завтракать, так что ты зайди до того, как поедешь в Баффало. Хорошо?

— Без проблем. Спасибо за гостеприимство.

— «Странник не ночевал на улице; двери мои, я открывал прохожему». Иов, псалом тридцать первый, — он увесисто хлопнул меня по плечу и полез в свой пикап.

А я полез в свой грузовик, немного обалдев от последней фразы Бада. Как-то неожиданно получилось. Хотя, чему удивляюсь? После такого тут самый распоследний атеист верующим станет... не знаю, правда, с каким знаком, плюсом или минусом. Я бы скорее с минусом получился.

Действительно, до «кабины» оказалось рукой подать. Белый домик-вагончик вроде того, в котором жил Пикетт, только еще покосившийся тамбур пристроен. За домиком огромный пропановый бак, у тамбура телефонный столб, от которого провод внутрь уходит. Забор из жердей, как у загона, под кустами стоит, засыпанный листьями, небольшой прицеп с алюминиевыми бортами. Справа еще один домик, посимпатичней, с высокой крышей и с верандой, дверь почему-то заколочена доской, прибитой по диагонали. Умер там кто-то, наверное.

Между домиками было большое пятно утрамбованной земли, где, судя по всему, раньше машины и стояли. Поставил фтор фарам к дому, не выключая их и не глуша двигателя — фонарей здесь не было и темнота кругом хоть глаз коли. Отпер замок на хлипкой двери тамбура, зашел туда, подсвечивая себе фонариком. Воздух затхлый, а так все нормально, вроде, ни мертвячьего запаха, ни присутствия Тьмы. Да и откуда ей здесь браться, если уж на то дело пошло?

Внутри... кухня. Спальня. В спальне две койки, это все же место ночлега было, а не жилье. В шкафу нашлось постельное белье, упакованное в мешок из прачечной. Мебель простенькая и старая, но жить вполне можно. Так, лампы где? Ага, прямо у входа на полке, две штуки. Обычные такие керосинки, только сбоку надпись Dual Fuel, то есть «двухтопливная». Снял обе с полки, оттуда же прихватил канистру и маленькую воронку. Через пару минут лампы уже горели, давая достаточно света для того, чтобы не спотыкаться в доме. После этого я быстро разгрузил машину, натаскал дров из поленицы, сложенной у запертого домика, а потом просто заперся внутри.

Вода была, на кухне и в ванной. Еще был газовый нагреватель для воды и ванная комната, так что помыться получится. На кухне нашел пару банок кофе и сахар в пластиковой банке. Нормально, на утро пригодится.

Разжег печку, от которой сразу же по всем комнатам начало расходиться тепло, и вскоре стащил свитер, оставшись в одной майке. Благодать.

Так, похоже, что я из Рэпид-Сити все же убежал. Одним куском. Главное теперь уже здесь не облажаться. Здесь есть законы, и их поддерживают.

Поначалу я удивился, узнав из разговоров, что здесь, в самом малонаселенном штате Америки, довольно много людей. Оказалось, что сюда съезжались отовсюду, те, кто не хотел жить сам по себе и одновременно не рвался жить под властью федерального правительства. В Америке таких людей всегда немало было, к слову. Те же Пьер и Мари приехали сюда аж из канадского Квебека, а похожий на военного Майк, который, к слову, бывшим военным и оказался, а приехал аж из Орегона. В результате Вайоминг стал еще одним анклавом, который поддерживал нормальные отношения со всеми, кроме, разве что, бандитов. Возможно, что здесь среди местных жили и чужие, никто специально их выискиванием не занимался, в сказки про то, что они распространяют болезнь, тут не верили, имели возможность убедиться. Но большинство чужих все же отправлялись «к своим».

Сначала я не очень верил всему, что мне рассказывали, но ожидать, что группа подданных граждан в кабаке будет так складно и единодушно врать, тоже не следовало. Так что я решил, что все это правда и решил лишний раз не париться подозрительными думами. Пусть все идет как идет.

Затем занялся трофеями. Сначала рассмотрел маленький «смит-вессон», отстегнув с ноги кобуру. Совсем крошечный, грамм триста весит, наверное. На затворе надпись «Bodyguard 380». А в руке удобный... относительно. Слева и справа на рамке серые резиновые кнопки. Нажал — на стене появилось красное пятнышко лазера. Еще раз нажал — оно замигало как стробоскоп. Это зачем? Скорее всего, для того, чтобы его на ярком свете было лучше видно. Нажал еще раз — выключил.

Выбросил магазин и патрон из ствола, пощелкал спуском — так, только самовзвод, как в револьвере. Безопасно и просто. Но спуск не слишком тугой, когда жмешь, пятно лазера на стене не сильно дергается. В общем, предохранитель и не нужен здесь, хоть он и есть. И очень маленький пистолет, очень легко прятать. Только патронов к нему всего семь. Мощным его не назовешь, но на человека вполне хватит.

Автомат М16, длинный, черный, с обычным, не телескопическим прикладом. Только ручка снимается. Опять же чистый, ухоженный, да еще и с прицелом АСОГ. Не думаю, что это было владельцу винтовки по карману раньше, но теперь он где-то такой прицел нарыл. Впрочем, он и сам автомат нарыл, это сугубо армейская версия с режимом автоматического огня. В общем, я бы его себе оставил, учитывая, что патронов к «ремингтону» у меня сильно поубавилось, остались на крыше в Рэпид-Сити. А к этой винтовке у меня больше тридцати магазинов набитых.

Второй автомат оказался тоже армейским, тоже новым — уже привычный М4, с прицелом «Аймпойнт», лазерным целеуказателем, фонарем и вертикальной ручкой. Широко, в этом смысле, жили мои преследователи. Впрочем, теперь это мне даже во благо. А еще я обратил внимание на то, что он был с нормальным газоотводом, явно установленным позже. Быстро разобрал оружие — точно, система с газовым поршнем. Должно быть надежней стандартной,

на мой взгляд. Хм, тогда есть смысл оставить себе этот автомат, наверное, а длинный продать.

А может, удастся все это поменять на патроны.243? Это было бы лучше всего. Моя тактическая задумка с ведением боя с дистанции, превышающей дальность эффективного автоматного огня, уже оправдала себя дважды.

В самом пикапе обнаружился еще и дробовик, висевший в чехле прямо за спинкой переднего пассажирского сидения, черный «Ремингтон-870» с телескопическим прикладом вроде как на автомате, к нему с полсотни патронов, дробь «три нуля» и пуля. Вот дробовик я себе точно оставлю, без вопросов. Ну и пистолет еще один был, «Глок-22» сорокового калибра, с тремя магазинами. В общем, сколько потерял, почти столько и нашел.

Убедился, что трубчатый магазин дробовика набит пулевыми патронами, затем положил ружье рядом с кроватью. Не торопясь застелил койку, потом пошел в темноватую и тесноватую ванную, встав под горячий душ. Нагреватель работал как зверь, гнал чуть ли не кипяток, так что воду пришлось долго настраивать по вкусу.

Как-бы то ни было, а я здесь застреваю на какое-то время, до появления колонны от чужих. Последняя была всего неделю назад, так что ждать придется еще недели две или три, так что надо пока обустроиваться. Завтра поеду в город, гляну как там что, может и будет смысл туда перебраться. А может и нет, мне этот домик вполне даже нравится, запросы у меня не всегда большие, а только по обстоятельствам.

Машина вот только приметная, очень неплохо было бы ее поменять. Надо будет завтра у Бада поинтересоваться как это все можно сделать. Бад, кстати, местный, как раньше владел ранчо, так и сейчас ранчером остался. А вот жена его из Монтаны, перебралась сюда потому, что Монтана теперь полностью «индейская территория». Не резервация, хоть резерваций здесь вокруг полно, как мне рассказали, тут и кроу, и восточные шошоны, и арапахо, а именно что дикая земля, где закон один — право сильного. Не хватает нормальных людей чтобы все заселить, вот и сбиваются в анклав. В Вайоминге газ, нефть, пастбища, много рыбы и зверя, самое место, чтобы выживать, вот поэтому нормальные люди здесь в кучу и сбились. А все остальное пространство, пустое и страшное после прошедшего мора, оставлено людям плохим.

Койка оказалась скрипучей, но вполне мягкой, так что уснул я в ней почти сразу и спал без снов до самого утра, пока будильник не разбудил. Никто ночью не нападал, всякие твари в окна не ломались, хотя то, что до ближайшего соседа отсюда с милю примерно, меня немного напрягало. Но все равно уснул.

Без пяти восемь я был уже в баре, причем оказался первым посетителем.

— Яичницу? — спросил Эрни.

— Было бы здорово. С беконом?

— С беконом и колбаской. Годится? Или могу сделать оладьи.

— Лучше яичницу.

Я посмотрел на корзинку с яйцами, стоящую на полу за стойкой, и подумал, что это точно не с большой птицефермы, а из-под сушилки. Все возвращается к основам. Когда Эрни разбросал по тарелке кружки глазуньи и я ее попробовал, то понял, что не ошибся.

Бад появился когда я с яичницей покончил и взялся за кофе с черничными «маффинами», на

удивление вкусными. Заодно увидел, кто их готовил — из кухни вышла невысокая женщина с длинными черными блестящими волосами, убранными в хвост, вежливо улыбнулась мне и вышла на улицу, вытирая руки о передник. Я еще задумался над тем, кто она — шошон или арапахо, например?

— Уже здесь? — спросил Бад, хлопнув меня по спине.

— Уже.

Он был один, без жены.

— Как тебе ночлег?

— Отлично, просто замечательно! — ответил я, ничуть не покривив душой. — Спасибо за гостеприимство.

— Если хочешь, можешь там и остановиться за доллар в сутки. Все равно дешевле мотеля будет, а до города отсюда рукой подать.

— Было бы здорово, спасибо.

— Не за что, — усмехнулся он. — Ты мог бы и вовсе бесплатное жилье найти, только там ни метана в баллонах не будет, ни света, пусть и от колмановских фонарей. Что думаешь пока делать?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Взялся бы за какую-то работу, но кому нужен работник на две-три недели?

— Мне, например, — он кивнул Эрни, поставившему перед ним стакан апельсинового сока. — На ранчо всегда нужны руки. У меня мили и мили ограды, и во многих местах она порушена. Если бы ты взялся за ремонт, то я бы платил по пять долларов в день. По четыре, если вычесть стоимость жилья.

— Я не против, — подумав, решил я, — разве что сначала надо пройти через офис шерифа, я так понимаю, что они собираются что-то там проверить.

— А что можно проверять, если ты здесь вчера появился?

— Ну, — я почесал в затылке, изображая мыслительную деятельность, — может я с «индейской территории» сюда пришел, натворив всяких злодейств.

— А как они это проверят? — даже удивился Бад. — Ладно, поехали вместе, я сам с Поплавски поговорю. Тем более, что мне все равно надо в город.

— Это вообще замечательно. Кстати, оружейный магазин в городе есть?

— Есть. «Спорт и Наживка». Раньше только патронами торговал среди прочего, а теперь за оружие всерьез взялся. Можем заехать, если тебе надо.

— Не помешало бы.

Завтракал Бад неторопливо, с удовольствием, болтая с Эрни на какие-то малопонятные мне темы, что-то про скот и всякие виды на урожай, или черт его разберет о чем они. Выпив две чашки кофе, он, наконец, встал из-за стойки и кивнул в сторону двери, мол пошли.

Утро уже вступило в свои права, давно разогнав утренние сумерки. На улице было зябко, похоже даже, что гравий под ногами промерз и слипся. Дул прохладный ветерок, но при этом солнце уже начинало пригревать, причем чувствительно.

Пикап Бада стоял рядом с моим, так что я спросил:

— На каком едем?

— На моем едем, я за рулем, — сказал он решительно. — Кстати, не много твоего топлива жрет на таких колесах?

— Многовато, — я постучал ногой по переднему колесу. — Далеко ехать на нем не очень, я бы его с удовольствием поменял на нормальную машину.

— Это не твой?

— Нет, этот я нашел.

— Ну..., - задумался он, — пока будешь брать рабочую машину, я дам ключи, а так у нас ребята ездят искать машины в Каспер, насколько я знаю. Там никто не живет.

— А трупоеды?

— Бывают, но немного, вроде. Я не слышал, чтобы там кого-нибудь съели. А вот в самом городе приличных машин почти не осталось, все или чьи-то, или разбирают на запчасти. В Шеридане можно попробовать, но там есть пятно. Там опасней.

— В смысле «мутное место»?

— Можно и так. Трупоеды резвятся. Ладно, поехали, садись в машину, — сказал Бад и полез на водительское место.

Я вытащил из своего форда большую сумку с оружием и закинул ему на заднее сидение машины, которое после трофейного пикапа показалось подозрительно низким. Бад вывел свой «Джи-Эм-Си» на шоссе и свернул налево, в сторону города.

— Бад, а сейчас ты на ранчо один заправляешь?

— Джо со мной был, помнишь? — Бад опустил окно со своей стороны, в кабину ворвался свежий ветер. — Он у меня формен, а так больше никого. Ближе к лету придется нанять еще пару людей, что будут скот выгонять. Если найду.

— Трудно найти?

— Людей ни на что не хватает.

— А сколько вас здесь, в анклав?

— Не знаю, тысяч десять, наверное. Расселились от Баффало до Уорлэнда, там почти вся долина заселена. Ну и на нефтяных полях люди работают, сейчас это выгодней всего.

— Почему?

— Потому что им платят бензином или соляжкой по принципу «сколько увезешь», зимой это

было здорово. Ну и деньги у нас привязаны к галлону бензина. Еще на метановых скважинах люди хорошо зарабатывают. Найти нормальных ковбоев теперь будет трудно, много людей из тех, что сюда приехали, даже лошадь близко не видели. Ты верхом ездешь? — вдруг обернулся он ко мне.

— Нет, — сознался я честно. — Даже не знаю как лошадь заводится.

— Вот видишь... А с забором справишься?

— С забором справлюсь, без проблем, — уверил я его. — Я только лошадей боюсь. Пикапов не боюсь, — добавил я уже для его успокоения.

— Это хорошо, — кивнул он.

До Баффало от бара было километров тридцать, наверное, доехали быстро, хоть Бад машину и не гнал, а ехал скорее неторопливо и солидно. Пару раз на ходу даже побибикал в знак приветствия встречным машинам.

— В городе действительно есть чужие?

— Ты про каких спрашиваешь? Тех, что осели, или тех, что собираются ехать дальше?

— Тех, что собираются ехать.

— Они все живут в «Комфорт Инн» на Ист-Харт, за них платит город, а если точнее, то анклав чужих по каким-то там взаимным расчетам.

— А ты поселил меня за деньги? — засмеялся я.

— Им все равно отдавать эти деньги придется, насколько я слышал. Бесплатно только солнце светит в этом мире, — Бад засмеялся, раскатисто и утробно. — Но если хочешь, то переезжай в мотель, я не возражаю.

— Нет, я лучше поработаю.

Если за мной будут гнаться, что вероятно, искать меня станут... да здесь и станут искать, в городе, в Баффало, если сообразят, что я еду к чужим. Тут, можно сказать, конец пути. А в домик на ранчо приедут в самую последнюю очередь, я думаю. Машину вот только убрать с глаз долой, машину, она настолько выделяется, что не заметить ее невозможно. Даже то, что я оставил ее у бара, немного напрягает, надо будет вообще спрятать куда-нибудь. Хотя бы за заколоченный дом загнать, хоть с дороги видно не будет.

Городок был типичным, смахивал одновременно и на Грэнби, и на Гарден-Сити, и, полагаю, на подавляющее большинство других американских городов. Сначала мы въехали в некую торгово-промышленную зону, состоящую из стройплощадок, складов, магазинов запчастей и всякого оборудования, потом все это сменилось универсальными магазинами. Былолюдно, как в нормальном городе почти. Возле складов стояли машины, в которые что-то грузили, у магазинов, тех, что открыты, тоже было заметно шевеление. Не все открыты, разумеется, может один из десяти, но все же, я уже и отвык от такого многолюдья. Затем по правой стороне дороги потянулись жилые дома и стало сразу видно, что эпидемия город не пощадила — как и в Гарден-Сити было множество домов заколоченный, с косыми крестами, нанесенными краской на стены, которые показывали, сколько в доме нашли живых, сколько мертвых, когда это было и сколько людей проверяло. И цифры были нерадостные, графа «живые» была все

больше пуста, а вот графа «мертвые» была почти всегда с цифрой, отличной от нуля.

— Много людей уцелело здесь?

— Мало, — покачал головой Бад, — совсем мало. Из тех людей, с кем я раньше общался, мало кто выжил. Вот Джо, например. Раньше у него был магазин всякой мототехники, а теперь он решил работать со мной. И Поплавски из выживших, мы с ним вместе еще в школу ходили, правда я на три года старше был.

Я хотел спросить про семью, но не стал. Что спрашивать, и так все ясно. Если была семья, то ее не стало. Никто здесь ни у кого об этом не спрашивает. Надо будет — сам скажет, не надо — не мое собачье дело.

Чем ближе к центру города, тем отчетливей становилось ощущение, что я так и не уехал из канзасского Гарден-Сити. Все те же вывески закусочных-франчайзов вокруг, все те же небольшие магазины, я заметил «ликерный магазин», как здесь именую винные, под названием «Уа-Ху ликерз!», все те же деревянные дома ростом в один или, уже реже, в два этажа. Хотя, Гарден-Сити был все же побольше, кажется. А может и нет.

— Если направо, то попадем к Поплавски, если прямо, то в «Спорт и Наживку», сам решай, — сказал Бад, притормозив перед перекрестком.

— К Поплавски, я думаю, — решил я. — Это важнее.

Бад кивнул солидно, неторопливо завертел руль, попутно помахал кому-то рукой из окна. Пряму у перекрестка я заметил две заправки, одна называлась, если адекватно перевести на русский, «Заходи и Иди дальше», другая, судя по всему, несла фамилию владельца — «Синклер». Работала только она, но я подумал, что раньше им наверняка было трудно разбираться друг с другом при настолько прямой, можно даже сказать — лобовой конкуренции.

Еще удивляло количество церквей. Вроде и проехали всего ничего, а заметил я их уже штук пять как минимум. Лютеранская Святого Луки, Объединенная Жизни Во Христе, Объединенная Методистская, баптистская Иоанна Крестителя, и даже скромно так: Церковь Иисуса Христа — Спасителя нашего. А напротив офиса шерифа нашелся даже молельный дом Свидетелей Иеговы, сейчас закрытый, заколоченный и помеченный зловещими диагональными крестами с цифрами. Я даже заинтересовался, к какой из церквей принадлежит Бад, но спрашивать все же не стал. Потом вспомнил еще кое-что, прочитанное в каком-то журнале: церкви в Америке — коммерческие предприятия и платят налоги. Зачастую священники строят такие церкви лично под себя и являются их законными владельцами. Церкви продаются, покупаются, сдаются в аренду. Сначала даже шокирован был немного такой простой откровенностью, вроде как где же святость, но потом решил, что так даже лучше. Честнее, по крайней мере.

Здание, в котором сидел Поплавски, делилось на две части: слева местный Пи-Ди, справа — офис шерифа. Слева стояли два черно-белых «Доджа Чарджера», справа — один большой «Юкон» с опознавательными знаками управления шерифа округа.

— Пошли, — сказал Бад, с кряхтением выбираясь из-за руля. — Поговорим с Поплавски.

Дежурка офиса шерифа была небольшой, но светлой. Молодой блондин в очках сидел за стойкой, разговаривая с кем-то по телефону.

— Поплавски на месте? — не утруждая себя деликатностью, прервал его Бад.

— Там, — показал тот подбородком, не отрываясь от телефона.

Мы прошли по короткому коридорчику и оказались в комнате с четырьмя столами, за одним из которых сидел Поплавски. Его ковбойская шляпа лежала на середине стола тульей вниз.

— Мэт, — протянул ему руку Бад.

— Как дела? — привстал с вращающегося стула Поплавски, приветствуя сразу нас обоих. — А тебя сюда каким ветром? — обратился он уже конкретно к Мак-Лири.

— Он нанялся ко мне на работу пока, будет жить на территории ранчо, так что я вроде как заинтересованное лицо.

— Понятно, — ответил депьюти, придвигая к себе клавиатуру компьютера. — Какие-нибудь Ай-Ди у тебя есть?

Я молча кивнул и выудил из кармана права и лицензию на скрытое ношение оружия. Лицензию пилота решил пока не демонстрировать, да и на ней все равно фотографии нет. Поплавски придвинул маленькие прямоугольники документов к себе и начал быстро вносить данные оттуда в какую-то свою таблицу. Потом вернул их мне, откинулся на спинку стула, сложив мощные, несмотря на возраст, руки на груди, спросил:

— За тобой есть какие-нибудь проблемы? Из тех, что могут создать проблемы нам?

Вопрос был ожидаемый, как раз первый в списке таковых, и ответ на него я уже обдумал заранее.

— В Рапид-Сити у меня были проблемы с местными. Немало постреляли.

Я решил не врать. Если разложить то, что случилось в Южной Дакоте, на составные части, то получается обычная самооборона. А самооборона для Америки вроде как всегда было первейшим правом гражданина. Надеюсь, что я не ошибся.

Кроме того, насколько я успел разобраться, местные не очень рвутся сдавать чужих Анклавам. И если даже всплывет история с поисками меня, то максимум, что мне можно предъявить, это угон самолета. Ну и Липперса, но даже это можно трактовать как самозащиту. Тем более, что Липперс не пострадал. Не должен был, по крайней мере.

— Даже так? — его брови поднялись, не очень успешно изображая удивление.

Бад хмыкнул и уставился на меня, явно ожидая продолжения.

— Я застрял возле города во время близзарда, заночевал в пустом домике. Снег уже почти стоял, в общем, я ходил на охоту, хотелось нормального мяса, — чуть упростил я рассказ в допустимых пределах, все равно не проверишь. — Пока так гулял, подъехала компания местных ребят, перепортила и разграбила все мои вещи и сожгла машину. Как раз в этот момент я вернулся.

— Кто-то погиб? — он посмотрел мне в глаза.

— Разумеется, — кивнул я и добавил: — Но не могу сказать, что я о них жалею. Не я это начал.

— Что было потом?

— Потом их стало намного больше, они меня загнали в город, практически нашли. Я начал отстреливаться. Кто-то опять погиб. И тут на сцене появились трупоеды, и всем стало не до меня.

— И чем закончилось?

— Разбежались в разные стороны. Я сел в брошенную машину и приехал сюда. Дальше вы все знаете.

— Понятно, — сказал Поплавски, отодвинувшись от стола и положив на него ноги в ковбойских сапогах, торчащих из штанин с лампасами. — Могу тебе сказать, что по законам штата Вайоминг ты можешь быть привлечен к суду в трех случаях: если натворишь что-то здесь, в пределах границ штата, — он выпрямил большой палец, — если нанесешь ущерб резиденту штата или имуществу, штата или резидента, — он разогнул указательный, — но в этом ты не замечен. И если кто-то из Рэпид-Сити приедет сюда и потребует твоей выдачи. Но тогда им придется сильно потрудиться в суде, объясняя, почему мы должны тебя выдать.

На этом он выпрямил средний палец, а большой и указательный сложил. Получился неприличный жест.

— Если то, что ты говоришь, правда, то это самооборона, — продолжил он. — Если ты там был один... кстати, один?

— Один, — подтвердил я.

— Один, да, — он пригладил усы. — Если один, а их много, то доказать факт преднамеренного убийства с твоей стороны будет очень трудно. И знаешь, что я думаю?

— Что? — чуть насторожился я.

— Я думаю, что если за тобой кто-то поедет, то он не станет обращаться к нам. Они тоже понимают, что к чему, люди из Южной Дакоты здесь иногда бывают, так что реальность им известна и понятна, — он опять погладил свои усы. — Поэтому советую тебе быть осторожней, не болтайся зря в городе. Да, и если кто-то начнет о тебе расспрашивать, то я об этом узнаю, возможно. Скорее всего. И дам знать Баду.

— Хорошо, спасибо.

На этом, собственно, моя встреча с первым помощником шерифа закончилась. Они с Бадом еще немного поболтали, потом все распрощались и мы с моим нанимателем вышли на улицу. Поездка в оружейный заняла совсем немного времени. Не могу сказать, что обмен у меня получился выгодный, но все же почти полную сумку патронов двести сорок третьего калибра я заполучил, разных видов, заодно избавившись от излишков. Ну и коробку .380 АСР прикупил, для маленького пистолета. Запасных магазинов к таким не было, к сожалению. Ну и не надо, наверное, с такими затяжной бой обычно не ведут.

43

День был ветреный, но солнечный, оптимистичный какой-то. Ветер колыхал пожелтевшую траву на холмах, которые уходили к самому горизонту, туда, где уже поднимались смутно видимые с такого расстояния горы. Если ехать в ту сторону, к горам, то скоро попадешь в

Йелоустоунский национальный заповедник, со всеми его гейзерами, горячими источниками и изобилием всякой дикой живности. Высоко-высоко в воздухе висел то ли орел, то ли сокол, высматривающий добычу. Вот он вдруг сложил крылья и камнем понесся к земле, а потом вдруг резко взмыл, колотя крыльями, и неся в когтях то ли зверька какого-то, то ли птицу, отсюда было не разглядеть.

Мы с Джо, форменном с ранчо, стояли у большого сарая у самой дороги, который здесь работал за гараж и склад всякого нужного инвентаря. В глубине его стоял снегоход, погруженный на прицеп, возле него пристроился большой красный квад.

Пикапу, который стоял в гараже, было, наверное, лет десять. Белого цвета, слегка помятый и поцарапанный со всех сторон форд F-250, с обшарпанным кузовом и трехместной кабиной, он был при этом вполне даже на ходу, мотор у него работал ровно, сытно как-то, подвеска не бренчала, так что на самом деле было видно, что за машиной ухаживали, и ухаживали всерьез. Ну а внешний вид — кому до него есть дело на ранчо? Это же для работы машина.

Еще на пикапе был мощный то ли кенгурятник, то ли даже буфер такой, с кенгурятником на нем, и нечто аналогичное можно было обнаружить и сзади, ниже уровня откидной двери кузова. Как объяснил Джо, формен, нужен он больше для того, чтобы через кусты можно было проломиться, что-то столкнуть в сторону или даже жердь с забора сбить. Инструмент, в общем.

— Дыр в оградах полно, — объяснял он. — Поэтому смотри сам, начинаешь отсюда, и смотри, где чего не хватает. Вот я тебе на карте нарисовал границы собственности, так что по этим границам заборы и ищи.

— Я понял, понятно.

И действительно, что тут непонятного? Кузов пикапа был завален мотками толстой проволоки, а все остальное необходимое лежало в железном инструментальном ящике.

— Ты с нами недели на две, так? — уточнил Джо.

— Предположительно.

— Думаю, что как раз успеешь с изгородями закончить. Как узел вязать запомнил?

В общем, с его слов, вязание специального проволочного узла и было самым главным в ремонте изгороди. Хотя ничего сложного в этой науке не было.

— Запомнил, запомнил.

Сам же Джо приехал верхом и выглядел самым настоящим человеком с Дикого Запада — шляпа, пыльник, сапоги, большой револьвер в кобуре и рычажная винтовка калибра.30-30 в чехле у седла.

— Поеду оленей гонять, — сказал он. — Они через дыры в изгородях заходят и жрут сено, что запасли для скота. Раньше этим занимался гейм-урден, но теперь его больше нет, так что надо все делать самому.

— Много оленей здесь?

— Смеешься? — Джо даже удивился вопросу. — Здесь оленей куда больше чем людей. Их популяцию поддерживали такой многочисленной для того, чтобы люди могли охотиться. Если

их не отстрелять до разумного количества, они начнут голодать, начнутся эпизоотии, а потом это все перекинется на скот и тогда будет катастрофа. Так что если увидишь оленя — можешь подстрелить, тебя никто теперь не оштрафует за отсутствие лицензии.

— И что мне с ним потом делать?

— Можешь мне привезти, можешь отдать в бар, мясо не пропадет. Можешь отвезти в город, в том же отеле где чужие живут, примут с удовольствием. Или в стейкхаус продай.

— Я понял.

Джо взобрался в седло, толкнул лошадь в бока пятками, а я полез за руль пикапа, заодно глянув на свой «ремингтон», стоящий стволом в пол у соседнего сидения. Может и вправду придется воспользоваться.

Первый же разрыв в изгороди я обнаружил сразу, как только выехал на узкое Восемьдесят Седьмое шоссе. Шесть рядов проволоки, натянутой раньше между двумя деревянными столбами были просто прорваны, судя по всему, в это место заезжал грузовик или что-то сравнимое по масштабам. Попутно был вывернут вместе с землей сам столб, так что прямо здесь можно и начинать. Столб, к слову, исчез. Может быть из-за него изгородь и ломали, понадобился зачем-то. Но столбы есть, у меня четыре штуки лежит в кузове.

Так... старую яму уже толком не используешь, развалило ее, много цемента уйдет, проще новую рядом выкопать. В кузове у меня лежал специальный инструмент — две длинные лопаты с узкими и острыми тяжелыми штыками, скрепленные через шарнир на манер плоскогубцев. Выбрал место, размахнулся — лопаты легко вошли в землю на половину глубины штыка, с хрустом прорвав дерн. Сжав рукоятки и покачав из стороны в сторону, я вырвал немало размера кусок земли, оставив на этом месте узкую лунку. Затем снова воткнул лопаты и ямка углубилась. Потом еще и еще — удобно, кстати, не надо копать много, а потом все это обратно зарывать, работы меньше.

Когда углубился почти на метр, отложил «щипцы» в сторону. Вытащил из кузова столб, воткнул в яму, затем начал замешивать в большом тазу раствор цемента, высыпав готовой смеси из мешка. Потом вылил все это в яму, палкой расталкивая густую массу вокруг стоящего столба. Подсыпал сверху немного гравия, чтобы не перекосило, затем повязал поверх столба кусок белого бинта — завтра так проще будет заметить, где продолжать работу, а пока пусть раствор застывает.

Главное в изгороди было натяжение проволоки, так что мало было соединить разорванные концы, надо было еще и натянуть. Поэтому кусок проволоки просто вырезался, а в разрыв вставлялся специальный инструмент — два вращающихся захвата, соединенные толстой цепью. В каждый захват вставлялся оборванный конец проволоки и конец свежего куска, потом этот инструмент натягивал проволоку чуть не до звона, и вот затем они связывались «специальным изгородным узлом», который и вправду держал хорошо. Затем железяка с цепью снималась, а на проволоке можно было играть как на гитаре, настолько туго она была натянута.

Сначала было трудновато, но потом втянулся, дело пошло быстрее и легче, так что я даже не заметил, как доработал до сумерек. Установил еще один новый столб, но в основном чинил разрывы в ограде. Пару раз видел антилоп, но далеко и не до них было. Ну и не знаю, антилоп тут можно стрелять, или такая свобода теперь только к оленям относится?

Антилопы, к слову, поразили скоростью. Один раз небольшое стадо их сорвалось с места и рвануло куда-то за холм, и я готов поклясться, что неслись они со скоростью километров сто в

час, не меньше.

Так, куда теперь? А в бар, жрать хочется. Не просто хочется, а после целого дня работы на свежем воздухе аппетит возбудился такой, что трупоеда съест, наверное, сейчас смогу. Живьем, только дай. Пока обратно ехал, музыку включил погромче, что-то настроение было хорошее. Вроде и труд несложный, но есть ощущение того, что делал что-то полезное. Не все же стрелять или бегать к Тьме за трофеями в брошенных городах, иногда бы и хорошее что-то сделать надо.

Минут через пятнадцать завернул на уже знакомую стоянку, где выстроились в рядок несколько пикапов, включая машину Бада. Я поставил свой фторд рядом с его Джи-Эм-Си, вылез из машины и направился к бару.

Сегодня меня встретили уже совсем по-другому, вроде как почти своего. Бад показал на место рядом с собой, Эрни кивнул, выставил бутылку «Корз», спросил:

— Стейк? Есть хорошая оленина.

— Стейк, — подтвердил я. — Хорошо прожаренный.

Стейк прожаренный, а пиво холодное. Это было холодным. Я единым глотком влил в себя треть бутылки, вздохнул радостно.

— Как дела? — спросил Бад.

— Нормально, практически дошел до грунтовки..., - затруднившись объяснить, я ткнул рукой куда-то в сторону двери.

— Понял, — кивнул он. — Ферму Хастертов обогнул уже, значит?

— Это та, что как кусок земли, прирезанный к шоссе?

— Точно, которую изгородь огибаает, — он толстым пальцем нарисовал прямоугольник на поверхности стойки. — Они пожилые люди, распродали землю... мне, а сами уже жили так, спокойной старостью, только птицей занимались. У них дочь с фермы уехала, стала художницей, подалась в Европу, и перед самой эпидемией они поехали к ней. И так и не вернулся никто. Ферма свободна, кстати, если хочешь заселиться — никаких проблем. Билл был большим аккуратистом, за домом следил.

— Да мне пока рано об этом думать, — засмеялся я.

— А ты все равно подумай.

— Кстати, я бы один свободный день взял когда будет удобно. Хочу все же раздобыть машину.

— Послезавтра суббота вообще-то, — усмехнулся Бад. — Или ты по субботам принципиально не отдыхаешь?

— Я как-то со всем этим, — я кивнул в сторону окна, — вообще забыл о том, что бывают какие-то выходные. И даже не помню, какой день сегодня.

— Четверг сегодня. Так что послезавтра с утра и езжай.

— Куда все же лучше податься?

— Езжай в Каспер. Там много всяких дилерских стоянок и, насколько я знаю, их еще все не растащили.

— Там тихо? — уточнил я, подразумевая тварей.

Бад меня понял, подумав немного, ответил:

— Когда как, осторожность не помешает. Оглядывайся по сторонам. И все стоянки автодилеров там возле Йеллоустоунского хайвэя, так что по городу самому и не надо кататься. Проехался вдоль по улице, посмотрел по сторонам, выбрал что нравится, и сразу обратно.

— Я понял.

Чуть позже пришел Джо, уставший, в грязных сапогах, которые долго оттирал на крыльце. Потом, скинув и перебросив через руку пыльник, подошел к стойке и выложил передо мной серую шляпу с ремешком, сплетенным из конского волоса, с кожаными вставками.

— Держи, — сказал он мне. — Брэд Малезек где-то выгреб целый магазин всякого, от седел до шляп, ну и раздал всем, кого по пути встретил. Я тебе одну захватил. Померь.

Я нахлобучил шляпу на голову, чуть сбив ее на затылок. Джо критически осмотрел меня и в результате кивнул удовлетворенно:

— Неплохо. Носи на здоровье, ты все же в Вайоминге. Кстати, такая шляпа стоила раньше не меньше сотни, да.

— Спасибо, — поблагодарил я, после чего снял и покрутил в руках. — Солидно сделана.

— Еще бы! — хором сказали Бад и Джо, после чего мысль развил уже один Бад: — Из бизоньей шерсти, четырёхслойная, не промокает. Кстати, из нее лошадь поить можно без проблем и от дождя она лучше всего прикрывает.

— Сильно! — одобрил я. — Как научусь на лошади сидеть — тут же попробую в деле. То есть лошадь напою.

И с этими словами выложил шляпу перед собой на стойку.

Мои собеседники хором хмыкнули, скептически посмотрели на меня, после чего Джо протянул руку и перевернул шляпу тульей вниз.

— Вот так ее клади. Тогда поля не отвиснут, особенно если шляпа мокрая. Кстати, так сразу видно, кто местный, а кто из тех, что ранчо покупали для того, чтобы на Уолл-стрит хвастаться. Тут таких много развелось в последние годы.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я его.

Любая информация, помогающая не выделяться — ценна. В том числе и про то, как надо выкладывать шляпу на стол.

— Еще Брэд нашел место, где сена в тюках до неба, — Джо уже говорил с Бадом. — И не испорчено. Предлагает помочь вывезти, просит триста долларов, за вывоз и за то, что указал место. Дальше готов возить за пятьдесят долларов рейс плюс заправка с нас.

— У него большой грузовик, так? — уточнил Брэд.

— Точно, именно под сено. Берем наш погрузчик, свой грузовик — и вперед. Тогда можем спокойно ждать травы.

— Договаривайся, почему нет. Дорого, но нам скот дороже. А насчет «потом» потом и подумаем.

— Он сейчас просто звонка ждет. Если мы говорим да, то он уже с утра готов ехать.

— А мы готовы?

— Погрузчик на прицеп загнать — и все.

— Тогда звони, — кивнул Бад, после чего повернулся ко мне: — Забор на завтра отменяется, поедете за сеном. А сегодня помоги Джо с погрузчиком.

— Без проблем.

— Это тебе без проблем, а мне хотя бы еще двух помощников найти, а то или скот скородохнуть начнет, или я, от усталости.

44

В общем, рабочий день затянулся. Мы с Джо присоединили прицеп к длинному фордовскому «стейкбеду» F-650, похожем, как все американские не слишком большие грузовики, на пикап-переросток, только с большим решетчатым кузовом. На прицеп Джо загнал небольшой трактор с хитрыми решетчатыми «клевнями» на месте отвала, после чего мы распрощались до утра. И я поехал в свою «кабину».

Вставать опять пришлось ни свет, ни заря, потому что встречу назначили на семь утра. Оделся я уже не «по-охотничьи», а «по-местному», то есть в джинсы, джинсовую же куртку на теплой подкладке, ну и шляпу надел, решив, что так совсем сольюсь с пейзажем. Посмотрел на себя в зеркало и решил, что только усов и не хватает, тут они у каждого второго. Я еще всегда удивлялся, почему в американском кино русских любят с усами изображать, учитывая, что у нас их мало кто носит. Или просто приравнивали нас к своей деревенщине?

Нет, не буду усы отпускать, нет у меня на это душевных сил. Я их в свое время даже в армии отпускать не стал, хоть они и были вещь статусной, показывали, что до приказа об увольнении в запас осталось всего полгода. Все отпустили, а я не стал.

Ладно, в паранойю тоже не надо скатываться, хотя она в умеренных количествах полезна. Вышел на стоянку, поглядел за слегка высывающийся из-за заколоченного дома трофейный пикап, напомнил самому себе, что надо от него избавляться как можно быстрее, тогда и паранойя, небось, поослабнет. А то стоит здесь вроде знака «Ищи его здесь!», меня то есть. Ладно, поехали.

Джо был уже возле ангара с техникой, что-то укладывал в кабину грузовика, сейчас ярко освещенную из-за открытой двери. А так на улице пока темень кромешная, ночь почти что. Я подъехал поближе, остановил машину рядом, опустив стекло. Прикрыв глаза, прислушался к темноте вокруг, но признаков опасности не уловил. Затем уже спросил у Джо:

— Пикап здесь оставляем?

— Конечно, — обернулся он ко мне. — Грузовик с прицепом водил?

— Водил, — ответил я, скромно умолчав, что это было всего два раза, еще в армии. Но, впрочем, тогда обошлось без всяких инцидентов, так с чего им сейчас случаться?

— Или нет, лучше я за руль, — вдруг передумал он и я с готовностью согласился.

Я перебрал в кабину «стейкбеда» свои вещи, включая винтовку и дробовик, и Джо даже немного с сомнением глянул на меня.

— На войну собрался?

— Винтовка для войны, — похлопал я по алюминиевому цевью винтовки. — А дробовик против трупоедов хорош, уже не раз пришлось убедиться. Если, например, помещения осматривать.

— Сталкивался? — чуть приподнял он бровь.

— Больше чем ты можешь себе представить, — уверил я его, в общем, не покрывив душой, потому что тварей Тьмы из Отстойника тоже можно смело отнести к категории трупоедов, а сам Отстойник Джо точно не представляет. — Могу уже считаться экспертом, — дохвастался я уже до конца.

— Впечатляет, — нейтральным тоном прокомментировал он. — У нас их здесь не очень много.

— Будет больше, — уверил я его. — Они постепенно передвигаются к людям. Технику безопасности требуется соблюдать.

— Это какую?

— Расскажу по дороге, если слушать не лень.

— Брэд, — кивнул он в сторону дороги, на которой показался дальний свет какой-то машины, едущей пока вдалеке. Ну да, кому еще здесь кататься, в пустоте и темноте?

Вскоре свет приблизился, заодно и звук мощного дизеля прорезался, а затем на площадку перед ангаром заехал еще один «стейк бед», только заметно больше и длиннее нашего. Машина остановилась, скрипнув тормозами, на нас пахнуло запахами солянки и нагретой резины. Дверь кабины открылась, и на гравий прыгнул рослый мужик возрастом чуть за тридцать, одетый точно так же как и я, только вместо шляпы у него на голове была бейсбольная кепка с надписью «Гинч», что бы это ни значило.

Они с Джо обменялись рукопожатиями и хлопками по плечу, затем мужик протянул крепкую как доска ладонь мне, представившись:

— Брэд. Как дела?

— Влад. Как дела?

Джо время тянуть не стал и сразу полез за руль, показав нашему попутчику увесистую военную рацию и сказав:

— Пятый канал.

Ну а я на пассажирское кресло забрался, буду отдыхать в дороге. «Интернешнл» Брэда тронулся с места и, развернувшись, выехал на дорогу, а наша машина, Грузовик с ощутимым усилием стронул с места прицеп с трактором, пошла следом.

— Далеко? — спросил я.

— Миль девяносто, не меньше. Пока в сторону Шеридана, а дальше он покажет дорогу.

— Далеко, если за сеном. Нет? — удивился я.

— Эпидемия началась раньше сезона заготовки, — мрачно ответил Джо. — Когда стало... тихо, как на кладбище, было уже поздно. На некоторых ранчо сено еще сохранилось, но мало.

— А скот вообще уцелел?

— Где как. Мы искали живых коров по фермам. Иногда находили, там, где их выпустили, но обычно было как в скотомогильнике. Да и выпущенных немного уцелело. Ты не поверишь — сразу появилось до черта волков. Их в Вайоминге уже век как не было, похоже, что пришли из Йеллоустона. Или чертовы защитники природы развели, этих идиотов здесь хватало, со всей страны ехали.

— На кой это им?

— «Видеть вольный бег этих прекрасных животных среди диких гор и лесов», — прозвучало это вроде витиеватого ругательства. — А вот видеть, скажем, оленей, которым вырвали брюхо эти самые волки, но не добились, а олени от них отвыкли — этого они видеть не хотели. Да ладно, что теперь, — махнул он рукой. — В общем, волков стало как-то сразу много. Собаки одичали, их ведь мор не затронул. Еще трупоеды скотом не брезгают. Думаю, поэтому сено здесь и сохранилось, бродячего скота не стало, Шеридан под боком, а там рассадник этой твари.

— Очень возможно, — согласился я.

— Кстати, ты мне что-то полезное обещал рассказать.

— Было такое, — я расстегнул куртку, потому что отопитель в кабине работал чуть ли не на полную мощность, и становилось жарковато. — В общем, ничего сложного: сначала появляется «мутное пятно», так? Оно вроде как рассадник, к нему лучше не приближаться. Но это только начало. Пятно словно бы чувствует где есть люди. Кстати, в последнее время нападения трупоедов в округе случались?

— Естественно, без них давно не обходится.

Ага, а я в кабине с окнами без решеток сплю, к слову. Да и вообще в домах вокруг решеток не видел. А в городе видел, кстати, насколько сейчас вспоминаю. Привык уже на все это внимания не обращать, вот и кажется натуральной частью пейзажа.

— В городе или вообще в округе? — уточнил я.

— В Баффало в основном.

— Часто?

— Не знаю... пару раз в месяц, наверное. Правда, в последнее время чаще стали нападать, Джош Симмонс на решетках на окна разбогател уже, — вроде как припомнил Джо. — А что, дальше еще чаще будет, ты это хочешь сказать?

— Дальше будет чаще, — я покрутил ручку, чуть опустив боковое стекло, в кабину ворвался поток свежего прохладного воздуха. — Эти пятна — они как раковая опухоль, они начинают

давать метастазы. Метастазы всегда тянутся к местам скопления людей. Ключ ко всему — темнота. Представь себе запертый подвал, в который не попадает ни луча света. Или гараж. Насколько я успел заметить, суток такой темноты достаточно, для того, чтобы там могло что-то зародиться...

— Что именно?

— Тварь. Трупоед. Много трупоедов. Я сам был свидетелем, как в Гарден-Сити, Канзас, из такого запертого дома твари напали на людей в таком месте, которое всегда считалось безопасным.

Грузовики выехали на хайвэй, широкий и пустынный, свернув к северу. А я продолжал выкладывать все свои знания о проявлениях Тьмы, стараясь при этом особо не пророчествовать, а удерживать себя в рамках наиболее очевидного на настоящий момент. Потому что источником моих знаний, с моих же слов, было время, проведенное в одиночестве в Колорадо. Вроде как я там чуть ли не эксперименты ставил. Но вроде такая версия проскочила.

Рассвет между тем вступал в свои права. Небо становилось все светлее, оно было голубым, окаймленным розовым, огромное пурпурное солнце вставало из-за низких холмов. На западе из темноты проступили силуэты гор, сейчас темно-синие, словно бы вырезанные из бумаги и наклеенные на небесный свод. Легкий свежий ветерок колебал сухую траву на склонах пологих холмов, звук двигателя словно бы вяз в окружающей тишине, неспособный поколебать спокойствие природы.

— А красиво как, — сказал я, прервав свои объяснения.

— Это Вайоминг, парень, — ответил Джо так, словно вообще удивившись моему заявлению. Зачем говорить о том, что и так всем понятно?

Заговорила рация Джо, стоящая в заряднике на центральной консоли:

— Подъезжаем к Шеридану.

— Вижу, еще не ослеп, — ответил Джо, после чего уже ко мне обратился: — В Шеридане «мутное пятно», могут быть трупоеды, так что внимательно. И дверь заблокируй, а то со мной случай был: одна тварь за ручку так ловко ухватилась, что дверь распахнулась, и меня чуть наружу не выдернули.

— Я теперь всегда блокирую.

— Ну и правильно.

Опять рация:

— Уйдем на Восемьдесят Седьмое и проедем мимо аэропорта. Нам потом на Дэйтон.

Джо опять подхватил рацию из зарядника, сказал в нее:

— Годится, веди.

— Объедем город? — уточнил я.

— Хотя бы места с «пятнами».

— Понял.

Грузовики свернули сначала на узкое «шоссе-перемычку», а потом выехали на другое, идущее параллельно большому хайвэю, постепенно от него удаляясь. Справа и слева мелькнуло несколько опустевших ферм, а заодно я обратил внимание на то, как приблизились горы. И пейзаж малость изменился. Если справа так и были все те же холмы с сухой прошлогодней травой, то слева земля словно бы немного опустилась в длинную широкую низину, появилось много небольших рожиц. А за долиной начинались уже вполне настоящие предгорья.

Ни людей, ни машин видно не было, дорога так и оставалась совершенно пустой. В паре мест были видны остатки заторов, которые кто-то растолкал, но это и было единственным признаком людской активности. Из-за близости «мутных пятен» люди здесь уже не жили и бывали разве что проездом. Или на мародерке.

Проехав недолго, мы снова свернули налево, на совсем узкую асфальтированную дорогу, а потом опять направо, из чего я сделал вывод, что Брэд объезжает город «ступеньками», стараясь держать общий курс примерно на северо-запад, а самих дорог «ферма-рынок» здесь было достаточно, можно проехать.

Потом я увидел аэродром, небольшой, что-то вроде того, на котором сам работал в Гарден-Сити. И на аэродроме были самолеты. Штук пять класса той же «сессны» стояло на поле, а еще были ангары. И в ангарах наверняка что-то еще было.

— Джо, а аэродром здесь не растащили еще, смотрю?

— А кто его будет растаскивать? — хмыкнул он. — У нас есть человек пять пилотов, так они все что хотели нашли на аэродроме в Баффало. А что?

— Да ничего, просто поинтересовался. Анклавы целенаправленно собирают с аэродромов все полезное и отправляют на юг.

— Здесь Анклавы не хозяйничают.

— Понял.

И вон машин сколько на стоянке, и среди них пикапы... а толку? Все равно ключей от них нет. За машиной надо на дилерские стоянки ехать.

За аэродромом дорога завилыла, повторяя его контур и неприятно придвинувшись к городу. Почему неприятно? Да чувство уже знакомое появилось, вроде звона в голове и мороза по позвоночнику — чувство Тьмы, знакомое по Отстойнику. Тут действительно ее местный эпицентр, шкурой чувствую. Рука непроизвольно опустилась на цевье дробовика, стоящего между колен и вообще нервишки включились. Покосился на Джо — тоже чувствует, явно видно. Губу закусил и головой по сторонам крутит.

Машины въехали в квартал, застроенный сборными «предварительно произведенными» домами, возле которых стояли засыпанные пылью и сухой листвой брошенные автомобили, в большинстве своем не новые пикапы. Несмотря на ярко светящее солнце, мне показалось, что краски вокруг как-то потускнели, вроде даже стремясь уйти в черно-белое изображение, в сепию какую-то. Словно темные и не слишком чистые очки надел.

— Мерзко здесь, да? — спросил меня Джо, выворачивая руль направо — идущий перед нами грузовик свернул в проезд между домами, явно стараясь как можно быстрее выбраться за

пределы города.

Мне показалось, что с улицы потянуло запахом мертвечины. Может такое быть? А почему бы и нет?

— Здесь ведь трупы не убирал никто?

— Почувствовал? — криво и совсем не весело усмехнулся Джо. — Пахнет, это точно. Кому их здесь было убирать?

Снова поворот, снова налево, уже на выезд из города. Боковым зрением заметил какое-то движение, дернулся, посмотрел в окно, снова закрытое — точно, на низкую крышу домика за оградой забрались две какие-то твари — довольно крупные, массивные, с круглыми головами, почти напополам прорезанными огромными пастями.

— Внимание! — я схватился за дробовик.

Джо дернулся, закрутил головой, но они уже пропали из поля зрения, не погнавшись за нами.

Кстати, а я их совсем не почувал. То есть вовсе. Почему так? Скорее всего, потому, что близость «мутного пятна» забила все способности моего «радара», как помехи забивают радар настоящий. Слишком много всего сразу, слишком чувствительный это прибор. А на будущее знать надо, что вблизи настоящей Тьмы он бесполезен.

Потом, по мере того, как мы удалялись от города, как-то отпустило, стало легче. Снова и солнце ярким оказалось, и краски вокруг заиграли. Да, не хотелось бы поблизости от Шеридана сломаться, нехорошее здесь место, совсем нехорошее.

Шоссе, ведущее на Дейтон, было нешироким и не слишком гладким, борта кузова заметно погромыхивали. Я снова опустил боковое стекло, высунул локоть наружу. «Интернешнл» Брэда неторопливо и уверенно катил впереди, сам Брэд курил, время от времени стряхивая пепел в окно.

Пусто как вокруг, пусто. Такое ощущение, что этот мир кто-то обокрал. Вот рассвело, и солнце должно было, казалось, осветить жизнь — а ее тут и нет, украли ее. Странное, нехорошее ощущение. Когда вокруг пусто потому, что так было всегда — ты наслаждаешься покоем, а когда вот так — ты вроде как у края могилы стоишь. Пусть не твоей, но все равно это могила. Странно и страшно осознавать то, что вся эта пустота возникла из-за того, что здесь все умерли. Это даже хуже войны, это хуже, чем тот же Отстойник, который «расслоился», разделив чужих и своих в разные слои реальности.

Потер лицо ладонями, словно старясь проснуться. Нет, проснуться не получилось.

— Дейтон нехорошее место, будь наготове, — отвлек меня от моих мыслей Джо.

— Трупоеды?

— Бывают и трупоеды, наверное, но я не об этом, — он посмотрел на потолок кабины, где в крючьях лежал «Мини-14» с утяжеленным стволом и небольшим оптическим прицелом. С десяток двадцатизарядных магазинов к нему было распахано по подсумкам, висевших на РПС Джо. Впервые, к слову, увидел его с полуавтоматической винтовкой и с такой кучей боеприпасов, обычно он ковбой ковбоем. — Сюда иногда банды с Индейской территории заходят.

— Часто? — насторожился я.

— Не думаю, но пару раз их здесь замечали. Один раз наши «мусорщики» напоролись на них, троих привезли обратно в кузове. Брэд с ними был, к слову.

— «Мусорщики»? — переспросил я.

— Те, кто собирает все полезное в пустых местах. У нас их мусорщиками прозвали.

— Понятно. Ладно, будем настороже.

Холмы вдоль дороги становились все круче и выше, кустов и деревьев тоже прибавилось. Горы подступают, их уже хорошо видно — высокие, заросшие хвойным лесом и — красивые. И вдоль дороги все те же заборы тянутся, проволока на столбах, какие чинить — не перечинить, наверное, если кому-то это надо будет. Это вроде как взгляд специалиста.

Дейтон оказался совсем крошечным городишком, застроенным все теми же «премануфактуред» домами, в каких здесь, кажется, живет девяносто процентов населения. Короткая улица, по которой мы ехали, почти сразу пересеклась, обогнув заправку, с Мэйн-стрит, которая есть в каждом американском городке, и которая является «стрипом» — «полосой», местом, куда все местные ходят развлекаться. Зато не надо искать место развлечений, спроси где Главная улица — и смело топай туда, если ты приезжий.

Снова заговорила рация, голос Брэда произнес:

— Мы в Дэйтоне, иду первым, пятый канал.

— Что ты пытаешься мне сказать? — вздохнув, спросил Джо, поднеся рацию к своей бороде.

Мне показалось, что Брэд растерялся, словно ожидал услышать в ответ что-то другое, но быстро нашелся, сказав:

— Я думал, что ты там заснул, пытаюсь вернуть тебя к реальности.

— Идиотский способ ты нашел, — вздохнул Джо.

Мэйн-стрит тоже оказалась недлинной, метров двести всего, после чего мы оказались за городскими пределами. Сразу за городом, на опустевшей ферме слева от дороги увидели остатки военного форпоста, уже привычную проволоку и мешки. Там же стоял обгоревший бронетранспортер, думаю, что не подбитый, а уничтоженный уходящими войсками, чтобы не достался никому из тех, кому не надо бы такое в руки давать. Грузовик Брэда, обогнув ферму, свернул налево, после чего мы снова слышали его по рации:

— Почти приехали, мили три осталось.

— Хорошо, — ответил Джо.

Кстати, а что за странное выступление было по рации, когда мы въехали в Дейтон? Я что-то не понимаю в местных диалектах или тут такой юмор странный? Что Брэд хотел этим сказать?

— Ты трактором управлять умеешь? — отвлек меня Джо.

— Водить могу, а вот управлять вот этим всем, что на него навешано... очень сомневаюсь.

— Послал Всевышний помощника, — усмехнулся он.

— Ты просто не видел как я заборы чиню.

— Могу себе представить.

— Не можешь, у тебя недостаточно воображения для этого.

— Надеюсь, — хохотнул он. — Брэд сказал, что сено в рулонах, так что будешь их крепить в кузове, тросы там и лежат.

Я посмотрел в заднее стекло кабины, прикрытое частой решеткой, увидел несколько мотков толстой оранжевой стропы, с карабинами на концах. Понятно, ничего сложного.

— Могу сделать.

Грузовики свернули налево. Земля перед нами понижалась, видно было далеко, и справа от дороги я увидел, чуть поодаль, два ранчо, одно поближе, второе подалее. Достал бинокль из сумки, поднес к глазам.

— Не обманул Брэд, есть сено, — сказал я.

Примерно в миле от нас я увидел большой и красивый двухэтажный дом с большим амбаром рядом с ним, а чуть ближе к нам было что-то вроде хозяйственного двора, и там, под огромным навесом, лежало великое множество огромных рулонов сена. И не меньшее количество сена лежало рядом открыто, но выглядело оно после зимы даже на мой неискушенный взгляд не очень. А может и все нормально с ним, у меня знаний по фермерской тематике примерно столько же, сколько о сверхновых звездах. Или меньше.

— Сейчас направо, — сказала рация.

— Мы уже догадались, — ответил Джо.

— Отлично.

Мысли вернулись к странной фразе Брэда. Бред какой-то. Мы что, не в курсе были, что въехали в Дейтон? Или, того хлеще, не в курсе, что машина Брэда идет головной? Что за ерунда?

Ерунда.

Но при одном условии — если это он нам говорил.

А если не нам? Если он забыл переключить частоты? Недаром он так растерялся, услышав ответ Джо. И причем тут вообще пятый канал, мы на него и так настроены.

Может он кого-то предупредил о том, что мы приехали? И дал знать на каких частотах нас можно слушать. Нас кто-то ждет? Зачем? Как-то все это не слишком хорошо выглядит. Совсем нехорошо, мне это вовсе не нравится.

— Не сворачивай, — сказал я, оставив в сторону дробовик и перехватив удобней винтовку. — Езжай прямо.

— Что? — Джо с удивлением вытаращился на меня, начав поворачивать следом за машиной Брэда.

— Не сворачивай! — рыкнул я, перехватив руль и удерживая его. — Брэд нас в засаду привез. Давай вперед, чем быстрее, тем лучше.

Большой «Интернешнл» Брэда запылел по проселку, заросшему посередине травой, а мы поворот проскочили, но Джо, окончательно растерявшись, начал скидывать скорость.

— Дави на газ! — уже заорал я на него. — Дави, если жить хочешь! Уходим!

— Брэд... Брэда надо предупредить, — забормотал он, протягивая руку к радио, но я перехватил рацию как раз в тот момент, как из динамика послышался голос Брэда:

— Эй, вы куда?

— Проскочили, извини, сейчас найдем место для разворота, — ответил я, а затем, отпустив тангенту, опять заорал на Джо: — Ты что, не понял до сих пор? Брэд нас привез в засаду, Брэд! Гони, я сказал!

В окно мне было видно, как грузовик нашего проводника скинул скорость, потом просто остановился в ожидании. Джо, все такой же растерянный, начал понемногу разгонять машину, явно сомневаясь в том, что это вообще следует делать. А я никак не мог разделить внимание между ним и ранчо, которое довольно хорошо просматривалось с дороги. И все же заметил то, что наделся заметить: прямо за двухэтажным домом стояли три больших пикапа. Они были грязными, но с чистыми стеклами. Стекла кто-то недавно протирал. И еще на них были следы стеклоочистителей — лучший признак того, что эти машины не стояли на месте с давних пор.

— Джо, гони отсюда, на ранчо люди!

— Где? — спросил он вместо того, чтобы прибавить газу.

— В доме, гребаный ты идиот, в доме! Да гони ты, или я тебя сейчас отсюда выкину и сяду за руль сам! Гони!

Я направил ствол винтовки ему в бок.

— Ты с ума сошел! — заорал он в ответ, снова сбросив скорость почти до пешеходной.

Я просто прикрыл глаза от отчаяния. Некоторые люди не умеют думать, смотреть и говорить одновременно. И при этом вести машину.

— Считаю до трех, — сказал я, щелкнув предохранителем. — Потом я тебя убью. Гони. Вдави педаль в пол. Один.

Джо явно испугался и прибавил газу, причем прибавил резко, машина, несмотря на тяжелый прицеп сзади, начала довольно шустро ускоряться.

— Джо, гони к горам, или у нас не будет никаких шансов, — сказал я.

— О чем ты вообще?

— О том, что за нами уже гонятся! — я окончательно впал в отчаяние от того, что он по-прежнему даже не понимал, о чем идет речь. — Не вздумай на меня дернуться, я начну стрелять, даже если мне покажется, что ты зашевелился.

Не отводя в сторону ствола винтовки, я снова схватился за бинокль и посмотрел в окно. И

увидел, как вооруженные люди выскакивали из дома и амбара, и бежали к машинам.

— Гони, Джо, за нами человек двадцать, не меньше, — Джо не напал и даже не стал сбрасывать скорость. — Если увидишь их в зеркале, делай что угодно, чтобы не дать нас обогнать.

Он ничего не ответил, но и ругаться не стал уже. Похоже, что все-таки что-то заподозрил. Я снова посмотрел в окно и увидел, как машины одна за другой, вытягиваясь в колонну, выезжают на проселок, ведущий к ранчо от шоссе.

Если нас догонят и лишат машины, укрыться будет негде, все просматривается до самых гор, до которых отсюда километров десять, наверное. Холмы невысокие и почти голые, скопления кустов пока без листьев, спрятаться не получится. Какое бы мы укрытие не нашли, окружить, прижать огнем и забросать, например, гранатами, проблем не составит. Шансов ноль. Или даже меньше. Единственный выход — добраться до густого хвойного леса, там хотя бы скорости уравниются. Мы побежим на своих двоих, и точно так же придется за нами гнаться.

Страх, сначала полыхнувший в душе степным пожаром, как-то быстро улегся. Остался мандраж, но паники не было, голова работала быстро и ясно.

— Ты здесь лес знаешь?

— Знаю, — кивнул Джо, затем спросил, глядя в зеркало заднего вида: — Кто они?

— Могу только предположить, что они приехали из Южной Дакоты.

— Брэд, ублюдок, — Джо вцепился в руль побелевшими пальцами и говорил уже сквозь сжатые зубы. — Зачем это ему?

— Кто-то ему просто заплатил за то, чтобы завести меня в засаду. Один бы я никуда не пошел, поэтому он заманил тебя.

— Куча людей знает, что мы поехали с ним.

— А мы напоролась на банду с Индейской территории, я думаю, — я убрал в сторону ствол винтовки, до сих пор направленный в бок Джо. — А Брэд случайно уцелеет и приедет на машине, простреленной во многих местах. Мне так кажется. И все ему поверят, потому что даже ты мне рассказал, что здесь плохое место. И насчет сена он не наврал, никто его ни на чем не поймают.

— Это при условии, что мы не вернемся, — криво и злобно ухмыльнулся Джо. — А насчет этого мы еще посмотрим.

Грузовик уже несся по дороге, прицеп с трактором летел следом, как бы намекая на то, что нам лучше не тормозить теперь.

— Я в кузов! Не стряхни меня.

Подтянув ремень с винтовкой до минимальной длины, я открыл дверь машины. Поток встречного воздуха попытался ее захлопнуть, но я все же протиснулся между ней и крышей, схватившись за край кузова, поднялся сначала на подушку сидения, а потом, подтянувшись и опершись коленом на крышу кабины, перевалился в кузов, прямо на груды строп, которыми мы собирались паковать сено. Трактор был прямо за мной, почти полностью закрывая обзор назад.

Я даже слышал, как стучат покрышки прицепа на трещинах в асфальте и как поскрипывает подвеска. Отклонившись вбок, я все же разглядел машины сзади, довольно быстро нас догоняющие. Четыре пикапа, все разного цвета, причем в кузове первого я вижу пулемет на турели и пулеметчика. Это уже серьезно.

Машину трясло, но не слишком сильно, сказывался вес и длинная база. И, наверное, еще и прицеп гасил колебания. Поэтому поймать кабину головного пикапа в прицел «ремингтона» получилось достаточно просто. Увеличение и так было на минимуме, большой палец сбросил предохранитель, указательный потянул спусковой крючок. Треснул выстрел, я даже разглядел, как в лобовом стекле пикапа появилось белое пятно. И дальше я открыл беглый, на весь магазин, огонь, целясь в кабину и радиатор машины.

Там испугались, пикап резко сбросил скорость, так, что в него чуть не влетела следующая машина, затем завиял по дороге, из-за чего пулеметная очередь ушла неизвестно куда. А нам удалось отыграть не меньше двух сотен метров дистанции. А мне почему-то представился вот этот самый грузовик, на котором мы едем, только с бронеплитой сзади и такими же щитками, прикрывающими колеса. Так ведь можно было бы и целую вечность отстреливаться. Вот как конструкторская мысль работает, если под задницей огонь разжечь.

Когда пикапы снова начали нас нагонять, мы успели проскочить километра два. Теперь они изменили тактику: два пикапа встали рядом и открыли одновременный огонь из пулеметов, судя по звуку — малокалиберных SAW. Пули свистнули над головой, с гулким грохотом хлестнули по трактору, который закрыл меня от опасности своим железным телом. Я сместился в самую середину кузова, туда, где меня закрывал от пуль блок двигателя и все это массивное железо, что было на трактор навешано. Завалившись на живот, я чуть-чуть сдвинулся вправо и обнаружил, что смогу стрелять из-за его массивного заднего колеса. Потому что стрелять надо, если не стрелять, они нас просто догонят.

Стрелять с упора было хуже, кузов потряхивало, а компенсировать тряску руками уже не получалось. И все же несколько раз я в машины попал, они опять сбросили скорость, а тот, что ехал справа, вообще отвернул на обочину и остановился. Похоже, что в нем кому-то прилетело, как бы даже не водителю.

Приподнявшись в кузове, я глянул вперед, на горы, с удовлетворением отметив, что они приблизились. Причем приблизились уже заметно, в лесу, тянущемуся вверх по склону, можно было разглядеть отдельные деревья. Еще чуть-чуть и... черт знает, что там будет, но уходить по дороге у нас точно долго не получится. Нас ведь спасает пока то, что этот участок дороги прямой, нас не получается обстреливать иначе чем сзади, и прицеп пока не норовит утащить нас в канаву. Если дальше дорога начнет вилять... а она начнет, потому что там горы, нас просто разнесут из пулеметов.

Кажется, преследователи это поняли сами и держали безопасную дистанцию. Я еще раз обстрелял их, опорожнив уже третий магазин, и они отстали еще больше, без суеты и паники.

— Джо, на первом же повороте бросаем машину и уходим в лес! — закричал я в водительское окно. — Так нам не уйти!

— Я понял, держись тогда! — крикнул он, оглянувшись на меня.

Упав на дно кузова, я начал набивать опустевшие пластиковые магазины, которых у меня было всего четыре штуки. Надо бы побольше вообще-то. Успел набить два и запихать их в подсумки, когда Джо заорал:

— Держись!

Я просто откатился к переднему борту кузова и сжался, ожидая удара. Машина, гулко громыхнув повесткой, подпрыгнула на канаве, следом подпрыгнул прицеп, и я вдруг понял, что трактор сейчас просто влетит в кузов и навалится на меня, раздавив в лепешку. Но этого не случилось — все вдруг начало заваливаться набок, с треском и грохотом, потом меня всем телом ударило о борт кузова, раз, второй, и уже затем я обнаружил себя лежащим на сухой траве в метре от узловатого и толстого соснового корневища.

Вкус крови во рту — я прокусил губу, угодив самому себе прикладом винтовки в подбородок, пока катился. Джо? Джо жив, потому что я видел, как он пытается выбраться из машины через лобовое стекло, сейчас стоящее вертикально, как дверь. Укрывшись за стволом дерева и пытаясь перевести дух, я встал на колени, вскинув винтовку — до противника было всего метров триста.

С десятков выстрелов, сделанных мной, их остановил. Зато заработали сразу два пулемета, засыпав пространство вокруг меня пулями. Я завалился за ствол дерева, услышав, как сразу несколько пуль клюнули в него, и заодно возблагодарив неизвестно кого за то, что у противника пулеметы под легкий автоматный патрон. Были бы у них советские ПКМ — дерево прошивалось бы насквозь без всяких проблем с такой дистанции.

Джо наконец выбрался из машины, большим неаккуратным полотном выбив изломанный триплекс, выстрелил несколько раз в сторону противника из своего «Мини-14», а потом залег, прижатый пулеметным огнем.

— Уходим!

Мы вперегонки поползли в лес, старясь укрыться за деревьями до того, как противник обнаружит отсутствие противодействия. Пока же преследователи старались прижать нас огнем так, чтобы мы и головы поднять не могли, но нас прикрывал кювет и перевернутые машины, распространявшие запах вытекающей солянки. Пули барабанили по днищу трактора, крошили дерево кузова грузовика, но причинить нам вред не могли, шли выше.

Я полз изо всех сил, загребая локтями слой сухих иголок, удерживая винтовку на локтях. Метров через пятьдесят такого движения я уже запыхался, а еще чуть позже дышал со свистом. Пот тек по лицу, одежда прилипла, Джо выглядел ни капли не лучше, но между нами и преследователями вставало все больше и больше древесных стволов, почти полностью нас укрыв.

— Все, теперь бегом, — просипел Джо, вскакивая на ноги.

— Веди.

Бежать поначалу стало легче, да и такого ясного следа за собой мы уже не оставляли. Но затем Джо резко изменил направление, взяв левее, и мы начали подниматься по склону, сразу потеряв в скорости.

— По ложбине не легче? — спросил я, на ходу сменив магазин в винтовке.

— Там лес недалеко тянется, нас выгонят на открытое место, — Джо говорил по слову через вдох, явно запыхавшись больше чем я. — А если сумеем подняться на хребет, то окажемся в Национальном лесу Бигхорн, и по нему можно дойти до самого Баффало.

— Это хорошо, тогда веди.

Противника мы не видели, но его действия было несложно предугадать — пулеметы еще постреливали, хоть и не так активно, так что он наверняка пытался нас обойти с двух сторон, полагая, что мы на старой позиции. Видимо, они считали нашу аварию случайной и полагали, что у нас может быть раненый, например. А это давало нам некоторую фору, которую надо было использовать по максимуму.

Через пару минут мы оказались на тропе, не знаю даже, оленьей или все же протоптанной людьми. Даже тропой ее назвать было сложно, такую с десяти метров уже не разглядишь, но идти стало чуть легче, не надо было выворачивать ноги на склоне. Несмотря на обстоятельства, успел отметить, как густо запахло хвоей — лес пробуждался к жизни после зимы.

Подлеска почти что не было, лишь редкие скопления безлистного кустарника, низенького и жидкого, но сосны росли плотно, уже метров за пятьдесят их стволы полностью закрывали обзор, что сейчас играло нам на руку.

— На хребет поднимаемся и оглядимся оттуда, — пропыхтел Джо, идущий впереди.

Оглядеться надо, а с хребта, может быть, сумеем заметить преследователей. Просто уходить от них... ну, может и получится, но вероятность пятьдесят на пятьдесят, могут и догнать. А если у них есть снайпер, то и подстрелить с хорошей позиции, где-то мы наверняка себя откроем. Так что надо им жизнь усложнять.

— Джо, надо засаду устраивать, надо их замедлить.

— До вершины все равно идти надо, — откликнулся он. — Оттуда мы сможем на обратный склон пойти.

Как они пойдут? Одной группой по следам, или попытаются охватить? Можно попробовать устроить засаду на вот этой самой тропе, но видимость никакая. А если они послали еще группу по обратной стороне хребта, то за это время она успеет продвинуться вперед и отрезать нас от оптимального пути отхода. Так что темп нам тоже терять никак нельзя, еще хуже выйдет.

— Если на запад идти, то что будет дальше? — спросил я, адресуясь спине Джо в брезентовом пыльнике.

— Опять низина и никакого леса примерно на милю. Как на ладони будем. Лес коридором тянется по хребту с севера на юг, выходить из него нам нельзя.

Вот так, час от часу не легче, то есть, если противник не дурак, то он сообразит, что у нас не так уж много путей, и попытается перекрыть именно южное направление, потому что сообразит, что мы пойдём в сторону своей территории. Большого боя нам, кстати, не выдержать, я уже половину боекомплекта расстрелял, патронов сто осталось, не больше, ну и к пистолету с полсотни, и у Джо, насколько я вижу, тоже с пару сотен всего. Нет, всерьез с этим не развоюешься.

А до вершины не так уж и далеко. Выдохлись, чешем ведь почти бегом, но уже близко. Еще чуть-чуть, еще рывок... блин, бегать по утрам надо снова начинать, и вообще спортом заниматься, а то что-то форма теряется. Опять же надежда на то, что преследователи тоже не прямо со стадиона сюда, у них тоже язык на плече должен быть.

Прямо перед нами тропу пересек олень. Выскочил из-за деревьев, напугав нас так, что я едва не выстрелил, остановился на секунду, глянув на нас, потом рванул дальше с низкого старта, присев на задние ноги, затрещали кусты, через которые он проломился.

— Джо, включи рацию на сканирование, — прохрипел я. — Может быть нащупает их обмен, хоть что-то пойдем.

— Хорошо.

Дальше, дальше, плевать, что дыхание уже со свистом из груди, ремень винтовки давит на шею, спина под рюкзаком вспотела, хочется пить, но это опять же позже, когда до верха доберемся. Воды мало, кстати, всего одна фляжка у меня, у Джо так и той нет, но надеюсь, что воду найдем. Потом, если сейчас уцелеем.

Кстати, за каким дьяволом я сегодня отказался от привычного уже охотничьего камуфляжа, а? Я бы в нем за любым кустом спрятаться мог, а вот в этом всем джинсовом — черта с два. И подаренную шляпу потерял, оставил в машине. С дробовиком. Кстати, надо бы патроны к нему выбросить, нечего лишний вес тащить.

— Давай сюда, — просипел Джо, указав на небольшую кучу камней, вплотную подступившую к тропе. — Дошли, верх уже, похоже.

Следом за ним я встал на серый камень, с него неуклюже и тяжело перепрыгнул на другой, третий, дальше снова пошли по слою старых слежавшихся сосновых иголок и веток. Но след свой хотя бы чуть-чуть прервали, глядишь, и выиграли на этом пару минут.

С вершины хребта ничего видно поначалу не было, но когда мы прошли метров с пятьсот дальше на запад, то наткнулись на скопление скал, прорезавших в этом месте сплошной лесной ковер. И отсюда видно было далеко на запад, юг и юго-восток.

Присели, я вытащил флягу, протянул ее Джо:

— Хочешь?

— Давай, спасибо, вода вся в грузовике осталась.

— Я заметил.

Отпил он немного, потом протянул флягу мне, и я тоже сделал несколько небольших глотков, стараясь больше смочить рот и горло. Потом убрал флягу обратно и взялся за бинокль.

Два едущих пикапа я заметил сразу, это были единственные движущиеся предметы на много-много километров вокруг. Похоже, что пока мы чесали к вершине, противник разделился и половина его сил поехала в обход.

— Джо, там дальше дорога есть, на юге в смысле?

— Есть. Старый Иллинойский хайвэй.

— Понятно.

И вправду понятно. Они хотят перекрыть его, не дать нам пересечь дорогу. Пара засад, два мобильных патруля с пулеметами — могут перехватить. Даже если мы кого-то подстрелим, то обнаружим себя, покажем остальным направление преследования. А раненый их не слишком

отяжелит, они на машинах.

Так, а что на западе?

Действительно долина, голая. Но не совсем, есть отдельные небольшие рощицы, разбросанные по ней пятнами. И если просто идти по вот этому хребту, то можно спуститься в одну такую. За ней голое пространство, но оно отсюда не просматривается, а дальше опять лес поднимается по дальнему склону. Вот если удастся перебежать из той рощи в тот лес, то тогда уже преследователь окажется в совсем нехорошей позиции, если следом пойдет. Сколько там открытого пространства? Триста метров? Больше? Если их на нем поймать, то можно много дел натворить с моей винтовкой.

— Джо, давай туда! — показал я рукой. — Попробуем на дальний склон перебежать.

— Давай, — не стал он спорить и поднялся на ноги. — Не будем терять времени.

Дальше бежать стало легче. Пусть и под уклон, но он здесь пологий, так что скорость просто выросла. Машины, ехавшие вдаль, вскоре исчезли из поля зрения, укрытые склоном другой горы. Две туда, две за нами. Сколько там всего людей? Я прикинул, что с пару десятков, но может быть и меньше. Не думаю, что больше, ехать из Южной Дакоты сюда далеко, в тесноте неудобно, взяли бы больше машин, в них недостатка нет. Значит, за нами в худшем случае человек восемь, и столько же в тех машинах. Если мой план сработает и я их поймаю на открытом пространстве, то уже с двумя ранеными на руках им за нами не погоняться будет.

Снова лес сомкнулся с обеих сторон, но все же обзор сохранился, лес опускался по обоим склонам вниз, смотреть получалось между стволов деревьев. Расстегнул куртку, чтобы обдувало, стало немного полегче. Джо тоже зашагал веселей, удерживая свой «мини» на сгибе руки. Ладно, мы ее повоюем, не на лохов напали.

Темп мы взяли хороший, если за нами идут по тропе, то идут пока еще вверх, куда медленней. Рация Джо никаких переговоров не уловила, противник или молчал, или просто разговаривал коротко, сканер не успевал перехватить их обмен. Ну и черт с ним, не очень и надо, мы примерно и так поняли расклад сил.

— Джо, а что на север отсюда?

— Ничего, пустота. Дальше Йеллоустон, там мы вообще потеряемся или медведи нас сожрут. Туда идти нельзя, недели уйдут, пока куда-нибудь выйдем.

— Значит, не пойдем.

Чуть отдышавшись, снова перешли на легкий бег, потом снова на шаг и опять на бег. Слышал, что такой способ передвижения называли «скаутским», я когда-то в студенческие времена так от метро до дома ходил. Приезжал уже последним поездом, а автобусы к тому времени переставали ходить, вот и шел-бежал так до самого дома, сотню шагов бегом, сотню пешком, довольно быстро получалось, и даже не запыхавшись до подъезда добирался.

Ближе к подножью горы взяли левее, по хребту лес просвечивал, противник, если он тоже шел по вершине, мог бы нас заметить. Рывком перебежали в рощицу, преодолев метров восемьдесят свободного пространства, там замерли, укрывшись и прислушиваясь. Нет, ни стрельбы, ни шума. Если нас и заметили, то мы об этом сейчас никак не узнаем.

— Давай, бегом дальше.

Джо рванул уже за мной. Я все время забирал левее, помня, что там эта рощица почти что смыкалась с еще одной, чуть меньше, которая была вытянута неправильным овалом с востока на запад, в том направлении, куда нам и нужно. И не промахнулся — когда мы выскочили к крайним деревьям, стена следующих была от нас метрах а тридцати. Рванули, что было сил, пересекли открытое пространство, чуть укрывшись за деревьями, побежали уже правее, ориентируясь на видимый отсюда склон горы.

Дыхалка понемногу уже начинала заканчиваться, а заодно подумалось о том, что завтра ноги будут болеть от таких упражнений. Если до завтра доживу, конечно. Но пока по нам не стреляют, мы оторвались, и этот успех надо закреплять. Просто бежать нельзя, будут гнать, и в конце концов, загонят. Преследователей больше, инициатива пока за ними, и весь расчет на то, что мы так и будем убежать, нас выдавят на засаду. Ушли от этой засады, на том самом старой Иллинойском хайвэе, о котором сказал Джо — они переедут в другое место. Они на машинах, у них прорва патронов наверняка, им проще. И вот тут надо внести исправления в этот их план.

Вот опять опушка роши, перед нами свободное пространство на которое страшно выбегать, хотя я сам смотрел сверху и мог убедиться, что оно не просматривается. Так что не останавливаться, вперед, вперед.

Побежали. Сухая трава шуршит под подошвами, вдоль лощины прохладный ветерок, сейчас как нельзя кстати, потому что опять взмок как мышь. Дыхание сиплое, но пока в ритм, два шага — вдох, два шага — выдох, и так сколько получится. А ноги уже слабеют, чувствую. Начал выворачивать подсумки с ружейными патронами, роняя цветные пластиковые гильзы под ноги.

— Заметят! — просипел Джо, подразумевая выброшенные патроны.

— Это нам и нужно, надо хвост рубить, — так же пропыхтел я в ответ.

Посреди ложбины ручей, вода чистая такая, как будто ее кто-то из бутылки с минералкой льет. Не сговариваясь, нагнулись, приложились к воде, каждый ухватил по паре глотков, затем вскарабкались на невысокий склон, хватаясь за кусты, побежали дальше. Уже в ушах звон, к ногам как будто по гире привязали, брюки прилипают, промокшие насквозь, винтовка как будто килограмм двадцать весит, рукоятка скользит в потной ладони. Вперед, вперед, вперед...

Все, вот и лес, дальше начинается склон. Пробежали немного, метров двадцать, затем я скомандовал:

— Стой! Занимаем позицию!

Рухнули как подкошенные. Я перекатился за толстый ствол сосны, пристроился к нему с «ремингтоном». Нет, пока за нами никого. Может быть, потеряла нас погоня? Может и так, всякое бывает, но убедиться в этом можно только одним способом — ждать, ждать и ждать.

Приложил руку к подбородку — кровь, шершавым затыльником приклада все же ободрал морду. И бок болит, только сейчас почувствовал, видать, приложился о землю, когда выкатился из кузова. И даже не почувствовал до сих пор. Дыхание понемногу начало приходить в норму, круги перед глазами понемногу растворялись.

Я оглянулся на Джо, увидел, что он устроился так же, как и я, положив свой «мини-14» перед собой на землю.

— Джо, следи за прогалинами, я кустов нарежу.

Надо маскироваться. Не верю я, что противник у нас опытный в военном деле, да и не всякий опытный вояка сразу может понять, откуда по нему стреляют. Если они пойдут по следам и выйдут на нас, и мы поймаем их на полпути от рощи до ручья, то каждый из нас сумеет сделать по несколько удачных выстрелов прежде, чем преследователи хотя бы смогут понять, откуда ведется огонь. А звук между гор будет рикошетить эхом, он здесь не подсказка.

Валежника хватало даже поблизости, это все же лес, а не парк, поэтому более или менее внятную связку собрал за пару минут, ползая на четвереньках и стараясь все время оставаться за деревьями. Стянул куском веревки в подобие фашины, повалил горизонтально, и еще несколько веток воткнул. Получилась и опора под винтовку, и маскировка заодно вполне нормальная. Затем, когда я закончил и занял позицию, Джо занялся тем же самым, стрельнув у меня кусок нейлоновой веревки.

Время тянулось как резиновый клей, просто вязнешь в нем. Кажется, что уже час пролежал, а на часы глянешь — и пяти минут не прошло. Идут за нами, или отстали? Просчитали наш маршрут и сзади обходят, или с флангов? Может быть? Ну, по часам пока не может, по часам им бы хотя бы по нашим следам успеть пройти, но вот потом — вполне.

Пару раз проверял, надета ли на прицел насадка с сеткой — «флэшхайдер», спасающая от бликов — солнце светило как раз так, что в ином случае мой прицел не мог не бликовать. Но сетка была на месте, никто меня заметить не должен был. Минут через десять совсем занервничал — и тут увидел преследователей. Они вышли из рощи точно по нашим следам, замерли, присев на колено, на опушке. Я хорошо видел в прицел, выставленный на пятнадцатикратное увеличение, как их старший долго осматривал окрестности в бинокль, несколько раз направляя, как мне казалось, его точно на меня, а потом он дал знак продолжать движение.

Преследователи были одеты в камуфляж «вудлэнд» старого образца, но при этом было видно, что это не военные — и снаряжение разномастное, и манера его надевать у каждого своя. Касок не было ни у кого, но на всех четверых были плейт-кариеры, что резко усложняло задачу. Совсем не уверен, что мои матчевые пули смогут пробить защиту, так что целиться придется или в голову, или в ноги, или куда попало.

Шли они четко по следу, постоянно оглядываясь, старший пару раз говорил что-то в рацию. Выглядели они как передовой дозор куда больше группы, но как раз в том, что это не так, я был уверен — не хватило бы им численности. Скорее всего, сообщает он о том, что нашел наш след, другой группе.

Группе?

А что-то не сходится по численности у меня для «группы». Вот для «групп» уже правдоподобней. Четыре машины, по четверо в каждой, предположительно. Четверых вижу, еще видел две машины, то есть... еще человека четыре не сосчитаны. Это как минимум. Две машины пытаются обойти с юга, а остальные? С севера дороги есть? Черт, надо бы у Джо спросить, да поздно, он от меня метрах в двадцати, шуметь придется. И, в любом случае, эту группу с хвоста надо стряхивать.

Так, есть, нашли мои патроны, вон, старший показывает что-то на земле, в руки не берет — осторожный. Еще чуть-чуть, метров тридцать, дальше земля немножко под уклон пойдет, к ручью, там они вообще как на ладони все будут. Но вообще идут правильно, дистанцию держат, старший идет вторым... с него и начну, потом головного, желательно бы даже не насмерть... а дальше как получится.

Есть, пошли опять. Ракурс нормальный, идут почти на меня, упреждения почти не надо. В прицеле расстояния не видно, преследователи как силуэты, вырезанные из фотографии и наложенные на пейзаж. Вот как командир размерами в пять тысячных заползет, так, примерно, триста метров для него и будет, а это уже дистанция, при которой я из этой винтовки могу уши отстреливать. В теории.

Ветерок, кстати, заметный, все прикидываю скорость... тысячную поправки брать... не мало? А черт его знает. Ладно, тут дистанция уже никакая, в силуэт цели все равно впишется. Опять же, наверное.

Целимся... в область таза это называется. Дыхание... тысячная на ветер, по высоте поправок нет... спуск...

Выстрел прозвучал так, словно толстую сухую доску сломали. Эхо его пронеслось по долине, отразившись от склонов гор, вернулось ко мне. Я видел, как рвануло с краю штанину на бедре у командира преследователей, и сразу ввел поправку, совсем чуть-чуть, на половину тысячной. Снова звук сломанной доски и человек в прицеле, согнувшись, завалился в сухую траву, а я уже высматривал того, что шел в голове колонны. Он успел залечь, вода стволом своего автомата по деревьям, и в этот момент возле него земля поднялась фонтанчиками — рядом захлопал «мини» моего напарника. Пули легли близко, стрелял он с оптикой, и я решил, что если он противника и не заденет, то прижмет на какое-то время к земле, и перевел прицел на тех, кто шел за командиром.

Они оба лежали, но пользы от этого было совсем немного, прошлогодняя трава жидкая и низкая, укрытия от нее никакого, и сама земля была с уклоном в нашу сторону, выставляя их как мишени в тире. В прицел было видно, как шедший с ними пулеметчик открыл огонь, явно пытаюсь прижать огнем Джо, которого заметил. Ствол его оружия превратился в пучок огня, я даже хорошо видел, как летели гильзы, карабин Джо умолк, а дальше я поймал пулеметчика в прицел, взял поправку и выстрелил. Он даже не дернулся, а просто ткнулся лицом в землю.

— Джо, статус! — заорал я, не отрываясь от прицела.

— Активный!

— Просто следи! Я их возьму, не трать патроны!

Джо все же прижал своего противника, а тот, что шел последним, уже полз назад, отчаянно загребая руками и ногами, надеясь вырваться из насквозь простреливаемого пространства.

— Держи первого, не давай прицелиться! — отменил я свою же команду и навел винтовку на отползавшего.

Мы этих четверых можем вообще убрать с доски, слишком хорошо они попались. Виляющий толстый зад в камуфляжных штанах и дергающиеся рубчатые подошвы ботинок вошли в перекрестье прицела. Я снова вздохнул, придержал дыхание, словно постаравшись придавить норовящее выскочить куда-то в горло сердце, дважды выстрелил, попав оба раза. Я видел, как противник задергался, покатился в сторону. Я не слышал его голоса, но видел открытый рот и понимал, что он орет от боли. Снова перекинул прицел на командира, увидел, что тот тоже жив и даже пытается куда-то ползти, после чего открыл огонь по оставшемуся противнику. Он ближе всех, он самая простая мишень.

Мы с Джо все тем же скорым маршем двигались на северо-запад, следуя направлению хребта, по которому тянулся лес. Явных признаков преследования не было, в нас не стреляли, на пятки никто не наседали. Мы оставили за спиной троих раненых. Не знаю, кто из них выжил, но то, что раненый командир преследователей что-то орал в рацию, я видел в прицел так же ясно, как собственную руку, если к глазам ее поднесу. В общем, на что я и рассчитывал — своих никто в таком состоянии не бросит. Убил бы — черт его знает, может быть, испугались бы, но, скорее всего, разозлились и гнали бы нас дальше, умнее и злее. А вот раненых надо спасать, гнаться с ними на руках уже несподручно, учитывая, что в область таза легких ранений не бывает и раненых нужно срочно в госпиталь.

Джо, решив, что мы от преследования избавились, предложил сразу свернуть на юг, но я его отговорил. Все же риск напороться на какой-то заслон есть, противник мог и разделиться, продолжив преследование частью лиц. И, подозреваю, он бы оставил в деле тех, кто пытался нас перехватить с дороги.

Кто еще нас пытался ловить, мы выяснили довольно скоро, примерно часа через полтора, когда неожиданно вышли на лесную дорогу, точнее даже просто колею, проложенную по просеке.

— Дорога лесной службы, — сказал Джо, когда мы, укрывшись, присели за деревьями, выйдя к ней. — Смотри, кто-то ездил.

Действительно, на грунте были видны четкие и совсем свежие отпечатки покрышек.

— Глянь, туда и обратно проехал, — сказал Джо, приглядевшись.

Оглядевшись по сторонам и прислушавшись, я вышел к самой дороге, стараясь при этом не сходить с травы, присел. Точно, следы вели в две стороны и были совершенно одинаковыми. Похоже, что здесь проехало что-то размером с большой пикап, на каких за нами гнались, потом это самое развернулось и поехало обратно. Подобрать раненых, например.

— Пошли, — махнул я рукой и постарался перепрыгнуть на центральную часть колеи, заросшую травой, а затем, уже с нее, на противоположную сторону.

Джо повторил мой маневр. Мы немного углубились в лес, достаточно для того, чтобы можно было укрыться, но недостаточно, чтобы потерять дорогу из виду, некоторое время прислушивались, а затем уже не спеша, тихо и аккуратно, пошли вдоль дороги уже к юго-западу. Впрочем, лес на этой стороне скоро закончился, и нам пришлось прыгать в обратном направлении. Там роща нас увела от дороги в сторону, огибая большую поляну, но затем опушка вновь прижалась к колее, давая нам возможность поглядывать в ту сторону. Никто не ехал. Никто не гнался. По пути в ручье напились, набрали воды в единственную фляжку. Потом объявили привал и распотрошили мой суточный НЗ.

— Подстрелим что-то, не напрягайся, — успокоил меня Джо. — Здесь зверья хватает.

Я ему поверил, потому что оленей уже сам видел пару раз. Пусть вдалеке, но подкрасться, если надо, проблемы бы не составило. Метров на двести выйти — вообще без проблем. Так что лучше жрать паек пока и не терять времени на охоту. Так мы вроде оторвались, но... на месте преследователей я бы, сильно разозлившись, все же попытался бы устроить засады на наиболее вероятных маршрутах. На всякий случай, вдруг повезет? Так что пока лучше топтать дальше, стараясь уйти из района вероятных поисков.

Пообедав и отдохнув, пошли дальше. Был соблазн выйти на дорогу, по ней все же легче шагать, но пока побоялись, держались за деревьями. Пусть по следам та машина и вернулась, но... а

как вдруг они не из одного пункта выехали, а на всякий случай выставили еще заслоны? Маловероятно, верно, за уши притянуто, но...

Кстати, нашли и выманили они меня очень технично. А ведь, если прикинуть, то большого труда это и не должно было составить. Во-первых машина. Не зря я от нее хотел избавиться, это как на цирковом фургоне разъезжать. Потом... потом у них ведь наверняка есть связи с местными. Такими вот «мусорщиками» как Брэд, которые и ездят везде, и торгуют со всеми, насколько я понял. Или сам Брэд меня вычислил, или кто-то другой, но способ нас выманить придумал он, это наверняка. Для этого надо было слишком хорошо знать местные проблемы, в частности — проблемы Бада. И знать места вокруг, потому что там сена и вправду завались.

— Джо, а нам ведь Брэда зацепить не удастся, если даже мы обратно доберемся, — сказал я вслух.

— Я об этом уже думал, — обернулся он, снова шедший впереди. — Кроме той случайной передачи... он ведь больше ни в чем не ошибся. Приехали за сеном, сена там много, а то, что на ранчо банда расположилась — так откуда он знал? Все правдоподобно, другое дело, что не веришь ни на грош. Ты уверен, что это из-за тебя?

— Ну, процентов на восемьдесят, наверное. Причина у них есть... если это они.

— Месть причина хорошая, верно, — согласился Джо. — Но может выйти как у Хью Гласса, что хотел отомстить — и не смог.

— Это ты о чем?

— Старая история. Это в Южной Дакоте было, в тысяча восемьсот двадцать третьем году. Была экспедиция за мехами, с которой шел траппер Хью Гласс. Возле Грэнд-ривер на него напал здоровенный гризли, замял, оскальпировал практически. Хью отбивался ножом, потом подбежали друзья, медведя убили. Но сам Хью был очень плох, совсем умирал. В общем, вся его экспедиция пошла дальше, оставив двух человек, которые должны были дожидаться его смерти и по-человечески Хью похоронить.

— Не похоронили? — попробовал я догадаться.

— С ним, как я сказал, остались двое, Фитцджеральд и Бриджер, — продолжил рассказ Джо. Бриджер был совсем сопляк, семнадцать лет, и, говорят, что на подлое дело его подбил Фитцджеральд, заставил просто бросить умиравшего Хью. Они взяли все, что у Хью было, его винтовку, его нож, еду — все. Они даже не докопали могилу, хотя и начали. Тогда были стычки с индейцами арикара, и они зассали.

— А Хью не умер.

— Верно, Хью почему-то не умер, крепкий оказался мужик. Он остался без всего и даже не мог идти. У него была сломана нога, и ребра были открыты, медведь содрал все мясо с бока. У него даже скальп висел на боку, понимаешь?

— Могу представить.

— У Хью осталась медвежья шкура, которой его накрыли Бриджер с Фитцджеральдом. Он завернулся в нее, кое-как сделал из палки шину на сломанную ногу, и пополз. До Форта Кайова ему надо было ползти двести миль. Раны начали гнить, и он нашел гнилое бревно, к которому приложился ранами. Он лежал у этого бревна до тех пор, пока черви не сожрали все гнилое

мясо на нем. Сам питался грибами, корешками и ягодами. Этого было мало, он и так еле дышал, а тут ослаб совсем.

— И что дальше?

— Дальше он полз шесть недель до реки Шайенн. Однажды наткнулся на мертвого бычка бизона, у которого крутились двое волков. Хью уже настолько озверел сам, что сумел отогнать их палкой, после чего сидел у туши несколько дней, отъедаясь сырым мясом. Не сидел, пока туша не начала гнить, после чего уже побрел, опираясь на палку, дальше.

— Дошел?

— Он дошел до реки и сумел связать из валежника что-то вроде плота. Добрался до другого племени, которое увидело вконец израненного мужика, несущего на себе шкуру того медведя, что его порвал. Для них он стал героем. В общем, они его выходили, дали еды и оружия, и провели к Форту Кайова.

— Ну а с этими двумя что случилось?

— Хью пообещал их прикончить и начал искать. Первым он нашел Бриджера, совсем неподалеку отсюда, вот как раз на реке Бигхорн, возле границы Йеллоустона.

— И что сделал?

— А ничего. Бриджер был совсем сопляком и умолил Хью не убивать его. Тот дал ему несколько подзатыльников, пнул в задницу и ушел искать Фитцджеральда.

— Нашел?

— Нашел, — усмехнулся Джо. — Фитцджеральд к этому времени вступил в армию. Все знали, что Хью его ищет, и если бы Хью его убил, то оказался на виселице быстрее, чем успел бы сказать «Гребаный Фитцджеральд». Закон взял его под защиту как солдата. Хью только набил ему морду и отобрал свое ружье.

— И что было с Хью дальше? — спросил я, более чем впечатленный историей.

— Погиб через десять лет. Тоже здесь рядом, в Йеллоустоне, вместе с двумя трапперами напоравшись на арикара.

— Ну... орел Хью, что ты скажешь. Но закончилось все действительно обидно, надо было грохнуть обоих.

— Хью был хорошим человеком, богобоязненным.

— Так а нам ты что предлагаешь делать? — все же уточнил я.

— Не знаю я ни хрена, — выругался Джо. — Лучше бы он здесь нам попался.

— Это конструктивно, — согласился я. — Но маловероятно.

Так мы шли почти до самой темноты. В одном месте пришлось сделать немалый круг, чтобы оставаться под прикрытием леса, потому что дорога шла через середину широкой и насквозь просматриваемой долины, потом вновь приблизились к ней. Дорога, кстати, была уже асфальтированной двухполоской, колея лесной службы слилась с ней километров пять назад.

Но никаких машин мы так на ней и не увидели, к большой нашей радости. Шли себе и шли.

Горы, к слову, тоже «ушли в сторону», топали мы уже по типичной вайомингской слегка холмистой равнине.

— Сейчас впереди будет охотничий кэмпграунд и гостиница, «Беар Ладж Ресорт», — вспомнил Джо, когда мы начали подниматься на очередной, уже почти плоский холм. — Вон те деревья пройдем — и как раз выйдем. Там и перекресток с шоссе.

— А понаблюдать за ними откуда-то можно будет?

— Думаешь, они там могут быть? — насторожился он.

— Кто знает? — пожал я плечами. — Если перекресток дорог и есть где укрыться, то я бы выставил там засаду. Посмотреть бы надо.

— Из-за деревьев и посмотрим. Кстати, там сразу будет стоянка трейлеров, так что поосторожней тогда.

Действительно, лесок вывел нас на кэмпграунд — большую, сейчас пустую территорию кемперной стоянки с одиноким бревенчатым домом у въезда. Выглядело все уже довольно заброшенным — мусора намело, что немаловажно — под самые двери, из чего я сделал вывод, что сюда давно никто не заходил.

До мотеля отсюда было метров восемьсот по прямой, но можно было подойти и лесом, который огибал перекресток плавной дугой и подходил практически вплотную. Приложился к прицелу, насколько позволяли сумерки, осмотрел двухэтажное бревенчатое здание мотеля и те бунгало, что были видны за ним. Нет, вроде бы все тихо.

— Пошли? — спросил Джо. — Не хочется в темноте снаружи сидеть.

— Не хочется, — согласился я.

Темнота — враг, темнота приводит Тьму, это уже рефлекс. У местных, как я погляжу, он тоже прорезался.

— Сейчас, момент, — я отсоединил оптический прицел от своего «ремингтона» и поставил на его место голографический «Эотех». Для оптики и свет уже не тот, и тактика у нас меняется. — Пошли.

Стараясь не мельтешить на опушке, углубились обратно в лесок, пошли дальше, часто останавливаясь и подолгу осматриваясь и прислушиваясь. Нет, все тихо, разве что птица какая-то разоралась неподалеку от нас, заставив Джо поморщиться:

— Если кто-то за местом следит, то может насторожиться.

Расстояние до мотеля прошли за полчаса, примерно. Когда вышли к скоплению бунгало, уже почти совсем стемнело. Присутствия Тьмы я не чувствовал, но это и понятно, она идет туда, где люди бывают, а тут и до эпидемии глухомань была.

Один большой бревенчатый дом, за окнами которого удалось разглядеть бассейн без воды. Небольшие домики, какие на одну семью, какие на две, бревенчатые, под зеленой покатою крышей. К ним дорожки гравийные, на которых никаких следов не разглядишь, даже если кто-

то недавно здесь ходил.

— Зайдем домик? — шепотом спросил Джо.

— Еды бы поискать, — ответил я. — Ресторан или бар здесь был?

— В мотеле, — ткнул он стволом «ругера» в сторону главного здания.

— Давай сходим.

От мысли подстрелить оленя мы отказались, потому что вставать на привал планировали ночью, а для оленины нужен костер. Побоялись. Но голод не тетка, а запас еды у меня в рюкзаке на двоих уставших мужиков просто никак не распределялся. При этом каждый понимал, что какие-то продукты здесь вполне могли уцелеть, так что попытка разведать территорию вполне может окупиться.

Прикрывая друг друга, добрались до стены главного здания, опять присели, прислушиваясь.

— Вход с обратной стороны, — прошептал Джо.

— А нам вход не нужен, через вход каждый дурак войти может, — так же шепотом ответил я, оглядывая окно первого этажа. — А мы вот отсюда...

Простенькая сдвижная рама, деревянная даже. Так, где в ней замок? Обычно снизу или сверху. Снизу, пожалуй. Нож, забитый между ней и фрамугой и использованный как рычаг, легко сорвал совершенно игрушечный замочек с креплений. Щелкнуло, не так чтобы и громко, что-то с металлическим звоном упало за окном, рама сдвинулась. Откинув винтовку за спину, я вытащил из кобуры пистолет, а из подсумка фонарик, осветил в номер.

— Гадство, — сказал я по-русски, но Джо меня понял.

— А я все думал, что ты пытаешься сделать? — тихо засмеялся он.

Первый этаж состоял из отдельных комнат, каждая со своей дверью наружу. Никаких коридоров и прочих атрибутов отеля. Из номера мы могли выйти лишь на противоположную сторону здания. Сам номер был хоть и просторным, но простым: две кровати, причем по ширине как двуспальные, боковые стенки из гипсокартона, кажется, наружные — бревна. Дверь в ванную. Стол, кресла, бюро у стены. Жалюзи на окнах противоположной стороны опущены. А вообще такое нормальное местечко для ночлега, если вдуматься, потому как выходы на две стороны от довольно длинного здания.

Пришлось все же идти в обход, до угла, до высокого крыльца, снизу которого оказался вход в сувенирный магазин, живо напомнивший мне заброшенный отель в горах Колорадо, а на второй этаж вела наружная лестница. Поднялись поочередно, пригибаясь за перилами, уперлись в закрытую дверь. Помог опять нож, которым я достаточно легко отжал язычок замка, который был, наверное, больше защитой от проникновения внутрь енотов, чем от людей. Приоткрыл дверь, уже привычно принялся, ожидая встретить трупный запах, но не было даже затхлости. Похоже, что помещение хорошо проветривалось.

Простенькие столы, складные стулья с металлическими ножками — апофеоз простоты. Барная стойка, дверь на кухню. Луч фонаря пробежал по стенам, потом я заглянул под столы — нет, никаких сюрпризов, никаких ловушек. Просто пустой «ресторан», который так без кавычек и язык назвать не поворачивается. Хоть бы мебель под стиль бревенчатых стен подобрали, что

ли.

Джо остался приглядывать за входом, а я направился на кухню. Туда дверь заперта не была, просто прикрыта. Открылась с негромким скрипом, пропустив меня.

— Опа! — сказал я, когда луч фонаря упал на целый штабель коробок, сложенных у стены.

— Что там? — спросил из зала Джо.

— Похоже, что тут кто-то или забыл много полезного, или устроил себе базу.

Послышались быстрые шаги по деревянному полу, Джо подошел ко мне. Хмыкнул, осмотрев мою находку. Ящики с сухими пайками и просто консервами, большие бутылки с водой и даже несколько ящиков патронов были аккуратно уложены у стены и прикрыты полиэтиленом.

— Кто бы это мог быть? — спросил я у спутника.

— Здесь? — он снял шляпу, которую, в отличие от меня, умудрился не потерять, и почесал в затылке. — Здесь никого нормального не бывает. Кто-то с индейской территории, наверное. Будем надеяться, что сегодня они сюда не заявятся.

— Не должны, — подумав, согласился с ним я. — Похоже, что лежит давно, сложили на всякий случай. Для них это может быть удобной оперативной базой — и трупов нет, и трупоедов, и место для ночлега хорошее. Ладно, давай прихватим то, что нравится, и уходим.

Взяли аккуратно, навтыскивав консервных банок из тех ящиков, что лежали внизу. Воду тоже взяли сзади, две больших бутылки объемом в галлон каждая. Так вроде и незаметно даже получилось на первый взгляд. И вообще, если обнаружат, то могут подумать, что кто-то из своих скрылся, потому что чужой взял бы все или брал бы с краю. Хотя, скорее всего, именно что все взял. И увез бы на машине, потому что пешком, как мы, здесь точно никто не ходит.

Обосноваться решили в домике, самом дальнем от мотеля, почти укрытом за деревьями. Размером он был с небольшой номер и обставлен точно так же, разве что маленький камин в нем еще был, и поленница дров у самой двери. Дверь была открыта, но содержимое домика выглядело совершенно нетронутым, даже бог знает когда застеленное постельное белье выглядело несмятым.

— Можно разогреть консервы было бы, — сказал Джо, задумчиво поглядывая на печку, но потом сам же заключил: — Нет, нельзя, дым за пару миль можно унюхать. Так съедим.

— Лучше так, — согласился я. — Не надо нас нюхать.

В банках были бобы со свининой — «музыкальное» блюдо, официально считавшееся едой для бедных. Если ты совсем на дне жизни, то переходишь на вот эти самые бобы с вот этой самой свининой. Можно считать, что и мы сейчас на этом самом дне — ни машины, ни трактора, и даже патронов у меня маловато. Одна радость, что снайпер по большому счету и много тратить не должен. Только я по-снайперскому из засады отстрелялся всего разок, а все остальное время лупил целыми магазинами на подавление. Осталось, кстати, чуть меньше четырех полных, семьдесят шесть патронов.

— Ночью как дежурить будем? — спросил я, смяв консервную банку и бросив ее в пустой полиэтиленовый пакет, который нашел просто на полу посреди комнаты. — По два часа?

— Давай по два, так хоть сон успеешь посмотреть, пока очередь не придет, — согласился Джо, после чего сказал, приняв от меня бутылку с водой: — Воду бы еще захватить, всю бутылку.

— У меня рюкзак пустой уже, попробую целиком туда затолкать.

У Джо рюкзака не было. Была сумка, но она осталась в кабине, он ее просто забыл. Да и несподручно было с ней убежать. А вот шляпу не забыл, к слову.

— Джо, а что у тебя за бляха такая? — показал я на пряжку его ремня, большую, овальную, серебряную, с изображением брыкающегося мустанга и ковбоя на нем, пытающегося удержаться.

— Эта? — он щелкнул по пряжке ногтем. — Это я в родео победил, почти тридцать лет назад, в Грейт-Фоллз, арена «Четыре сезона». Это в Монтане, я там жил тогда, в Бозмане.

— А что делал?

— Булл-райдинг.

— Серьезно, — с уважением кивнул я. — Мне на это даже смотреть страшно.

— А смотрел? — усмехнулся Джо.

— Очень мало, если честно, — засмеялся я. — Но все равно круто выглядит. Я быков вообще боюсь, хоть близко и не встречал, а тут еще и ему на спину лезть — надо быть психом.

— А я и был психом, — он скинул пыльник, бросил на спинку кровати, потом стащил ковбойские сапоги с плоским каблуком. — Молодой, здоровый, все девки мои были. Потом спину повредил, больше выступать не мог, — он завалился на кровать, закинув руки за голову.

— А сейчас как спина?

Я поставил стул у окна, уселся, прислонив винтовку рядом к подоконнику.

— Давно не болит, я операцию делал. Но возраст уже не для родео, сам понимаешь.

— Бад сказал, что ты какой-то мототехникой торговал раньше?

— Верно, было такое. Квады, снегоходы, Эй-Ти-Ви и прочее.

— Надо было квады в кузове везти, — помечтал я. — Так бы на них и смылись, виляя между деревьев. Уже дома были бы давно.

— Возьми себе, если хочешь, у нас в ангаре их больше десятка стоит. Никто не покупает, у всех, кому надо, уже есть давно. Здесь, в Вайоминге, их вообще очень много. И снегоходов.

— Ты серьезно? — удивился я.

— Более чем.

— Спасибо. Если доберемся целыми — возьму, хоть и неловко. Мне даже заплатить нечем толком.

— Ты уже заплатил, я бы без тебя оттуда не ушел. И засаду ты заметил.

— Джо, вообще-то засада была на меня, — я подвинул второй стул, поставив его перед собой, и положил на него гудящие от долгой ходьбы ноги. — Без меня ты бы в нее просто не попал.

— А это уже неважно, — зевнул Джо, прикрыв рот ладонью. — Главное, что отбились и ушли.

— Пока еще не ушли, — засомневался я. — На самом деле мы в таком месте, что если противник умный, то он обязательно проверит бы его заехал.

— Я думаю, что им раненые этого сделать не дадут. Ты прав был, я только сейчас понял — раненые осложняют жизнь намного больше чем убитые.

— Это, в общем, старая истина. Убитого можно потом просто похоронить. Раненого должны нести как минимум двое, которые выбывают из боя вместе с ним. Раненому нельзя дать умереть, поэтому нарушаются все планы операции.

— Как и вышло.

— Возможно.

Каждая фраза, которую произносил Джо, звучала все тише и тише. И затем он просто уснул, негромко захрапел. А я, побрызгав себе в лицо водой, чтобы меньше тянуло в сон, расположился у окна, чуть приоткрыв его — и вентиляция, а то запах открытых банок очень уж заметный, и слышно лучше что снаружи делается. А в такой темноте от слуха больше пользы чем от зрения.

46

Слух и зрение сработали одновременно. Звук моторов и свет фар были видны одинаково издали.

— Джо! — позвал я.

— Что? — сразу вскинулся он, подскочив на кровати. — Моя смена?

— Вообще-то да, — я глянул на часы, — но на самом деле сюда кто-то едет.

— Дерьмо! — засуетился он, натягивая сапоги. — Кто?

— Откуда я знаю? Не видно отсюда.

Видно было плохо, свет отражался от крыши мотеля и только так я его разглядел. Обзор из нашего окна был совершенно никаким. Слышно было только, что машина не одна. Много машин, пожалуй.

— Так, Джо, окно с той стороны открой, — кивнул я на противоположную стену и замер, присев, у приоткрытого окна, схватив винтовку.

Услышал, как с негромким шуршанием сдвинулась рама, затем Джо присел на колени рядом, держа наготове свой «мини-14».

— Сюда? — спросил он.

— Черт его знает. Наверное.

— Заметят, что в продуктах копались?

— Джо, я что, на гадалку похож? Может и заметят, но решат, что мы давно смылись. А может и проверять не пойдут. А может они понятия не имеют о складе, потому что его кто-то другой устроил. А может озвереют и пойдут нас искать.

Гадство. Ведь говорил мне внутренний голос, что не испытывай судьбу, вали к черту из этого курорта, ночуй в лесу, не велика проблема, сделаешь шалашик и поспишь, так нет, на удобства потянуло. И вот на тебе, пожалуйста бриться.

Машины между тем свернули на стоянку у мотеля, похоже, видно все равно ничего не было. Слышно было, как глушились двигатели, потом захлопали дверцы машин, послышались голоса, громкие, уверенные, и мужские, и женские. Стало шумно, так, словно приехавшие решили устроить праздник на стоянке. Сидеть в бунгало становилось все менее уютно, обзор никакой, если кто-то появится из-за угла мотеля и пойдет сюда, то мы, наверное, даже в окно без шума свалить не успеем.

— Джо, давай отсюда, в лесу переждем, — прошептал я и, не дожидаясь его ответа, рванул к заднему окну.

Спорить он не стал, побежал следом. Выбрались бесшумно практически, пригнувшись, рванули в лесок, который вплотную примыкал к домику, стараясь как можно быстрее укрыться за деревьями. За нами никто не гнался.

— Стой, — прошипел я, когда мы отбежали на несколько десятков метров.

Джо присел рядом, спросил:

— Что?

— Думать надо, куда дальше идти. Ты вообще помнишь как здесь все устроено?

— Поле вокруг. До ближайшего леса с полмили. Но думаю, что по темноте дойти проблемой не будет.

— Если у них приборов ночного видения нет, — возразил я. — А если они часовых выставляют и у них такие приборы есть?

— Тогда в обход идти надо, вот этим лесом прикрывшись, — он хлопнул ладонью по стволу сосны, рядом с которой мы сидели. Тут несколько миль до леса, а дальше он, насколько помню, опять к дороге прижмется. Нам бы до наступления света как можно дальше уйти надо, черт знает, кто это приехал и куда их потом понесет.

Лес нас уже укрыл, прикрыл со всех сторон стройными стволами сосен, по-весеннему пахнувшими смолой, спрятал под высокими кронами, в которых негромко шуршал ночной прохладный ветер, так что можно было уже обдумать ситуацию спокойно.

Прав Джо, все верно, по идее нечего здесь зависать. Но я бы все же сперва глянул на тех, кто приехал. Хотя бы для того, чтобы примерно оценить масштаб угрозы. Или отсутствия таковой. Фейс-контроль пока еще никто не отменял, может быть лучше не прятаться от них, а вовсе наоборот. Все это я тихо изложил Джо и он, немного подумав, с такими доводами согласился.

— Хорошо, давай посмотрим.

К тому же в голове настойчиво запульсировала мысль про то, что там теперь есть машины. А машина — это такая штука, в которую садишься и быстро едешь вместо того, чтобы медленно идти пешком. И кто знает, как там все дальше сложится...

Стараясь не приближаться к крайним деревьям, я медленно, стараясь ступать как можно тише, на всю ступню, начал обходить мотель против часовой стрелки, ориентируясь по свету. А заодно стараясь в этот самый свет не попасть, потому что тогда, в освещенном сбоку лесу, любое движение будет видно даже лучше чем днем. Джо чуть отпустил меня и пошел следом, держась метрах в десяти позади.

К счастью, риск быть услышанным оказался невелик, на стоянке продолжали шуметь, так что треснувший, например, под ногой сучок точно никого бы не встревожил. Поэтому через несколько минут мы уже ползли, выбираясь ближе к опушке, откуда могли бы наблюдать за происходящим. Приблизились мы к месту событий метров на семьдесят, наверное, не больше, частично прикрываясь домиком-дуплексом, за которым уже начиналась стоянка.

Машин перед мотелем было много, с десятков, наверное. Четыре больших грузовика, три из которых были армейского типа, с большими зубастыми колесами, явно полноприводные, а еще один оказался «стейк бедом», вроде того, на котором с нами приехал Брэд. Остальные машины были пикапами за исключением большого черного «Хаммера». Вооруженные машины, вроде тех, что гнались за нами, с пулеметами на самодельных вертлюгах. Еще я увидел в пикапах нечто вроде бронешитов в кузовах, которые должны были прикрывать их от обстрела сзади, не мешая при этом пулеметчику отстреливаться от, например, погони. Кстати, нам бы такой пикап с утра очень бы пригодился.

Еще у машин было много людей, как минимум десятка три, и еще люди входили в мотель и выходили из него, таскали какие-то мешки, так что посчитать их было сложно. Да и какая разница, сколько их конкретно, если нас здесь все равно только двое?

Люди не были похожи на наших преследователей. Они были похожи на тех двоих, которых я тогда застрелил в Канзасе, когда пошел осматривать опустевшую ферму. Одеты кто во что горазд, насколько хватило фантазии. Оружие... вот с оружием у них все в порядке, все больше военные образцы. У некоторых в дополнение к автоматам короткие дробовики без прикладов. Двери вскрывать, наверное. Ножи, у всех ножи, в основном здоровенные тесаки в кожаных ножнах.

И машины не были похожи на машины людей из Южной Дакоты. Эти были размалеваны, расписаны, обвешаны кенгурятниками, дугами, трубами, «люстрами» и фарами-искателями. «Безумный Макс», в общем, диссертация про то, как кино влияет на массовое сознание. На ярко освещенном борту явно командирского «хаммера» была видна надпись: «Блэйдз». Командира я тоже разглядел — высокий, чуть пузатый мужик с бородой и длинными космами. Почему-то подсознательно я ожидал увидеть на нем какую-то маску вроде вратарской хоккейной, в стиле «Пятница 13», но мужик был похож скорее на байкера. В общем, они все были похожи на байкером, только малость свихнувшихся и одичавших.

Женщин было много, как бы не половина банды. Если бы банда была из кино, то женщины были бы сплошь красивые и стройные, с голыми плоскими животами и в стальных бронелифчиках, но это было не кино, так что никаких красавиц я там не заметил. Запомнилась лишь толстуха с крашенными в ярко-зеленый цвет волосами, с отвисшими на плоской широкой заднице джинсами и вооруженная SAW, чем на себя внимание и обратила.

— Что это за «Блэйдз»? — спросил я у расположившегося рядом Джо. — Знаешь?

— Их все знают, это банда из Монтаны. Почти все с Синдромом, психи конченные, маньяки. Главный у них, говорят, вообще из психушки для маньяков выбрался в Эпидемию. Здесь у них база, похоже.

— Похоже, — пробормотал я в ответ.

Джо приложился к биноклю, рассматривая суетящуюся толпу перед нами. Потом охнул сдавленно и пробормотал:

— Иисусе гребаный Христос, святое дерьмо...

— Что?

— Брэд. Это грузовик Брэда. И сам он сидит в кузове, смотри!

В суете теней от метавшихся в лучах фар фигур рассмотреть что-то было сложно. Номер грузовика заведшего нас в засаду Брэда я не запомнил, но машина была похожа — длинный «интернешнл» с зеленой кабиной. И в кузове действительно кто-то сидел. Вытащив из подсумка прицел, я навел его на грузовик, стараясь разглядеть детали.

В кузове были люди, похоже, что четверо. Трех было разглядеть сложно, они сидели спиной к борту, прикрытые досками, и лишь один был виден хорошо. Он сидел лицом к нам, его руки, связанные вместе, были примотаны к доскам борта у него над головой. Человек был сильно избит, вся нижняя часть лица его была измазана кровью, голова не держалась и падала на грудь, но сомнений не было — это Брэд. Тот самый, что нас продал.

— Неисповедимы пути Господни, — снова пробормотал Джо. — И причудлив путь справедливости. Нет, ты в это веришь? Они попались «Лезвиям» и теперь им выпустят кишки. А должно был все быть наоборот.

Я даже головой помотал, силясь отогнать видение, но оно не отогналось — наши враги были в плену, причем у куда худшей публики.

— С чем их и поздравляю, — ответил я, попутно пытаюсь составить какой-нибудь план действий. — Джо, сколько до ближайшего города отсюда?

— Если идти вдоль этого шоссе, то будет Лоуэлл милях в шестидесяти. Можно пойти вдоль четырнадцатой дороги и миль тоже через шестьдесят будет Грэйбулл, но напрямую туда не выйдешь, придется идти полями, так что займет больше времени. А что?

— Я думаю насчет машин, — признался я.

— Думать насчет машин — это прекрасно, — согласился со мной Джо. — Особенно если в результате тебе машину подарят. Других вариантов я не вижу.

— Джо, это не армия, это банда. Да еще на своей территории.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не думаю, что у них хорошо налажена караульная служба. Они пьют прямо у машин, видишь? Они орут, они устали, они скоро пойдут спать, как я думаю.

Пили там все. Кто пиво, разбрасывая пустые жестянки, а кто и крепкое прямо из бутылок. Запах жженной веревки накатывался на нас волнами, и, думаю, что там не одной травкой

обходились.

— И ты надеешься украсть машину?

— Я не знаю, — сказал я честно. — Я надеюсь, что нам удастся понаблюдать и, может быть, поймать удачный момент. И тогда мы заполучим себе колеса. И через пару часов будем дома. Или чуть позже. Мне как-то неохота идти вместо пары часов три-четыре дня.

— А если не получится?

— Тогда к утру отойдем в дальний лес и там обдумаем наш пеший маршрут. Ничего не теряем.

Я увидел, как Джо задумчиво покусал нижнюю губу, а затем он кивнул:

— Пусть так. Заодно увидим, что они собираются сделать с Брэдом.

— Уверен, что ничего хорошего.

Я действительно был в этом уверен. И не имел ни малейшего желания облегчать его судьбу. Ни его, ни тех, кто сидел в кузове рядом с ним, привязанный к доскам. Нет, я понимаю, что в кино благородный герой сделался бы еще благородней, бросившись на выручку вчерашним врагам, но это в кино. А не в кино я не испытывал ни малейшего сочувствия к его судьбе. Он нас продал, зная, что обречен на смерть. Что еще нужно? А те, кто нас «купил», им-то что нужно? Месть за убитых? Так если бы меня никто не трогал, но никто бы и не погиб. Я ведь просто ехал мимо. Так что не буду я геройствовать. Пусть их. Пусть подышают.

Пленных не трогали, на них никто внимания не обращал. Может быть, берегли для чего-то особенного, черт его знает, чужая душа — потемки, а душа психа — тем более. Другое дело, что развязывать их тоже никто не собирался. Мне в прицел хорошо было видно, как туго затянуты веревки на запястьях, так что инвалидность им уже, наверное, гарантирована. Суета на стоянке понемногу улеглась, банда постепенно разбредалась на ночлег, преимущественно располагаясь в номерах первого этажа главного здания. Похоже, для того, чтобы все вместе держаться. Людей у машин оставалось все меньше, гасли и фары, но полностью свет не отключился. Где-то затарахтел генератор и свет трех повешенных на фасаде фонарей залил стоянку, заставив меня выругаться.

Мне хорошо виден был главарь, который стоял возле одного из военных грузовиков, разговаривая с двумя мужчинами. Один был длинным, худым, жилистым, абсолютно лысым, а лысина сплошь покрыта татуировкой. Второй был похож на военного — стрижка «под кувшин», как у морских пехотинцев, ничем не примечательное лицо, сильные мускулистые руки высовывались из рукавов майки. Куртку он снял и бросил на капот «хаммера».

Старший, на секунду прервался, отпил солидный глоток из горлышка «Джека Дэниэлса», потом передал бутылку лысому, который тоже от всей души к ней приложился. Я поморщился — вообще виски ненавижу, а еще вот так, из горла, да еще и без всякого льда... фу. У них точно какой-то Синдром, нормальный человек такого не вытерпит.

Так, машины на месте, а вот ключи от них где? Грузовики выглядят военными, такие должны просто кнопкой заводиться, как вся военная техника здесь, это я уже выучил. Но нам бы пикап, он просто быстрее, на нем, случись погоня, даже можно удрать попытаться, а грузовик... не думаю, что он быстрее сотни разгонится на таких колесах.

А с ключами от пикапов проблема. Может, они их просто в замке оставляют, кто тут что

угонит, а может и нет. Не уверен, что у нас будет возможность заглянуть в каждый пикап. К слову, у нас пока вообще никакой возможности нет, банда еще не угомонилась. И вообще непонятно, угомонятся ли они вообще. Одна надежда на то, что у них какие-то планы на завтра и главный их разгонит. Должны быть планы, это не пункт их постоянной дислокации, это временная оперативная база и приперлись они сюда не просто так. То есть, завтра должны быть работоспособными.

Не ошибся. Примерно через полчаса главный направился в мотель, что-то сказав лысому. Тот достал из кармана маленькую туристическую рацию, сказал в нее пару слов, и через минуту из-за дальнего от нас угла двери мотеля выбежал молодой парень с длинными волосами и маленькой бородкой, одетый в кожаную куртку и камуфляжные штаны и вооруженный каким-то незнакомым мне автоматом. Они быстро переговорили с лысым, парень покивал, изображая понимание, затем лысый тоже ушел в мотель, оставив парня на стоянке в одиночестве.

Так, похоже, что дождались, банда перешла «в режим сна». Парень подошел к одному из пикапов, черному матовому «Сильверадо 3500» с парными задними покрывками под раздутыми арками, с пулеметом в вертлюге и с плитой брони сзади, а затем вполне откровенно отпер его с брелока, словно специально дав нам понять, что ключи от этой машины у него в кармане.

— Отлично, — прошептал я для того, чтобы подбодрить самого себя, потому что знание того, что ключи в кармане у этого парня, по сути ничего в картине не изменило. С тем же успехом они могут быть на Луне, например. Как до них добраться — это еще вопрос вопросов.

Парень залез в кабину, выбрался оттуда с блоком сигарет, распотрошил его, вытащив одну пачку и забросив его обратно, затем захлопнул дверь. Постоял, осматриваясь, закурил, затем направился к грузовику с пленными. Посветил в кузов фонариком, оглядев сидящих, что-то негромко сказал, после чего заржал как конь, явно восхищенный собственным остроумием. Я его оценить не смог, не расслышал.

Покуривая, он минут пять шлялся по стоянке без какой-то ясной, на мой взгляд, цели, потом ушел за угол мотеля. Сначала я не понял, зачем его туда понесло, но затем на втором этаже открылось окно. Вот так, нормально, он будет наблюдать из ресторана. Вся стоянка и пленные как на ладони, в дверь без шума не войдешь. Что делать? Ждать смены? Интересно, по сколько часов она у них?

Так, по любому понятно, что надо перемещаться в сторону лестницы. Если у них смена караула будет без разводящего, то... то может что-то выгореть. Эх, нам бы пистолет какой с глушителем... хотя толку от него немного будет, мне кажется. Очень уж тихо вокруг, даже глушенный выстрел будет как гром. Разве что дырчание генератора слышно, но оно не слишком громкое.

Так, но этот вариант все же на удачу. Что мы еще имеем в активе? Площадка перед зданием освещена. Часовой виден, хотя бы иногда, в окне. Если я займу позицию напротив здания с винтовкой, метрах в трехстах, то меня будет ни разглядеть, ни обнаружить. А я смогу держать окна под обстрелом. И разнести радиаторы всех машин. Или не смогу? Между ними и дорогой деревьев много, обзор будет здорово перекрыт. Еще меня надо будет подсадить, а для этого грузовик должен будет остановиться ввиду противника. А у них пулеметы не только в пикапах, так что риск сразу возрастает многократно. Нет, это уже на самый крайний, пока будем рассчитывать на ошибку караульного. У него есть ключи от черного пикапа. Единственного, кстати, который не размалеван. Похоже, что он у них совсем недавно.

Ладно, хватит на заднице сидеть, пора действовать.

— Джо, давай за мной, — прошептал я, отползая назад.

Он не стал задавать вопросов, а пополз следом. Метров через двадцать мы поднялись на ноги и уже пошли тихим шагом.

Вон домик, в котором мы собирались ночевать, сейчас он просто выглядит совсем черным пятном на фоне чуть менее черного леса, вон еще один, тоже так упрятан в деревьях, что не разглядишь. Дальше, дальше... вон здание с бассейном, вон виден тускло освещенный угол сувенирного магазина, эдакий аппендикс на мотеле. Вот и лестница. Позиция у него хорошая, а вот подход к ней плохой, долгий. Без разводящего ходить вообще-то не надо, рискованно. Есть у них разводящий?

— Ты что задумал? — придвинувшись, спросил Джо.

— У часового ключи от черного пикапа, — прошептал я в ответ. — Если его кончить, то можно уехать, стоянка на тот момент останется без охраны. Машина достаточно быстрая, если хорошо рвануть, то можно уйти.

— Да, можно, — согласился он. — Но риска много, на мой взгляд.

— Пока риска никакого, — возразил я. — Мы же никуда не лезем, только смотрим. Появится возможность — тогда видно будет. Не появится — уйдем в лес.

— Кстати, я надеялся, что Брэда прикончат раньше, чем все пойдут спать, — сменил тему Джо. — Для чего он им нужен?

— Откуда я знаю? Может у них ритуал какой-то. Или гладиаторские бои на завтра. Выкуп раньше они никогда не просили?

— Не слышал о таком.

— Значит и не попросят, — заключил я. — Так что можем не беспокоиться насчет того, что Брэд останется в живых.

— Надеюсь.

Неожиданно дверь на втором этаже открылась, караульный показался на террасе, с рацией в руке, с кем-то разговаривающий негромко. Рация отвечала женским голосом, но что говорила — расслышать не получилось, далековато. Но само сочетание «ночь — караул — тихий разговор — женщина на связи» зародило во мне надежду на то, что сейчас состоится нарушение устава гарнизонной и караульной службы. И, может быть, нам удастся этим воспользоваться.

Через пару минут где-то негромко хлопнула дверь, а затем из-за угла показалась женская фигура. Разглядеть лицо не получилось, слишком темно было с этой стороны, увидел лишь силуэт. Затапали ботинки по деревянной лестнице, затем она появилась на втором этаже, где ее освещала луна. Невысокая, черная, что для этих краев необычно, с короткой стрижкой. Послышался негромкий разговор, хихиканье, потом они пропали из поля зрения, сдвинувшись вглубь террасы. Дверной замок не щелкал, я специально прислушивался.

Я сел и начал стаскивать с себя ботинки. Джо вопросительно посмотрел на меня и я

прошептал:

— Разувайся и доставай нож.

Вопросов не последовало, он тут же стянул свои ковбойские сапоги, затем скинул пыльник. Я тоже стащил куртку, оставшись в свитере. Холода не почувствовал, адреналин закачивался в кровь чуть ли не литрами, не до холода стало.

Так, разгрузка, винтовка — все здесь остается, только пистолет и нож с собой. Перебежка в носках до стены получилась вполне бесшумной, я даже Джо, идущего следом, не слышал. Остановились у лестницы, прислушались — сверху доносится негромкий смех, какое-то бормотание. Похоже, что они даже дверь не закрыли.

По лестнице поднимался на всех четырех, медленно-медленно, прислушиваясь к каждому скрипу, каждому шороху. На верхней террасе замер, быстро сдвинулся к стене, достав нож — тот самый черный «ка-бар» с резиновой ручкой, что нашел в своем доме. Так все таскал с собой — и вот пригодился. Джо прижался к бревнам рядом, тусклый свет блеснул на его клинке, который он сейчас держал двумя руками.

Так, дверь стеклянная, можно попробовать заглянуть через нее внутрь, но есть риск быть скорее замеченным самому. Любое движение на фоне идеально ровных краев дверной рамы бросится в глаза. А вот разглядеть что-то в темном помещении будет трудно.

Войти без подготовки? Это уже на удачу, вероятность поймать пулю вырастает до недопустимых размеров. Остается только ждать, потому что караульный явно нарушает местные порядки и девку он попытается отправить назад до того, как его сменят. Почти прижав губы к уху Джо, я вкратце обрисовал ему ситуацию. Он кивнул.

Ждать пришлось минут тридцать, я время от времени поглядывал на часы. За стеклянной дверью хихикали, болтали, потом явно предавались любви, не слишком заботясь о скрытности, потом снова хихикали. Потянуло травкой даже через прикрытую дверь, из чего я заключил, что они пристроились где-то недалеко от входа. Потом голоса приблизились и мы оба напряглись. Слышно было, как ботинки протопали по деревянному полу до самой двери. Затем дверь приоткрылась, я видел черную руку, ухватившуюся за дверную ручку. Они разговаривали, но я не понимал ни единого слова, в ушах словно колокола звенели, пальцы на рукоятке ножа просто ооченели, их как судорогой свело. Левая рука с растопыренными пальцами вытянулась вперед, к самой двери.

Ну же... Да быстрее, мать вашу... Быстрее!

Женщина хохотнула, толкнула дверь, шагнула в проем — и сразу же оказалась схваченной за воротник куртки. Я рванул ее на себя, перебрасывая через ногу, толкая ее прямо в руки Джо, а сам ломанулся в дверь, врезавшись в темный силуэт со светлым пятном лица. То ли удар оказался неожиданно сильным, то ли противник никак не ожидал атаки и поддался сразу, но рухнули мы с ним как подкошенные, он на спину, охнув и не сумев закричать от удара спиной, потеряв дыхание, а я на него, с размаху всаживая клинок ему в шею, раз, другой, пытаюсь рукой в перчатке зажать ему рот.

Брызнуло горячим в лицо, лежащий подо мной человек захрипел, забулькал, а я в ужасе от того, что он сейчас заорет, навалившись изо всех сил, отвернул его лицо в сторону и с маху всадил толстый клинок ножа ему в висок. Хрустнуло, он дернулся подо мной и замер, сразу обмякнув.

Я прислушался.

Тихо.

— Джо?

— Все в порядке, — слышался шепот из-за двери.

Послышалось шуршание, Джо задом вошел в дверь, волоча за воротник труп со свесившейся вбок головой. За трупом оставалась заметная кровавая дорожка. Поднявшись с убитого, я оттащил его в сторону, чтобы уступить дорогу. Присел рядом, шаря по карманам. Есть ключи! Я достал звякнувшую связку с брелоком, с победоносным видом показал ее Джо.

— Не скалься так, пока не умоешься, — хмыкнул он. — Вылитый вампир.

Он уже отложил в сторону совсем короткий автомат, которым была вооружена негритянка и вытащил из кобуры пистолет. Запасных магазинов к автомату у нее не было, похоже, что вышла из номера налегке. Была рация, простенький туристический «мидлэнд», такой же, как и убитого караульного.

С караульного, к слову, я снял полную подвесную магазинов, как минимум десяток, и четыре гранаты. И чего-то еще до черта в других почках, которые я не осматривал. И пистолет в кобуре, какой-то странный, песочного цвета, с ред-дотом и стволом под глушитель. Ладно, потом разберусь. Надо бежать, но и лишнее оружие нам тоже не помешает, лично я так вообще с патронами поиздержался.

Сбежав вниз по лестнице, оделись, но обуваться не стали, тишина нам еще пригодится. Пригнувшись так, чтобы нас не заметить было из окна, быстро рванули в обход мотеля, к стоянке. Присели на углу, убедились, что никого там нет, кроме пленных в кузове грузовика, так же вдоль стенки пошли дальше.

Черный пикап стоял в самой середине. Замки открылись без всякого пиканья, только подфарники мигнули. Отодвинув меня в сторону, Джо с мультитулом нырнул под приборную доску, поковырялся там с минуту, потом прошептал, скорее просто изобразил шепот губами:

— Браконьерская хитрость.

Я показал пальцем в кузов, он кивнул. Заглянув через борт, я увидел несколько канистр, притянутых к одному борту, и коробок с патронными лентами, притянутых к другому. Стараясь не шуметь, вскарабкался в кузов и уселся во вполне комфортное сидение. Не знаю, где они его сперли, но для пулеметчика оно было в самый раз. Нагнулся к заднему окну кабины, показал отставленный большой палец.

Двигатель завелся, солидно рыкнул, затем пикап плавно, как пароход, тронулся с места. Когда мы проезжали мимо грузовика с пленными, я перехватил безумный взгляд Брэда и показал ему уже средний палец. Дальше машина выехала на шоссе и свернула налево. Джо явно решил ехать в Грейбулл. А я нагнулся и начал обуваться, пол в кузове был холодным.

47

Сначала мы ехали не очень быстро, Джо не включал фары и боялся разогнаться. Я, расчехлив пулемет, пытался разобраться, как им пользоваться, раньше судьба меня с М60 не сводила, только на картинках видел этот пулемет. Как поднять крышку, выяснил почти сразу, стопор

был справа, прямо под рукой. Потом выяснил, что лента укладывается в приемник только при взведенном затворе. При этом рукоятка подается вперед до предела. Лента, кстати, была набита «по-ночному», как извещала маркировка на зеленом коробе — четыре обычных патрона и один трассер. И таких лент у борта стояло десятка два, так что, случись погоня, отбиваться будет чем.

Попробовал разобраться со сменой ствола, благо нашел аж два запасных. Тоже ничего сложного, стопор справа у затворной коробки, берешь за сложенные сошки и меняешь, не сложнее чем в ПКМ. Так что, если погонятся, то буду отбиваться.

Кстати, на станке был закреплен переносной аккумуляторный прожектор, из тех, что светят далеко и ярко. Похоже, что создатель вертлюга рассматривал вариант интенсивной стрельбы ночью, с подсветкой. Ну что, дело полезное, у нас в «Горсвете» подобные конструкции тоже имелись. «Максим» с прожектором в паре — то, что надо против тварей Тьмы. А этим бандитам, получается, приходится на тварей наткаться? Против людей такая конструкция не очень, вообще-то.

Ветер дул в затылок, задирая воротник куртки и ероша волосы, так что пришлось завязать голову найденной в разгрузке убитого караульного банданой. А то так до менингита докататься можно, наверное.

Трофейные радиостанции мы с Джо настроили на новый канал, так что можно было вполне нормально говорить, а не орать в заднее окно кабины.

— Джо, нам бы побыстрее, а?

Я в любую секунду ожидал увидеть сзади фары преследующих машин. Одна надежда на то, что никто не разглядел, в какую сторону мы поехали, мотель прямо на перекрестке, все четыре направления доступны. Вот только... только пленные, чтобы свое положение облегчить, могут подсказать, что мы дернули на юг. Могли просто увидеть из кузова, а могли и догадаться. Так что лучше исходить из того, что противник знает направление, в котором мы дернули.

— Свет сейчас за десять миль видно, не ошибешься.

— А так нас без всякого света догонят, — возразил я.

— Они подумают, что мы свернули на Шеридан, мне кажется. А мы не свернули. Затем мы можем свернуть прямо на Баффало.

— И мы свернем?

— Не знаю, дальше посмотрим. Бензина здесь полный бак, машина прет как бык, так что...

— А все же, как насчет побыстрее? Джо, плевать на свет, они нас просто физически не смогут догнать, у них нет машин быстрее этой. И давай самой короткой дорогой.

— А ты уверен, что на этой самой короткой дороге нет засады людей из Южной Дакоты? У них был весь день, они могли даже подкрепления подтянуть и заблокировать наши пути отхода.

Хм... об этом я как-то не подумал. Забыл, получается. Увидел пленных и решил, что все, противника закончился. А с чего бы он закончится? Как бы не оказаться между молотом и наковальней.

— О-кей, Джо, смысл в этом есть, — протянул я в рацию. — Что предлагаешь?

— Предлагаю самый длинный путь, через Коди и Термополис. По этому маршруту нас искать точно не станут.

— И куда мы выедем?

— В Каспер. И оттуда в Баффало с юга вернемся.

— Делай как считаешь нужным.

— Здесь наверняка можно проехать лесными дорогами, я уверен... даже знаю, — добавил Джо. — Но я не знаю, какой именно, заблудимся. У меня приятель работал аутфиттером в этих краях, водил охотников, вот он все эти дороги знал как свою ладонь.

— Поехали как знаешь.

Подсвечивая себе фонариком, взялся разбираться в трофеях. Автомат оказался вроде обычным GAL, но я такого еще не видел. Выточенное из алюминия и анодированное цевье с планками под крепление всего, что можно, странный, обтянутый резиной приклад, вертикальная рукоятка, большой, странной формы пламегаситель и заметно укороченный по сравнению с оригиналом ствол. Даже не знаю, хорошо это или плохо, я ничего подобного пока даже в руках не держал.

Магазины оказались заполнены патронами под 7.62, то есть такими, какими вот этот самый пулемет стреляет. Неслабо. Но как-то не уверен я в том, что это хорошо. Штука мощная, но вот не верится мне, что, например, сейчас, в темноте, она не даст вспышку где-нибудь метр в поперечнике. Потому как порошу в патроне много, а ствола, в котором этот порох должен весь сгореть, мало. Как-то это все похоже на коммерческий проект по переделке старья и попытке создать из дерьма сладость.

В общем, не вдохновился, убедился что патрон в патроннике, а автомат на предохранителе, и отставил в сторону. Но недалеко, все равно пусть под рукой будет. Потом взялся за пистолет. Вот он понравился куда больше. FN-45, можно сказать, что родственник не понравившегося автомата. Вроде массивный, но не тяжелый, сорок пятого калибра, заметно удлиненный магазин вмещает аж пятнадцать патронов. Ред-дот небольшой, яркость точки регулируется, если выключится — ничего страшного, сквозь него нормальные прицельные видны. И самое главное: в комплекте с пистолетом был глушитель, такого же песочного цвета, сплюснутая сверху и снизу труба. А вот это бы точно могло пригодиться сегодня.

Так, ударно-спусковой одинарного и двойного действия, то есть с самовзводом, что хорошо для безопасного ношения. Рычаг предохранителя работает как безопасный спуск курка. При подъеме вверх рычажок запирает ударно-спусковой механизм во взведенном положении, как в моем любимом M1911. Нормально. Такой пистолет мне точно пригодится, тут вопросов нет.

Черт, а холодно на ветру. Может, перебраться в кабину? Там хорошо, там печка работает. А если машина сейчас разгонится, то я тут совсем задубею, потому что одет не по погоде, рассчитывал на спокойную поездку на грузовике и работу на солнце, а не на вот это все. А если нас все же догонят, что тогда? Останавливаться и перелезть в кузов? Так можем не успеть.

Взгляд остановился на брезентовом чехле, которым был до этого укрыт пулемет. Развернул, накинул на голову и плечи в виде накидки, стало вроде как получше немного.

— Замерз? — спросила рация.

— Немного, — буркнул я.

— Может, в кабину?

— И здесь нормально, рули давай.

Проверил прицел у пулемета — выставлен на минимум. Прямой выстрел тут триста метров получается, дальше идут деления через сто. Или ярдов? А, никакой разницы в сущности.

Нет, не гонится за нами никто, похоже, темно со всех сторон, никакого света. Похоже, что и вправду оторвались. Вскоре Джо включил ближний свет, а я с удивлением заметил, что фонари сзади остались темными. Это Джо отключил, или так и было? Так и было, наверное, Джо отключал тормозные огни. А они, скорее всего, и так не горели. Все по уму в этой машине, она подготовлена для того, чтобы от кого-то смываться. Вот мы и смываемся. И, кажется, смоемся.

Скорость увеличилась, но брезент как-то от ветра прикрывал. Поскольку место стрелка было сделано по уму, то было за что держаться. Ну и само сидение было таким, что запросто из него не вытряхнешь. Я даже расслабился, положив ноги на крепление пулеметного вертлюга и сложив руки на груди. Задняя бронеплита, как раз поднятая почти под срез ствола, добавляла спокойствия, так просто не подстрелишь. И наличие пулемета очень нравилось.

Так, что там Джо говорил? Умыться? Лицо и вправду стянуло. Плеснул воды из фляги на ладонь, провел по лицу, глянул — мама дорогая, на руке вода вся красная. Точно, как вампир, наверное, выгляжу. Осветил себя фонарем — мама дорогая, я как будто из убойного цеха вырвался. И переодеться не во что, у меня что на мен — то и есть. А больше нет ничего. И погода к поездке в трусах не располагает.

Вытащил из рюкзака запасную пару носков, смочил как следует, начал оттираться. Пусть одежду не очистишь, так хоть с кожи кровь сотру, а то и вправду... никуда не годится. Оттираться пришлось долго, носки отжимал много раз, и все вода сперва красная, а потом розовая текла. Но вроде оттерся, хоть так, без зеркала, и не оценишь.

Дорога между тем приблизилась к городку Грейбулл, со слов Джо, потому что я все равно ни черта вокруг не видел. Разок включил прожектор на станке, просто для того, чтобы убедиться что он светит, и сразу выключил, потому что светил он ярко и виден, наверное, был даже из космоса. Покрутил еще раз пулемет на шарнире и оставил его в покое.

Что-то странное я почувствовал тогда, когда мы уже почти въехали в город. Меня словно льдом обсыпало ощущением близкого и знакомого зла. Настолько близкого, что вот-вот вцепится в глотку и начнет рвать в куски. Включился, вспыхнув сверхновой в окружающей темноте, прожектор, и луч его упал на черную тварь с горящими как угли красными глазами, несущуюся следом по дороге и почти догнавшую пикап.

Стрелять я начал быстрее, чем закончил вроде бы краткое ругательство. Правая ладонь обхватила рукоятку, левая хлопнулась на верх приклада, вдавив его в плечо. Пулемет загрохотал, завибрировал, пытаюсь ввинтиться в плечо, выбросил хвосты огня из пламегасителя. Пересыпанные трассерами пули ударили в тварь, сбили ее бег, она покатилась по асфальту, но сзади и с боков набегали уже новые, их красные глаза отсвечивали в свете фар и прожектора.

— Джо, гони! — только и сумел проорать я в рацию, наводя пулемет на следующую цель.

Твою мать! Идиот! Расслабился! Я ведь присутствие Тьмы в Грейбулле чувствую спинным мозгом, и при этом еще вымазан в человеческой крови с головы до пят. Я сейчас как приманка, манок, как обеденный гонг, зовущей каждую мерзость мною закусить.

М60 снова заколотился в длинной очереди, сыпанул сверкающими стрелами пуль в невероятно быстрый силуэт догонявшей нас твари, затем я перенес огонь на вторую. Пикап начал резко ускоряться, пейзаж вокруг осветился — Джо включил дальний свет.

Невероятно мерзкий, врезающийся в уши и саму душу визг, тварь огромными прыжками догоняла машину, обгоня остальных. Где-то я уже это видел, это уже было... да, заброшенный городишко Порфирьево, стая гончих Тьмы, несущаяся за нашими с Федькой машинами, и затем, когда стая начала отставать, был неожиданный рывок одной из них, обогнавшей машины и запрыгнувшей мне на капот. Только тогда отбивался я из пистолета, а не пулемета. Очередь патронов на десять сбила бег, вторая истыкала пулями катящуюся по асфальту тушу.

Кривобокая горбатая тварь подскочила к машине слева, когтистые лапы вцепились в борт, голова на неожиданно удлинившейся шее дернулась в мою сторону, распахнув слюняво-зубастую пасть, не дотянувшись, но ударила злом, холодом, ужасом, Тьмой. Я что-то заорал, понимаю, что не могу довернуть пулемет в ту сторону, а руки уже сами схватили трофейный FAL. Первую очередь я выпустил даже не приложившись, от живота, повернув автомат набок. Сверкнула вспышка, треснула грохочущая очередь, оружие дернулось в руках.

Я не промахнулся, как минимум две пули ударили в уродливую харю, выбив из нее фонтаны черной крови. Для второй уже изготовился, подался всем телом вперед, компенсируя отдачу. Еще короткая очередь и все три патрона попали в цель, тварь взвыла так, что у меня душа ледяным комом провалилась куда-то в желудок, но лапы разжались и монстр исчез в темноте.

Пикап вильнул в сторону, я чуть не вывалился из кресла, но удержался, и даже не выронил так неожиданно пригодившийся автомат. Что-то черное, испускающее волны страха, мелькнуло справа от меня, я вскинул оружие, но тварь тоже слилась с темнотой вокруг. Я перебросил ремень «фала» через шею, схватился снова за пулемет, полоснул очередью по бегущим следом гончим, или не знаю, что это были сейчас за твари, я никак не мог их толком разглядеть даже в луче прожектора. И тут услышал долгий и протяжный вой, который не мог означать ничего другого, как начало охоты на нас. Загонной охоты, похоже.

Пикап, тяжело привалившись на один бок, нырнул в переулок, метнулся мимо пустых, мертвых домов с черными окнами, вырвался на широкую улицу, опять ввалился в вираж и потом понесся взбесившимся носорогом дальше. Луч прожектора метался по сторонам, я увидел, как гибкая черная тварь гналась за нами, прыгая по крышам, целая свора тварей поменьше неслась по улице следом, я выпустил в них очередь, затем второй очередью спугнул ту, что скакала по домам, а затем пулемет заткнулся, «сотая» лента закончилась. Мой «радар» был перегружен, я чувствовал, что твари стягиваются к нам со всех сторон.

Откинув крышку, я начал вытаскивать из крепления у борта очередной короб, и в это время тварь с крыш попыталась атаковать, собравшись в тугой ком, а затем развернувшись в черную размазанную ленту в длинном прыжке. Я просто выронил короб с лентой, опять схватился за «фал», бабахнул с плеча двумя короткими очередями в оказавшуюся совсем рядом испускающую волны ледяного страха тварь, не убил, но отогнал, затем снова потянулся за лентами.

Ну почему в пулемете просто нельзя менять магазин как в винтовке, зачем столько возни? Первый патрон лег в гнездо, крышка захлопнулась, пулемет снова загрохотал, хлестнув

очередью по несущейся следом стае, распугав ее и заставив отстать. И в этот момент пикап затормозил так резко, что меня перегнуло назад и я как раз за пулемет удержался от того, чтобы просто не вылететь из кресла спиной вперед и ногами вверх. А затем включилась фара заднего хода и машина рванула в обратном направлении, прямо навстречу преследователям.

— Тупик! — заорала рация голосом Джо. — Стреляй!

Я как из шланга водой полил улицу впереди пулями. Трассеры рикошетили от асфальта, разлетались в стороны искрами, твари выли, пытаюсь укорачиваться от пуль. Пикап задним бортом врезался в неожиданно выскочившего откуда-то сбоку демона, снес его с ног, переехал, подпрыгнув. Прямо в луче прожектора показалась сжавшийся для прыжка монстр, свернули желтые длинные зубы и красные глаза, я увидел, как трассер ударил его прямо в середину открытой пасти, тварь покатила в сторону, дергаясь в конвульсиях, а машина пронеслась мимо, завывая трансмиссией на заднем ходу.

Снова торможение, и если бы я его не ждал, то выбил бы себе зубы о пулемет, а так только получил прикладом в ключицу. Джо запустил пикап в «полицейский разворот», покрышки с визгом скользили по асфальту, меня мотнуло уже в сторону, поручень кресла больно вдавился в нижнее ребро, но при этом удержал меня. Я снова открыл огонь, уже толком не видя, куда стреляю, лишь бы стрелять, лишь бы пулемет не затыкался, создавая за машиной смертельный полукруг огня.

«Сильверадо» зарычал мотором, опять разгоняясь. Что творилось вокруг нас — я уже не мог понять. Движение было везде, тени, красные глаза, вой, леденящий душу визг. Мой «радар» был переполнен информацией и только одно на ее фоне ощущалось безусловно — мы едем прямо в «мутное пятно».

— Джо, в ту сторону нельзя! Никак нельзя! — заорал я в рацию. — Уходи в противоположную.

В ответ я услышал только ругательства, но машина изменила направление, метнувшись в проезд между домами и подпрыгнув на низком бордюре. Прямо у меня над головой пронеслась толстая ветка, чуть не вышибив мне мозги, в одном месте бешено несущийся грузовик завалил низкую оградку, затем машина вылетела на параллельную улицу, чуть присела на подвеске, спрыгнув с бордюра, а затем ввинтилась в поворот, завивая кузовом так, что у меня чуть голова не оторвалась.

Таранить тварей не получалось, они уворачивались от несущихся на них трех тонн металла, а может их еще и отпугивал яркий свет всех фар, дальнего света и включенной «люстры». Это помогало, потому что броситься на меня сбоку они не успевали, а оказавшись сзади, попадали под пулеметный огонь. Не думаю, что я многих убил, но они старались увернуться от пуль и отставали, машина, которую тащил огромный восьмицилиндровый двигатель, все набирала и набирала скорость.

Неожиданно включился еще ряд фар на крыше, залил светом пространство за машиной, и это вроде как опять напугало тварей на какой-то момент, они опять приотстали. Оказывается, «люстра» могла светить не только вперед, но и назад. Я успел снова поменять ленту до того, как мелкая тварь, похожая на «мартыхая», запрыгнула на борт кузова, вцепившись в бронелист, и я расстрелял в нее остаток патронов из двадцатизарядного магазина «фала», сбив ее за борт.

Потом снова была стрельба, за нами катилась самая настоящая волна монстров, разных, крупных, мелких, визжащих, воющих, словно врата ада раскрылись, выплеснув на улицы

мертвого городка все содержимое преисподней. Пулемет грохотал почти не останавливаясь, выплевывая ленту за лентой. После пятой я вытащил горячий ствол, обжегшись так, словно схватился за раскаленную сковородку, швырнул его на дно кузова и воткнул на его место новый, холодный, выдернув его из держателя на вертлюге, спасибо автору этой толковой конструкции.

Когда волна тварей начала отставать, снова случилось то, чего я уже ожидал — твари выставили «чемпиона». Огромная гончая, неожиданно быстро и страшно ускорившись, складываясь почти пополам в прыжках, рванулась за нами следом в последней отчаянной попытке не дать нам уйти. Она рванул не по прямой, а по дуге, по запущенным сухим газонами перед домами, за брошенными машинами, которые прикрыли ее от пулеметного огня. Пусть пули и прошивали их насквозь, но они не дали взять тварь в прицел. И понимая, что она нас сейчас все же догонит, я сделал то единственное, что должен был сделать — бросил пулемет и нагнувшись, начал вытаскивать из подсумка висящей на кресле трофейной разгрузки полный магазин для «фала».

Тварь, словно почувствовав, что ей сейчас ничего не угрожает, перескочила на крышу машины, перескочила на следующую, неотвратно приближаясь. Моя рука нащупала плоскую увесистую металлическую коробку магазина, откинула резиновый стопор, потянула магазин из почка. Тварь взвыла словно от восторга, перескочила уже на асфальт, приблизившись к пикапу и оказавшись от него в нескольких шагах, гоня перед собой волну чудовищного, древнего голода, жажды убийства. Словно ледяные когти впились мне в сердце, стало тяжело дышать, на глаза начала накатывать черная муть, и в ней же растворились все звуки кроме звона в голове и отчаянного стука собственного сердца.

Рука с полным магазином ударила по защелке снизу, выбросив пустой.

Мои глаза и глаза догонявшего чудовища встретились, и меня словно потащило куда-то во Тьму, в бездну, в вечный холод и страх.

Полный магазин встал на свое место, звонко щелкнув.

Патрон с лязгом вошел в ствол. Приклад уже уперт в плечо.

Тварь прыгнула, уже целясь в меня.

Хвосты дульной вспышки словно пробили это тягуче-замедленное состояние. FAL забился в частой суетливой очереди, он был сам как взбесившееся животное, которое я с трудом удерживал в руках, не давая струе пуль уйти в сторону от близкой цели. Брызнуло черным, выбило черные же облака Тьмы из приблизившегося на расстояние вытянутой руки монстра, а затем по ушам ударил, как звук циркулярной пилы, вгрызающейся в металл, дикий, невозможный визг.

— А хрен тебе, — прошептал я, выбрасывая опустевший магазин из автомата и на шаривая новый. — Хрен догонишь. Копирайт батька Махно.

Тварь рухнула, а меня трясло так, что я даже на шарить подсумок не мог.

48

В Коди мы не поехали. Джо все же решил срезать дорогу, свернул пораньше на узенькую асфальтовую двухполоску, которая уже привела нас к маленькому озеру. Решили, что если в Грейбулле такое безобразие творилось, то почему бы подобному не быть и в Коди?

Твари нас не преследовали. А если и преследовали, то давно безнадежно отстали, так что у нас была возможность помыться в холодной воде озера при свете фар. Одежду же частично пришлось выбросить. Я остался в куртке на голое тело, свитер и майка под ним были пропитаны кровью, а Джо, как оказалось, еще и джинсы уляпал, так что остался без них, а лишь в длинных трусах и ковбойских сапогах.

— Это не повод для шуток, — сказал он, перехватив мой взгляд. — И не то, что следует обсуждать в баре вечером.

— Да, я понял, — закивал я с полной готовностью, но он мне, похоже, не очень поверил.

Выбрасывать штаны он, однако, не стал, а долго стирал их в холодной воде озера, после чего повесил сушиться на пулеметный вертлюг, вроде как на ходу, на ветру просохнут. Наверное просохнут, почему нет?

Между тем я шарился по кабине затрофеенного пикапа и в результате обнаружил там дорожный атлас Вайоминга, чему очень порадовался. Подробный, до самых-самых мелочей. И пока Джо стирал штаны, я взялся его листать.

— Джо, а в Коди аэродром большой, что ли?

— Есть аэродром, — оглянулся он. — Все, кто хотел попасть в Йеллоустонский парк, прилетали туда.

Джо сидел на корточках у среза воды, держа джинсы на вытянутых руках и наблюдая, как с них стекает вода.

— А-а, — протянул я, — он там на «джамбо-джеты» рассчитан, получается.

Джо хохотнул, покачал головой, явно удивившись какой-то глупости, которую я сказал.

— Ближайшее место, куда мог сесть большой самолет — Денвер, Колорадо. А ты, напомню тебе, сейчас в Вайоминге, то есть в самой глуши. Здесь в основном турбопропы и редко-редко когда маленькие частные реактивные садятся. И так по всему штату.

— А частные самолеты в Коди стояли?

— Ну... наверное, — задумался он и снова обрушил мокрую массу ткани в воду. — Я там не был никогда, если честно. Сам улетал из Шеридана. Но должны быть, наверняка. А что?

— Да так, — толком ничего не ответил я, потому что сам пока не сформулировал мысль достаточно понятно. — Я, в принципе, летаю на маленьких самолетах, вот и думаю, может из этого что-то умное получиться, или нет.

— Хочешь долететь до Баффало самолетом? — с явным сомнением в здравости моего рассудка усомнился Джо.

— Нет, не хочу, слишком много возни и риска. А вот потом... слушай, давай, как рассветет, проедем через Коди, ладно?

— А если там то же самое, что и Грейбулле?

Идея явно не привела моего спутника в восторг.

— А мы аккуратно, не как в тот раз. Издалека посмотрим, в город даже соваться не будем, аэродром сначала будет, — сверился я с картой, — если что — сразу же развернемся. Давай, раз уж здесь оказались.

— Ладно, уговорил, — кивнул Джо, шумно полоская штаны.

Я вытащил из кузова FAL, из которого отбивался от тварей, решил рассмотреть его немного подробней. Все же патрон у него мощный и, очень может быть, именно это мне в заварухе помогло.

Ствол был совсем короткий, но заканчивался очень длинным и серьезным пламегасителем интересной конструкции — четыре длинные прорези в насадке закручивались в спираль, словно продолжая нарезы ствола, продолжаясь до самого торца, где металлические части так и не смыкались. Никогда такого не видел, но ведь работает. Нельзя сказать, что вспышки совсем нет, но она по факту куда слабее чем у того же АКМ с куда более слабым патроном. Как у М4 стандартного, пожалуй, хоть по мощности это оружие и не сравнимо.

В трофеях, оказывается, были не только двадцатизарядные магазины, но и на двадцать четыре патрона [10]. Я сменил магазин в автомате на такой, а потом начал набивать пустые патронами из пулеметного короба. Пусть автомат тяжелый и даже устаревший, но сблизит таким воевать вполне можно. Пусть он у меня будет, пожалуй.

В завершение я переставил на него ред-дот с «ремингтона», а затем, когда начало заметно светлеть, наскоро его пристрелял, целясь по камешкам на глиняном склоне. При промахах фонтанчики земли были очень заметны, так что много времени не заняло. Я еще подумал, что неплохо было бы этот автомат заряжать всякими охотничьими патронами, тогда он тварей просто в куски рвать будет сблизит.

— Ну что, поехали, — спросил Джо, разместив свои джинсы в кузове.

— Поехали, — кивнул я, поднимаясь.

Сел в кабину на этот раз, с пулеметом остались штаны Джо. Погони не видно, вроде, а мерзнуть надоело. Тем более, что у меня теперь одна куртка на голое тело. Опустил окно, пару раз приложился к «фалу» с «неправильного плеча», прикидывая, как можно стрелять на ходу, а затем поднял стекло снова, отсекая себя от холодного воздуха.

До Коди было рукой подать, километров десять, наверное. Джо вел машину медленно, постоянно оглядываясь, а я все больше к «радару» прислушивался, который подсказывал, что совсем близко никаких проявлений Тьмы нет вроде как. Хотя доверять я ему стал после недавних приключений куда меньше. Дальность ограничена, на скорости он просто предупреждать не успевает.

Аэропорт оказался похож на такой же в Боулдере, возле которого я валялся в заброшенном доме, пытаюсь справиться с супер-корью. Даже местность здесь похожа как две капли воды — плоская, как стол, равнина, и горы. Серый рассвет, легкий ветер колышет сухую траву. Как-то даже это похоже. А аэропорт может быть чуть-чуть поменьше, но все те же две взлетно-посадочные полосы, небольшое стеклянное здание терминала и, что важнее всего, ряды ангаров. А это значит, что легкие самолеты здесь есть. Должны быть. Если их никто отсюда не угнал.

Кстати, а зачем мне легкий самолет? А все затем же — мобильностью. Если бы не погода, не мой зимний вылет, то я бы давно был в Канаде, как раз в анклав чужих. А может даже и

покинул бы его, если бы не нашел там следов Насти. Можно отправиться к чужим с колонной, но можно и полететь.

— Джо, а вот давай во-он туда доедем, — оживился я, увидев сразу несколько вывесок прокатных компаний возле автомобильной стоянки.

— На стоянку? — немного удивился он.

вернуться

10

На самом деле для FAL продаются магазины на двадцать и тридцать патронов. Но поскольку тридцатизарядные слишком длинные и неудобные, то я решил, что в параллельной реальности их могут захотеть укоротить до двадцати четырех. Или так удлинить двадцатизарядный.

— На стоянку.

«Сильверадо» плавно вписался в поворот, я опустил стекло в двери, держа автомат наготове — сюрпризов нам не надо.

Стоянка перед современного вида угловатым и не слишком симметричным зданием, заполненным офисами, была небольшой, но машин пятьдесят на ней было. И среди них с пару десятков внедорожников и пикапов, для поездки в Йеллоустон они наверняка были удобней всего, вот их тут и брали.

— Ты что, машину хочешь здесь взять? — сообразил Джо.

— А почему бы и нет?

— А чем тебе этот пикап не нравится? — он постучал по рулю.

— Низкий. Он больше под прицепы рассчитан, а мне прицепы не нужны. Я бы вон тот «экспедишн» взял, если получится — я показал на большой черный внедорожник, стоящий в ряду последним.

— Не занимайся ерундой, лучше в Каспере поищем что-нибудь. Там машин больше, а ехать оттуда до Баффало безопасней. Может, еще и из пулемета стрелять придется.

— Думаешь? Да, наверное, — согласился я с его резонами. — Тогда в любом случае надо проехать мимо ангаров.

— И все?

— И все.

И все, действительно. Мне бы пока просто глянуть, что там и как, оценить обстановку.

49

Аэродром оказался не разграбленным. Не знаю, что там стояло в ангарах, не знаю, где были ключи от всего этого богатства, но с десятков небольших самолетов, «сессны» и «пайперы»,

стояли на стоянке, покрытые многомесячной пылью. Мы даже останавливаться не стали, Джо развернулся прямо на поле и лег на обратный курс, решив в город не соваться. Может и правильно, хотя я пока ничего враждебного не чувствовал.

— Поехали на Термополис, — сказал Джо после того, как окраины Коди скрылись из виду. — Там точно никаких тварей не было, мусорщики из Баффало там часто бывают.

— А что за название такое? — уточнил я. — Горячие источники?

— Округ здесь как называется? — ответил он вопросом на вопрос.

— Откуда я знаю? Йеллоустон? — попытался я вспомнить карту.

— Ну... да, — кивнул он, подумав. — Пока мы в округе Парк. Но Термополис в округе Хот-Спрингс.

— Тогда понятно.

— Там музей динозавров, самый большой в Америке.

— Да ну?

— Их здесь все время выкапывают, — Джо кивнул за окно с таким видом, словно предлагал мне увидеть там динозавра. — Я там был с детьми пару раз, они были в восторге.

Спрашивать о детях я не стал. Джо жил теперь один, насколько мне было известно. Так что не надо спрашивать. Кстати, может еще и за это недолюбливают здесь чужих? За то, что они здесь случайные люди? В мире, где нет никого, кто бы не прошел через самую страшную трагедию потери близких, появились какие-то приبلудные. Которые сами не знают, что на самом деле там, откуда они провалились, их даже еще хватиться не успели. Как вот меня она, та, что была со мной, не успела хватиться... я даже забыл ее имя, кажется.

— А ты знаешь почему Коди так называется? — немного ошарашил меня вопросом Джо.

— Почему?

— «Баффало» Била на самом деле звали Уильям Коди. Он основал этот город. Слышал про такого парня?

— Слышал. Кстати, а почему он «Баффало»?

Слышал. Только немного. Помню что стрелок, и что потом у него шоу «Дикий Запад» было. А вот про город не знал.

— У него был подряд на снабжение строителей железной дороги буйволятиной. Говорят, что он за это время убил чуть не пять тысяч бизонов. Еще одного парня так звали и они поспорили, что кличка сохранится за тем, кто убьет больше бизонов за неделю, что ли. Коди выиграл. Кстати, в Коди еще и музей оружия есть. Там почти все американское оружие выставлено.

— Есть или был? — уточнил я.

— Есть... наверное, — чуть нахмурился он. — Я не слышал, чтобы его кто-то оттуда вывез.

— Ну так вывези сам. Оно же пропадет. Это не динозавры, которых, насколько понимаю, не

сдвинешь, тут можно одним грузовиком обойтись, так?

— Пожалуй. Да, пожалуй. Надо собрать ребят и съездить.

— Кстати, а почему так активно стреляли бизонов? Для мяса?

— Для того, чтобы было место пастись скоту. Коровы истребили бизонов.

Ближе к Коди пейзаж стал снова холмистым, а вот леса исчезли, снова одна трава вокруг и редкие кустарники. Несколько раз видели оленей, Джо ругался, но охотиться не пытались, не до того. А сам Термополис мало того, что проскочили без приключений, так еще и людей в нем видели — несколько человек с двумя грузовиками выносили коробки из магазина автомобильных запчастей, что расположился на местном Бродвее. При виде нашей машины насторожились, но открытой агрессии не проявили. Джо побибикал им, потом сказал:

— Наши, из округа Джонсон, номера обеих машин на шестнадцать начинаются.

Я покосился на номер стоящего у тротуара старого «кадиллака», который мы как раз проезжали, и увидел, что номер начинается с пятнадцати.

— Здесь пятнадцать?

— Точно. А вообще здесь довольно безопасно уже, люди часто бывают. Правда, в Каспере могут быть твари. Редко, но натываются на них, так что там осторожней, хорошо?

Когда наш пикап проехал по мосту над неширокой рекой, Джо сказал:

— Это сейчас вроде официальной границы нашего округа. Никто не претендует на серьезность, но считается, что это все теперь относится к Баффало.

— Кстати, ты в курсе, что твари не приближаются к воде? К проточной воде, в смысле, к лужам, болотам и корытам с водой это не относится.

— Ты серьезно? — с удивлением посмотрел он на меня.

— Вполне. Даже проверял несколько раз.

То, что проверял я не здесь и не совсем с этими тварями, осталось скрытой информацией. Я даже усомнился насчет того, что не погорячился ли я с таким заявлением, но потом решил, что, скорее всего, нет. Пока повадки тварей совпадали процентов так на сто. Так что и здесь река должна быть хорошим укрытием. Наверное.

Дорога так и шла дальше берегом реки. Холмы становились круче и выше, вырастая из слова hill в слово butte, то есть когда холм превращается в нечто непроходимое с крутыми склонами. Двигаться здесь по пересеченной местности своим ходом было бы затруднительно. А не своим так и вовсе невозможно. Вроде и не горы, низкое все кругом, но по непроходимости вполне способно соперничать.

Затем мы выехали на берег большого водохранилища Бойзен, где Джо похвалил тутошнюю рыбалку, а затем дорога свернула направо и повела нас к Касперу, куда мы и стремились. По пути Джо, не удержавшись, показал мне местное чудо природы — «Дьявольские пол акра» — участок скалистой земли настолько непроходимый, что там бы не то что человек — кошка бы не пробралась. Ну и рядом с этой достопримечательностью был бар с сувенирным магазином,

как же без этого.

Бар, к слову, был весь в дырках от пуль, а вокруг него на земле валялись сотни потускневших гильз.

— Что тут случилось?

— Не знаю, — Джо сдернул штаны с пулеметного вертлюга и начал активно прощупывать швы. — Стрелял кто-то.

Степень сухости штанов его, похоже, удовлетворила, потому что он скинул свои ковбойские сапоги и начал натягивать джинсы на бледные волосатые ноги. Судя по цвету, высохли они еще не идеально, но ехать без штанов, насколько я заметил, было для Джо совсем мучительно. Я бы тоже волновался, а то случись заваруха какая — а ты без порток, в трусах и сапогах. Несolidно.

В Каспер мы тоже въехали тихо и спокойно. Въехали по шоссе, ведущему из Йеллоустона в Небраску, которое заодно оказалось главной оптово-торговой улицей города. Строительная техника, фермерские трактора, грузовики, стройматериалы — все подряд. Опять увидели людей, на этот раз суесящихся на территории как раз торговца тракторами. Возле них мы остановились, Джо заметил знакомого. Пока он с ними разговаривал, я сидел в машине, тихо наслаждаясь ощущением того, что мы, кажется, все же убежали от проблем.

Джо, вернувшись в машину, сказал, заводя двигатель:

— Они были на площадке дилера «Тойоты», там все тихо. И там много машин, это дилерство самое больше в окрестностях.

— Поехали, без проблем, — согласился я.

— Это нам еще и по пути. Кстати, связь с ними установил, — он кивнул в сторону людей, смотревших нам вслед.

Действительно, стоянка с вывесками «Фосс Моторз», «Тойота» и «Хендэ» была немаленькой. И машин на ней хватало. Но удивило меня другое — дверь в здание была заклеена липкой лентой, словно опечатана. И на ленте стояли дата и чья-то подпись.

— Это что? — удивился я.

— Новая традиция, — сказал Джо, сдергивая ленту. — Если тебе что-то надо — возьми, но не более. Если хочешь чем-то торговать, то оплати лицензию в таун-холле. Но торговать машинами нет смысла, их везде много, разве что ремонтировать и продавать запчасти, так что это вроде как знак того, что человек зашел, что-то взял, и совсем не напакостил. Пошли.

Ничего нового, просторный зал, несколько столов для продавцов. Коробка с ключами была выставлена прямо на столе, рядом лежал список машин на площадке, прижатый моделью старинного автомобиля.

Блин, просто бери и выбирай. Из списка даже вычеркнули то, что уже забрали. Какая это все же хорошая традиция — не гадить.

— Можешь прямо в окно смотреть, — подсказал Джо, говоривший сейчас почему-то шепотом.

Кстати, я тоже заметил, что в таких оставленных людьми местах говорить в полный голос не хотелось. Словно спугнуть что-то боишься. Или наоборот, привлечь чье-то внимание, которого привлекать вовсе не надо.

Палец мой прошелся по списку, остановившись на строчке, которую я прочел вслух:

— «Фор-раннер», серый, двадцать две мили на галлон по шоссе, коробка автомат, новый, тридцать шесть тысяч триста тридцать шесть долларов.

— Не маловат? — усомнился Джо. — У них есть «Тундры».

Ну да, ему бы побольше. А у меня первый настоящий джип был как раз «форанером», я его на первые всерьез заработанные деньги купил. Из Германии мне его привезли, вместе с вывозимым имуществом нашей армии. Естественно, потом выяснилось, что он краденый, но тогда это никого не волновало, все решалось. Лишь бы краден был не у нас.

Так вот этот краденый «фор-раннер» мне очень нравился. Ездил я на нем по таким местам и по такой грязи, что представить страшно. А потом он сгорел из-за экономического спора двух хозяйствующих субъектов, мне вроде как намекнуть на что-то пытались. После этого у меня «фор-раннеров» не было, но воспоминания об этой лихой машине остались. И вот эти новые выглядят не хуже. Пусть по-неамерикански небольшой, но все же и немаленький, с высоким клиренсом и правильной компоновкой — поедет где угодно.

А машина мне точно нужна, причем такая, чтобы не встала где-то на дороге. Вот в этом японцы особенно хороши.

Никакие твари на нас не напали, хотя одну мы издалека видели — нечто черное пересекло дорогу вдалеке перед нами и исчезло за оградой какого-то склада. Джо предупредил остальных на общем канале. Вот и все, собственно.

50

«Фор-раннер» несся по дороге легко и быстро, в салоне пахло новой машиной, и это ощущение было каким-то дико иррациональным на фоне окружающего полумертвого мира. Но оно было объективным и оставалось с ним только смириться.

Дорога до Баффало, куда мы въехали почти в полдень, была спокойной и даже по ощущениям безопасной. В город влетели по Мэйн-стрит, проскочили мимо почты, двух банков, оружейного «Спорт и наживка», вид которого натолкнул меня на одну мысль, мимо «Баффало-бара», обещавшего холодное пиво и крепкие напитки в нагрузку, отель и еще какой-то бар, мы выехали на уже хорошо знакомую мне Форт-стрит.

— Ага, это за нами, кажется, — сказал Джо в рацию, увидев колонну из шести хамви Национальной гвардии Вайоминга, выстроившихся вдоль тротуара возле полицейского департамента и офиса шерифа.

Шериф — невысокий лысый человек с усами, с пивным пузом, нависающим над служебным ремнем, стоял вместе с Поплавски и еще каким-то человеком в военном камуфляже — высоким, худым, с узким длинным лицом и очень светлыми волосами, подстриженными на морпеховский манер, «горшком». Перед ними, на капоте головной машины была разложена карта, которую придерживал молодой парень в форме, чтобы ветром не унесло.

Джо прижал черный «сильверадо» прямо к группе, причем так близко, что те отскочили в

сторону. Поплавски развел руками, глядя на него, потом показал жестом, мол «вылезай, разговор есть».

Начало разговора я пропустил, притыкая «фор-раннер» на противоположной стороне улицы, ближе места уже не осталось. А когда подошел к говорящим, теперь окруженным толпой разновозрастных людей в форме и с оружием, то меня встретили уже свистом, который в Америке знак одобрения и поддержки, а не наоборот, как у нас.

— Вот и он, — констатировал факт Поплавски, указав рукой в мою сторону.

— Да, это я, — осталось подтвердить мне.

— Это правда, насчет Брэда? — спросил он.

— Уже рассказал? — повернулся я к Джо.

— Еще из машины выбраться не успел, как рассказал.

— Правда.

— Пошли все ко мне, — сказал шериф, скатывая карту. — Пит, скажи своим, чтобы ждали, ничего не отменяется.

— Понял, — сказал военный с длинным лицом, после чего протянул руку мне: — Питер Мартенсен, команду здешней милицией [11].

— Влад. Ничем не команду, чиню заборы.

— Все течет, все изменяется, — усмехнулся он. — Я сейчас.

Шериф быстро прошел через приемную и пропустил нас в свой офис — застекленную выгородку в углу, где можно было для приватности прикрыть жалюзи.

— Садитесь, — сказал он, показав на стулья, выстроившиеся вдоль длинного дешевого серого стола.

Стулья были так себе, кстати, долго не просидишь. Но я не думаю, что мы здесь надолго. Мартенсен вошел через минуту, шериф еще какие-то бумажки на столе переключивал, уселся за стол.

— Мы самолет на поиски выслали, — сказал вдруг шериф так, словно продолжал какую-то фразу, но мы ее пропустили. — Но они ничего не нашли.

— Можно было разглядеть машину и трактор, но они под деревьями, — сказал Джо. — Над «Медвежьим ресортом» не пролетали?

— Нет, кажется.

— Банда была там. «Блэйдз».

— Точно «Блэйдз»? — переспросил Мартенсен.

— Абсолютно, — кивнул Джо.

— Надо бы самолет туда направить, пусть посмотрят, — командир ополченцев сказал шерифу.

— У них топлива не хватит, они уже возвращаются. Район поиска неправильно определили, к востоку от Шеридана, вот и сожгли все, — ответил за шерифа Поплавский.

— Кого-то еще послать можем?

— Еще «бичкрафт» стоит наготове, может прямо сейчас вылететь.

— Пусть вылетает. Ищет банду. Сколько машин? — повернулся он к Джо.

— Осталось шесть... семь, если с грузовиком Брэда. Пикапы и две «пары с половиной».

Поплавски поднялся со стула, присел на край стола шерифа и взялся за телефон.

— Пит, тебе сил хватит, в случае чего?

— Не знаю. Если у них нет РПГ и они не устроят нам засаду... лучше собрать всех, кого можно.

— МРАПы? — произнес неизвестное мне слово шериф.

— Не надо, лучше «хамви», мне нужна только мобильность и возможность делить силы, там много дорог.

— В Грейбулле огромное «мутное пятно» и великое множество трупоедов, — влез Джо. — Нас чуть не сожрали.

— Учтем, — сказал, чуть вскинув брови, Мартенсен, и сделал пометку на карте. — Странно, раньше его не замечали, вроде бы.

— Значит недавно появилось.

— Пит! — окликнул командира ополчения Поплавски. — Они могут послать медэвак [12]. Он практически готов к вылету. И «сесну».

— Да? — оживился Мартенсен. — Тогда пусть все готовят. «Сесну» на разведку, а медэвак высадит заслон по дороге на Лоуэлл. На перевале. Если они попытаются сбежать, то наверняка туда. К Шеридану соваться уже побоятся, а через Лоуэлл прямая дорога на «индейскую территорию».

— Разумно, — пропыхтел шериф, помассировав шею ладонью.

Лицо у него было красным, как и глаза, видать, давление. И не спал, похоже, судя по щетине. Так рано нас хватились?

— Присоединитесь? — спросил Мартенсен уже у нас с Джо. — Хотелось бы, вы можете пригодиться.

вернуться

11

Милиция (militia) в своем изначальном значении слова — «ополчение».

вернуться

12

Медэвак (medevac) — санитарно-эвакуационный вертолет.

— У меня патронов мало, — сразу сказал я. — Два — сорок три калибр. На бой не хватит.

Мартенсен покосился на «ремингтон», лежащий передо мной на столе. Я снова установил на него оптический прицел, так что назначение винтовки было ясно сразу.

— Я у вас пулемет видел, — сказал Поплавски.

— Я с ним пока не очень, — сознался я. — Это — ближе.

— Будут патроны, — сказал Мартенсен.

Дальше пошла суета. Все выбежали на улицу, хотя колонна никуда не тронулась покуда. Минут через десять подъехали еще целых шесть «хамви», вооруженных пулеметами и автоматическими гранатометами, а следом за ними подкатила невиданная машина — высокая, бронированная, на огромных колесах, монстр настоящий. Я решил, что это и есть упомянутый МРАП. При мне таких не было, кажется.

Из МРАПа выскочил боец, держа в руке сумку. Мартенсен указал ему на меня.

— Держи, — сказал тот.

Я заглянул внутрь, увидел там с десятков коробок патронов моего калибра. Охотничьих, разумеется. Ну ладно, нормально, то, что и нужно. Быстро донабил магазины, потом дернул сэндвич из большой коробки, у которой пасса личный состав, запивая бургеры водой из бутылок. Бутылку я тоже сразу нашел, они рядом стояли.

А потом это все как-то сдулось вдруг. Опять суета, стоящий с Поплавски Мартенсен с кислым выражением лица слушает, как ему что-то говорят по рации, затем команда «отбой».

— Нет никого в ресорте уже, ни одной машины, — сказал он, подходя к нам с Джо.

Мы с моим попутчиком отошли в сторону от группы едоков, прихватив свои бургеры и воду. С еды, к слову, потянуло в сон, ночью ведь отдохнуть не удалось, плюс «адреналиновый отлив» совсем добивал.

— Самолет сообщил?

— Да. Но я вот к чему: медэвак я не отменял, хочу туда слетать. И взять вас обоих. Посмотрим, что там и как.

Я откровенно позавидовал ополченцам, которые остаются в городе. Распускать их не стали, но и в бой рваться им теперь без надобности, будут ждать дальнейших указаний. Даже поспать могут, если захотят. А я не смогу, хоть и хочу. Может они сами, без меня? Не маленькие ведь, справятся.

— А я там точно нужен? — спросил я у Мартенсена.

— Нужен. — ответил за него Поплавски. — Это все же официальное расследование.

Затем Мартенсен выкрикнул несколько фамилий и названные бойцы начали быстро грузиться в машины. Нас Мартенсен позвал с собой. Он забрался на переднее сиденье, мы с Джо втиснулись на задние. Кстати, у такого огромного «хамви» и так сзади всего два сиденья, но они еще и тесноваты при этом.

Машины сорвались с места, сформировав короткую колонну, пронеслись по улицам городка, выскочили на узкое шоссе, и вскоре я увидел указатель «Аэропорт округа Джонсон», висящий на въезде на летное поле с одной широкой асфальтовой взлетно-посадочной полосой.

Аэропорт был маленький, куда проще и меньше чем тот, на котором я работал в Канзасе. Но вот самолетов и вертолетов на нем было немало, явно натащили из других мест, а заодно бригада строителей собирала быстровозводимые ангары в дальнем конце территории. Приходится расширяться, похоже, захолустный Баффало неожиданно превратился в столицу территории.

«Хамви», обогнув скромное здание терминала, выскочили на большой пустырь, на котором из бетонных плит были выложены площадки под вертолеты — тоже явный новодел. У одного из таких вертолетов, большого темно-зеленого «блэкхока», стояли двое пилотов.

— Медэвак? — усомнился я, глядя на вертолет.

— Переделали, — пояснил Мартенсен. — И красный крест закрасили. У национальной гвардии штата только «Геркулесы» и медицинские вертолеты, а нам нужны обычные. Вот и выкручиваемся.

Выкручивались, до кучи, еще и установкой пулеметов в проемах. За одним как раз сидел боец в обычном камуфляже, но пилотском шлеме, что-то пытаюсь сделать с коробом ленты. Никаких дополнительных команд не потребовалось — выскочившие из машин бойцы полезли на борт, экипаж тоже кинулся на свои места. Я оказался в середине заднего ряда сидений, повернутый лицом по ходу полета, рядом с Мартенсеном. Заодно поинтересовался невинно:

— Без прикрытия летим?

— Без, — по-простому ответил он. — В случае необходимости вышлют второй вертолет. Если со связи пропадем и вовремя не вернемся. Ресурс техники надо беречь.

— Я понял.

Заныли стартеры, засвистела турбина, винт над головой начал быстро раскручиваться. Затем машина плавно оторвалась от земли, наклонилась на нос и пошла вперед, быстро набирая высоту. Заросшая сухой травой земля ушла вниз, потом как-то перекосилась, когда вертолет лег на курс, и понеслась под нами назад, словно кто-то скатерть со стола тащил. Замелькали маленькие домики, вольно выстроившиеся вдоль грунтовок, лоскутки полей, на которых уже работали, зазмеилась узкая речка, почти укрытая кустарником в низинке, потом промелькнуло большое ранчо.

Кроме нас троих, считая Мартенсена, Джо и меня, в кабине сидело пятеро бойцов — три автоматчика, пулеметчик и связист. Вид у всех был спокойный

— Долго лететь? — спросил я у Мартенсена.

— Скоро будем, минут пятнадцать, не больше, — ответил он. — ты же там был.

— Так мы что туда, что оттуда таким кружным путем добирались! Даже пешком шли.

— А, да, верно. Нет, здесь очень близко, отчего и суета такая. Нам большая банда под боком совсем не нужна.

— Надо перекрыть подходы.

— Легко сказать, — кривовато усмехнулся он. — Дорог много. При желании и с правильными машинами можно и без дорог проехать. Не везде, но можно. А нас мало.

— В Канзасе наладили постоянное воздушное патрулирование. Очень помогало.

— Нам тоже надо, но у нас пилотов почти нет. На вертолеты всего два экипажа. Обучаем еще два, но им пока до совершенства далеко.

— Легкие самолеты, на них проще всего. В Коди весь аэродром цел.

— Цел, но не успеваем. На самолеты у нас тоже всего пять человек, и работы у них выше головы.

— Могу помочь, если надо. На чем-то простеньком я летаю, — попробовал я закинуть соблазнительную для меня же идею.

Мартенсен спорить не стал, сказал лишь:

— Если соберемся туда — я тебя позову.

— Вы бы быстрее собрались, а то я уеду скоро.

— Поговорим когда вернемся.

Ну вот, похоже, что я поеду за самолетом. Как-то я хочу самолет, очень мне понравилось на нем пересекать Америку. Ни банд на дорогах, ни даже потери времени. Нужен самолет, там для меня наверняка что-то найдется.

Равнины закончились, вертолет несся над зеленым бугристым одеялом Национального леса Бигхорн, покрывшего склоны одноименного хребта. Это по нему мы вчера бегали, разве что не здесь, а дальше к северу. А лес большой, потеряться в таком проще простого. К тому же он горный, то есть выдержать направление почти невозможно, распадки и склоны уведут туда, куда ты и не собирался.

Когда горы снова перешли в равнину, вертолет сбросил высоту до сотни, наверное, метров. Бортстрелки явно подобрались, уселись поудобней за своими «газонокосилками», из чего я сделал вывод, что мы приближаемся к месту. Бойцы рядом со мной тоже уже не выглядели расслабленными.

Машина совсем прижалась к земле, затем чуть зависла и мягко опустилась на чуть скрипнувшие полозья, прямо посреди асфальтовой ленты шоссе. Винты еще продолжали вращаться, гоня ветер и пыль, но мы уже выпрыгнули, отбежали от вертолета и упали на землю, образуя оборонительный периметр.

Но ничего не случилось. В нас не стреляли, нас не атаковали ни люди, ни твари. Мотель

выглядел опустевшим. Ни машин, ни людей.

— У пруда! — вдруг сказал Мартенсен, опуская бинокль. — Вижу остатки цирка. Похоже, что Брэда мы нашли.

— Цирка? — не понял я.

— Правее, ограда, у самого пруда, — показал направление командир группы.

Я посмотрел в прицел.

— Цирк?

— У нас это так называют, — тихо сказал Джо. — Это когда вся толпа психов с Синдромом разом «напряжение сбрасывает». Коллективная терапия, так сказать.

К жердям ограды были привязаны трупы. Что с ними делали, не понять было даже в пятнадцатикратный прицел. Там вообще ничего было не понять, так, туши, куски мяса, покрытые запекшейся кровью. И жерди ограды в крови, и земля под ними кровью же пропитана. Даже не верится, в человеке вообще может быть *столько* крови.

Лопасты вертолета остановились, наступила тишина, в которой стал слышен звук самолетного двигателя. Я поискал наше воздушное прикрытие и обнаружил крошечную точку, двигающуюся над лесом у самого горизонта. Ну да, и вправду за нами приглядывают.

— Пошли, — сказал Мартенсен, поднимаясь с колена.

Вытянувшись в широкую цепь, группа быстро пошла в сторону мотеля. Я выкрутил увеличения прицела на минимум и время от времени поглядывал через него в темные окна в бревенчатой стене, но ничего подозрительного так и не увидел. Похоже, что и вправду никого.

Двигались все равно со всеми предосторожностями, хотя, случись бандитам устроить на нас засаду хотя бы в самом здании — у нас шансов не будет, с этой стороны пространство открыто, мы здесь, как сами американцы выражаются — «сидящие утки», стреляй на выбор. Но, опять же, не стреляли.

У «цирка» тяжело пахло кровью и дерьмом. Мух над трупами не было, рано еще, наверное. Обвисшие мертвые лица, изрезанная и обожженная плоть, вывалившиеся внутренности. Что с убитыми делали конкретно — я не вглядывался. Да и не понять уже было, пожалуй. Удивило другое: как на трупы смотрели люди. Спокойно смотрели, никто не блевал, никого не полоскало, даже не отворачивались. Странно? Да ничуть. Здесь весь мир состоял из трупов, трупов на земле было во много раз больше, чем людей. Насмотрелись уже просто, я думаю. На разные, в разной степени сохранности. Сейчас ведь в просто опустевший город зайди — и как в морге окажешься.

А вот меня примутило малость, отвел глаза, сделал вид, что осматриваю окрестности. И ком проглотил до того, как он вырвался наружу. Для меня многовато, хотя, если судить меня по делам моим же, то я, наверное, всех этих вояк по душегубству уже превзошел. Но это все равно для меня многовато.

— А вот и Брэд, — сказал Джо. — Плохо умер. Лучше бы мы его сами пристрелили, не так бы мучился.

— Это точно, участвовать в «цирке» — хуже смерти уже не придумаешь, — сказал у него из-за спины пулеметчик, высокий рыжий парень весом в центнера полтора, наверное. Пулемет у него на груди казался игрушкой.

Смерть словно облако висела над этим местом. Тяжелое, давящее как чугунная плита, ощущение присутствующей смерти. И еще что-то, знакомое и враждебное — Тьма. Тьма сюда уже проложила дорогу.

— Давно их? — спросил я, не обращаясь ни к кому конкретно. — Как думаете?

— Сегодня, с утра пораньше, перед тем, как смыться, — ответил Мартенсен, присаживаясь на корточки перед висящим телом Брэда и доставая из «мародерки» маленький фотоаппарат. — Выпотрошили и уехали.

Понятно. Значит, завтра. Завтра, после того, как закончится первая ночь на этом месте, здесь будет «мутное пятно». Тьма здесь зародится, если привычными мне терминами оперировать.

— А в Грейбулле такого «цирка» не было раньше? — спросил я у Джо, негромко.

— Не знаю, — обернулся он ко мне. — Про Грейбулл никто ничего не знает, город частично разбежался, а частично вымер еще в Эпидемию. Банды через него катаются, наверняка. А к чему ты это?

— К тому, что готов поставить свою винтовку против старого ботинка, — я для убедительности похлопал по цевью своего «ремингтона», — что завтра здесь все будет как там.

— Пятно, в смысле? Ты это хочешь сказать?

— Это, — подтвердил я. — Кстати, пойдем проверим их склад в ресторане.

— Зачем?

— Если все вывезли, то возвращаться не планируют.

— Сейчас все осмотрим, весь ресорт, — сказал Мартенсен, услышавший наш разговор. — А откуда сведения про то, как «мутные пятна» появляются?

— Наблюдение. Я полгода в одиночестве в плохом месте прожил, наблюдал, — опять высказал я версию.

Так профессиональным лжецом стану, сам запутаюсь, где правда, а где брехня. Врать привык уже на чистом автоматизме.

— У нас в городе перестрелка была, в одном месте шесть трупов, — Мартенсен перешел с фотоаппаратом к следующему телу. — Никакого «мутного пятна» там не образовалась.

— Мне кажется то просто смерти недостаточно, — осторожно высказал я свою теорию. — Нужна другая смерть, мучительная или... не знаю, массовая, или какая-то неправильная. Я видел, как «мутные пятна» появлялись над захоронениями. Или там, где много людей просто убили, вот как этих, как палачи. А перестрелка... она, наверное... ну не знаю, я честно, но недостаточно ее для появления Тьмы... черт, «мутного пятна». В общем, я предложил пари, можете его принимать, можете не принимать.

— А как проверим? — обернулся Мартенсен.

— Пролетим над этим местом. Все будет видно. Ставлю сотню на то, что здесь уже завтра будет «мутное пятно».

Мартенсен хмыкнул и, к моему удивлению, пари принял.

Терраса перед дверью ресторана была залита запекшейся кровью. Как-то ночью не до того было, чтобы внимание обращать, а сейчас глянул — как на бойне. Там, где я зарезал часового, тоже крови хватало, даже стены были забрызганы. Кровь на полу словно гасила солнечные лучи, проникавшие через пыльные окна. Опять запах этой самой крови и смерти. Интересно, трупы с собой увезли или здесь где-то похоронили?

— Все забрали, — Джо вышел из кладовки, держа свой «ругер» наготове.

— Значит, бросили базу, уже не вернутся.

— Естественно, — он обошел стойку, встал посреди зала, огляделся, словно прикидывая, что полезного можно здесь прихватить. — Это очень близко к нам. Можем и врасплох захватить, и засаду устроить, а «Блэйдз» вообще осторожная банда. Говорят, что у них главный был «зеленым беретом» или кем-то вроде.

— А много там банд?

— В Монтане? — Джо все же направился к выходу, а я потопал за ним. — С десяток из тех, что мы знаем. Шериф знает больше, наверное. «Блэйдз» к нам ближе всего, их территория вроде как сразу от границы штата начинается.

Бойцы обшаривали домики, но, похоже, никто ничего интересного или важного не нашел. Самолет продолжал кружить над окрестностями, но никаких тревожных сигналов не подавал. Банда выпотрошила захваченных пленных и свалила на «индейскую территорию». Преследовать возможности не представлялось. Еще немного покрутившись по территории, мы пошли грузиться в вертолет. Ощущение того, что Тьма сюда уже прорвалась, стало ясным и отчетливым. Сотню я выиграю. Точно выиграю.

51

На следующий день мы с Джо и Бадом поехали за трактором. За нашим, тем самым, которым собирались сено грузить, и который, в общем, не слишком и пострадал, только стекла повысыпались. Поставили его на колесе, затащили на прицеп. А потом грузили сено, но уже в другой грузовик, который Бад у кого-то позаимствовал. Провозились почти до темноты, но привезли много.

— Надо еще раза два будет съездить, — сказал Бад, оглядев оставшиеся на складе огромные рулоны спрессованного сена. — Как раз все и вывезем. И я еще сено здесь вокруг видел, к слову.

— Вы бы это, нового помощника искать начинали, — напомнил я ему. — Скоро от чужих колонна придет и я с ней уеду, наверное. И Мартенсен просит помочь с самолетами, людей не хватает. Предлагает заплатить столько, сколько я у вас за два месяца получу.

— Ищем, кажется, даже нашли. Ладно, поехали, скоро темнеть начнет. Кстати, что с вашим пари?

О пари он слышал от Джо.

— Не знаю, сегодня должен был самолет там пролететь и посмотреть. Вернемся и сразу в город поеду. Пива с Мартенсеном выпью на его сотню. Точнее — уже мою сотню.

— Ты так уверен в выигрыше?

— Процентом на сто. Или больше.

Джо с Бадом забрались в кабину грузовика, а я поехал впереди, на белом рабочем «форде». Люди все же старались здесь далеко от своих мест на одной машине не ездить. Сломаешься и что тогда делать будешь? А так хоть есть на чем вернуться. Но запас приключений, похоже, на ближайшее время был исчерпан, мы ни на бандитов не нарвались, ни на тварей, ни на преследователей из Южной Дакоты. Впрочем, насчет последних мне казалось, что тема полностью исчерпана должна быть. Потерь у них много, толку от всех погонь мало и продолжать в том же духе — это уже маньячеством начнет отдавать. Хотя, черт его знает, чужая душа — потемки, а уж на этот мир потемки влияют очень сильно.

На ферму вернулись поздно, разгрузку решили отложить на завтра. Попрощались все, и я, вместо того, чтобы ехать спать, или даже ужинать в бар к Эрни, покатил в Баффало. Сменил побитый рабочий пикап на свою новую тойоту — все же в свет решил выбратся, переоделся прилично, прихватил короткий FAL «на случись чего», да и поехал.

Город был, к удивлению моему, довольно ярко освещен. Свет из зарешеченных уже окон, свет от фонарей, вроде как почти нормальная жизнь. Хотя, жизнь тут уже вполне устоялась, в этом плане канзасский Гарден-Сити от Баффало отставал. Город здесь меньше, а людей в нем больше, успели все освоить и почистить. Хотя заколоченных домов и здесь хватало — теперь уже примета времени.

Мартенсена, с его слов, следовало искать на Мэйн-стрит, в баре «Оксидентал Салун», что расположился рядом с одноименным отелем. Зарешеченная витрина бара была ярко освещена, свет падал на заставленную машинами стоянку. Я приткнулся на тойоте к боку военного невооруженного «хамви», на котором, подозреваю, Мартенсен и ездил, огляделся, прислушался к «радару» на предмет проверить, не прячется ли где-то поблизости темная тварь, намеренная мной перекусить, и никаких угроз не обнаружил.

Но пока шел до двери бара, руку все же держал на кобуре, привычки уже въелись в кости, слово «темнота» стало синонимом слова «угроза». Над дверью звякнул колокольчик, несколько человек, сидевших за стойкой и столиками, обернулись на меня и сразу отвели глаза, вернувшись к своим делам. Только Мартенсен, сидевший на высоком табурете, помахал мне рукой, предлагая присоединиться. Что я и сделал.

Несмотря на военную машину, если он действительно приехал на ней, одет он был обычно для этих мест — джинсы, толстый ремень, на котором, в вышитой серебряной нитью кобуре висел огромный револьвер, по виду вроде как старый «сингл» кольт, но явно мощнее и массивней. В общем, этот револьвер и спровоцировал первый вопрос, который я задал после того, как уселся рядом и попросил у бармена бутылку «Корз Лайт»:

— Ты местный?

— Почти. Я из Айдахо-Фоллз, но здесь часто бывал. Кстати, — Мартенсен полез в карман, вытащил не слишком толстую пачку наличных, скрепленных серебряным зажимом, отсчитал сотню десятками и двадцатками. — Я проиграл, место уже «мутное».

— Летали туда? — поинтересовался я, убирая деньги в нагрудный карман фланелевой рубашки

и застегивая клапан.

— Пролетали сверху. Сегодня от чужих прилетел самолет с почтой, я попросил их пролететь сверху и посмотреть. А они не поленились и даже сделали фото, смотри..., - Мартенсен снял со спинки барного стула небольшую сумку, вытащил из нее планшет, включил. Потыкав пальцем в символы на экране, он нашел нужную папку и придвинул планшет мне.

Место я узнал сразу, посмотрелся и с земли, и с воздуха. Но изменилось оно сильно — на месте «цирка» поднимался вихрь колеблющегося воздуха, накрывавший собой и пруд, и мотель примерно до половины. До входа в ресторан, как раз до того места, где мы с Джо убили двоих. А еще на снимке оказалась пара гончих — они смотрели на явно круживший над мотелем самолет, задрав в небо свои черные хари.

— Вода непроточная, — я щелкнул ногтем по изображению пруда на снимке.

— Что? — не понял Мартенсен.

— «Мутные пятна» не должны наползать на проточную воду. А на стоячую, вроде прудов или болот — как видишь.

— Уверен?

— Почти. Ферму на это не поставлю, но из наблюдений так выходит.

Мартенсен явно задумался, покусывая нижнюю губу, потом несильно хлопнул ладонью по стойке:

— Хорошо, я это учту. Может быть очень полезно.

Хлопок почему-то сработал как триггер. Мысль моя описала петлю и вернулась к началу разговора.

— Стоп! — до меня вдруг дошло, что я только что пропустил. — Это ведь чужие снимали?

— Чужие, — подтвердил он. — Сегодня самолет прилетел с базы ВВС Малсторм, что в Грейт-Фоллз, Монтана, с ним четыре человека. У них там вроде форпоста. А что?

— А как бы их увидеть?

— Как? — немного озадачился Мартенсен. — Они, насколько я помню, здесь, в «Оксидентал» и остановились, но как дальше — не подскажу. Хочешь в комнаты стучаться? Менеджмент отеля не одобрит.

— Нет, хочу хотя бы узнать, где их можно увидеть.

— Здесь за завтраком, я думаю, — почесал в коротко стриженном затылке Мартенсен. — У них дела в сити-холле, но он откроется в девять, значит, до того времени они будут здесь. Логично?

— Вполне. Тогда я тоже буду здесь. Номера свободный найдутся, как думаешь?

— Наверняка. Отель наполовину пуст, как мне кажется.

— Кстати, — мой взгляд упал на его кобуру с револьвером, — это что у тебя?

— Это? — переспросил он, вытащив из кобуры действительно здоровенный револьвер. — Это «Фридом Армз», одинарного действия, калибр «Пятьсот Вайоминг Экспресс». Их во Фридоме делают, даже сейчас.

— Фридом? — я как-то не понял сначала, что речь идет о городе, решил, что это просто очень по-американски названо, «Оружие Свободы».

— Прямо на границе с Айдахо.

— А что за калибр?

Мартенсен выдернул из поясного патронташа один патрон, со стуком поставил его передо мной донцем на стойку.

— Мда, серьезно, — взяв патрон, я подкинул его на ладони. — Сорок четвертый по сравнению смотрится как мелкашка.

— Пуля весом в четыреста сорок гран, летит со скоростью полторы тысячи футов в секунду. Более чем достаточно. Я двух демонов уложил просто с одного выстрела.

— Правда? — уже куда живее заинтересовался я.

— Есть и мощнее, вроде «Пятьсот Смит-Вессон», но там уже отдача не очень переносима. А и этого может еще стрелять нормальный человек.

Взяв у меня из рук патрон, он положил передо мной револьвер. Взяв оружие в руки, я несколько раз приложился, целясь в самого себя в зеркале на стене и стараясь не направить ствол в ничью сторону, хотя из револьвера одинарного действия так не выстрелишь, потом вернул оружие владельцу.

— Здорово. По городу для самообороны носить — то, что нужно. Когда с автоматом неприлично.

— Поэтому и ношу, — усмехнулся Мартенсен, убирая револьвер в кобуру. — Демона я убил на пороге школы, к слову. Правда, я стрелял бронзой, и пуля пробила три стены, после чего через окно влетела в кабинет преподобного Малбери, разбив часы на камине. С тех пор в городе ношу только с мягкими пулями. А вот демон остался без головы. Еще пива?

— Я куплю, я сегодня в плюсе, — я подозвал знаком бармена и показал ему два пальца, подразумевая количество бутылок. — Кстати, а что насчет поездки на аэродром в Коди?

— Чужие поэтому и прилетели, — Мартенсен принял открытую бутылку от бармена, поблагодарив кивком. — Там пилот и четверо механиков, взялись помочь. Завтра должны все согласовать и послезавтра планировали выехать.

— По земле?

— Да, так лучше. И генераторы нужны будут, и топливо, и вообще. Заодно охрана поедет, так что работать можно спокойно. Ты едешь, кстати?

— Да, я с Бадом договорился. Но вообще я хотел бы вот о чем договориться: если там, в Коди, ничего не разрушено и не поломано, я хотел бы взять себе самолет. Простенький, небольшой.

— Зачем тебе?

— Ну, у меня есть некие планы. Если не получится с планами, то я смогу работать на город, например. Я уже занимался разведкой с воздуха, мог бы делать это и здесь.

— Я даже не знаю, — явно озадачился Мартенсен. — В смысле, если бы ты сам приехал на аэродром и взял себе самолет, то никто бы ничего и не сказал, это не наша территория даже. А так мы вроде объявляем ее своей... нет, все равно никаких проблем не вижу.

Мартенсен сделал паузу, явно обдумывая сказанное, потом добавил:

— В общем, так: если вы найдете самолетов больше, чем есть наличных пилотов — бери. Если меньше — нет. Договорились?

— Я примерно об этом и говорил.

— Тогда нет проблем.

Дальше просто болтали. Ни о чем, как обычно, избегая тем про Эпидемию. Мартенсен, насколько я из разговора понял, сейчас был одинок. А до Эпидемии не был, так что расспрашивать лишнего не хотелось. Может и вправду мне лучше как можно быстрее перебраться к чужим, там все же не буду чувствовать настолько неловко, насколько чувствую здесь. Днем, пока дела и все такое прочее, вроде нормально, а вот поговоришься с человеком и ловишь себя на том, что больше думаешь о том, как бы лишнего не ляпнуть, не ткнуть пальцем в открытую рану, чем собственно разговариваешь. Нет здесь мне места, я думаю. Не мое оно, а того меня, который себе пулю в голову пустил на могилах семьи. А я здесь так, неприличное недоразумение.

В общем, посидели мы с часок и разошлись. Мартенсен вышел на улицу я и увидел через витрину, как он уехал как раз на том самом военном «хамви». А я рассчитался с барменом по обоим счетам и тоже вышел на улицу, пешком направившись к входу в отель. Толкнул тяжелую дверь, вошел — и как в вестерне оказался. Стены с панелями и темными обоями, десятки старинных фотографий на стенах, мореное дерево мебели и стойки, диваны и кресла в викторианском стиле.

За стойкой сидела молодая пухлая мексиканка в очках в ярко-розовой пластиковой оправе и с длинными черными блестящими волосами, стянутыми сзади в тугий хвост. На руках у нее был целый набор серебряных колец, по одному или по два на каждом пальце, на плечи наброшено аргентинское пончо.

Я услышал, как на стоянку перед отелем заехала машина — большой черный фургон «эконолайн» с затемненными окнами. Открылась боковая дверь, послышались приглушенные голоса — из фургона выгружалась целая компания.

Я снова повернулся к менеджеру.

— Добрый вечер. Номер на одну ночь найдется? — спросил я у нее.

— Найдется. Обычный или сюит?

— Сюит? — чуть озадачился я, подавив в себе желание провести ночь с повышенным комфортом. — Нет, мне просто номер.

— Можно просто номер, — чуть улыбнувшись, кивнула мексиканка и ее темные пухлые пальцы забегали по клавиатуре.

— Это те, кто здесь останавливался? — я посмотрел на целый ряд черно-белых портретов, висящих за стойкой.

— Точно, — кивнула она, подняв глаза на меня. — Тедди Рузвельт, Бутч Кэссиди, Каламити Джейн, Баффало Билл, Том Хорн [13]. Присоединяйтесь к компании.

Дверь за спиной открылась, я увидел группу людей, входящих в холл. Пятеро или шестеро. Впереди шел рослый толстяк в клетчатой куртке и коричневом «стетсоне», которого я, кажется, видел возле офиса шерифа. Точно местный, лицо запомнилось. Толстяк сходу заговорил, приветственно помахав рукой:

— Луиза, у нас забронированы три номера, как насчет разместить людей?

— Бен, подожди минуту, у меня клиент, насколько ты видишь, — коротко улыбнулась ему мексиканка.

Дверь в холл снова открылась, впустив еще двух человек.

Я или сплю, или брежу.

Настя.

Джинсы, куртка, рюкзак на одном плече, светлые волосы, собранные в такой же хвост, как и у Луизы. Все такая же красивая. Все такая же моя. Женщина, без которой я не могу жить.

Ее неверящий взгляд. Она даже лицо ладонями потерла, словно стараясь избавиться от сна.

— Ты?

Осторожный шаг вперед.

— Ты? — шагнул я навстречу.

Настороженные взгляды окружающих. Толстая ладонь Бена незаметно сместилась к кобуре.

— Анастэйша? Мэм? Все хорошо? — спросил он, явно собираясь встать между нами.

— Все хорошо, Бен, — сказала Настя, снова шагнув в мою сторону. — Все очень хорошо. Просто прекрасно. Ты даже не понимаешь, насколько хорошо.

— Даже я этого пока не понимаю, — сказал я, обнимая ее и прижимая к себе так сильно, как только смог.

**КОНЕЦ**

вернуться

13

Тедди Рузвельт — один из наиболее знаменитых и ярких президентов США.

Бутч Кэссиди — знаменитый бандит, напарник Сандэнса Кида.

Каламити Джейн — знаменитая женщина-стрелок.

Баффало Билл — в представлении не нуждается.

Том Хорн — самый знаменитый из так называемых «сток-детективов», которых нанимали богатые ранчеры и которые преследовали конокрадов и угонщиков скота. Раньше в Вайоминге и окрестных штатах была настоящая эпидемия этих угонов. Вокруг каждого богатого ранчо обреталась своя банда конокрадов. Том Хорн прекрасно владел винтовкой и постепенно перестрелял наиболее заметных конокрадов, укладывая их дальними выстрелами. Остальные просто разбежались. Сам Том Хорн закончил плохо — был, судя по всему, ложно, обвинен в убийстве четырнадцатилетнего мальчика и оказался на виселице.

mir-knigi.org